

НИКОЛАЙ ЗАДОРНОВ

СИБИРИАДА

Цунами

Адмирал Путятин

Николай Задорнов

Цунами

«ВЕЧЕ»

1972

Задорнов Н. П.

Цунами / Н. П. Задорнов — «ВЕЧЕ», 1972 — (Адмирал
Путятин)

ISBN 978-5-4444-9277-2

Николай Павлович Задорнов (1909–1995) — известный русский писатель, заслуженный деятель культуры Латвийской ССР (1969). Его перу принадлежат исторические романы об освоении в XIX веке русским народом Дальнего Востока, о подвигах землепроходцев. Роман «Цунами» продолжает рассказ о славной истории дальневосточных земель, начатый в романах «Капитан Невельской» (том 1, 2), «Война за океан» (том 1, 2). В нем повествуется об экспедиции сподвижника Г.И. Невельского адмирала Е.В. Путятина в декабре 1854 года на фрегате «Диана».

ISBN 978-5-4444-9277-2

© Задорнов Н. П., 1972

© ВЕЧЕ, 1972

Содержание

Русская Одиссея	6
Цунами	7
Глава 1. Мыс Лазарева	7
Глава 2. Два новых порта	15
Глава 3. Переход в Японском море	25
Глава 4. Абордаж	31
Глава 5. Прием в Хакодате	35
Глава 6. В кают-компании	42
Глава 7. Священные тайны	48
Глава 8. Черные корабли в заливе Эдо	55
Глава 9. Кавадзи	73
Глава 10. Дипломатия князя Мито	78
Глава 11. Единство и решимость	84
Глава 12. Послы	90
Глава 13. Начало землетрясения	98
Глава 14. Цунами	104
Глава 15. Кога Кинидзиро	110
Глава 16. Неофициальные встречи	116
Глава 17. Курорт Атами для эдоских самураев	125
Глава 18. Переговоры в храме Гёкусэнди	132
Глава 19. Черные пески	147
Глава 20. Традиционное гостеприимство	156
Глава 21. Сангенья (три дома)	160
Глава 22. Фудзи-сан	168
Глава 23. Мир не без добрых людей	176
Глава 24. Адмирал Стирлинг	180
Глава 25. Первый чертеж	199
Глава 26. Тени в старом замке	204
Глава 27. Через горы к морю	210

Николай Задорнов

Цунами

© Задорнов Н.П., наследники, 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2017

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

Русская Одиссея

Более двухсот лет Япония была закрытой страной. Поэтому кораблей у нее не было. Рыбачкам разрешалось иметь небольшие лодки и ходить вдоль берегов в пределах видимости. А любой иностранец, чья нога ступит на землю Японии без разрешения, должен быть казнен.

Как случилось, что более чем восьмистам русским морякам и офицерам, потерпевшим кораблекрушение, высочайшие власти Японии позволили в период действия самых жестких самурайских законов почти год прожить в прибрежных деревнях? Какие необычайные романтические, приключенческие, шпионские, дипломатические истории завязались в результате? Эту невероятную, но достоверную историю отец описал в своей «русской Одиссее» настолько точно, что его романы были изданы даже в Японии.

Большинство историков в мире и сегодня уверены, что законсервированную Японию впервые «распечатала» американская «дипломатия»: военная эскадра подошла к японским берегам, навела пушки, пригрозила... Японцы с испугу пустили их на свою землю, а потом, как в голливудских фильмах, американцы очень понравились японцам своим ростом, красивой военной формой, кока-колой и «Мальборо»... О тех событиях даже написана известная опера-мелодрама «Мадам Баттерфляй».

Недавно мне довелось разговаривать с одним высокопоставленным чиновником из российского МИДа. Даже он не знал, что «открытие» Японии произошло не по воле американской пушечной дипломатии, а благодаря дружелюбию и культуре русских моряков. Недаром в японской деревне Хэда и в наше время есть музей, открытый японцами в память о тех реальных событиях, после которых впервые был поднят их железный самурайский занавес. В этом музее, в центральном просторном зале выставлен первый японский быстроходный парусный корабль, построенный на японской земле в тот год с помощью российских офицеров.

Я был в этой деревне. Одна пожилая японка с гордостью поведала мне о том, что и сейчас в Хэда иногда рождаются голубоглазые дети.

И сегодня, когда до сих пор не подписан мирный договор России с Японией, а дети в японских школах благодаря американским фильмам думают, что даже атомные бомбы на их города сбросили русские, романы отца, как никогда ко времени!

Михаил Задорнов

Цунами

Глава 1. Мыс Лазарева

На бревенчатой, конопаченой стене, на глаголе деревянной перекладины, висел желтый фонарь из рыбьего пузыря.

Молодой контр-адмирал в узком сюртуке без эполет встал из-за стола, открыл фонарь и засветил фитиль в плошке, и на пузыре проступили нарисованные рыбы глаза и красные иероглифы. Он мгновение смотрел на фонарь, словно согревался от огня.

Пожилой матрос в белых перчатках поставил горячий самовар на стол и зажег свечу в медном подсвечнике. Пламя ее засветилось в медном начищенном самоваре. Матрос подал в блюде на салфетке белый хлеб, нарезанный тонкими ломтями, и разлил чай.

Пожилой адмирал тронул стакан с крутым горячим чаем и задержался на его стекле хваткой ладонью. Суровое длинное лицо его стало теплей.

Он помешал ложечкой в стакане и дважды прихлебнул почти крутой кипяток. Его лицо с крупным носом и густыми бровями обветренно и смугло, как у солдата-лесоруба. Пока молодой адмирал мешкал, садясь на место, пожилой адмирал уперся взором в скатерть и мысленно ушел. Выражение жесткого лица еще более смягчилось едва проступившей тайной улыбкой.

Молодой уселся на табуретку. Оба адмирала взялись за стаканы и, как по команде, подняли головы, обратились друг к другу.

Молодой адмирал не согласен со многими видами своего гостя адмирала Путятина, хотя и признает его доблесть, замечательную находчивость и даже восхищен сегодня тем, что приходится слышать на прощание.

Пожилой адмирал, в свою очередь, не согласен и охотно бы пренебрег мнениями своего молодого хозяина, только что произведенного в контр-адмиралы Невельского. Он вообще во многом не разделяет его взглядов, хотя и признает его деятельность. За эти годы произошли удивительные события с его участием, и какое из них важней – трудно предугадать пока.

За стеной пронесся ветер. В окне видно прозрачное высокое небо, до половины, как серым одеялом, закрытое тьмой. На море волны и холод. Сегодня после солдатского обеда в двенадцать часов оба адмирала еще не присели.

Ниже потемневшего небосвода, невидимый из окна, но виденный не раз, близкий за узким проливом, как лес за рекой, подходил к матерiku сахалинский мыс Погиби. Молодой адмирал мысленно видел весь остров, от нанесенных им на карты северных мысов с прибрежными болотами до угольных ломов, заведенных по его же приказанию в каменных боках хребтов над этим проливом и дальше до цветущих берегов залива Анива на самом юге острова Сахалин, где среди айнских селений еще недавно стояла напротив торговой фактории японца русская крепость с гарнизоном и пушками. Но адмирал-гость нынешней весной после долгих колебаний снял эту крепость и вывез гарнизон, стоявший в заливе Анива, на материк. Теперь он, воодушевленный и полный решимости, снова уходил в Японию.

В сырой высокой, как хоромы, избе, на самом крайнем мысу материка, на берегу открытого им пролива напротив острова, Невельской терпеливо слушал и ждал, что же будет сказано еще.

– Глухарев пришел, ваше превосходительство, – входя, сказал матрос в белых перчатках.

– Пожалуйста, пригласите его, – сказал адмирал-гость и, не теряя осанки, но почтительно поклонился через стол своей мощной, прямой фигурой, отдавая полную дань вежливости хозяину.

– Пусть Глухарев зайдет, – велел молодой адмирал. Свет фонаря через красные иероглифы ударил на его поднявшийся высокий и крутой лоб во вздымающихся зачинавшейся лысины. Холодные глаза в голубизне вечернего тумана скользнули по лицу гостя.

Матрос с рыжими колосьями бровей и пшеничными усами на бронзовом узком лице шагнул на слегка кривых ногах в дверь. Он от души пожалел своего адмирала: «Скудненько тут угощают!» Глухарев ждал, что обрадуется, повидав адмиральский пир. Было бы ради кого терпеть матросу!

– Работали дотемна, Евфимий Васильевич, – сказал Глухарев. – Как теперь прикажете?

– Тебе надо сейчас возвращаться с вещами на корабль. Что же еще не окончено, Глухарев?

– Борта обшиты, Евфимий Васильевич. А теперь они зазоры законопатят, пенька у них своя набрана достаточно. Осмолят пазы, обстругают, и будет гладкий как яичко. С инструментом, Геннадий Иванович, все закончат, – обратился Глухарев к молодому. Он хотел сказать, что инструментов не хватает и нет опытных корабельных плотников. Строили плотники с «Дианы» и обучали солдат, которые прежде ладили барии для сплава по реке.

Баркас получился большой, неуклюжий как утюг, но тут его никто не увидит, зато груза возьмет много.

– Не осудят, Евфимий Васильевич, так и возьмет груза! Конечно, баркас не пароход. Для себя сойдет! Да и ни за что не платили, даром! Кабы время...

Глухарева, кажется, радовало, что баркас построили, ни за что не платя. Матросы на ломках угля на Сахалине тоже, бывало, приходили в восторг, что уголь, за который обычно англичанам платили бешеные деньги, тут брали даром и сколько угодно!

Адмирал Путятин велел матросу идти и проводил его взором, вспомнив, как жена в Париже сказала, что слегка кривые ноги у мужчины – это шарм. Адмирал быстро допил холодный чай и поставил стакан под кран самовара.

Он съехал сегодня на берег вторично, чтобы проститься перед уходом в плавание, и привез подарки. На столике, в углу, сложены желтоватые японские коробки из дощечек легчайшего, как вата, тунгового дерева, в них – веера и лакированные шкатулки, чайные сервизы и чашечки, назначенные в подарок юной красавице Екатерине Ивановне, жене молодого адмирала, которая живет в ста милях отсюда в новом городе над рекой, в таком же сыром бревенчатом доме. По утрам она станет открывать эти шкатулки, искоса любуясь своей свежестью в посланном ей еще прежде тройном французском зеркале.

– Японцы довольно осведомлены о развитии наук и прогрессе во всем мире, хотя и обнаруживают все с величайшей осторожностью, – продолжал свой рассказ Евфимий Васильевич Путятин. – Их общество, глубоко аристократическое, в совершенстве и педантично соблюдающее непреложные законы этикета, озабочено известиями, получаемыми со всех концов света. Запретный плод сладок. Тяга их к миру велика и проявляется со всей силой сдерживаемого темперамента. Они сознают неизбежность перемен и представляют, что далее держать страну закрытой невозможно и даже опасно, это значило бы оставить ее безоружной и неразвитой. В Шанхае и Гонконге, а также на Окинаве, встречаясь с американскими офицерами эскадры Перри, мы не раз слышали от них, что, прежде чем снарядить экспедицию в Японию, президент Фильмор, его государственный секретарь и морской министр потребовали обзора сведений о внутреннем состоянии страны. Адмирал Перри получил отчеты допросов, снятых с японцев, которые тайными путями достигли Гавайских островов, а потом берегов Америки, а также с японских рыболовов, отнесенных бурями за моря. Американцы шли, уверенные в успехе своего посольства, не только потому, что собрались с силой.

Молодому адмиралу казалось, что гость его, побывав в Японии и сблизившись с японскими сановниками, так познал японскую жизнь и вжился в нее, что теперь судил, как бы глядя из ее глубины. Под властью петербургских своих покровителей он был всю жизнь оторван от

своих же собственных интересов. А следом за Перри идет с научными целями опасная эскадра Рингольда и Роджерса! Она станет описывать Охотское побережье и Сахалин. От управляющего Морским министерством Невельской получал из Петербурга секретные инструкции, как гостеприимно, но соблюдая государственные интересы, следует действовать при подходе американцев к нашим берегам. Бумага пришла, когда Рингольд в Америке лишь начинал готовить корабли к плаванию.

Надо было не убирать крепость с Сахалина и дать там бой англичанам, заставив их напасть на эту крепость, даже сжечь ее, если силы не будут равны, а самим уйти в тайгу. Пусть джеки придут на пепелище. Пусть айны и японцы увидят, что мы защищаем эту землю.

Следом за англичанами и американцы хлынули в Тихий океан, они теперь повсюду, торгуют, изучают и показывают свою морскую мощь. Главной силой их в Тихом океане была экспедиционная военная эскадра Перри, посланная в Японию. Государь император, как благородный рыцарь, повелел при этих обстоятельствах идти адмиралу Путятину в Японию. Он протянул руку помощи японскому государю, как монарх монарху.

Возникло предположение, что система отчужденности в Японии будет отменена, японцы откроют порты и начнут торговать с европейскими странами.

Пайщики Российско-Американской компании в Петербурге оживились, надеясь на новые выгоды. Канцлер Нессельроде – сам пайщик компании, которая владеет Аляской. Адмирал Путятин получил инструкцию. Ему предписано главнейшей целью считать заключение торгового договора с Японией.

В это время Невельской писал с устья Амура, требуя как можно скорей занимать Сахалин, сообщал про угольные залежи на острове.

Перри рассчитывал, что сопротивление японцев будет упорным, с ними придется провозиться годы. Американский коммодор, чтобы удобнее было действовать, намеревался занять базу поблизости от Японии. Американцы могли появиться в заливе Анива на Сахалине.

Невельской понимал, что если американцы займут Анива, то не уйдут оттуда никогда. Придя в Японию, адмирал Путятин послал шхуну «Восток» к Невельскому за известиями. Евфимий Васильевич, размышляя вдали от Петербурга, переменял свои взгляды на наши дальневосточные дела. В докладе правительству сообщал он, что не открытие торговли, а проведение четких границ, обеспечивающих и России и Японии мир и сохранение достоинства, считает главной своей целью.

Он держался в Нагасаки как посол преданного друга Японии.

Да, вот рассказывает, что, кажется, не тому государю руку протянули, что подлинный глава Японии все же не сиогун, а другой, скрытый от людей духовный император, чья власть от богов и кого светский властитель-сиогун, видно, держит в повиновении.

Но кто же теперь встретит американскую эскадру Рингольда, когда она подойдет к самому важному пункту Сахалина в заливе Анива? Айны в смятении, они нас поддерживали, а теперь не знают, как нас понять. Рыдали, провожая наши суда. Им объяснили, что началась война и все войска для битвы против англичан и французов собираются в одном месте. «Где? В океане?» – спрашивали айны. Да, мы предали их. Отдали их врагам.

С ужасом глядели они на вдруг явившиеся в эту весну к их селениям японские джонки, набитые солдатами.

Страшная сумятица и какое множество событий! Англия и Франция объявили нам войну. К нашим берегам идет научно-исследовательская экспедиция американцев. В Японии побывала мощная эскадра адмирала Перри. Мы хотим заключить торговый договор с Японией. Адмирал Путятин идет на величайший риск.

«Но чем же торговать с Японией? Аляска даст меха?» – хотел бы спросить Невельской. Но чувствовал, что у Евфимия Васильевича своя сложная система действий и что сегодня уж не надо сбивать его с толку своими советами и нет надобности воодушевлять его своими

планами перед тяжелым плаванием. Ссоры и разногласия закончились, и оба они оставались перед лицом врагов и опасностей и должны дать друг другу свободу действий и поддержку.

Евфимий Васильевич опять ушел мыслями.

Он явился из Кронштадта с эскадрой в Нагасаки 9 августа прошлого, 1853 года и простоял там чуть не полгода с перерывами. Нагасаки – единственный порт закрытой страны, куда дозволено приходить иностранным кораблям для переговоров.

Из столицы Японии присланы были послы японского правительства. Люди порядочные и серьезные повели переговоры умно и наконец, заметно ослабив сопротивление, дали письменное обещание, что с Россией будет подписан договор о дружбе и торговле прежде, чем с другими державами. Но если с какой-либо другой державой Япония подпишет договор раньше, чем с Россией, то все права, предоставленные по договору третьей державе, будут предоставлены и России.

Так первое письменное обязательство японцы дали не американцам, а Путятину! Какая перемена в политике японцев! Но послам надо было вернуться в далекую от Нагасаки северную столицу и получить согласие высшего правительства и молодого, только вступившего на престол сиюгуна. А тот снесется с императором, замкнуто живущим в Киото, с потомком богов и как бы живым богом, по понятиям японцев.

Началась война России с Турцией, а потом с Англией и Францией. Адмирал ушел из Японии к берегам вновь открытого Невельским и возвращенного России Приамурья с тем, чтобы вторично встретиться с японскими представителями на Сахалине. Но из-за войны встреча не состоялась. Так полагает Путятин. Невельской полагает: из-за ошибки Путятина встреча не состоялась. И теперь уж не с эскадрой, а с единственным кораблем адмирал пойдет искать встречи с японскими послами и продолжать переговоры.

Команда вооружена до зубов. Пушки поставлены на «Диане» повсюду, где только возможно. Все взято с этих берегов для экспедиции – лучшие офицеры и матросы со всех кораблей, лучшие орудия, запасы ядер и пороха и лучшее продовольствие.

– Кавадзи и старик Тсутсуй не являются членами высшего правительственного совета в Эдо, – говорил Путятин. – Но очевидно, что имеют на совет влияние и пользуются его доверием, может быть, даже, как люди практические, диктуют совету свою волю. Сколько в них такта, умения, осторожности, какова логика! Впору их в любую петербургскую гостиную, как говорил Иван Александрович Гончаров. – Первый из европейцев адмирал нашел с высшими чиновниками Японии общие интересы и составил дружеские знакомства.

Кавадзи – опасный противник. Гончаров от него в восторге и описал в нескольких корреспонденциях! Высокого роста, вальяжный, со смелым взглядом больших глаз, с большой выдержкой этот Кавадзи. Но, говорят, тоже колебался, не был уверен, что не увезут его из Японии в плен, если поедет на прием на судно.

Сначала очень осторожны были послы, но потом лед растаял. И на прощание уже совершенно по-европейски Кавадзи пожал протянутую руку адмирала. Путятину даны обещания, что с русскими Япония заключит договор о дружбе, торговле и границах на основе принципа наибольшего благоприятствования. А нагасакские губернаторы – родовитые князья, – не зная новой политики правительства бакуфу¹, составили оппозицию Старику и Кавадзи. В Нагасаки образовались две враждебные партии. На «Палладе» стало известно об этом, и немало смеялись. Всюду, даже в закрытой Японии, одно и то же!

Иронизирует губернатор Сибири Николай Муравьев и составляет старому адмиралу оппозицию, как нагасакские губернаторы столичным послам. Но дела предать нельзя, дело начато, оно многообразно, оно и в официальных и в человеческих отношениях, начатых, завязавшихся, требующих развития! Да разве можно этим пренебрегать? Перед отплытием адми-

¹ Так называлось правительство в Японии. Точно – палаточная стоянка.

рал Путятин, рассказывая свои впечатления от Японии и японцев и сам проникнутый чувством приближающейся опасности, все более увлекал молодого адмирала, объясняя ему значительность предстоящих действий. Путятину нравилось, что Геннадий Иванович Невельской миролюбив. Его офицеры и казаки, распространяя свое влияние на огромной территории, за пять лет не сделали ни единого выстрела по человеку! Пример небывалый в современной истории!

...Кавадзи подарил адмиралу отличную самурайскую саблю, какие носят японские рыцари, и сказал, что при испытании этой сабли на преступниках были срублены сразу три человеческих головы, а что спиной хребет и кости она резала потом вдоль, легко, как хрящи. Подарок дорогой, да и объяснение к нему прибавлено! Знайте, пришельцы, всю холодность и жестокость воинов Японии. При исполнении долга они не знают пощады ни к себе, ни к врагу. За все время переговоров у Кавадзи его праздничный, как бы мундирный халат был застегнут не слева направо, а справа налево. Как полагает наш востоковед и секретарь адмирала Гошкевич, такая застежка означает своего рода траур. Готовность к смерти, обреченность! В любой миг пожертвовать своей жизнью или жизнью отвечать перед государством за какую-либо оплошность при переговорах!

«Японию нельзя отдать под влияние враждебных стран, позволить подчинить ее и создать из нашего соседа вечного нашего врага!» – полагает адмирал-посол.

«Создадут и вооружат! И заставят друзей стать врагами! – это мнение Муравьева. – Дадут им в руки современное оружие и укажут на нас – вот ваши враги».

«Надо крепко стоять на позициях и заводить земледелие и судостроение на Амуре и на Сахалине, и угольные ломки», – полагает Невельской.

– Японцам очень нравились Посьет и Гончаров, принимавшие их и старавшиеся занимать гостей. А поначалу Гончарова посчитали за шпиона...

– Не может быть! – всплеснул руками молодой адмирал. – Да он, верно, с любопытством слушал их и наблюдал молча. Вот им и показалось! У них при переговорах всегда присутствует молчаливый чиновник-шпион.

– Он вмешивался всегда в разговор послов, – недовольно сказал старый адмирал. – У них не принято и не прощается.

Жена Евфимия Васильевича теперь в Петербурге. Любя его со всей фанатичностью англичанки, преданной идее, она стала истой православной и горячей поклонницей его открытий. В Париже в православной церкви заказывала молебны. С войной переехала в Россию. Теперь живет с детьми в родовом имении Путятиных, в селе Пшеничище близ станции Волховской на Московском тракте. И вот не к ней, а от нее, опять от нее, еще дальше, в большое плавание! Евфимий Васильевич улыбнулся, вспомнив ее последнее письмо. Вчера дребезжащий паровой катер доставил через лиман свежую почту.

«Внутренний помощник» – по понятиям японцев. У них отношения семейные скрыты, в обществе женщина не видна, не имеет, казалось бы, никакого значения. Но в семейной жизни ее сила могущественна.

Матрос унес самовар, слышно было, как доливал его, как гудела труба.

– Французские зонтики оказались японцам хороши. Послы осматривали их с видом знатоков. Сказали, что невозможно не восхищаться. Парижские зонтики!

– При всей преданности японцев семьям они не скрывают, что существует многочисленный класс женщин, предоставленных для удовольствий знатных и богатых мужчин... В веселых домах ищут удовлетворения самых грубых и низких потребностей, для чего и избирают очень молоденьких и прелестных собой девиц из бедных семей.

– Рыцарь может без особого наказания разрубить торговца, если тот с ним недостаточно почтителен.

– А что же айны, по их понятиям?

– Послы доказывают, что айны, где бы они ни жили, принадлежат японцам.

– Они и мне это доказывали. Должны додушить и выморить айнское племя, забирая женщин и заставляя рожать от японцев. И заселяя их селения... Шалишь! – Невельской сжал волосатую руку в кулак.

Все окно стало красным, и можно, кажется, гасить горевший всю ночь японский фонарь.

Кто бы упрекнул Евфимия Васильевича, если бы он, как Гончаров, возвратился в Петербург! Кавадзи и Тсутсуй толковали в Нагасаки, что соскучились о семьях, находящихся в столице, и вполне понимают русских, два года как ушедших в плавание. А нынче уже не два, а почти три.

Жена в Париже ездила по магазинам, выбирала зонтики. Так милы бывают ее выдумки. Послала от себя столько нежности в таинственную страну. Дамы в Эдо, конечно, поймут.

Одна за другой из Петербурга получены почты. Первый международный договор в истории Японии заключен с Америкой. Но подробности наши газеты не сообщают. Не интересно для петербургского общества. О пустячных новостях из Европы пишут обстоятельно, а об американском договоре – бегло. Посылал Невельской офицеров в море на шлюпках, чтобы найти китобоев-американцев и узнать от них подробности.

...На Окинаве, под пальмами, американец взял за тонкую руку королевского племянника... В Шанхае английский лейтенант рассказывает про Парфенон... В Гонконге томила жара, а потеки на палубе не просыхали. «Хай-хай!» Японские переводчики кланялись, и сабли их вздымались, как хвосты... Здесь скоро наступит холод, взойдет слепящей красоты солнце. И появятся льды. А нам идти в теплую страну.

– Евфимий Васильевич! – воскликнул Невельской. – С его высочеством великим князем Константином Николаевичем мы были у султана Мухаммеда в Константинополе. Султан умен, наружностью похож на греческого попа. Но неужели мы не отбросим глупую мечту о проливах? Да Сахалин нам нужнее в тысячу раз, и бухты здесь нужней, и Золотой Рог найдется без султана и без Константинополя. Отвоевать святые места? Гарнизон туда пошлем, в это людское месиво? Англичанам мало дела до святых мест, они мощей не признают. А что нам нужно здесь? Топоры и мука! Здесь каждый солдат должен быть плотником! И все! А подлец подлецом останется.

Путятин знал, в чей огород камень. Подлецом осмеливались называть здесь канцлера и министра иностранных дел России. О нем Невельской не мог говорить спокойно.

– А что же в Китае? Как встретили вас в Кантоне?

– В Китае идет жестокая гражданская война. Вся страна охвачена народным восстанием. Повстанцы захватили Нанкин, стоят у Шанхая, сражаются под Кантоном. Полчища их движутся к Пекину. Глава повстанцев Тайпин Ван, как его именуют, объявляет, что европейцы-христиане – братья китайцев, что, захватив власть в свои руки, он и его сторонники уничтожат торговлю опиумом. Английским коммерсантам такое заявление не понравилось. Главной целью повстанцы поставили перед собой уничтожение царствующей маньчжурской династии.

Это было до прихода экспедиции Путятина в Японию. По пути из Кронштадта адмирал с фрегатом «Паллада» и со шхуной «Восток» заходил в Англию, на Капский мыс, в Сингапур и Гонконг, а потом в Кантон и Шанхай.

Да, адмирал был и в другой закрытой стране – в Китае. Но его считают лишь открывателем Японии, а про его деятельность в Китае не упоминают. А он все время изучал Китай и китайцев.

Вторая часть инструкции, которая дана Путятину правительством, – о Китае. Ему предписывалось зайти в китайские порты. Цель – установление торговых отношений морем. «С морской стороны», как сказано в инструкции. Китайцы после войны с англичанами уступили им остров, на котором построен новый город Гонконг, и открыли для торговли с иностранцами пять своих портов. Русские суда для торговли не допускаются. Российско-Американская ком-

пания ведет небольшую морскую торговлю с Китаем, посылая свои товары на имя американского торгового дома Рассел в Шанхае. В инструкции, которая адмиралу дана в Петербурге, указано, что для будущих наших торговых видов желательно, чтобы Россия получила доступ в открытые порты «наравне с прочими». Путятину велено, прибыв в Шанхай и ознакомившись с китайским начальством, добиваться дозволения нашим купеческим судам приходить в Шанхай и другие порты. Собирать сведения об американской торговле, о китайских торговых оборотах, о ввозимых в Китай товарах, о народном восстании, об отношении к нам китайцев и их правительства.

«Вон куда они махнули! – подумал Невельской. – Им – все свое!»

В Гонконге Путятин был очень дружелюбно встречен английским обществом. Он решил из Гонконга идти в соседний китайский город Кантон, куда генерал-губернатором и командующим войсками, сражающимися против повстанцев, назначен был от китайского правительства сановник по фамилии Е.

Губернатор Гонконга уверял Путятину, что вряд ли что получится. Английский губернатор и посол за два года лишь один раз смог свидеться с Е.

Но Путятину надо было позаботиться о компанейских пайщиках и исполнять инструкцию. Он перенес свой флаг на паровую шхуну «Восток» и, пройдя между многочисленных голых островов, окружающих Гонконг, вошел в устье реки Жемчужной, поднялся до Кантона и встал напротив города.

Е ответил сразу на письмо адмирала. Россия производит с Китаем сухопутную торговлю через Кяхту, поэтому морская торговля для русских будет убыточной. Порты Китая закрыты для России. Торговые суда русских не могут приходить в Китай. Идет война, враги стоят у Кантона, и генерал Е занят военными делами и не имеет свободного времени для приема адмирала.

Про военные суда русских Е ничего не писал. Запрета, значит, не было.

В Шанхае Путятин остановился у американца Канингхама, уполномоченного фирмы Рассел, торговавшего компанейским товаром. Канингхам – американский консул, и одновременно он – русский консул.

За обедами у Канингхама адмирал перезнакомился с шанхайскими английскими купцами. Им известно, что Путятин служил в Англии, женат на англичанке. Об этом не говорили, как принято в хорошем обществе.

Нессельроде был прав, назначая Путятину командующим экспедиционной эскадрой. Содействие и доверие англичан Путятину выказывались более, чем кому-либо другому. А Рикорд хотел, чтобы в Японию шел Муравьев! Английские купцы жаловались на китайцев, советовали адмиралу действовать решительней.

Известно, что русские суда идут на Аляску и Камчатку, и для этого Путятин запасался в Шанхае углем и продовольствием. Но вскоре всем стало известно, что адмирал зайдет в Японию. И эта цель Путятину была понятна англичанам.

Впоследствии, приходя в Шанхай для пополнения продовольствия, как считалось, Путятин узнал от Канингхама о движении американской эскадры, о приготовлениях английских и французских эскадр к войне и получил все необходимые сведения о торговле англичан. Англичане ввозили в Китай сотни тысяч дюжин изящных носовых платков, скатерти, женское белье, изделия из коттона, гвозди, инструменты, ласточкины гнезда для аристократических кухонь и опиум. Вывозили: чай, рис и бобы, шелка и фарфор. Год от года ввоз и вывоз всех товаров быстро рос.

Канингхам обещал продолжать сбор сведений.

Казалось бы, Путятин сразу же обогнал Перри, установив с японцами лучшие отношения и получив их обязательство. Но что же теперь? Перри воспользовался войной. Он заключил договор, обогнал Путятину.

Путятин не хочет отступать. Он снова идет...

– Основатель Гонконга Эллиот, говорят, отличный художник и разочарованный человек, – сказал Путятин. – Его сами же англичане удалили и не признают.

Дверь распахнулась, и открылся вид на высокое и чистое совершенно красное от разгоревшейся зари небо. Донесся утренний, особенно чистый и свежий, воздух. Море шумело легко, и кричали птицы.

С трапа, перекинутого из новой избы без крыльца на траву, молодой офицер перешагнул через порог.

– На вельботе прибыл за вами, Евфимий Васильевич!

Адмирал Путятин встал. Адмирал Невельской погасил фонарь и свечу.

По отмелям и между пеньков солдаты шагали на салют к батарее. Пахло казармой, карболкой и табаком. На пристани строился почетный караул и сверкали трубы оркестра.

К вельботу адмиралы шли по завалам мокрых водорослей, как по свежему селу в воде.

Наступал день отплытия в большое и трудное плавание, 24 сентября 1854 года.

На пустынном просторе печально стояли два корабля без парусов.

Глава 2. Два новых порта

Тяжело груженный фрегат с заполненными парусами шел легко, рассекая ударами форштевня накаты мутных волн. Над пеной волн неслась молодая богиня с высокой грудью и гордо поднятой головой. Она, казалось сейчас свободному от вахты лейтенанту Алексею Сибирцеву, вела на открытие этот стройный корабль со всей массой офицеров и матросов.

Алексей так и сказал Вере год назад, когда уходили из Кронштадта, чем немало смутил ее. Право, Верочка Вергильева походит на Диану; дать ей копьё в руки, лук, диадему как месяц и – на колесницу. Вера высока ростом, почти с Алексея, отлично ездит верхом, в бальном платье ее белые плечи как у метателя диска.

Какие диадемы и сокровища привезет ей Алексей Сибирцев из экзотических стран?

Вот она ведет нас, может быть, на подвиг, не страшась пляски гребней, скользит над волнами, и потоки струй, как ее распущенные волосы, охватывают весь корабль. Затекли по краям и почернели нижние тяжелые паруса.

Девственная богиня и адмиральский флаг на мачте – вот символы, под которыми пройдет плавание, а может быть, и неравная смертельная схватка с врагом.

Адмирал, верно, готов ко всему, он знает, на что идет. Вон на мостике его высокая фигура в фуражке с красным околышем. Евфимий Васильевич сумрачно смотрит на отдаляющийся берег.

Мыс Лазарева с сопкой в скалах отплывает за кормой. Сдвигаются березняки в желтой листве и вырубки с казармами и офицерскими флигелями, насыпи земли с торчащими жерлами корабельных орудий. Мыс становится все ниже и длинней, словно вытягивается, и наконец сливается с тайгой на Сахалине в сплошной берег, закрывая пролив, как ворота.

«Остров богатств и пастбищ... Климат умеренный» – так прочел недавно Алексей Николаевич в книге Крузенштерна из адмиральской библиотеки.

Будущие поколения построят мосты, соединят остров с материком. Уже сейчас здешние деятели мечтают о смелых планах и хотят протянуть железную дорогу от Петербурга к берегам Тихого океана, пробивая хребты и перекидывая мосты через реки и проливы.

Повернувшись на каблуках, Алексей Николаевич прошел за рубку. Полукруглую корму фрегата ниже огромного двуглавого орла и балкона адмиральской каюты облегал кранец, сплетенный из канатов в форме полумесяца.

На длинном буксире, роясь в волнах, шла вдали разоруженная «Паллада». Остролицая богиня в шлеме падала лицом на воду, словно рыдая и пытаясь привести себя в чувство. Когда она окуналась головой в волну, ветер вздымал вихри ее поседевших косм.

Молодая и торжествующая «Диана» вела в тихую гавань постаревшую и покинутую богиню. На «Палладе» теперь чужие люди. Как только «Диана» выведет ее подводным каналом, фарватером течения Амура, которое тут продолжается в море, и «Паллада» окажется на глубине, на ней поставят паруса на фальшивом вооружении.

Вон видно, как к штурвалу, где стоял рулевой, подошел коренастый человек в черной шинели с золотыми пуговицами. Он что-то сказал рулевому. Потом быстро перешел к одному из матросов, работавших на палубе, что-то стал объяснять и взял его за ворот куртки. Сразу можно догадаться, что капитан Лесовский отдает распоряжение.

А берег мыса Лазарева уже синь, как далекое облако вокруг купола сопки. «Прощайте, товарищи», – думает Сибирцев. Еще в начале плавания в Атлантическом океане Алексей Николаевич спрашивал Александра Можайского, как должно поступать, когда чувствуешь себя оскорбленным за людей.

Как вообще должен поступать благородный человек в эпоху, когда несправедливость и беззаконие так привычны и многочисленны, что борьба против них представляется чуть ли

не бесполезной? Саша Можайский, увлеченный своими научными экспериментами, кажется, наблюдал лишь за жизнью в физической среде, а не в обществе. Скольжение плоскости в воздухе, фотография и законы светописы, значение гребного винта в воде и множество других предметов целиком поглощали его.

Странно было слышать, когда такой могучий человек отвечал, что каждый из нас бессилен. Однако добавил потом, что не совсем так, а это лишь кажется. Если я бессилен остановить кулак капитана, то я могу помочь человеку в более широком значении... Кто дает деятельность и возможность творить, невольно является моим союзником, и наоборот. Человек бессилен, пока не познает законы природы.

Леша наблюдал в Портсмуте, как глубоко бесправны и нищи люди без средств, или страдающие болезнями, или просто стоящие на нижних ступенях общества, хотя там, казалось бы, все свободны и независимы по закону. А живут в нужде и унижении, но под гипнозом сознания достоинства.

Лейтенант барон Шиллинг, проходя, заметил, что Сибирцев смотрит на «Палладу», где Степан Степанович действует согласно собственным понятиям о долге и дисциплине.

– А у нас теперь можно вздохнуть свободно, пока нет капитана, – приостанавливаясь, сказал барон.

Алексей Николаевич знает – все офицеры рады, что капитан хотя бы временно перешел на разоруженную «Палладу». Впрочем, может быть, присутствие адмирала, поднявшего свой флаг на «Диане», остепенит его.

Капитан нелюбим. Во время перехода через Атлантический и Тихий океаны все узнали его жесткий нрав.

Алексей Николаевич и сам наказывал за небрежность, опасную для всех, когда и не обойтись иначе, по понятиям общим. Алексея и самого били в корпусе, как и всех прошедших через закрытые военные учебные заведения. Били старшие кадеты, когда учился в младших классах, объезжали, вскакивая на плечи и заставляя катать себя. За провинности кадетов начальство секло беспощадно или слегка, но при порке еще постоянно приходилось присутствовать, и иногда весь строй детей в военной форме, вытянувшись перед истязаемым товарищем, не выдерживал, выкрикивая сначала вразнобой, а потом хором: «Хватит, хватит, довольно, довольно!» Детские голоса становились все отчаянней, не слезы, а мужество слышалось в них.

Но за последние годы Алексей Николаевич, более под воздействием гуманных философских взглядов, доходивших в образованную среду морского офицерства через книги, стал ощущать всю свою высоту, чистоту и благородство, когда чувствовал, что руки его чисты, что он не съездил по роже матроса, когда было «положено», а мог бы это сделать, «съездить» его по тройному праву: как нижнего чина, как крепостного и как сам битый, драный, приученный с малых лет к сечке, лупке, порке, дранью, к голоду, к невероятному физическому напряжению и терпению. Знаменитый Иван Федорович Крузенштерн старался смягчить нравы кадетов и способы их воспитания в корпусе, будучи его директором. Но и при нем придерживались все же западной, немецкой, даже прусской, системы выработки характера и мужества в военных учебных заведениях.

Били не только в России. Били в Англии, драли и секли благородных лордов, потомственных моряков. Всюду драли. Поэтому и пробуждался такой могучий протест в обществе всех стран Европы против телесных наказаний. Даже в Америке начинали говорить о правах негров.

В портах строго следили за матросами, чтобы не дрались, не безобразничали. Наверно, ни один флот не являлся в порты государств с такими образцовыми, покорными и прилежными матросами, как русские под надзором унтеров и лейтенантов.

Достойным противником для драк считали англичан. И русскому доставалось, и британцу прилетали плюхи.

«Но ради чего погибнут сотни тысяч молодых жизней в этой войне? – подумал Алексей Николаевич. – Ради гордости против гордости? Осиротевшие семьи пойдут на поклон к меняле, ростовщику, продадут дочерей, попадут в когти, которые куда нестрашней британской гордости». Ему стало стыдно своих мыслей.

– Ваше благородие, – послышался за спиной голос боцмана, – поберегитесь.

Матросы, босые, в парусиновых штанах и в просмоленных куртках, отводили снасть.

На «Диане» почти тридцать офицеров и более пятисот матросов. Адмирал выбрал лучших из экипажей «Дианы» и «Паллады». Остальные офицеры и матросы «Паллады» и «Дианы» временно вписаны на берег в распоряжение адмирала Невельского, который хочет их вооружить топорами.

На «Диане» теперь не всех офицеров знаешь, здороваешься за столом, отдаешь честь или стоишь на молитве, служишь с ними плечом к плечу, но подлинных знакомств с палладскими еще нет. Алексей Николаевич сходитя с товарищами быстро и легко, может свободно заговорить и даже приноровиться к собеседнику. Но, знакомясь, умеет держаться на расстоянии. У него всегда много товарищей, но дружит он с немногими.

По борту быстро, мелкими шажками прошел, никого не замечая, лейтенант Можайский. Он наблюдал полет какой-то черной ширококрылой птицы.

– Здоровый у них лейтенант, – сказал слегка конопатый матрос Василий Букреев, дивясь саженому росту Можайского. – Давеча они с Евфим Васильичем стояли. Так лейтенант выше.

Василий закрепил снасть и стал глядеть на фрегат на буксире.

– Идите, ребята, – молвил боцман Черный.

– Пойдем закурим, – сказал Василию матрос Сидоров.

– И что он все смотрит? – спросил Васька про лейтенанта.

– Верно, хочет нарисовать.

Команда вышколена. Букреев умеет взбежать по вантам, не держась пробежать по рее. Да никогда бы прежде не поверил, что человек на это способен. А прошли годы, и он сам всему обучился. Теперь матрос первой статьи ходит по дереву, как кошка, а не человек.

– Мордобой, сука, на «Палладе»! – сказал Васька про капитана Лесовского.

– Свое отслужила, – задумчиво сказал Митрий.

Корабль шел, не уменьшая парусности. Адмирал на мостике. Он не приказывает рифить. Значит, шторм не разыграется.

«Приготовиться выбирать буксир», – раздался условный свисток. Матросы поднялись и побежали на корму. На «Палладе» отдали буксир. На корме «Дианы» стали крутить лебедку, выбирая канат.

Адмирал откозырял офицерам и сошел с мостика. Лейтенант Пещуров, с юношеским пушком усов на свежем лице, шел с ним рядом крупным шагом, держа ногу. Адмирал шагал тяжелой торжественной походкой. Видно, что он доволен, полон решимости, воодушевления, и это чувство передавалось Сибирцеву и матросам. Корабль, со всей командой и офицерами, казалось, начинал становиться единым живым существом.

Адмирал прошел вниз, к себе в салон. На стене висела сабля, подарок японского посла, та самая, которой срублено при испытании три человеческих головы. Путятину не по душе все эти жестокости, и в свое время он мысленно помолился за упокой душ трех мучеников, погибших при казни.

– Букреев, живо... Корабельного плотника к адмиралу! – сказал боцман Черный.

– Эй, Глухарев, тебе к адмиралу. Он к себе пошел в велел тебя позвать.

– Позовите, ребята, Глухарева... Эй, живо!

– Да вон он, здесь. Чего кричишь? Идет.

Через некоторое время адмирал вызвал лейтенанта Сибирцева.

– Пожалуйста, садитесь, Алексей Николаевич. Довольны вы книгой Крузенштерна? Я бы хотел, чтобы вы занялись японским языком.

– Я охотно... – несколько растерявшись, ответил Алексей Николаевич.

– Пожалуйста, пойдите к моему секретарю, Осипу Антоновичу Гошкевичу, и скажите ему, что я просил заняться с вами японским языком.

– Многие английские офицеры, с которыми мы, видимо, не раз встретимся, – участники китайской войны за право ввозить опиум в Китай, – рассказывал у себя в каюте Гошкевич. Он молод, велик ростом, у него модно выстриженная белокурая голова. Его длинные ноги в полосатых штанах, а по светлому жилету пущена золотая цепочка с брелоками. – Теперь англичане подымут свою китайскую эскадру против нас и пришлют винтовые суда из Гонконга. Новый их город и порт Гонконг – прелюбопытнейшее место. Но климат гнилой. Еще увидим с вами гонконгские крейсера!

Дианские офицеры и матросы с охотой слушают рассказы своих палладских товарищей, побывавших в Японии. Гошкевич сразу после окончания семинарии служил много лет в Китае при православной духовной миссии, которая существует в столице Китая с семнадцатого столетия, с тех пор, когда пала русская Албазинская крепость на Амуре. Тогда китайский богдыхан разрешил открыть в Пекине русскую духовную миссию для взятых в плен на Амуре и уведенных в Китай казаков-албазинцев. В Пекине построили православную церковь, дома для миссионеров, службы, школу для детей и общежитие, и все под черепицей и за низкой каменной стеной, крытой черепицей же. Получив смолоду прекрасную практику в Пекине, Гошкевич свободно говорит и пишет по-китайски, может письменно объясняться с японцами иероглифами, которые в японском и китайском языках разное произносятся, но имеют одинаковое значение. За время стоянок в Нагасаки Гошкевич порядочно изучил японский разговорный язык и собственно японскую слоговую азбуку. Алексей Николаевич полагает, что на занятиях сможет узнать от молодого ученого, дипломатического секретаря еще многое, что очень важно и нужно для офицера, идущего в Японию.

Алексей Николаевич чувствовал, что Евфимий Васильевич, кажется, благоволил к нему. Надо не разочаровать адмирала! Трудная задача, тем более придется учиться по-японски! Никогда бы и в голову не пришло самому что-то подобное.

Поговорили с Осипом Антоновичем, условились о занятиях и разошлись.

На судне тихо, как всегда в самом начале плавания, когда только что пошли. Прекратились суэта, прощания, умолкли голоса. Чувствуется по всему, что дело начато, наступила новая пора. Офицеры разбрелись по каютам, разбираются там с вещами и с делами, может быть, записывают впечатления, каждый ведет дневник. Шутка ли, идем в Японию! Все записки будут потом интересны.

«Пора и мне», – подумал Александр Федорович Можайский, глядя на опустевшую палубу.

Согнувшись пониже, как только мог, чтобы не задеть головой о прикрытие над трапом, мелкими шажками скатился вниз. Вошел в каюту, сбросил шинель и сел к столу, где книги, и наглухо упакованные ящики с серебряными пластинками в футлярах для съёмок дагерротипом, и химические растворы в бутылках. На спинке стула висит пробковый пояс. Саша посмотрел на него. «Что-то будет...» – подумал он и закинул пояс на принайтовленный к переборке шкафчик.

Ночью наверху забегали, началась возня, словно что-то волочили по палубе. Алексей Николаевич засветил свечу и посмотрел на часы. Скоро склянки. Пора на вахту.

Загрохотал якорь. Дважды ударили в рынду. Слышны были крики. Травили канат через носовой клюз.

Лейтенант поднялся наверх. Воздух прохладный, но гораздо теплее, чем на мысу Лазарева. При свете полной луны виден черный силуэт берега. У подножия горы мелькал одинокий огонек.

- Сдаю вахту в совершенном порядке, – сказал лейтенант барон Шиллинг.
- Благодарю вас, господин барон, за отличную погоду. Мы в Де-Кастри?
- Так точно, господин лейтенант. У входа в бухту.
- Спасибо, Николай, – дружественно молвил Сибирцев. – Иди и спи спокойно.
- Спасибо, Алексей!

Подошел старший офицер Александр Сергеевич Мусин-Пушкин, или, как все звали его на корабле, Александр Сергеевич Пушкин. У него густые усы, как щетка, и большие уши.

...На рассвете потянул холодный ветерок, поставили паруса и вошли в бухту. Отдали якорь и выпалили из пушки. С берега ответили из-за берез дымком и слабым выстрелом единорога.

- Даже наказывать людей не за что! – мрачно пошутил Мусин-Пушкин.

Все делалось быстро и аккуратно. И этот камень, как понял Алексей Николаевич, в огород Степана Степаныча. Ведь он бы нашел, за что!

К борту «Дианы» подошел баркас. По трапу поднялись морской офицер с глубоко запавшими щеками и румяный казачий урядник с ружьем. Офицера провели к адмиралу. Урядник отвечал на расспросы матросов.

В баркас погрузили мешки с мукой.

Вскоре офицер, урядник и казаки, сидевшие на веслах, отвалили.

Адмирал пригласил к себе Алексея Николаевича и попросил доставить на берег визит и подарки для Елизаветы Осиповны, супруги начальника поста Александра Васильевича Бачманова.

Солнце сильно грело. Окно офицерского флигеля открыто. На крыльце Алексей услышал, как приятный женский голос что-то читает вслух по-английски. Сибирцев не удивился бы, если б читали по-французски.

Встретил приезжавший на судно офицер. Жена его поздоровалась и вышла из комнаты. На круглом столе английский журнал «Иллюстрированные лондонские новости».

На другом столе бумаги, какие-то планы, циркуль, линейка и карандаши на александррийском листе, прикрепленном кнопками. Начат какой-то чертеж.

Переодевшись, Бачманова возвратилась и пригласила гостя в столовую.

В окно виден барак, крытый корьем, две пушки за земляным бруствером и березы на берегу моря.

Бачманов стал рассказывать про экспедицию, в которой служит. Он, инженер, приглашен Невельским из Петербурга, чтобы построить здесь первый винтовой пароход для будущего Тихоокеанского флота. Но пока ничего этого начать нельзя.

Бачманов послал великому князю Константину проект усовершенствованной паровой машины. В избе, на берегу замерзшего Охотского моря он чертил детали своего изобретения под вой пурги.

Ответ из Петербурга получен сегодня. За отличный проект машины для кораблей с гребным винтом Александр Васильевич высочайше награжден изумрудным перстнем.

Большой док на Амуре строить не разрешено. Южные гавани, как пишет Невельской, занимать пока не велено. В Николаевске строится малый эллинг. Проект машины Бачманова передан столичному заводу.

Бачманов временно назначен, за неимением другой должности, а также по знанию им иностранных языков, начальником поста в бухте Де-Кастри, где надо строить флигель, казарму и склад и придется еще встречаться с иностранцами.

- Ну а какие ваши идеи, молодой человек? – вдруг весело спросил он.

Лешу в глубине души покорило. Под словом «идеи» за последнее время в офицерском обществе принимается бог знает что, и вообще это слово употребляется лишь в ироническом смысле.

– Мои идеи? – в тон Александру Васильевичу, но и с некоторой заносчивостью сказал он. – Умереть за веру, государя и отечество...

После чая Бачмановы предложили пойти прогуляться и посмотреть новый пост. Час оставался у Алексея Николаевича в его распоряжении.

Елизавета Осиповна Бачманова говорила по-русски с легким акцентом.

– Здесь мы лето прожили, как на даче. К зиме мы переедем в город, где мой муж очень увлечен проектом на доке.

У вельбота Алексей Николаевич простился с гостеприимными хозяевами.

В шлюпке он вспомнил про изумрудный перстень и южные гавани. Что-то теплое и заманчивое послышалось Алексею Николаевичу в суждениях супругов. Их тут всех влечет на юг, как в штормовой ветер. Что же там, в этих солнечных гаванях, заросших по берегам дубовыми лесами и виноградом? Сибирцев почувствовал, что и он невольно поддается, что и его тянет туда же. Говорят, оттуда близко до Японии, Китая, Гонконга... Изумрудный перстень, проект новейшей машины, красавица англичанка, березовые леса, тюльпаны в зеленой траве...

Возвратившись на «Диану», доложил Евфимию Васильевичу, что подарки с почтительностью приняты, а в ответ прислана для кают-компании бочка с клюквой и свежая рыба для команды.

Сибирцев не сдержался и заговорил про бухты на юге края.

– Я был на «Палладе», – мрачно сказал Путятин. – Там наше будущее!

Но между ним и этим будущим стояли почти непреодолимые препятствия.

«Госпожа Бачманова – англичанка. Как странно! – думал Алексей, спустившись к себе. – Гарнизон Александра Васильевича наготове для отражения англичан и французов. Жена Муравьева француженка, жена нашего адмирала англичанка. У нее родня в Ливерпуле. В этом обществе и различий не чувствуется. В то же время братья и кузены губернаторши и адмиральши ждут нас в море и постараются пустить на дно. Долг их? Долг наш? Нет, что-то еще не угадано человечеством и, право, обедняет нас. Как это странно. Кажется, начинаешь в путешествии отвлеченно мыслить? Не развивается ли способность анализировать? Или, чего доброго, займешься изобретениями, как Александр Можайский!» Изготовление машин – привлекательнейшее занятие и для Сибирцева.

Через два дня «Диана», спустившись южной, пошла на сплошной «железный» берег, словно желая удариться о скалы и разбиться. Открылись каменные ворота, словно раздвинулись кулисы в театре. На «Диане» убрали паруса, спустили баркасы и шлюпки. Фрегат пошел в каменные ворота на буксире гребных судов.

Сопки горят на солнце осенней желтизной. Да, тут хорошо! Хотя это еще не заветный юг. Жара, как в разгар лета. Дома, склады и казармы с дверьми и окнами, которые забиты досками, начатая церковь – все цело. Даже брустверы укреплений, на которые адмирал нынче летом ставил орудия, снимая их с кораблей. А потом опять пушки пришлось подымать на суда.

Дианские офицеры рассматривали в подзорные трубы заливы и бухты, расходившиеся в глубокую даль между осенних сопки, осыпанных рыжью берез и лиственниц, как мелкой щетиной. Вода неподвижна. Это чистейшее зеркало, не верилось, что неподалеку, за каменными воротами входа в бухту, в отвесы берега била океанская волна.

Алексей Николаевич теперь все сильнее и сильнее желал увидеть таинственные заливы и бухты юга, скрытые за островами среди гор и скал, оплетенных лесами и виноградниками.

... Впервые Евфимий Васильевич прибыл сюда нынче ранним летом, начал укрепляться и ждать врага. Сейчас он почувствовал, что уже связан с этой землей. Не хотелось бы отступиться от начатого тут дела. Он подумал, что придется ему заботиться об устройстве этой гавани,

может быть, со временем строить тут порт, и как знать, не окажется ли это чем-то более нужным и важным, чем многое другое.

Он сам описывал никем не занятые гавани на юге, и самую большую из них назвал в честь Константина Николаевича Посьета.

Узнав, что война началась, он прервал опись и пришел с флотом сюда, в залив Императора Николая, поближе к устью Амура.

В этой гавани не только временное убежище его эскадры, ушедшей от встречи с врагом. Вид просторных бухт, закрытых от ветров, сам за себя говорил. Берег тут приглуб, удобен для устройства причалов, для самых больших судов. И Япония рядом.

Но адмирал знает, что пока еще не смеет обольщаться подобными планами.

Казачи, охранявшие пост, выстроились на берегу. На стене казармы сушились на солнце шкуры лосей и медведей. На вешалах красными гроздьями висит рыба.

– Дьячков, как ты тут управлялся?

– Слава богу, Евфим Васильич.

– А-а! Молодец.

– Рад стараться.

Утром на кладбище, где похоронены казаки и матросы, выстроились две роты из экипажа «Дианы».

– На молитву шапки долой! – раздалась команда. Обнажились головы. Отец Василий Махов в облачении читал молитву. Запел матросский хор. Люди смотрели на бугры, поросшие травой, с едва потемневшими крестами из лиственницы, и почти каждый думал о том, что и где ждет его, в какой бухте и когда придется лечь под таким же холмом...

«Палладу» поставили под лесистым скатом и подтянули канатами, закрепив их за свежие пни. Команда убрала фальшивое вооружение, скатала ненужные теперь паруса. Довольный, раскрасневшийся Степан Степанович возвратился на «Диану». Выкаченные белые глаза его обежали палубу, снасти, ванты, лица людей.

– Казаки с «Палладой» не управятся! – сказал капитан, сидя в салоне у Евфимия Васильевича.

Ночью ударил мороз. Офицеры и матросы, несшие вахту, надели полушубки. Небольшой ветерок с моря жег лица, как в стужу. Утром палубы обоих фрегатов, мачты и все надстройки белы от инея. Белы крыши зданий на берегу. Яркое солнце вышло из-за сопки, ударило горячими лучами, палуба намочла, а на берегу хлынуло с крыш, как в ливень.

– Мне не хочется оставлять тут наших людей. Однако есть опасность, что если поручить наблюдение за «Палладой» казакам, то они не справятся и в случае нападения фрегат достанется англичанам, – говорил адмирал в этот день, идя с Посьетом и Пешуровым над обрывом среди кустарников, на которых кое-где еще уцелели одинокие желтые листья. – Придется половину здешних казаков заменить нашими людьми.

На корабле Путятин приказал капитану:

– Оставьте здесь пять человек матросов. Выберите унтер-офицера, оставьте продовольствие, оружие, порох, все инструменты и зимнюю одежду. До прибытия назначенного сюда адмиралом Невельским нового начальника поста прапорщика Кузнецова с мыса Лазарева назначьте временно исполняющим обязанности командира порта унтер-офицера Мокрушева. В помощь ему останется урядник Пестряков. Он здесь все знает. Пятерых казаков возьмем с собой. Они еще пригодятся. Все зимовали на Сахалине и знают японцев.

Адмирал сам отдавал инструкции унтер-офицеру и уряднику.

– Постоянная вахта должна быть у вас у входа в гавань на острове Устрица. Сами начеку, и все наготове, чтобы корабль взлетел на воздух, едва приблизится враг. Мокрушев, не держи людей без дела. У меня шестьсот человек, а у тебя с Пестряковым десять, и тебе трудней моего. Каждый человек на счету. Не дай бог, начнут ссориться от безделья. Занимай их рубкой леса,

посылай на охоту. Зимой надо выкалывать лед, как делается у нас на Неве. На «Палладе» остался запас муки и соли. Выгрузите все и свезите в амбар. Порох, кроме заряда для взрыва, свезите на берег и поместите в погреб, который вырыли летом. Подведите шнур к пороховому погребу. Держите наготове бочки с порохом на «Палладе». У Пестрякова есть упряжка собак, для них надо наготовить юколы. Надо наморозить рыбы для команды... Занятия продолжать обязательно. Учите людей строю, шагистике и ружейным приемам, чтобы без дела не скучали.

– Да, тут много наших померло. Зимовали экипажи «Иртыша» и компанейского корабля, – объяснял палладский матрос своим новым дианским товарищам. – Если бы мы на «Палладе» не успели, они все погибли бы от цинги и голода.

Адмирал стоял наверху. Отправив десант на берег, он оглядывал с юта синие дали бухт среди желтых лесов и черных скал.

... Можайский объяснял юнкеру Корнилову про светочувствительность серебряной пластинки и про влияние паров ртути на закрепление изображения.

– Ненавижу англичан! – сказал Сибирцеву штурманский поручик Елкин. – Неужели они и сюда доберутся... – Елкин закончил промеры, вычертил и сдал карты. Он поднялся посмотреть еще раз на необыкновенную гавань перед уходом.

– Повидали два новых порта? – спросил его Алексей Николаевич. – Зарисовали их, описали в дневнике?

Все готово к уходу в плавание, но «Диана» почему-то задерживается, словно адмиралу, который так рвался в Японию, жаль вдруг стало покидать свои берега.

– Никуда не пойдем, господа, не распалайте своего воображения, – сказал Елкин. – Адмирала нашего плохо знаете. Он пошел в Японию, а теперь начнет сомневаться, колебаться и кончит тем, что останется тут на зимовку. Императорская гавань – это дыра, где вечно будут мереть люди от цинги. Кто сюда дойдет, тот не выберется. Тут голодней, чем на Аляске.

Можайский полагал, что поручик ошибается. Адмирал входил во все детали предстоящих съемок дагерротипом. Не здесь же мы будем этим заниматься!

Путятин ушел к себе, сидел в каюте и думал, что на устье Амура он, кажется, освободился от всех неприятных ему людей. Все готово к уходу в дальнее плавание. От всех интриг освобожден... От капитана Унковского с его странностями. Но, кажется, опять неприятные проявления начинаются. Люди не заняты делом, как следует. Распущены. Поэтому не умеют держать себя в железной узде, позволяют себе ослаблять нервы. От всех освободился, кто мешал, но человек грешен... И от себя не освободишься...

Что, если Япония имеет большое значение не для Петербурга, а для нашего будущего здесь? Петербург и Москва пока очень далеки отсюда. Хотя каждый раз, когда Евфимий Васильевич пишет бумаги канцлеру и министру иностранных дел Карлу Васильевичу, он чувствует себя на такой служебной высоте и при исполнении такого высокого долга, словно и не уезжал из Петербурга. Но сегодня эта высота мешает Евфимию Васильевичу, ему кажется, что, может быть, отдав распоряжения остающимся здесь морякам и солдатам, он и дальше должен бы действовать в этом же духе. Но тогда опять Петербург тускнел и куда-то отступал, а этого тоже нельзя позволить. Являлась какая-то двойственность, опять нет покоя! Хотя избавился от тех личностей, которые, служа на «Палладе», составляли отдельное, несогласное с адмиралом общество и тормозили дело.

Через окно в салоне Евфимий Васильевич смотрел на берег, он вспоминал, как сам жил здесь. «Это мое завоевание, совершенное без опиума и без водки! Мы еще придем сюда... Я еще приду. Еще много придется потрудиться для этой земли. Эта гавань – загвоздка».

Адмирал встал и прошелся по салону.

«Если посол петербургского правительства так задумывается, что это означает? Что-о?» – хотелось завизжать, сжав кулаки.

В Нагасаки так случилось с Евфимием Васильевичем, что он оборвал переговоры, и об этом офицеры его рассказывали на мысу Лазарева и на устье Амура. Он еще 4 января предлагал японцам заключить договор. Уполномоченные ответили, что договор будет и Россия получит все преимущества, но пусть пройдет время, сейчас умер старый сиюгун, молодому сиюгуну нельзя сразу изменять политику, послы сами ничего не могут решить без согласия высшего правительства. Путятин заявил, что поскольку у них нет полномочий, то он уходит. А уходить надо было не из-за этого. Ждали объявления войны.

Офицеры расхвастались потом в Шанхае и в Гонконге про удачные переговоры и про обещание, данное японцами. Преувеличенные сведения об успехе русских передавались европейскими купцами. Американцы приняли эти известия очень серьезно и сразу взялись за дело. Первое в истории соревнование между русскими и американцами, и что же теперь? В газетах есть сообщения, что американцы уже заключили договор. Как они действовали? Подробности пока неясны.

Чего только не пришлось наслушаться у своих берегов за эти два месяца. «Они злы здесь, словно сидят со связанными руками и ненавидят мое посольство больше, чем французов. Карл Васильич им мешает! Что они только про него не толкуют! Что же скажут про меня?» Да так и скажут:

«Японцы куда благородней, приятней, и дипломатическая борьба с ними, скажут, ему куда более подходит, чем забота о коренных интересах России, благо, мол, что он и выглядит там, как просветитель...»

– Дьячков, ты, говорят, знаешь по-японски? – спрашивал адмирал у низкорослого смуглого казака.

– Маленько обучился.

– Где же ты учился?

– В крепости жил на Сахалине всю зиму.

– Да, я знаю! Что же ты там делал?

– Мне их благородие, господин Буссе, велел быть переводчиком.

– А ты?

– Я старался, ваше превосходительство.

– Будешь учиться и дальше.

– Рад стараться, ваше превосходительство.

– Были у тебя знакомые японцы?

– Много было.

– Как же они с тобой обходились?

– Очень хорошо, ваше превосходительство. Да со мной все хорошо. Чего с меня возьмишь!

Адмирал вызвал Лесовского и отдал приказание:

– Молебн перед отходом. Туман разойдется, и пойдем.

Утром Дьячков стоял в строю. Сам он не пел, но слушал и чувствовал всю красоту пения. Как-то легче идти после такой торжественной службы. Нравилась ему и набожность адмирала. И капитан молился! Еще молодой, а, говорят, живодер, всем зубы чистит.

– Дождь был? – спрашивает кто-то тихо.

– Ты что?

– Почему палуба мокрая? А небо ясное, как летом.

– Да ведро.

«Все кончено, господа! – хотелось бы сказать адмиралу, обратясь к офицерам. – Прощай, наша верная „Паллада“! Обошла вокруг света и теперь встала без мачт в пустынной гавани подле крестов наших первых открывателей!» Но он не умел говорить речей.

Адмирал перекрестил на прощание урядника и своего унтер-офицера, обнял их и поцеловал.

Шлюпка отвезла их на берег. Мокрушев и Пестряков выпрыгнули на песок.

Когда на буксире гребных судов «Диана» пошла к выходу из гавани, на берегу, среди пеньков, грянул залп. Матросы в куртках и забайкальцы в папах и полушубках, туго затянутых ремнями, салютовали, подняв вверх штуцера и кремневые ружья.

Адмирал ушел в каюту и задумался над картой, вычерченной поручиком Елкиным.

Вскоре корабль начало покачивать. Наверху слышался надежный голос Степана Степановича.

«Диана» почувствовала первые удары морских волн...

Глава 3. Переход в Японском море

Серый осенний день. Море чуть морщится и кажется под серым небом маленьким, как небольшое озеро. Ровная поверхность воды без берегов окружает корабль со всех сторон одинаковым кругом. «Диана» все время в центре этой площади, и кажется, что она с наполненными парусами стоит на месте, хотя под бугшпритом журчит рассеченная вода.

В Японском море довольно прохладно. Адмирал не хочет снова идти в открытый для «варваров» порт Нагасаки. «Диана» идет к Сангарскому проливу в Хакодате. Этот порт у дальнего выхода из пролива в океан должен быть уже открыт для иностранцев, по заключенному американцами договору. «Да, любопытно, – думает Алексей Сибирцев, – откроется ли Япония? Даже себе не веришь! Однако идем!»

Ночью Алексей стоял на вахте. Делали обсервацию, и получается, что остров Матсмай² близко. Какая-то будет погода! Сегодня пятница. Вышли из Императорской в прошлую субботу. Позавчера «Диану» прихватил прошедший стороной шторм.

– Идемте в кают-компанию, господа, – появляясь на палубе, сказал лейтенант барон Шиллинг, обращаясь к свободным от вахты юнкерам Лазареву и Корнилову, которые о чем-то говорили горячо.

– На выставку, Алексей Николаевич, – подходя, сказал штурманский поручик Елкин, – посмотрим новые произведения Можайского!

Елкин белокур и белобров, как альбинос, от этого румяное лицо его кажется красным как кумач.

– Рад, что ошибся в своих предположениях и зря побрюзжал? – ласково спросил Сибирцев, беря Петра Ильича под руку.

Елкин скатился по трапу и, не сбавляя шага, пошел по кают-компанию:

– Знакомые вам ландшафты Императорской гавани... Портрет тунгуса Афони... Могилы наших солдат и матросов! Дагерротип с изображением капитана... Может быть, впрочем, – он сделал полный оборот, как в строю, – автор сам даст объяснения?

Александр Федорович Можайский сидел в кресле, выпрямив спину, как на параде. Он вытянул шею, держа в руке кисть, как ручку, с которой могло капнуть.

Ему, видно, хотелось пустить чего-то яркого в осеннюю желтизну хвойных лесов, на сопках обступивших трещины синих бухт. В одной из них с черными мачтами стояла «Диана», а поодаль – плоская, залитая солнцем пустая палуба «Паллады».

– Какая женщина, господа! Где вы нашли такую, Александр Федорович? Маг и волшебник!

– Господа! Адмирал не разрешит держать эту картину в кают-компании! – заявил толстый мичман Зеленой.

– Да в салоне у него висит лондонский лубок: красивая жена фермера гладит сытого петуха, – заметил лейтенант Карандашов. – Даром, что одета, а вполне неприлична!

– Так это вы японцам? – спросил Шиллинг.

– Говорят, главный их посол – любитель женщин и немножко циник, – не глядя на картину, заметил Можайский, все еще поглощенный своим пейзажем.

– Японцев не удивишь изображением голой женщины.

В кают-компанию все стихли. Можайский сообразил, что вошел капитан.

– Я уберу эту картину в свою каюту, – сказал он поспешно, кинув взгляд на Лесовского.

– Да нет, пожалуйста, пожалуйста, – холодно ответит капитан и прошел на свое место.

² Теперь – Хоккайдо.

Двое огромного роста матросов в белоснежных костюмах стали вносить обед. С супниц снимали крышки. Разнесся приятный запах борща. Елкин запнулся за стул и неловко оперся на плечо барона.

– Простите...

– Пожалуйста, – ответил Шиллинг.

У капитана широко открытые глаза смотрят с неизменным гневным удивлением, словно он всегда видит беспорядок. Когда идет по палубам, кулаки его, кажется, сжаты наготове.

– Копия Венеры Веласкеса, – сказал Степан Степанович, вглядываясь в картину.

Можайский ответил, что писал на память, стараясь передать японцам что-то из знакомого и признанного.

– Адмирал посоветовал изобразить для японцев европейскую женщину.

– Чтобы они увидели да и открылись поскорей, – сострил в густые, нестриженные усы старший офицер Александр Сергеевич Мусин-Пушкин.

– К сожалению, не было натуры, с кого писать, – ответил Можайский и, поднимаясь, пошел мыть руки.

– Японские женщины не крупны, суховаты, обычно узки в бедрах, – рассказывал Гошкевич, – ноги у них не очень стройны.

– Нет, не говорите, – сказал адъютант и секретарь адмирала, его племянник Пещуров, бывший на «Палладе» в Нагасаки на всех переговорах.

Он так юн, свеж и красив, что однажды японский посол Кавадзи спросил его: «Хотите быть моим сыном?»

– А вы, лейтенант, близко видели японок? – взглянув на Пещурова своими белесыми глазами, спросил капитан.

Пещуров смолчал.

Все знают, что японцы тщательно скрывают своих женщин. Поэтому наибольшее доверие вызывали рассказы Гошкевича как знатока Азии, который умел завязывать довольно дружеские отношения с японцами.

– Да вот, господа, Елкин лучше всех знает японок! – громко добавил он.

– Да вы что, господа! Я ни единой японки не видел еще...

– Простите, я хотел сказать, гилячек...

Елкин зажмурил левый глаз, а правый выкатил на барона. Штурманский поручик – атлетического сложения и самый белокурый из всех офицеров – неизменно обращал на себя внимание всех южных женщин и пользовался у них успехом.

– А как китайки? – спросил юнкер Корнилов, обращаясь к Гошкевичу. – Вот вы прожили семь лет в Пекине. Составилось ли у вас какое-то мнение?

– В Японии вам интересно будет, – сказал, обращаясь к Можайскому, лейтенант Колокольцов. – Там все необычно. К сожалению, хотя мы долго стояли в Нагасаки, но мало видели. Как ни странно, а виды в Императорской гавани и Де-Кастри мне показались похожими на Японию. Та же игра красок.

– Вот уж ничего подобного, – перебил Елкин.

Постепенно разговор становился серьезней. Заговорили про народное восстание в Китае, про шаткость положения маньчжурской династии.

Офицеры «Дианы» не были ни в Китае, ни в Японии. Лишь на пути из Америки они прошли Сангарским проливом между Японскими островами и видели горы этой страны да кое-что подметили, приближаясь к рыбацким лодкам, которые сразу же уходили прочь. Читая книги западноевропейских путешественников, многие вынесли впечатление, что китайцы и японцы очень походят друг на друга и происходят от единого корня, что Япония – страна цветов, слабых, изнеженных мужчин и ярких женщин, похожих на фарфоровые статуэтки. Все

они с огромными черными прическами в черепаховых гребнях, и что гейши – доступны и соблазнительны.

Рассказы Гошкевича и палладских офицеров оказывались очень прозаическими, они вели речь про уголь, снабжение кораблей провизией, про американцев, японское рыболовство, несовершенство китайского вооружения и междоусобные битвы в Китае, про торговлю европейцев опиумом. Помянули и наш Амурский край. Гошкевич полагал, что через него произойдет сближение наше с Китаем более тесное, чем до сих пор.

– Китайцы и японцы – совершенно разные народы, – уверял Гошкевич. – И мне кажется, что ближайшее будущее за японцами.

– Адмирал, господа, про японок больше всех знает, только не говорит, – заметил Зеленой. – И рассказывать не будет.

– Он знает про настоящих китайских дам и аристократок. У него дар общения с этими народами.

– А все же в чем разница между японскими и китайскими женщинами? – спросил Можайский.

– Японки скромны и застенчивы, а китайки смелей, так принято полагать, – сказал Гошкевич.

– Нахальной...

– Нет, они дочери великого, уверенного в себе народа. Есть и дерзкие. Смеются, глядя вам в лицо. Шутят... В Гонконге и Кантоне лодки с девицами подходят к европейским судам. В простонародье ног им не ломают. Стоит на корме такая стройная китайночка, держит в руках длинное весло юли-юли и, покачивая бедрами, как бы пританцовывает. Китайка поднимается на борт, приберет у моряка каюту, все ему постирает, вымоет, выкрахмалит не хуже, чем в прачечной. Все приведет в порядок, а если иностранец понравится ей, то и не откажет в любви... Но в японках, видно, побольше скрытого огня.

– Что вы знаете, господа! – заметил Александр Сергеевич Мусин-Пушкин.

– Да, Гонконг, Шанхай и Кантон – это еще не Китай, – ответил Гошкевич. – В этих портах нравы развиваются в угоду вкусам англичан и вообще европейцев.

– Да нет, вот более подробно у Зеленого спросите, – заметил кто-то из молодежи.

– Что? Что? – воскликнул толстяк, косясь на капитана.

Лесовский встал, поблагодарил офицеров и ушел.

– Как то наши злейшие враги – англичане? – перевел разговор Мусин-Пушкин, желая придать мысли молодежи боевое и патриотическое направление. – Какая мерзость, господа, – за турок заступаются!

Саша Можайский когда-то любил читать про путешествия и приключения англичан. Он упивался книгами об их открытиях. А потом об изобретениях, о применении машин в промышленности. Но при встречах с англичанами, желая выразить им свою симпатию, он всегда нарывался на высокомерие и неприязнь. Англичане настораживались при встрече с Александром Можайским, словно к нему-то и был у них какой-то особый счет. Так повторялось не раз, и теперь Александр привык, что от встреч с ними остается неприятный осадок. Он не испытывал ненависти к англичанам, но сторонился их, и былая симпатия рассеялась. А теперь началась война.

«Какая у него рука могучая», – думал Елкин, сидя подле Можайского.

– А вы японкам понравитесь! – вдруг категорически заявил ему Зеленой.

– А как они руки украшают, холят ли? Верно, простолюдинки, – как и у нас, грубы... Да что-то хочется изобразить, – сказал Можайский.

Дело до службы, казалось бы, необязательное, но многое хотелось нарисовать. И развлечь японцев своей несовершенной живописью.

– Женщины у них не сухие и не кривоногие, господа, – горячо сказал Пещуров, – с необычайной прожигающей живостью взгляда! Лишь изредка украдкой какая-нибудь осмелится взглянуть, и чувствуешь себя пронзенным...

Евфимий Васильевич пригласил к себе священника, побеседовал с ним и попросил прочитать молитвы. Адмирал встал перед иконостасом и под пение отца Василия истово помолился.

Молитва возвращала силу духа, ему казалось, что он снова обретает право смотреть в глаза своим офицерам.

Евфимий Васильевич успокоился, отпустил священника и сел за работу.

«Все в руце Божьей», – подумал он.

Адмирал признавался себе в том, что опасности велики. Он шел в Японию на единственном парусном корабле. Во всей мощи может встретить его флот противника. Но и дело без конца нельзя тянуть. Нельзя допустить, чтобы японцы, которые письменно обещали заключить с ним договор и предоставить все права, какие будут даны другим нациям, не исполнили бы этого.

Противники адмирала упрекали его. Долго колебался Евфимий Васильевич нынче летом, прежде чем снял крепость с Южного Сахалина. Его угнетало сознание, что он ведет не эскадру, а единственный корабль. И это во время войны!

«Американцы приходили в Японию на многих пароходах. Теперь англичане явятся в эти моря на винтовых судах. А мы? Что скажут про нас японцы... Но, может быть, как раз и хорошо, что мы совершенно не похожи на англичан и американцев? Машинами и артиллерией не хвастаемся и не угрожаем. Визит наш мирный! Может быть, и хорошо, что идем на парусном?» – вдруг пришло в голову адмиралу.

– Что? А? – вслух спросил он самого себя и своих невидимых критиков, вскакивая из-за стола. Осененный этой мыслью, он заходил по салону.

«Почем и как знать, что лучше и что хуже? Пусть будет контраст с сытой и богатой Америкой! Мы без пара и машин, но ведь на всякого мудреца довольно простоты».

Путятин встал посреди салона как вкопанный, и полные внутренней силы глаза его с мрачной решимостью смотрели куда-то вдаль сквозь ковры и переборки. Он уж и так многое сделал, не имея пароходов. В этот миг ему казалось, что судьба не оставит Россию. Еще не зная, что произойдет и как, он почувствовал, что должно что-то случиться, совершенно непредвиденное, и мы окажемся сильнее! Мистика? «Да, все сейчас так плохо, и так дурно выглядели мы, слабые и не подкрепленные ничем, кроме веры и преданности, что не могло чего-то не случиться, не предвиденного и не предугаданного никем – ни нами, ни американцами, ни нашими противниками в войне, ни владельцами их банков и пароходов, ни даже самими японцами. А что, если в самом деле удариться в мистику? Обратиться к духу Японии? К ее исконному и вечному духовному началу? Как мне и полагается! Не к сиогуну, если он станет упорствовать, а к императору?»

Руки адмирала задрожали при этой мысли, и он поспешно уселся на диван. Давно, давно уж в голову ему запало что-то подобное, но, кажется, до сегодняшнего дня он ходил вокруг и около.

Утром при подъеме флага адмирал опять с властным спокойствием и в упор смотрел своим мутным взглядом с высоты роста на вытянувшихся в струнку подчиненных. Он эту молодежь взял в вояж, все они закалились под его командованием, стали настоящими офицерами, повидали разные страны. А ведь были еще в пленках, когда он задумал путешествие в Японию. Он своего добился, открыл для этой молодежи мир, вошел с ней в запертую Азию. И они же его считают реакционером и консерватором. Чем более дело удастся ему, тем, как кажется, и они сильнее недовольны им.

Он подготовил экспедицию не лучшим образом. По примеру времен своей молодости!.. Часто из-за таких раздумий он со странной неприязнью смотрел на подчиненных офицеров, понимая, что они не смеют его не осуждать.

Можайский, как человек самый образованный, владеющий современными знаниями и применяющий их на практике, должен быть более всех недоволен. Гончаров не изобретатель, не знал толку ни в оружии, ни в машинах, но и он многое понимал. Новичок Можайский вправе настраивать своих товарищей против адмирала, хотя, кажется, пока не позволяет себе ничего подобного.

А Перри как будто бы не консерватор? Но консерватор богатый, со средствами! А мы бедные консерваторы. И даже японцы это заметят.

Путятин не против свободного мнения, как это кажется всем офицерам. Пусть думают что хотят. Но пусть слушаются. А Перри еще рано торжествовать! Цыплят по осени считают. Разве я не понимаю, что паровой флот удобней и подвижней, позволяет маневрировать. Но и с паровым можно ко дну пойти не хуже, чем с парусным, или обнаружить душевную низость.

Адмирал подбирал в свою экспедицию офицеров просвещенных и гуманных... Гончаров умел столкнуться с японцами. Японцы его любили и ему верили и первые оценили. Объяснили нам, что писатель может быть дипломатом. К сожалению, сам-то Иван Александрович не понял либо себя не оценил! А читатели его никогда этого и не узнают, каков талант дипломатический загублен из простой неприязни ко мне, к адмиралу! Все из-за интриги Унковского!

Адмирал ушел к себе в каюту. Он вызвал Посьета и Гошкевича. Когда они уселись в кресла, сказал:

– Господа, необходимо составить письмо на имя японского правительственного совета о том, что я прошу выслать японских уполномоченных для переговоров с нами в город Осака.

Осака находится вблизи Киото. А в Киото резиденция духовного императора.

Заговорил Гошкевич:

– Японцы могут счесть это для себя обидным... Неуважением к обычаям страны.

– Таков план, – сказал Путятин. О подробностях этого плана и о его значении он говорить пока не хотел.

Гошкевич и Посьет знали, что адмирал давно заговаривает о «духовном начале». Его стали осторожно уверять, что ничего не получится, что духовный император – это лишь что-то вроде пережитка далеких времен. Посьет живо сообразил, что может быть целью таких туманных намерений адмирала.

– Власть императора принадлежит не прошлому, а будущему, господа! – категорически заявил Путятин.

– Наши планы меняются? – спросил Гошкевич.

– Нет. Мы идем в Хакодате, и вся наша деятельность там будет направлена на то, чтобы избежать необходимости обращения к священной особе императора.

Путятин повторил, что необходимо составить письмо о высылке уполномоченных в Осака.

«Перри пришел в Эдо, а наш адмирал хочет в Киото», – уходя, подумал Гошкевич.

Путятин опять обнаруживал совершенное непонимание современной жизни и косный, крайний консерватизм.

«Да и тут выкажу себя реакционером и подам еще японцам повод для революции! – подумал Путятин, проводив своих секретарей и советников. – Такой революции еще нигде не бывало. Не во вред, а в пользу императора. Но это будет не реставрация Бурбонов! А что, если вдруг... В самом деле?..»

В салон вошел капитан Лесовский.

– Слева по борту трехмачтовое судно идет из Сангарского пролива.

Тяжелое лицо адмирала переменилось не сразу. Выражение одухотворенности и воодушевления заменялось чем-то тяжелым, простым и твердым. Казалось, адмирал мысленно перевооружался, сменяя мирный свой вид на привычную, грузную властность.

На палубе слышались крики офицеров. По всему кораблю забежали, доносился тяжкий скрип дерева под давлением огромных чугунных орудий, которые готовились к бою.

Адмиралу не надо было одеваться или приводить себя в порядок. Он всегда наготове. Строй его мыслей переменился, и он вернулся в состояние боевой решимости, к которой привык, как к вечной броне.

Глава 4. Абордаж

– Зарядите оружие. Сделайте предупреждение. Может быть, джек под звездным флагом.
– Нет, американец, – уверенным и недовольным тоном человека, делающего тяжелую работу, отвечал лейтенант Алексей Сибирцев.

Адмирал колебался. Может быть, если это американец, то не надо с ним разговаривать. Из опыта известно, что как бы ни был американец хорош, а в решительный момент всегда выдаст все англичанам. Станет известно о нашем походе и в Японию, и пошлют флот ловить «Диану».

«Нет, не тут-то было!» – подумал адмирал.

Путятину советовали иметь на «Диане» американский флаг, чтобы легче было пройти при встрече с англичанами, а с американцами избегать встреч. Нет, это не его приемы! Он не сменит флага! Притворяться нечего. К тому же у американца есть новости. А охота – пуще неволи.

Капитан с руганью побежал куда-то. Когда он сдерживается, свирепое выражение не сходит с его лица.

Его взгляды: держать экипаж в страхе, не давать роздыха уму и рукам матросов, кормить как следует, чтобы были сыты; чтобы высыпались, по приказу веселились. Упражняться, если нет дела; чтобы одежда была сухая, сапоги целы, куртки просмолены. Запас воды и водки взят. Люди выбраны отличные.

Но все это не означает, что в глубине души Лесовский не судит о том, что вокруг него происходит. Адмирал и его подозревает. Конечно, капитан имеет обо всем свое мнение...

На палубу поднялся американец в красной шерстяной рубахе. Лесовский холодно с ним поздоровался и провел в свою каюту.

Через четверть часа адмирал пригласил обоих к себе в салон. Здесь же Константин Николаевич Посьет, Гошкевич, Пещуров и Можайский.

– Очень рад, – тряс руки долговязый Шарпер, и лицо его, желтое как песок, морщилось. Чуть виднелись, синие, как лед, глаза. – Английских судов в Сангарском проливе нет. Эскадра англичан, как утверждают, направляется из Гонконга в Нагасаки. Они хотят заключить договор с Японией по примеру коммодора Перри. О, Старый Бруин³ заключил выгодный договор!

– Он заключил?

– Да.

– А какие условия?

– Он заявил этим лгунам, что не потерпит неуважительного ответа на письмо президента! Вы это знаете? И двинется с десантом морской пехоты прямо в их столицу Эдо.

Шарпер так расхохотался, словно сидел с товарищами в таверне.

Выражение лица Путятинна смягчалось спокойной улыбкой опытного дипломата. Он соблюдал такт, оставаясь во власти интереса к тому, что рассказывал американец, а не обращая внимания на его развязность.

Лесовский, предварительно допросивший американца, сказал, что мистер Шарпер не раз бывал у наших берегов и хорошо знает адмирала Завойко и генерал-губернатора Муравьева.

Шарпер глубоко затянулся табачным дымом и стал рассказывать об условиях договора, заключенного с японцами.

– Я пришлю вам с боцманом гонконгские газеты.

³ Старый Медведь (прозвище Перри).

У них несколько газет выходят в Гонконге... Теперь предстоит ратификация договора. Но мы уже подходим к их берегам, и они не смеют тронуть нас, американцев. Времена меняются быстро. Да-да!

Шарпер сказал, что знает все новые порты в открытых русских бухтах.

– Я бывал в Петровском, в Де-Кастри... и повсюду...

Ваши южные поселения поставлены в отличных бухтах, но еще южнее есть удобные незаплатые заливы, которые не замерзают или замерзают ненадолго.

Путятин ничего не сказал про новые порты и не спросил ничего, чтобы не выдать секретов. Молчать он умел.

– Вы были в Гонконге? Да, я знаю, вы бывали там. Вы видели их город? Как там все быстро строится! Сносятся целые горы! Да, но место нездоровое! Никуда не годится. А ваши адмиралы развивают в новых бухтах энергичную деятельность. И я, адмирал, помогаю им. Я признаюсь вам. Вы знаете их, адмирал. Я исполняю их поручения, доставляю все, что им требуется. Да, из Америки... Еще они жили в фактории на Петровской косе, а я бил там китов, и они хотели меня расстрелять. Этот ваш молодой адмирал тогда еще был капитаном. И с тех пор мы подружились. Честным трудом и аккуратностью мы расположили друг друга. Я привозил им апельсины и муку, когда они чуть не погибали от голода. Этим летом я познакомился с господином генерал-губернатором. Вы можете верить мне, что ни единому англичанину я вас не выдам. Ни одному американцу я не скажу про вас ни слова, так как шкипера наши хорошие ребята, но в жизни часто такие положения, что приходится становиться предателями... Мне сделаны большие заказы к весне будущего года, я все доставлю к этим берегам... А пока я иду за стаей китов. Я как игрок, но не так суеверен, чтобы бояться возвратиться. Да, киты проходят Сангарским проливом... А я жду, адмирал, я жду, когда вы построите в одной из удобных гаваней настоящий порт и большой город...

«И он о том же!» – с досадой подумал Путятин и невольно поморщился.

– В вашем новом городе, о котором вы все так мечтаете на этом океане, я построю магазин. Я составлю компанию с русскими капиталистами и построю док. Я могу произвести для вас все, что вам понадобится. Не только из выгоды для себя. Ведь я ваш первый и лучший верный помощник за все эти годы. У вас нет тут пока ничего, но все будет. У вас зато есть уголь, золото, лес. Можно открыть фабрику, найдем капитал!

Шарпер отложил трубку и потер руки от удовольствия.

– А крейсеров английских пока нет. Идите спокойно, но не в Нагасаки. Идите в Симода. Порт там открыт по договору с Перри. Вы, адмирал, любите нашего Перри? Я люблю Перри. В Японии столько гаваней, а они не разрешают пользоваться. Мы все их со временем откроем.

– Да, конечно, генерал глубоко уважает коммодора Перри, – сказал Посьет.

Адмирал прочитал гонконгские газеты, присланные шкипером в шлюпке на прощание.

В них подробный пересказ трактата, заключенного в городке Канагава коммодором Перри. А петербургские газеты обошлись краткими заметками. И то не все.

Английская эскадра пошла в Японию.

Адмирал вызвал Степана Степановича.

– У вас все готово?

– Так точно.

Путятин посмотрел на часы. Он приказал прислать казака Дьячкова.

– Что тебе говорили японцы про Америку?

Дьячков стал повторять свои рассказы.

– Америка приходила к ним на Матсмай...

В гонконгских газетах писали, что американцы заходили в порт Хакодате на острове Матсмай!

«Когда вы построите здесь города?» – вспомнил Евфимий Васильевич вопрос шкипера. «Я входил во все гавани, и там всюду есть киты. Занимайте, адмирал... Мы должны с вами занять, пока не поздно!» Пока не поздно!

Адмирал опять посмотрел на часы.

Александр Федорович Можайский в это время ходил по палубе. Сегодня в свободное время он чертил гребной винт особого устройства. У него на душе боль от восторга, что винт в воздухе может со временем, если найти верную форму, оказать то же действие, что и винт в воде.

– В баню к ним пойдете, – советовал тем временем Посьет, толкуя с Алексеем Сибирцевым. – У них мужчины и женщины моются сообща, как во времена «Капитанской дочки». Вот где вы увидите все их прелести.

– А как в проливе, спокойно?

– Да, американец не лжет...

– Слава богу, значит, можно позаниматься, – сказал Можайский.

– И спокойно отдохнуть...

Раздался крик в рупор. Со свистком в руке пробежал боцман. Залились дудки унтер-офицеров.

– Тревога, господа!

– Вот вам и спокойно отдохнуть! – воскликнул Сибирцев и кинулся по трапу.

Раздался выстрел из пистолета. Свистки вызывали всех наверх. Матросы кинулись в жилую палубу, в каюты офицеров, во все уголки судна, в каюту адмирала, где между икон и шкафов с книгами стояли два тяжелых орудия. Всюду принайтовлены грозные чугунные пушки. Жерла их поползли из портов.

В море выброшена цепь на буйке. Через некоторое время судно легло в дрейф. Забегали подносчики картузов с зарядами.

Сто пятьдесят матросов с офицерами построились шеренгами на верхней палубе, готовясь к посадке в шлюпки. Заскрипели блоки и заскользили тали, опуская под борт тяжелые гребные суда.

Адмирал следил по часам. Он замечал, как падают ядра. Он видел сапоги матроса, бегущего черпать воду брезентовым ведром. Мелькали озабоченные и послушные лица офицеров.

Под парусами и на веслах шлюпки с разгона подходили к борту «Дианы».

Маслов на всем ходу забросил на борт крюк и мгновенно забрался по тросу на палубу. Другой крюк закинул Елкин и, как ловкий цирковой артист, перепрыгнул через борт и выхватил пистолет. Офицеры и матросы стали прыгать с гребных судов на корабль. Их товарищи встречали «нападающих». В воздухе засверкали абордажные пики, топоры, кинжалы. Слышалась стрельба из пистолетов.

Вечером после вахты и чая с хлебом Можайский ушел в каюту, скинул мундир и уселся за стол. Тучное артиллерийское орудие на тяжелом станке занимало больше половины его помещения. Александр Федорович достал карандаш, чертеж и линейку. Тускло светит свеча в фонаре.

Настанет ли когда-нибудь время, что корабль осветится электрическим машинным светом?

Можайский чертит часть гребного винта для работы в воздухе, уверенный, что догадка его в основе верна.

В походе адмирал попросил его изготовить модель маленького парового судна с гребным винтом для подарка японцам. Алексей Николаевич Сибирцев при этом усердно ему помогал. Теперь маленький пароход готов. В топку наливается спирт. В котле закипает вода, работают

шатуны и кривошипы, вращают вал, и бурная волна валит от винта, толкающего парходик. На парусном корабле всем нравилась эта игрушка.

В детстве Александр так не увлекался машинами. Как-то вдруг нашел на него интерес к механике и открытиям ее законов. Его разбредили виды необычайных просторов, величия новых земель. Можно ли здесь сидеть сложа руки? Сколько тут воздуха, сколько воды! Сюда перелетать надо, а не переезжать в тарансах и не ходить вокруг света из Кронштадта. Увлеченный своими замыслами, он почти не обращал внимания на странности и капризы адмирала, раздражавшие его товарищей. Он прощал адмиралу его парусный корабль, как прощал, что Путятин видит в нем лишь ловкого рисовальщика и ретивого лейтенанта.

Ночью изрядно качнуло. Стучали и звенели бутылки, двигались ящики с пластинками для дагерротипа, банки с растворами, лампа для подогрева ртути. Александр Федорович вскочил и, засветив ночник, стал все закреплять. Свалился ящик с красками. Расставив вещи «в штормовом порядке», допил бутылку кваса, кинул ее в корзину и завалился, закутавшись в одеяло и шинель. Осень давала себя знать и здесь.

На рассвете море было в барашках. Сквозь серое небо видны голубые просветы. Вода в такой день кажется тяжелой, словно волнуется расплавленный свинец.

Алексей Сибирцев вдруг схватил Можайского за руку.

– Смотрите!

Александр Федорович неожиданно увидел горы среди облаков. «Япония!» – подумал он. Почувствовалось что-то волнующее, чего ожидал так долго, что обещает какие-то неведомые, таинственные ощущения.

Алексей Сибирцев смотрел на синие пики среди облаков, и ему тоже казалось, что здесь его ждет что-то особенное. Алексей знал за собой грех, что он подвержен припадкам экзальтации.

По другому борту тоже видны лесистые скаты гор. «Диана» шла ко входу в пролив между двух величайших островов. Слева Матсмай, на нем порт Хакодате, куда идем. Справа Ниппон, где обе столицы, главный остров страны, ее основа – материк.

Теперь уж что бы ни было, а придется, как надеялись молодые офицеры, ступить на запретный берег.

У Можайского мелькнуло в голове, что не переимчивым ли японцам везет он чертежи винта? Как знать? Адмирал говорит, что они народ редких способностей.

Евфимий Васильевич на юте. Из-под красного околыша торчат его нестриженные волосы. Щеки и крупный нос картофелиной красны от свежего ветра. Голова высоко поднята на похуdivшей шее. Узкое и хмурое лицо, словно адмирал озабочен и с утра устал.

В трех кабельтовых от «Дианы» шел большой японский корабль с высокой кормой и выгнутым от ветра четырехугольным парусом, на котором нарисован красный шар.

Офицеры столпились на юте, а матросы – на баке и у бортов, разглядывая японцев в халатах и шляпах. Японское судно быстро отходило.

– Что это за красный шар на парусе?

– Это восходящее солнце, – объяснял Гошкевич. – Видимо, военное судно.

Глава 5. Прием в Хакодате

Ночь и день и еще ночь шли проливом, на берегах которого виднелись огоньки. Несмотря на многолюдство Японии, селения в проливе были редки.

На заре адмирал приказал лавировать к Столовой горе, чтобы левее ее обрыва войти в бухту, на берегу которой должен находиться город. Карты этих мест достаточно изучены. Края здесь знакомы по съемкам Головнина и других моряков.

Чем ближе подходила «Диана» к плоской сопке, тем выше росла перед ней каменная стена. Гора плыла навстречу, отделяясь от острова. Холодно. Вдали на гребнях гор виден снег. Желтизна на склонах. Кое-где белеют березки.

– Очень похоже на Гибралтар! – показывая на Столовую гору, говорит Константин Николаевич Посьет. – Почти точная копия!

Обрыв так крут, что кажется, Япония выдвигает навстречу иностранному судну громадный щит. Дух крепости и силы выражен тут самой природой.

Дует жесткий холодный ветер. Это какая-то необычная холодная Япония, напоминающая северные суровые края.

Алексей Николаевич, как и все офицеры «Дианы», здесь же проходил из Южной Америки. Но теперь все не так. Хотя и тогда погода стояла почти такая же и скучен был летний, но безмянный пейзаж. После Южной Америки эти свирепые сопки не привлекали почти никакого внимания.

Теперь весь пролив между островами прошли, и вот уж снова виден Тихий океан между широко разошедшимися крайними мысами островов Ниппон и Матсмай.

– Ну как, мы в Японии, Александр Федорович?

– Да, в Японии, Алексей Николаевич! Да что пока толку, глядишь на нее, как из клетки.

– В порту можно простоять у них год и тоже ничего не увидеть!

Пробило шесть склянок, когда, пройдя по утренней голубизне, «Диана» обошла гору и бросила якорь напротив города, укрывшегося, как за щитом.

С этой стороны Столовая гора выглядела мирно, пологий склон ее разливован распаханными полями, кое-где в зелени рощ видны храмы с черепичными крышами и гибкими и высокими деревянными воротами, напоминающими триумфальные арки.

«Холод, ветер и неизбежный холодный прием! Вот тебе и Япония для русских!» – печально думал Сибирцев.

На опущенный трап ступили первые японцы, которых в своей жизни впервые видел вблизи Алексей Николаевич.

У всех бритые головы с шариками волос на макушке. И от шарика еще прядка, зачесанная вперед. «Экое искусство парикмахерское».

– Здравствуйте, господин Посьет...

– А-а! Кичибе! Здравствуйте... Здравствуйте, – слышались голоса офицеров.

Палладские офицеры обрадовались, видя знакомого японского переводчика.

Кичибе тоже с выбритой головой и с шариком волос. Он все время держится в любезном полупоклоне, словно его свело в поясице.

– Очень приятно, господин Посьет! Вы прибыли с адмиралом? – спрашивает он по-голландски.

– Да-а... Переведите своим начальникам, Кичибе, что прибыло русское посольство во главе с адмиралом Путятиным.

Кичибе поклонился еще ниже.

– А знаете, это со мной совсем... ну... мелкие чиновники... Им нечего все это переводить...

– Ого! Кичибе как заважничал! – воскликнул Посьет по-русски. – Говорит, что можно мелким чиновникам всего не переводить.

– Сейчас прибудет более высокопоставленный чиновник для переговоров, господин Посьет. Он является представителем губернатора.

Подошла большая лодка с надстройкой на корме, с флагами и значками на флагштоках.

– Прибыл господин Хирояма Кендзиро, качи мецке⁴, – представил прибывшего чиновника Кичибе.

– Пожалуйста, прошу господина Хирояма Кендзиро сделать честь и пройти в мою каюту. Пригласите с собой господ.

В каюте Кичибе назвал имена и должности всех прибывших чиновников.

После любезностей Посьет сказал, что корабль прибыл в Хакодате с важным поручением. Необходимо передать письмо от посла Путятину для отсылки японскому правительству.

Хирояма Кендзиро ответил, что письмо для правительства могут принять высшие чиновники управления города Хакодате, которых назначит для этого губернатор.

– Письмо должно быть передано адмиралом в руки самого губернатора, – ответил Посьет. – Для этого мы приглашаем господина губернатора на «Диану», чтобы его превосходительство был нашим гостем и получил письмо.

Хирояма ответил, что Хакодате-бугё⁵ равен по должности Нагасаки-бугё, а сам бугё еще никогда и нигде не поднимался на иностранный корабль.

Посьет ответил, что полномочный посол Путятин, адмирал и генерал-адъютант императора, гораздо выше по чину и по должности, чем провинциальный губернатор.

– В самом деле! – воскликнул он. – Представитель японского правительства их высокопревосходство Тсутсуй Хизен но ками, а также его превосходительство Кавадзи Саэмон но джо, которые вели переговоры в Нагасаки, гораздо выше по должности, чем Нагасаки-бугё, но даже и они поднимались на борт нашего корабля. Поэтому Хакодате-бугё вполне может сделать нам честь и приехать на судно к послу Путятину.

– Что касается дров, рыбы и овощей, то, конечно, все будет предоставлено незамедлительно, – сказал Хирояма и добавил: – Как и прежде.

– Что значит, как и прежде?

– Все это будет доставлено от управления бугё.

– Нет, теперь мы должны платить за все и не можем принять такого подарка.

– Мне по возвращении в Россию надо будет предъявлять квитанции, – заметил Лесовский. – Что же, хотите меня под суд подвести?

– Чтобы получить с вас деньги, об этом не может быть и разговора. На это у нас еще нет разрешения. Это уж будет фактическое открытие торговли. И у нас еще нет квитанций.

Тем временем к борту «Дианы» подошло рыбацкое судно, и матросы вместе с японцами подымали на палубу двух тучных тунцов. На таях подняв огромную рыбину, матросы и рыбаки общими усилиями свалили ее подле люка.

– Вот это туша! – сказал матрос Сизов.

От восторга он хлопнул по спине японца – старшего лодочника. Потом достал кисет, и они закурили. Матросы обступили японцев и стали доставать вещи, приготовленные на промен.

– Мы ждали все лето на Сахалине его превосходительство посла Путятина, – говорил Кичибе, сидя в каюте капитана.

– Вы были на Карафуту?

⁴ Полицейский в офицерском чине.

⁵ В этом случае бугё – губернатор.

– Да, я был на Сахалине. На двух кораблях! – с важностью заметил Кичибе.

– Ах, это были вы? Я так и подумал. Когда мне рассказали, я так и решил, что это вы. И были еще чиновники?

– Да... Мецке из Эдо. Посол Путятин не прибыл, и мы очень сожалели. Было бы очень хорошо там обо всем договориться, как мы условились в Нагасаки.

– Кичибе, пожалуйста с господами чиновниками к адмиралу, – входя, сказал Лесовский. – Его превосходительство приглашает вас к себе.

– А был тут Перри?

– Знаете, это очень хороший человек, но нам помешали ошибочные впечатления... Он приходил сюда также за камнями. Да, он брал у нас камни... Нам ведь приходится изучать западные отношения и учиться.

– Какие камни?

– Такие огромные камни, с японский дом, для памятника борцу за свободу... Это... Вашингтону!

– Война с Англией и Францией, – сказал Путятин японским чиновникам, – заставила нас собрать все наши силы для нанесения удара противнику. После войны мы восстановим свои селения и крепость на Сахалине.

Путятин просил передать губернатору, что прибыл по важному делу, по которому ему необходимо свидеться с бугё. Он добавил, что ему известно о заключении договора с Америкой и об открытии в скором времени японских портов и что, по договоренности, Россия также должна получить все права.

– Я все изложу при встрече с губернатором. Я также заявлю ему о цели моего прибытия.

– Но, ваше превосходительство, кажется, это невозможно, – почтительно ответил Хиро-яма. – Еще нет разрешения идти вам здесь на берег.

– Здорово, Кирилл, – сказал Дьячков, когда чиновники, закончив беседу с послом, поднялись на палубу.

Кичибе быстро взглянул на казака, но не стал здороваться и прошел мимо.

– А-а! Дьячков, – вдруг, как бы спохватившись, сказал Кичибе по-русски и обернулся: – Здравствуй!

– Почему же Перри произвел неприятное впечатление? – спросил Посьет, беря Кичибе под руку.

– Нет, это я только пошутил. Он произвел очень приятное впечатление. Только знаете... Его превосходительство немножко воровал.

– Ка-ак?

– Да, японские красивые вещи. А вы знаете американского переводчика мистера Вильямса?⁶ Он священник и умный человек. И еще с ними был очень красивый китаец.

– Они ничего не разрешают и ни на что не отвечают толком, – говорил Посьет, стоя рядом с капитаном и глядя, как отходит украшенная флагами лодка с чиновниками.

– Надо будет поблагодарить Кичибе за доставленные сведения о том, что Перри был здесь и ходил по магазинам, – сказал Лесовский.

На другой день стало еще холоднее. Кичибе с чиновниками снова приехал на «Диану».

– Какая сегодня злая погода, – заметил переводчику капитан.

– Да, это очень привычно! Такая холодная погода даже приятна! – отвечал Кичибе, обмахиваясь веером, как в жару.

⁶ Миссионер Вельш Вильямс, знавший китайский язык и служивший у Перри переводчиком, впоследствии опубликовал «Journal of Perry Expedition to Japan 1853—54». В этих очерках экспедиции описывается случай, когда коммодор Перри ходил по магазинам и, не платя денег, забирал себе разные товары у японских торговцев, видимо, полагая, что заплатить за него, как за гостя, должно японское правительство.

А еще через несколько дней на пристани выстраивались длинные ряды солдат в черных коротких халатах с белыми вышитыми знаками на груди. Гербы и знаки на черном шелку, лакированные шляпы и латы, блестящие рукоятки сабель в лакированных ножнах, копья с цветными значками – все выглядело богато и парадно, войско губернатора представало перед иностранцами одетым с иголочки. Вооруженные самураи, каждый о двух саблях, держали под уздцы маленьких лошадей с седлами из драгоценного лака.

Вверх от берега идет ровная широкая улица. На ней не видно ни магазинов, ни богатых домов, ни лачуг. Обе стороны затянуты полосатыми материями, полосами вдоль, на всю длину квартала. Гошкевич объяснил офицерам, что это знак вежливости: весь город как бы при параде и что в таких случаях японцы стараются скрыть неприятную для посторонних глаз бытовую сторону жизни.

– Словом, как в чистой горнице! – сказал Сибирцев.

Матрос Маслов несет знамя адмирала. За ним шагают юнкера. Маршируют усатые гиганты с ружьями на плечах, сверкают медные трубы оркестра. Впереди почетный караул японских рыцарей в лакированных конических шляпах. Другой отряд воинов, завершая шествие, марширует сзади. Японцы держат ногу в такт музыке. Вид такой, что они ведут русских под конвоем. Они идут, торжественно и как бы победно подымая свои значки и знамена. Заметно, что они готовились, может быть, копируют американцев, которые маршировали у них здесь по улицам.

Шествие остановилось около здания с низкими деревянными стенами и с высокими крышами из черепицы. Ворота и забор тоже под черепицей, она искусно уложена и походит на трубы из толстого бамбука. Это, видимо, и есть Управление Западных Приемов, построенное в Хакодате с тех пор, как по договору с американцами порт готовили к открытию международной торговли.

В первой комнате у стен сидели ряды чиновников. В следующей комнате адмирала и офицеров встретил почтенный седой господин, которого поначалу русские приняли за губернатора. Кичибе сразу же почтительно повалился ниц и стал ползать между адмиралом и старшим чиновником, переводя их разговор. Словом, тут все было, как прежде в Нагасаки, словно в государстве не произошло никаких перемен. Самоуверенности Кичибе как не бывало.

Когда все сели, то было объявлено, что губернатор Хакодате отсутствует по причине болезни и очень сожалеет об этом.

Почтенный чиновник сказал, что японское правительство очень огорчено, что переговоры в Анива не состоялись.

Посьет ответил, что адмирал не хотел подвергать опасности японских уполномоченных и встречаться в том месте, на которое, как на русскую землю, могли напасть корабли англичан и французов. Тогда началась бы сильная стрельба и летели бы ядра и бомбы.

Все японцы поклонились и, казалось, были очень тронуты этим заявлением.

– Мы прибыли сюда, – сказал Путятин, – чтобы завершить переговоры, начатые в Нагасаки, в полном согласии между представителями Японии и России, и заключить договор о дружбе, границах и торговле.

– Адмирал пришел сюда, чтобы встретиться снова с уполномоченными японского правительства, и просит об этом, – переводя, добавил Посьет.

– Нам надо как можно скорее решить, как лучше поступить в таком случае, – отвечал почтенный чиновник. – Поэтому мы должны обдумать и обсудить все, что вы сейчас нам изложили. И тогда мы будем знать, как нам ответить.

– Все наши предложения изложены в письме на имя высшего японского правительства. Я должен передать его в руки губернатора.

Посьет добавил, что адмирал является чрезвычайным представителем и у него есть полномочия от русского императора решать все дела самому.

Чиновник ответил, что он доложит обо всем губернатору.

– А пока, закончив деловые разговоры, нам надо немного отдохнуть.

Он предложил перейти в другую комнату, где гостей ждет «освежение».

Вечером адмирал молился. Лампада горела в углу у образов. Евфимий Васильевич уверял себя, что надо смириться и достойной твердостью доказать свою правоту. Придется, может быть, уступить и передать японцам письмо так, как они этого хотят. Суть дела не в передаче, а в самом письме. А то, судя по сегодняшней встрече, они будут бесконечно затягивать решения самых простых дел.

Прием был холодноватый, оставил неприятное впечатление, взвинтил всем нервы. Путятин понимал, что не может требовать от японцев, чтобы они сразу переменили обычаи и взгляды. Но едва вспоминал он сегодняшнюю прогулку после обеда по городу, как ярость разбирала его. Он увидел вдруг у себя под носом ворота, которые перегородили всю улицу. На воротах были скобы, на них висел огромный замок, а по обеим сторонам стояло двое полицейских. Сначала адмирал не обратил внимания, подумал, что просто зашел в тупик, что чья-то усадьба так построена и улица упирается в ворота. Но потом, остановившись, сообразил, что ворота построены нарочно, чтобы не пропускать его со свитой дальше. А как донес переводчик, американцы тут всюду ходили, даже за город. Путятин редко так сердился, как сегодня. Он потребовал сбить замок и открыть ворота. Японские полицейские, не сходя с места, сделали полный оборот и уткнулись носами в полосатые материи.

«Ну что же, пусть они винят самих себя! Я вручу губернатору приготовленное письмо! И второе письмо самому губернатору, что мы идем в Осака и будем ждать их представителей там. Да будет воля Его! Пусть хватаются тогда за голову. А я-то еще думал, что дела пойдут теперь на лад и что они помнят свои обещания! Неужели их американцы так напугали и восстановили против всех „западных людей“ своими действиями?»

Пока все неясно. Путятин шел сюда, как к старым друзьям, а почувствовалась какая-то перемена в политике, уклончивость. Как сегодняшние ворота среди улицы, на пути переговоров стояло какое-то препятствие. Кичибе намекает, что надо будет подождать. «Но я буду действовать без оглядки. Я пробужу их высшую силу. Может, тогда они поймут».

– А вы знаете, что англичане скоро придут в Хакодате? – спросил Посьета один из чиновников, явившихся на «Диану» на другой день.

– Этого не может быть, – ответил Посьет. – Если они придут, то в бухте Хакодате произойдет сражение, какого вы еще не видели.

– И тогда побежденная страна не простит этого японцам, – добавил Лесовский. – И будет потом предъявлять претензии, как это делают англичане в Китае. Кроме того, ядра и бомбы полетят в город, а это может навлечь большие неприятности на губернатора и чиновников.

– Скажите, а что в письме, которое вы передаете в государственный совет?

Посьет ответил, что на такие вопросы может ответить только адмирал лично губернатору Хакодате.

Барон Николай Шиллинг, воспользовавшись моментом, остался в лаборатории Можайского наедине с переводчиком Кичибе. Он с любезным поклоном сказал, что благодарит Кичибе, и передал ему в подарок часы с драгоценными камнями и голландскую эмалевую миниатюру.

Кичибе, кивая головой, быстро сунул подарки в широкие раструбы своих рукавов.

– О да-да... Благодарю вас, – на чистом английском языке сказал он.

– Я полагаю, вам приятно, Кичибе, что страна оживает, открываются порты, будет приходить много иностранных кораблей. Положение переводчика в обществе изменится. Вы станете богатыми и уважаемыми людьми. Придется открывать новые школы переводчиков. А там начнутся поездки за границу. С вашими блестящими способностями вы далеко пойдете.

У Кичибе голова задрожала от волнения: «Но я не так глуп, чтобы его не понять». Кичибе также отлично понимал, что все эти соблазны походят на чистую правду.

– Вы – патриот, лейтенант. Но и я патриот... И я желаю вам... успехов... чтобы могли учить нашу страну и чтобы вы научили нас плавать с флотом в другие страны, и как патриот я желаю вам успеха.

– Кичибе, а не могли бы вы достать копию американского договора?

– Это, наверно, невозможно... Конечно, невозможно. Это, наверно, очень трудно...

– Город Хакодате открывается для торговли с иностранцами. Копия договора, как мне кажется, должна обязательно быть тут.

– Нет, ее здесь не хранят. Мне кажется, что вам легче всего будет достать все, что вам необходимо, в городе Симода.

– В городе Симода? – изумился Шиллинг.

– Да, мне кажется, там у вас найдутся знакомые с копией...

А еще через день снова гремел оркестр и по улицам маршировали матросы. Дома опять затянуты полосатыми материями, а колонны японских солдат с саблями и в лакированных шляпах открывали и замыкали шествие.

Обрюзгший и надменный старик губернатор принял Посьета в той же полутемной зале Управления Западных Приемов. Присутствовало множество чиновников в пышных и разнообразных одеждах.

Посьет передал письмо адмирала в пакете с гербами, уложенное в полированный ящик.

– Письмо будет немедленно отправлено в Эдо, – сказал князь Орибэ но ками.

Но сам он знал, что не смеет без разрешения правительства отправить письмо. Это было бы несогласно со всеми правилами. Князь Орибэ сторонник старых порядков. Поэтому его, как консерватора, и назначили в Хакодате начальником Управления Западных Приемов и поручили ему сношение с иностранцами.

Путятин отказался прислать вместе с письмом голландский или китайский переводы. Он знал, что теперь обо всем этом князь Орибэ напишет в Эдо и будет ждать ответа. Согласно порядкам доброго старого времени! Нельзя делать никаких послаблений западным варварам!

– А куда же теперь пойдет ваше судно? – спросил вице-губернатор, угощавший Посьета обедом.

– Мы идем в Осака, – ответил Посьет. – Адмирал просит в своем письме выслать туда для переговоров уполномоченных.

– В Осака... это... о! – Кичибе опешил.

Вице-губернатор, услышав перевод, не мог скрыть испуга.

– Почему вы хотите идти в Осака? Вам могут там встретиться затруднения.

– Потрясение для них! – рассказывал Посьет адмиралу, возвратившись на судно.

– Иного выхода нет, – ответил Евфимий Васильевич. – Ну да письмо все равно пошлют, раз взяли.

Ночью к «Диане» подошла лодка. Какой-то японец, подпрыгнув, ухватился за якорный канат и оттолкнул свою лодку ногами. Он взобрался на палубу. Вахтенный офицер разбудил Лесовского.

– Держите до утра, – велел капитан.

Адмирал приказал утром:

– Не отправлять беглеца на берег!

– Дьячков с ним пытается толковать, – доложил капитан.

Адмирал приказал поговорить с японцем Гошкевичу.

К обеду на судно явились чиновники с переводчиком.

– А где это порт Симода? – спрашивал у Кичибе барон Шиллинг.

– Да это маленький городишко в бухте, на оконечности полуострова Идзу, – тихо говорил Кичибе.

– А вы уверены, что в Симода есть переводчики?

– Да, во всех портах, куда явятся иностранцы, назначены переводчики.

– Так вы думаете...

– Да, я думаю... Скажите, почему вы идете в Осака?

Кичибе отлично понимал, почему Путятин решил идти в Осака. Каково! Вообще в жизни начинались такие перемены, что дух захватывало.

«Опухают суставы, – думал Путятин, свирепым адмиральским взглядом рассматривая свои босые белые ноги. – И больно. Ступить нельзя. Перри, говорят, тоже еле ходил, так ноги болели».

Адмирал с трудом нагнулся и потрогал босую ступню. «Мягка стала».

Он знал, что гонец за гонцом помчатся из Хакодате в Эдо и обратно, а потом в Осака. «Трудно с японцами! Так они следят и за нами и друг за другом. А все же многое стало известно здесь Гошкевичу и Посьету».

Гошкевич рассказывал адмиралу, что в Симода к американцам ночью являлись на судно два японца. Они заявили, что просят их скрыть и что они хотят бежать из Японии в Америку, чтобы учиться там западным наукам. Но Перри велел ссадить на берег, и теперь японцы их скоро казнят. Видимо, Перри поступил так, опасаясь за успех будущей торговли. Он объяснял потом, что, обязавшись по договору уважать законы Японии, он не мог сразу же и по пустяку отступить... Из-за каких-то двух проходимцев нельзя подвергать опасности доходы коммерсантов. Японцы могли порвать с ним всякие отношения, обвинив в нарушении договора.

«Но, во-первых, я не Перри и договора еще не заключал. Японцы знают меня прекрасно и ссориться со мной не станут, да им и не это надо. Пока нам не до коммерческих интересов. И еще долго таковых не будет!

Во-вторых, мы соседи и чего не бывает у соседей!

А в-третьих, нашего японца я им не отдам. Он заявил, что тоже хочет ехать учиться. А в этом ничего плохого нет!

И ни в какую Симода „Диана“ не пойдет. В Осака!»

Глава 6. В кают-компании

– «Как любил я тебя», – беря аккорд на гитаре и откидываясь, запел Алексей Сибирцев.
– «Как мечтал о тебе...» – срывая вторую гитару с книжного шкафа, подхватил Елкин.
– «Как в тоске погибал...»
– «Наяву и во сне...» – играя в две гитары, заливались молодые люди.
– Чей это романс? Верстовского? – спросил Колокольцов, отрываясь от иллюстрированного журнала с видами Парижа.

– Да нет, это Елкинское! – небрежно отвечал Алексей Николаевич.

– «Ах, тоска неизбывная...» – сплошным стоном разражался Елкин. Он брал печальный аккорд.

Сибирцев медленно и горько, как в трактире, запевал цыганскую плясовую, клоня свою светлую голову с большим лбом к струнам и покачивая ею.

Эх, очи черны, щечки алы,
Ах, безумный ро-ок любви,

– Капитан идет, господа!

– Пусть идет...

– «Спляшем, душенька, зазно-оба...» – продолжал Алексей Николаевич.

Огромный Можайский избоченился и мелкими шажками поплыл по кругу.

Елкин и Сибирцев как сыгравшийся оркестр с хором.

Эх, очи черны, щечки алы,
Эх, ты, безу-ум-ны-ый ро-ок... —

запели они в два голоса, и кажется, что зашевелились и повеселели видные по правому борту мрачные горы главного японского острова Ниппон.

Елкин подкинул гитару, схватил ее на лету, перевернул, щелкнул ногтями в такт плясовой по дереву и швырнул Можайскому. Тот поймал на ходу, казалось, за струны, а не за гриф, подхватив аккорд. Елкин развел руками и пошел мелко и скользко, на носках. Александр Федорович заиграл на басах, поддерживая теноровую тоску Сибирцева.

– «Ах ты, сукин сын, камаринский мужик», – переменял плясовую Александр Федорович.

– Как вы еще не устали, господа? – знакомым и пугающе густым басом спросил кто-то. В дверях стоял адмирал. Как и когда его принесло, никто не видел.

– Ужасно устал... – Можайский положил гитару, одернул мундир и вытянулся в струнку.

– Евфимий Васильевич, мы подготавливаемся с Александром Федорычем, хотим показать японцам плясовую цивилизацию, – заметил Елкин.

Адмирал знает, что поручик вернулся с тяжелой описи. «Диана» шла в двух милях от мрачной стены берега, где волны подымали на чернь скал облака пены. Иногда с промером приходилось посылать вперед шлюпку.

Адмирал присел во главе стола. Он вынул записную книжку и задумался, раскрыв ее. Зачем его занесло в кают-компанию и какие он решал сейчас великие проблемы – неизвестно.

Офицеры, попросив разрешения, уселись и тихо заиграли на гитарах.

Пришел Степан Степанович и стал рыться в книжном шкафу. Пещуров, сидевший на диване, когда его товарищи танцевали, пересел на круглый стул у рояля.

– «Рояль закрыт...» – тихо пропел Можайский.

Капитан красной рукой с короткими пальцами под носом у Пещурова открыл красную лакированную крышку.

Пещуров пробежал пальцами по клавишам, убрал руки на колени и, подняв темно-русую голову, глядел туда, где газ горел в плафонах. Потом он взял слабый аккорд, и сразу бурные звуки подхватили его и зарокотали, как морские волны.

Капитан полагал, что никто не понимает поэзии судна. Он чувствовал сейчас себя одиноким. Ради поэзии судна приходилось требовать с людей. Как добиться от них вдохновения и трепета? Идеальной чистоты боевого корабля? Корабль становится идеалом без материальных изъянов, от которых так страдает человечество. Являются личности, которые не замечают пятна на палубе. Они занимаются механикой. Современные моряки становятся инженерами, занимаются вычислениями по законам физики и вычислением собственных выгод. Они готовы превратить корабль в контору и фабрику, в потогонную для выкачки процентов для банкиров, а от моряка требуется вечная готовность к героизму и смерти и бесстрашие. Как совместить в этом мире такие несовместимые понятия? Палуба – святыня: «Твоя кровь прольется тут! Она как чистая рубаха перед боем!»

Адмирал ушел вместе с капитаном. Пещуров заиграл романс. Алексей Николаевич пел. Ему хотелось бы скинуть мундир и разгуляться в одной белой рубашке, поплясать.

- Адмирал наш озабочен, господа, – сказал Пещуров, закрывая крышку рояля.
- Зачем идем в Осака? Как вы думаете?
- Это искусная политика адмирала, – сказал Можайский.
- Погодите, он завтра вам покажет, какой он миролюбивый. Закатит обедню.
- А какой завтра праздник?
- Вы полагаете, что искусная политика?
- Очень. И деликатная.
- Вы уверены?
- Вполне.

Утро в океане в виду японских берегов. Солнце стало потеплей, оно чуть просвечивает сквозь облака. Волны отбегают от борта, гребни их дымятся, едва выбегут, из волны, словно кто-то поджигает их спичкой. Дым быстро пробежит по всей волне, и гребень ее угасает после этого, как сгорит.

Палуба замокает черными пятнами от медленно сеющей водяной пыли. На губах солоно. Ветер веет соленой пылью и кропит судно.

Сибирцев столкнулся на трапе лицом к лицу со штурманом. Елкин со свернутыми листами александрийской бумаги.

- Куда вы?
- К адмиралу...
- Я не понимаю, что тут искусного? В чем значение нашего похода? В чем тут искусный дипломатический ход, о котором все вы говорите?

Можайский, не глядя ни на кого из офицеров, упрямо кивал головой и что-то бурчал, в то время как Осип Антонович Гошкевич, к которому был обращен раздражительный вопрос Сибирцева, кажется, старался воздержаться от объяснений.

Сибирцев знал грех за собой. Некоторые явления он совершенно не понимал, как бы ему ни втолковывали.

Что за два государя, одновременно царствующие в Японии и совершенно друг на друга непохожие? Это он в толк не брал, как бы ни объясняли. Впрочем, в офицерстве принято объяснять походя, кое-как. Словно все, что происходит в мире, не так уж важно по сравнению с главным, изученным навсегда и твердо. Главное – долг, служба, понятия чести. А также вооружение, навигация. Наступало время машин, пара, электричества, железных дорог. Можайский, например, если начинал объяснять, то очень обстоятельно и систематично излагал суть пред-

мета. В век пара старые небрежности рыцарей чести сменяются. Все, что касалось машин, Алексей Николаевич усваивал легко. Но разобраться в японской государственной машине куда трудней. «Надо и мне знать в конце концов, кто сиюгун, а кто император, какая между ними разница и каковы отношения их между собой, к князьям, к религиям, народу, войску. Неужели я так туп и непривычен усваивать новое и вообще все, кроме того, что вдолблено с детства?»

После урока японского языка, который Гошкевич давал Карандашову и Сибирцеву, послушать Осипа Антоновича собрались офицеры. Япония все время двигалась за бортом перед глазами. Достоверных понятий о ней ни у кого не было. Дипломатический секретарь адмирала сегодня свободен и находится в полном распоряжении кают-компании, и на него посыпались упреки и вопросы.

– Что это за экспедиция, господа, если не знаем, куда и зачем стремимся! Япония не Африка, как видно по всему, народ с более высокой цивилизацией, чем...

– Господа, чтобы это объяснить, – заговорил Гошкевич, – нужна карта Японии.

– Попросите карту Японии у Константина Николаевича, – посоветовал Можайский.

– У него не та карта, какая нам нужна.

– Как же можно без достоверной карты идти? – спросил Алексей Николаевич.

Раздался общий неодобрительный смешок. Сибирцев возвышался во мнении товарищей.

В длительном плавании офицеры неизбежно начинают испытывать раздражение друг против друга, иногда, как свидетельствует европейская литература, ненавидят ближних. Лейтенант Сибирцев тоже начинал испытывать раздражение. Но как человек, воспитавший в себе привычку не касаться ничьей личной жизни, направил все свое раздражение против политики посольства, которому служил, забывая свои добрые намерения. Хорошо матросам! Степан Степанович их бьет, они его ненавидят единодушно и от этого испытывают чувство единения. Офицеров не бьют, но нас оскорбляют ошибки и неверные понятия!

Адмирал сидел, как обычно, подле пушки за письменным столом, когда Осип Антонович попросил позволения войти.

– Офицеры высказывают желание ознакомиться с картой Японии и ее государственным устройством. – Он сказал о претензиях и упреках, которые пришлось услышать в кают-компании, и попросил распоряжения Константину Николаевичу выдать карту.

Путятин пошлепывал штиблетом по тигровой шкуре под столом.

– Что толку от карты Константин Николаича!

Он приказал пригласить Пещурова.

Путятин взял ключ и открыл большой железный ящик, в котором хранились казна и наиважнейшие документы. Достал пакет, вынул из него и развернул на столе карту Японии.

– Покажите эту, самую достоверную карту Японского государства господам офицерам, чтобы они имели представление. Запрещено и секретно, и никто не допущен... но, господа, это не означает, что высшие лица ничего не знают и действуют наобум! Мы цивилизованное государство, и господам офицерам предоставляется случай убедиться. Заберите ее и ступайте с Осип Антоновичем, – обратился Евфимий Васильевич к своему адъютанту.

В кают-компании все затаили дыхание, когда на большой учебной доске, на петлях, была подвешена на холсте новенькая карта Японского государства со всеми княжествами, городами и дорогами и массой надписей на голландском языке.

Елкин втайне испытывал чувство, подобное обиде ревнивца. На этой драгоценной, так скрываемой карте, которую и показывают-то офицерам лишь в присутствии личного адъютанта адмирала, как бы подчеркивая всю ее секретность и всю значительность, Елкин уже заметил неточности. Он описывал не только бухту Хакодате, но и восточный берег Ниппона. Он и знал об этих берегах, право, больше, чем те, кто эту рисованную японскими топографами карту получил из третьих рук и скопировал.

– Считается, что в Японии существуют два государя и две столицы, – говорил Гошкевич.

– Старая и новая, как Москва и Питер? – спросил Елкин.

– Совершенно не так. Ничего подобного!

– А как же?

– Я объясню. Сначала рассмотрим, где эти столицы, как они называются, как расположены по отношению друг к другу и какова связь между ними. Однако прошу вас, господа, иметь в виду, что достоверных сведений об устройстве японской государственной власти, как и о всех многообразных особенностях жизни японского общества, по сути дела, до сих пор не имеется в Европе и даже эта наиболее достоверная карта может оказаться ошибочной. Все, что я изложу вам, это свод сведений, добытых из трудов разных исследователей, а также все то, что изучено нами под руководством Евфимия Васильевича, который посвятил себя этим вопросам. Адмирал приказал мне сегодня показать вам эту карту и сообщить все имеющиеся у нас сведения с тем, однако, чтобы каждый из вас, господа, как сказал Евфимий Васильевич, отнесся критически ко всему, что услышит и увидит, так как подлинное знакомство со страной и ее изучение нами находится лишь в самом зародыше и дальнейшие сведения могут быть получены только с вашей помощью.

«Это другое дело!» – подумал Елкин. Обида смягчилась, и на душе стало полегче. Но у него руки чесались, хотелось встать, подойти, потрогать карту, посмотреть работу вблизи, тянуло, как Можайского к картинам японских художников, когда не терпелось посмотреть «мазок», как он выражался. «Так же и мне бы глянуть на их „мазок“... Только ведь, верно, не японской работы, а трижды перекраденная европейцами».

– В Японии существуют две столицы. Обе они расположены на главном и крупнейшем острове Ниппон, вдоль побережья которого мы с вами сейчас идем. Северная столица называется Эдо. В ней царствует сиогун. Он военный и фактический правитель государства. Европейцы именуют его обычно светским государем. В его распоряжении находятся все финансы, сложный бюрократический аппарат, а главное – войско и береговая охрана.

Сиогун, слово само, означает «военачальник для подавления варваров». Фактически, как командующий войсками, сиогун царствует. Все европейцы в бумагах своих именуют его государем. С ним, как с государем, судя по газетам, заключили договор американцы. Сиогун должен этот договор ратифицировать. Его государственный совет называется бакуфу, что в переводе означает «палаточная стоянка». Бакуфу и является правительством Японии. Кажется, само название свидетельствует о том, что первоначально это было военное правительство, как бы штаб главного военачальника, какими и являлись первые сиогуну, захватившие власть в государстве, вырвавшие ее из рук законных императоров. Власть сиогуну наследственна. Династия сиогуну рода Токугава, властвующая ныне, находится в состоянии упадка. На престол вступил молодой сиогун, о котором сами японцы тайно сообщают, что он не отличается способностями. Потому еще большее значение приобретает бакуфу, во главе которого стоит известнейший государственный деятель, по должности соответствующий нашему канцлеру.

– Осип Антонович, а вот граф Нессельроде приказал адмиралу убрать нашу крепость с Сахалина? – как с задней парты, выкрикнул из глубины кают-компания юнкер Корнилов. – Почему он посмел это сделать? На устье Амура всем этим возмущены...

– Мальчик, к сожалению, не отличается умственными способностями, – тихо сказал Сибирцеву барон.

Все стали оборачиваться, кто-то засмеялся. Карандашов сделал замечание юнкеру.

– Почему же я не могу спросить, если это меня беспокоит? – возмутился Корнилов. – Я не понимаю, что здесь особенного?

– Раз не понимаете, что тут особенного, то и молчите, юнкер! – вдруг резко сказал Мусин-Пушкин, сидевший во главе стола. – Как это не понимаете? Такую гавань отдать! Черт знает, что вы несете!

«Вот бухнул!» – подумал Алексей Николаевич.

Старший офицер резко встал и отошел к двери.

– Власть сиогуна, однако, точнее, сиогуната, до сих пор остается сверхмогущественной. Это достигается многими средствами, сложной системой взаимного наблюдения за всеми почти без исключения жителями страны, к какому бы сословию они ни принадлежали.

Однако при всей полноте и мощи своей власти подлинным императором сиогуны не являются, и в этом вся сложность. Существует другой владыка, подлинный и законный император, род которого продолжается непрерывно более двух с половиной тысяч лет. Император считается как бы живым богом, потомком богов. За две с половиной тысячи лет род его был всячески унижен и лишаем прав. Однако поскольку японцы верят, что он бог, то ни род императорский, ни кто-либо из императоров никогда не был уничтожен или свергнут с престола. Но теперь фактически император бессилён, хотя и пользуется величайшим почетом и сам сиогуны внешне покорены ему...

– Но держит его в страхе божьем? – спросил Елкин.

– Столица императорская – город Киото расположен близ порта Осака, куда мы идем. Сиогуны не свергали императоров, но они их ослабили и ограничили во всем. Японцы боготворят императора. Император живет в своих дворцах в Киото, невидимый и недоступный народу, окруженный всевозможными почестями и богатством, но лишенный всякой силы и светской власти и связанный во всем. Эта живая святыня находится под вечным надзором ставленников сиогуна. Он как бы узник среди роскоши и поклонения. Однако сиогуны не могут принять важных решений без его согласия. Важнейшие бумаги посылаются из Эдо в Киото к императору, что, видимо, не всегда является лишь формальностью, которую император не в силах не выполнять. Таково искусственное состояние, в котором содержится древнейший род японских императоров, он под вечным, изощренным надзором. Впрочем, точно о нем ничего не известно, и, как знать, может быть, император нередко выказывает сиогунам свой характер. Да как об этом разведать! У адмирала есть более точные сведения, и он, желая уравновесить положение и ослабить сопротивление чиновников бакуфу, идет в Осака. Понимайте сами, господа, что это может означать. Планы адмирала являются частью дипломатического замысла.

– Но кто же все-таки высшая власть в стране? – спросил Сибирцев.

– Император – высшая власть.

– Сиогуны его почитают, но власти ему настоящей не дают. Хотя для формы и не принимают решения без его согласия...

– Император смеет отказать и не утверждать его решений, – сказал Карандашов.

– Никогда не делает этого! – категорически заявил Мусин-Пушкин с таким видом, словно он тоже изучил Японию.

– Все, как видите, изощренно и коварно до крайности, свою святыню японцы ухитряются мучить с почестями. Но... это мое мнение, господа. Евфимию Васильевичу надоело испытывать на себе упорство сиогуна и его чиновников, вот он и решил показать, что еще есть к кому обратиться в Японском государстве, и этим припугнуть сиогуновских прихвостней. Есть, мол, угнетаемая власть, и мы не побоимся в случае надобности обратиться к ней... Вот, господа, на карте мы видим дорогу, соединяющую столицу Эдо со столицей императора Киото. Это главная государственная дорога, и по ней непрерывно идет движение между двумя столицами. Эта дорога называется Токайдо. Токайдо, господа. Запомните это слово. По ней вызываются на службу в столицу сиогуна князья со своими войсками. По ней двигаются с охраной князья. Вот, собственно, те сведения, которыми располагают европейцы. Дальнейшие подробности пока темны.

– Простите меня, Осип Антонович, – подымаясь, сказал юнкер Лазарев, – но что это за карта и чем она отличается от карты у Константина Николаевича?

– У Константина Николаевича находится морская карта побережий Японии, а не политическая. На ней нет княжеств. Копии всех частей ее находятся у нас в штурманской рубке. А это политическая карта империи.

– Значит, мы идем в Осака, чтобы обратить на себя внимание законного императора, как бы их папы римского? – спросил Сибирцев.

– Возможно, что у Евфимия Васильевича есть основания предполагать, что взор японского народа надо обратить на законного императора. Наш визит в Осака будет первым знаком уважения, выказанным европейской державой императору, а не сиогуну, жестом дружественным, слух о котором должен дойти до ушей императора сквозь сиогунские заставы. Уж этого скрыть невозможно. Со временем неизбежно император Японии выйдет из своего состояния изоляции, и адмирал первым предугадывает эти перемены. Конфуций учит, господа, что династия прогрессивна при воцарении и должна быть свергнута, когда обнаруживает признаки упадка, и что главное в государстве народ, который законно свергает дурных и слабых правителей. Евфимий Васильевич, изучая отрывочные сведения о личности императора, хочет предположить, что это сильная и энергичная фигура, которая не будет сидеть сложа руки при грядущих потрясениях. Обращаясь к императору, мы не только желаем сделать намек на его будущее и подчеркнуть, что понимаем его положение, но и заручиться его символической поддержкой. Мы попытаемся напомнить ему о той роли, которую может играть император в жизни современного общества, если он воспользуется религиозными чувствами японцев в политических целях.

– А не получится наоборот, не будет ли еще хуже?.. – спросил Сибирцев. – По теперешнему времени все эти живые боги плохие союзники. А японцы, скорей всего, ничего этого не признают, решат, что хотим застрашать, приближаясь к их живой святыне.

– Да, господа, как знать! Может быть, настанет время, и захочет император ездить по железной дороге! – сказал Можайский. – Наденет котелок, возьмет тросточку да и махнет в Париж!

– Мы демонстрируем нашу приверженность идее полной независимости Японии, уважения к традиционным понятиям японцев и к двойственности их власти. Такова система действий, принятых адмиралом, господа...

– Искусная система! – объявил Можайский, в то время как Пещуров свертывал карту, а остальные офицеры, недовольные последними пояснениями Гошкевича, поднимались и молча расходились из кают-компанияи.

Глава 7. Священные тайны

Океан, меняясь ежечасно, дарил путешественникам одну художественную картину за другой. Солнце восходило в полуме золотых пожаров, красное с утра, и подымалось в черную тучу. Через золото ее каймы и редких лохм виднелся низ огненного полушара, и океан становился тяжелым, иззелена-черным, как чернила. Рябь шла по нему слабее, словно ветер не в силах был вздымать эту тяжесть. Местами оставались такие пятна чистой глади, как черные зеркала.

Сносило тучи, и ветер расходился, разводя свободное волнение.

Волны глухо шумели всю ночь. Перед рассветом тончайшие черные облака расположились друг над другом дугами, сплетая как бы волнистые кружева, сквозь которые видно все огромное небо в бледной голубизне и угасающих звездах.

«Диана» вошла во Внутреннее Японское море. Ее обступили волнистые берега с террасами рисовых полей, в зелени растрепанных ветрами сосен, среди которых виднелось множество соломенных крыш.

В подзорные трубы видны гнутые крыши храмов. Множество лодок шло по спокойной поверхности моря во все стороны.

Капитан приказал вызвать японца, бежавшего из Хакодате. Тот вошел в матросской форме, отдал честь и вытянулся. В парике из пакли он белокур и смугл, как переодетый забайкальский казак.

– Где город, Киселев? – спросил его Гошкевич.

Японец поднялся с офицерами на капитанский мостик и показал на гору, одиноко возвышавшуюся на дальнем берегу.

– За этой горой.

– Ты бывал здесь?

– Нет, не был. Но видел на картинах изображение города и пристани, – отвечал японец.

С марса спустился штурманский поручик Елкин.

– Город большой, богатый, в трубу видно, что там начался невообразимый переполох. Вон, смотрите, все суда и лодки как магнитом тянет за коническую гору. За ней находится, видимо, устье реки. По-моему, нас не ждали, и поэтому такой переполох. В городе люди бегут по улице толпами... Да, за горой, видимо, устье реки, и туда во множестве идут торговые суда.

– Кажется, мы пришли в Осака раньше, чем успели сюда распоряжения из Эдо! – сказал Посьет.

Японец Киселев объяснил, что высокая гора насыпана руками людей. Что реку приходилось углублять, песок из нее всегда вычерпывали и сваливали. За многие сотни лет получилась такая высокая гора. На ней разбит сад из розовой вишни. Заметно было, что обо всем этом японец говорил с гордостью.

– Наша «Диана» – черный корабль. У Перри тоже были черные корабли. Поэтому жители города поняли, что пришли американцы, и все очень испугались. У японцев корабли красятся в белую краску и вообще делаются очень красивыми, – объяснял Киселев.

«Диана» бросила якорь в трех кабельтовых от устья реки. Быстро наступила южная ночь. На берегу зажглось множество огней. Огни двигались по реке, по горе вверх и вниз и по всем берегам.

Утром баркас отвалил от «Дианы». На руле сидел лейтенант Пещуров. Он правил в устье реки, протекавшей по городу и забитой множеством мачтовых лодок. На баркасе адмирал, капитан, Гошкевич, Сибирцев и два десятка матросов. В кильватере идут еще две шлюпки.

Вход в реку перегородила плотная масса лодок. На палубах стоят целые отряды японских воинов в голубых халатах. Черное пламя отражается от лакированных шляп самураев.

На горе и по берегу моря видны солдаты с копьями. На холмах разбиты группы шатров. Всюду лагерь и войска. «Поразительно, как быстро японцы собрали такую армию», – думал Алексей Николаевич.

Близился вход в узкую реку. Берега ее облицованы серым камнем. Крупные плиты уложены друг на друга, и прямо на них, как на фундаментах, построены живописные башни под цветной глазурованной черепицей. Эти башни с многочисленными крышами одна над другой стоят у входа в реку, как два часовых в выгнутых шляпах. Их красные черепицы сияют на утреннем солнце. Форты защищают вход в реку.

У подножия расположилось на лодках японское войско со множеством флагов и значков на высоких древках.

– Войска много! – с сожалением сказал Киселев. – Мы их, наверно, не победим. – Он стал объяснять Гошкевичу, что, судя по знаменам, тут кроме императорских собраны войска разных князей.

– Навались! – приказал Лесовский, и баркас помчался прямо на строй японских лодок.

Японцы двинулись навстречу. Приближаясь, они ставили свои лодки бортами под удар. Пришлось бы разбить борта первой же, которая подвернулась.

– Суши весла... Табань! – раздалась команда, и баркас сразу встал.

– У них тут много народу очень, – по-японски говорил Гошкевичу новый моряк.

Гошкевич, стоя на носу баркаса, спросил, нет ли голландского переводчика. Ему отвечали с лодок по-японски, что переводчика нет.

– А на нэ, – крикнул Киселев, перегибаясь с кормы к ближайшей лодке. Он о чем-то разговорился с солдатами.

Гошкевич написал иероглифами записку и передал ее на большую лодку рыцарю с двумя саблями.

Японцы, увидев на листе прозрачной бумаги написанные умелой рукой иероглифы, стеснились, читая их, а потом с уважением посмотрели на высокого рыжего эбису⁷.

– Надо, господа, уметь и уступать, – сказал адмирал, возвратившись с офицерами на судно.

«Все зря ходим, – думал Алексей Сибирцев. – Сколько опять забот, трудов напрасных. Понесло же нас сюда! Даже не видим ничего. А сколько, наверно, в этом городе интересного, там, за горой».

На судно прибыли чиновники.

– Почему вы собрали такое множество войска, когда мы пришли на одном корабле с небольшой командой? – спросил их адмирал.

Чиновники и переводчики заполнили почти весь салон адмирала.

– Этот порт закрыт для иностранцев. И встречи с нашими послами возможны только в Нагасаки. Ваше прибытие очень обеспокоило наш народ. Поэтому, чтобы успокоить население, мы собрали войска. И мы не можем позволить здесь сход на берег при всем уважении к вам.

Путятин объяснил, что письмо для японского правительства он передал губернатору города Хакодате.

– Мы прибыли сюда, чтобы встретиться здесь с представителями высшего японского правительства и, проникнутые духом благоговения перед святынями Японии, благополучно закончить переговоры, начатые нами в Нагасаки. Мы пришли с дружественными намерениями и не позволим себе никаких враждебных действий. Нам кажется, что вблизи Эдо продолжать переговоры будет трудней, чем вблизи Осака...

⁷ Варвар.

– Мы очень благодарны вам за это, – спокойно отвечал старый чиновник, – но у нас принято считать, что если иностранное судно входит в запрещенные для него воды, то это враждебное действие.

– Сейчас уже пора менять такие взгляды. У вас изданы теперь новые законы. Мы известили правительство Японии, что идем сюда. Письмо об этом принято. Мы пришли законно и ждем ответа на свое письмо и не будем нарушать законы вашей страны.

– Нам кажется, что вам надо как можно скорей уйти отсюда. Это будет понято у нас как выражение дружбы и уважения к нашим обычаям. Здесь у нас нет знатоков западного языка и учреждения для приемов иностранцев.

– Мы должны дождаться ответа на наше письмо, – отвечал Путятин.

Потянулись дни терпеливого ожидания. С утра до поздней ночи капитан не давал покоя экипажу. С утра матросы маршировали по палубе с ружьями. Они упражнялись, передвигая пушки, как на артиллерийских учениях. После обеда занимались парусными и гребными гонками.

Елкин ходил на шлюпке с разрезным гротом и описывал берега Внутреннего моря. Какая-то японка кинула ему однажды яблоко из своей лодки. Можайский подходил на вельботе к устью реки и рисовал два форта на ее берегах, похожие на розовые столбы или на многоэтажные храмы.

А в Осака закрывались магазины и лавки. Население хлынуло прочь из города. Весть о приходе иностранцев на военном корабле разнеслась повсюду. До сих пор люди знали, что иностранцы на черных кораблях появлялись лишь в заливе Эдо. Сообщали друг другу тайно, под страхом наказаний. Но эту запретную для простого народа новость узнала вся страна.

Существовала тайна тайн. Но тайна злободневная. Только что в самый день подхода баркаса эбису к устью реки Он выехал из своего дворца в Киото и прибыл в древнейший монастырь, расположенный под городом Осака.

Одни говорили, что император прибыл в замок Хиконэ-дзо на поклонение святыням в этот день неслучайно.

Но у многих являлось сомнение: «Не прибыл ли император в замок по какой-то другой причине? Даже страшно подумать! Еще никогда ничего подобного не случалось».

Все окрестные князья решили немедленно доказать свою преданность императору. В первую же ночь воины были подняты из всех городов и вотчин. Они двинулись с фонарями через леса и поля, чтобы защитить побережье и вход в священную реку от варваров.

Опасаясь святотатства, которое могли совершить прибывшие иностранцы, богатое население кинулось прочь из города. За богачами потянулась беднота.

Прибыл ответ из Эдо. Правительство сообщало, что письмо посла Путятина получено. Осака не является местом приема иностранцев, поэтому в Осака невозможно встречаться послам. Местом переговоров представителей японского правительства с русским послом назначается порт Симода на полуострове Идзу. При прощальной встрече Путятин поблагодарил чиновников.

– Мы выражаем вам наши самые искренние чувства, – сказал адмирал, полагая, что такая вежливость согласна с обычаями японского этикета и что кашу маслом не испортишь. – Мы глубоко благодарим японское правительство за назначение уполномоченных для встречи с нами в городе Симода. Здесь, в Осака, мы провели дни вблизи и в глубоком благоговении перед почитаемой святостью...

Японцы замерли. Смятение выразилось на их лицах. О разговоре следовало докладывать наместнику.

– Зная всю глубокую мудрость духовного и светского управления государством... – продолжал Путятин...

Наместником в Осака назначался один из высших и знатнейших князей, пользовавшийся доверием сиюгуна.

«За началом начал» наместнику приходилось наблюдать, не позволять никому приближаться к священной особе императора, внушать к нему чувства, как к богу. Но этот бог, переселяясь от отца к сыну, вот уже много столетий жил как под арестом у того, кто его глубоко чтит и кто молился ему. Таково положение вечного равновесия. От наместника требовалось умение выказывать такт и находчивость, самоотверженность, честность и преданность, следить за соблюдением всех обычаев и традиций, а также сохранять изоляцию того, кто находился на высшей ступени почитания на земле.

Путятин говорил так смутно и так почтительно, с таким множеством вежливых выражений, что, кажется, ничем не оскорбил слуха чиновников, присланных наместником.

– Местом переговоров с японскими представителями назначается порт Симода, – объявил капитан своим офицерам.

«Это под Фудзиямой!» – с восторгом подумал Можайский.

«Симода?» – Шиллинг вспомнил, как Кичибе говорил ему: «Копию договора вы доставите в Симода...»

Утром готовились к переходу, тянули такелаж, запасались пресной водой, которую подвозили в лодках японцы.

«Пока вы находитесь около нашего города, вам не угрожает опасность, – объяснял Гошкевичу иероглифами, рисуя их на бумаге, один из чиновников. – Опасность может быть в открытом океане».

– Что же грозит нам в океане?

– Пока мы не знаем точно размеры опасности. Наступила черная ночь в звездах. Огни мерцали на берегах и лодках. Не дремлет военный лагерь.

– Будущее принадлежит жизни духовной, а не миру коммерции и банковских операций, – говорил, сидя с офицерами в кают-компани, Евфимий Васильевич.

Лесовский слушал, как бы ценя мудрость и откровения адмирала. Но сегодня капитан придерживался совершенно противоположного мнения.

«Не идей, а порядка нам надо. Будущее за тем, у кого порядок и мордобой. Людоедство, а не духовная жизнь! Иначе с человеком не сладишь. На людоедстве построены все успехи и процветание цивилизации. Едят друг друга без зазрения совести. И кто жив остался, тот и доволен. И с нашими не сладишь без кулака. А идея хочет смягчить, замедлить это развитие. Да сама машина – людоед».

Только идея проникновения в Осака для передачи сведений о современных событиях духовному таинственному владыке пришлось по душе Степану Степановичу. «Здорово сладил Евфимий Васильевич! Искусный ход! Не зря ходили сюда! Да как-то отсюда выберемся! Видно, где-то ждут нас...»

– Япония, конечно, откроется, – продолжал рассуждать Путятин. – Они тянут время из гордости, что не означает, будто у них такова система, как полагают многие. Они чувствуют, что грядут потрясения, каких страна еще не знала, и как бы произносят в уме: «Минет ли меня чаша сия...» А чаша ждет каждого из нас... Император их – человек. Мы-то, европейцы, знаем, что он не бог, а человек.

Утром, после подъема флага и молитвы, на фрегате подняли паруса. «Диана» пошла на север.

– Хороший город когда-нибудь построится, – говорил в это бодрое и свежее утро Александр Можайский.

Он и сам свеж и бодр. Он смотрел на это свежее утро Японии в ясный час, когда отдаленная синева уж затянула враждебные войска и лагеря на далеком берегу и только возделанные поля на мягких очертаниях холмов виднелись с ходко шедшего под всеми парусами фрегата.

В полдень Алексей Николаевич принял вахту. Какое-то палубное судно, свернув парус, шло на веслах наперерез «Диане». Человек в халате, взмахивая белым флагом, что-то кричал.

– Немного говорю по-русски! – крикнул он с лодки.

– Трап! – скомандовал Сибирцев.

Японец подошел, стоя на борту своего судна.

– Здравствуй! – сказал он по-русски лейтенанту. – Я был унесен морем Камчатка. Три года назад корабль «Князь Меншиков» привез нас в Симода.

– Перейдите на наше судно.

– Нельзя! Запрещается... Немного говорю.

Капитан и Посыет подошли к борту, японец сказал:

– Хочу известить. Порт Нагасаки английская эскадра. Чтобы японское правительство выдавало русских. Вас ищут. Их флот – четыре корабля: «Винчестер», пятьдесят пушек, еще пароходы «Барракута», «Стикс», «Энкоунтер». Три парохода. Я – Камчатка! Василий Иванович Завойко. Япон не скажет, где русский.

– Перейдите к нам, пожалуйста! – побагровев, сказал капитан, перегибаясь через борт.

– Пожалуйста, пожалуйста! – низко поклонился дважды японец.

Его гребцы затабанили, и лодка сразу отошла.

– Прошу вас... – закричал в рупор капитан.

– Спасибо... Спасибо, – кланялся японец.

– И все-то они кланяются! – вырвалось у Сибирцева. Теперь вся команда японского корабля стояла на коленях и кланялась «Диане» и Лесовскому.

– Господа, быть не может, что подобное предупреждение сделано нам японцем без ведома правительства! – запальчиво говорил потрясенный Гошкевич.

– Господа японцы, адмирал просит вас к себе. На нашем корабле адмирал. Немедленно пожалуйте.

Японцы стали грести к борту. Они перешли по трапу на «Диану». Через час довольные гости вышли от Евфимия Васильевича.

Через несколько дней, едва завиделась гора Фудзи, как облака окутали ее вершину. Сразу налетел шквал. Ночью заревел шторм.

– Фудзияма разъярилась... – говорили офицеры. Утром над тучами снова выглянула вершина Фудзи, на этот раз черная как уголь.

Фрегат с трудом шел галсами против ветра. Фудзи на закате очистилась и стояла вся в красном.

По всей массе поднявшихся из моря скал-островов, по выступам каменных быков и по столбам в тропической зелени ударяли океанские волны. Все в пене, и все бушует в этих каменных лабиринтах.

– Какая грозная и величественная страна! – вдохновенно говорил Александр Можайский, когда фрегат «Диана» входил в бухту городка Симода. – Совсем не хризантемка и не гейша! Смотрите, как берег вдали крут и грозен.

– А как вы думаете, Елкин, с японками надо обходиться? – спросил барон Шиллинг.

– Да так же, как со всеми. Все то же самое, уверяю вас.

– Нет, что вы. Тут надо как-то особенно.

– Ну как?

– Я еще не знаю сам. Но чувствую, что здесь все какое-то особенное. Вот и хочу узнать у вас.

На душе у Алексея Николаевича было невесело. Пошел дождь. Ветер усиливался. «Что-то здесь нас ждет?»

Утром маленький рыбацкий городок виден был как на ладони. На берегу горной речки и по ущельям между высоких сопок тесно набито несколько сот лачуг. Как могли американцы признать этот порт пригодным для международной торговли?

Все чувствовали себя тут как петербургские щеголи, которым предстояло ходить по грязной деревенской улице.

Путятин смотрел из широкого окна на корме на эту сумрачную и тяжелую картину грозной природы и человеческой нужды, примостившейся всюду, где ухватился человек за клочок удобной земли. Но на душе у него было светло.

Он знал, что он, а не Перри открыл Японию.

Первую бумагу в своей истории японцы подписали с ним, с Путятиным! Не из-за угля рвал на себе волосы Перри, а из-за этой бумаги. Он бумажная душа, ярыга из Штатов, и его мысли идут в кильватерной колонне за флагманскими докладами президенту. Не он открыл Японию! Не с ним подписана первая деловая бумага!

Разве не понятна интрига, которую сочиняют против Евфимия Васильевича? Адмирал Рикорд, горячая голова, представил патриотический доклад государю, предлагая послом в Японию отправить Муравьева из Иркутска, под тем предлогом, что сам он, Рикорд, будто бы только потому освободил из японского плена Василия Головнина, что, придя за ним в Японию, сказался камчатским губернатором. Японцы приняли это как дань соседского уважения, очень им польстило будто бы, что сосед, русский бугё, явился с просьбой! Итальянская интрига! Хитрости! Муравьева вместо меня! Да со своей требовательностью куда бы он! Смирения нет у них ни у единого!

Из вежливости, чтобы не обижать Перри, и к нему Евфимий Васильевич обратился кротко. В долготерпении снисходительности обратился к командующему могущественным флотом с предложением действовать сообща. Зная заранее, что Перри отвергнет или уклонится! Да и то не беда, кротость и янки выказать пришлось! Теперь на единственном корабле? Да, но с чувством дружбы к японцам и уважения к их стране! Вот с чем пришел Путятин, а не с камнем за пазухой! Потому и светлы его мысли.

В Нагасаки японцы подписали обязательство. В бумаге два пункта. Первый – обещание в будущем завести торговые отношения с Россией. Обещание второе – если за время отсутствия Путятина Япония подпишет договор с какой-либо другой державой, то все, что будет дано кому-либо, будет предоставлено и России! Чего же еще?

Бог не оставит Россию и с единственным парусным кораблем.

«Но, в гневе явившись, Перри не мог не пустить в ход все средства, чтобы настроить против меня японцев. Если так? И тут долг мой не ссориться с японцами, понять их в беде, опровергать, конечно, но и помочь, протянуть им руку во грехе их зла, возбужденном против нас. Протянуть руку и способствовать выйти им из тины болота, куда ввергли их американцы».

Так думал Путятин, глядя на городок Симода в пасмурный день и ожидая прибытия японских уполномоченных из Эдо.

– А, Мориама Эйноскэ! Здравствуйте! – сказал по-голландски Посьет, встречая прибывшего на лодке переводчика.

– Знакомьтесь, господа, – сказал по-русски Константин Николаевич, обращаясь к офицерам, – это знаменитый Мориама Эйноскэ – главный переводчик на переговорах в Нагасаки. Он вел переговоры с коммодором Перри. Еще раньше встречался с англичанами и американцами. Какие важные новости, Эйноскэ? Значит, здесь при управлении бугё есть должность переводчика иностранного языка! Каково японцы действуют! А сами клянутся, что у них все по-старому.

Мориама Эйноскэ немолод. Несмотря на шарик на бритой голове, он больше похож на американца, чем на японца. Эйноскэ высок, строен, широк в плечах, с достоинством подымает

голову. У него седина в висках, длинное лицо и крутой энергичный нос. Он чем-то похож на боксера, накинувшего на могучие плечи японский халат.

В Нагасаки Эйноскэ ползал на коленях, лежал плашмя на полу и втягивал в себя воздух после каждой фразы, как бы показывая, что не смеет дышать в присутствии представителей своего правительства. А теперь стал похож на джентльмена, держится прямо, не сгибается в вечном полупоклоне, его сухая широкая грудь выдается из-под халата, вид гимнаста. Умный холодный взгляд. А когда-то, как говорят, участвовал в допросах и пытках американских и английских моряков, попадавших после кораблекрушений в Японию.

– Как же вы не знаете, Эйноскэ, что заключен договор? – спрашивал Посьет по-голландски. – А мы читали об этом в газетах.

– В газетах? А где газеты выходят? – беря в руки «Чайна мэйл» и сидя в кресле прямо, спрашивал Эйноскэ. – Ах, в Гонконге! А-а! – разочарованно добавил он.

– А мы встретили Кичибе в Хакодате.

– У него, знаете, вырос сын и тоже стал переводчиком. Ему доверяли работать с американцами.

– Теперь и вы говорите по-английски?

– Да, немного...

– Что же было с американцами?

Глава 8. Черные корабли в заливе Эдо

Одна из причин экспедиции Перри тщательно скрывалась американцами по ее мнимой незначительности. Они знали суть дела лучше, чем европейцы. Русские появились на Сахалине и на так называемом Татарском берегу. Об этом поступали многочисленные неофициальные сведения от китобоев. Об этом упоминали в американских газетах. И об этом были официальные сведения, поступавшие от дипломатов из Европы.

Не зная истории Русского Приамурья в семнадцатом веке и предшествовавших и последующих событий, американцы хотели видеть в появлении русских на южных берегах Охотского моря лишь проявление экспансии. Морские офицеры России сделали несколько попыток ограничить промыслы американских китобоев. Пока у русских для этого еще не было достаточных средств, и они вскоре отказались от таких намерений. Но цели их очевидны, и, окрепнув, они последуют им. В будущем они могли оказаться опасными, тем более что на Американском континенте им принадлежат пространные территории и отличные гавани.

Перри и американские морские чины судили о русских по фактам. Царская Россия вела войну на Кавказе, занимая новые территории. Она усиливала давление на Среднюю Азию, стремясь, как предполагали, в Индию. Она все более теснила Турцию в Малой Азии и на Кавказе. Она вмешивалась в европейские дела, всюду поддерживала реакцию. Она подавила революцию в Венгрии.

Движение к Тихому океану, по мнению передовых людей России, открывающее для народа великое будущее, американцы не отличали от обычного экспансионизма.

Россия обладала здоровым и стойким крестьянством, отличавшимся замечательной рождаемостью, и отважным, предприимчивым казачеством – сословием прирожденных воинов, посредством которого империя осуществляла все свои захватнические предприятия. В России появлялась промышленность, приступали к сооружению железных дорог и телеграфа.

Казачьи выходы по судоходному Амуру на Тихий океан, и с этим нельзя не считаться. Следующим этапом после того, как они утвердятся и освоятся на новых местах, будет, как полагали многие в Европе, захват Северной Японии.

В то же время американцы получили порт Сан-Франциско и открытые морские пути через эти ворота в океан.

Перри, изучая все сведения о современном положении на Тихом океане, пришел к заключению, что Россия нашла слабое место в строю азиатских империй и что она, опираясь на новые приобретения, со временем захочет стать госпожой всего Тихого океана.

– Она постепенно и незаметно, лукаво охватывает весь океан своими приобретениями! – говорил коммодор.

Другой еще более важной причиной экспедиции были поиски рынков. В Китае все более укреплялись англичане. Япония еще не была захвачена какой-либо торговой державой. Япония была не только неоткрытым рынком с огромными возможностями, она в современном политическом положении была неподвижным, но ужасным препятствием развитию тихоокеанской торговой цивилизации. Японцы упорно противодействовали всем нациям в попытках установить торговые и дипломатические сношения с их страной и разрешить мореплавание у своих берегов. Настала пора это препятствие разрушить и нанести решительный удар. Этого не смог еще никто осуществить.

После победы над Мексикой необходимо было еще выше поднять престиж Штатов, и они поставили такую цель.

Двадцать два года тому назад Метью Колбрайт Перри на корабле «Конкорд» доставил американского посланника Рандольфа в Петербург. Сам Рандольф оказался сварливой личностью, и все долгое плавание через океан и моря приходилось с ним ссориться.

Через несколько дней после того, как в Петербурге Рандольф вручил верительные грамоты, к царю были приглашены офицеры «Конкорда» во главе с капитаном. Император Николай Первый принял американских офицеров в Зимнем дворце в огромном зале стоя. Он спрашивал Перри об американском флоте. Пришлось долго стоять. Вопросов было много.

Нервы капитана были истрепаны дорожной склокой со знаменитым циником своего времени, бюрократом Рандольфом, как старые паруса. Перри готов был принять интерес императора к флоту своей страны за беззастенчивый шпионаж. Еще в Лондоне англичане, известные как знатоки России и ее внутренней политики, развили в капитане «Конкорда» мнительность и подозрительность. Напряженность и неприятное чувство недоверия не оставляли Перри за все время беседы. Хотя он понимал, что маловероятно, чтобы русский государь добывал шпионские сведения о Штатах точно так же, как он выпытывал секреты у заговорщиков.

Польстило, что молодой и величественный император говорил с ним так, словно Перри был его офицером.

Роскошь и богатства Зимнего дворца с его многочисленными статуями, картинами и гобеленами произвели на Перри впечатление. Казалось, что тут все рассчитано на ослепление и подавление личности.

С тех пор многие русские казались Перри тиранами, шпионами или переодетыми казаками.

К тому же Рандольф сообщил в день приема, что «Конкорд» должен задержаться в Петербурге на неопределенный срок. Посол вдруг возвратился на борт вместе с запасом вин, сигар, со множеством чемоданов и сундуков, в сопровождении слуг и заявил, что отправляется в Лондон.

Россия не понравилась старому остряку. Возложенные на него переговоры о заключении торгового трактата между Америкой и Россией он решил продолжать с русским посланником в Лондоне, где, как он полагал, жизнь приятней, чем в Петербурге.

Все же Перри сохранил лучшие воспоминания о России и русских до тех пор, пока его не назначили командующим эскадрой, идущей в Японию, и великому коммодору не стали снова мерещиться ожившие в его памяти тени русских шпионов.

Он снова вспомнил самоуверенного императора и его казаков. Теперь, в зените после победы над Мексикой, он мог утереть нос русскому императору и заставить его вспомнить о скромном капитане «Конкорда»!

Коммодор Перри велел представить ему все книги, карты и документы, какие только возможно было получить о Японии и о сношениях американцев с этой страной. Он также затребовал сведения обо всех попытках европейских наций завязать отношения с Японией. Дипломаты и государственные деятели, обсуждавшие с Перри планы экспедиции, говорили ему главным образом об опыте англичан и голландцев.

Но Япония близко расположена к России. Перри прочел книгу Крузенштерна, доставившего в начале века посольство Резанова в Нагасаки, а также записки Головнина. Головнин был коварно схвачен японцами и содержался в плену. Перри узнал об экспедиции Хвостова и Давыдова.

Крузенштерн писал, что тот, кто владеет гаванью Анива, владеет всем севером Тихого океана.

Англичане попадали не в лучшее положение в Японии, чем русские, и с ними обращались со всей жестокостью, оскорбляя их достоинство.

Команды американских китобойных судов «Лагода» и «Лауренсия», вынужденные в разное время после кораблекрушений искать спасения у японских берегов, заточались японцами в тюрьмах в клетки, и многие моряки умерли там от жестокого обращения, не дождавшись освобождения. Судно «Моррисон», явившееся в Японию, чтобы передать спасенных после кораблекрушения японских рыбаков, было отогнано артиллерийским огнем береговых батарей.

Причина, как полагал Перри, была одна во всех случаях. За Японию не взялись как следует. Русские действовали бедными средствами, рассчитывая на казачьи нравы своих исполнителей более, чем на средства и вооружение. Они отправляли офицеров, которые выказывали героизм, но у которых не было ни многочисленных команд, ни совершенного оружия, ни современных кораблей, ни отчетливо поставленной перед ними цели. Надо, как полагал Перри, отправить экспедицию, снаряженную совершенно противоположным способом: богатую, снабженную всем в изобилии, с многочисленными экипажами и с подготовленными десантами, идти на современных кораблях.

Подготовка экспедиции началась еще до того, как Перри вызван был в Вашингтон. Как только об этом стало известно из газет, посыпались предложения услуг от судозаводчиков, изобретателей и инженеров. Предлагали строить всевозможные суда, особенно большие, защищенные броней от ядер и бомб, с машинами повышенной мощности, оригинальной конструкции. Инженеры получали возможность произвести революцию в кораблестроении. Желая во всеоружии явиться перед берегами Японии после тяжелейшего плавания через океаны, американцы не жалели средств. Через несколько лет спущены были на воду самые большие, быстросходные и мощные для своего времени пароходы.

На «Поухатане», как уверяли газеты, громадное орудие на поворотном круге из рельсов, образующих как бы спираль на палубе, поворачивалось на все 360 градусов.

Сведения о подготовке экспедиции должны были через голландцев достигнуть Японии и произвести там гипнотизирующее действие. В секрете держался лишь порт назначения американской эскадры. Из многочисленных газетных статей можно было понять, что эскадра идет в Южную Японию.

Перри знал, что он не позволит обмануть себя, как Головнин, и не даст повода надеяться, что он, как Резанов, придаст значение японским церемониям.

Ближайшая цель экспедиции ясна и принята всеми. С ней согласны президент, государственный секретарь, министр флота, лидеры оппозиции, купцы, банкиры, ораторы в парламенте. Тут разногласия почти не было. Все делалось в интересах народа. Народ просил открыть Японию. Китобоям и судовладельцам нужны были станции на японских островах, невозможно плавать в океане, если там, как тюрьма, неприступная, охраняемая Япония, за один заход в бухты которой людей морят голодом и мучают годами. Очевидна возвышенная и благородная цель – спасенье европейцев, страдающих от японского деспотизма. Народу Японии открывалась возможность приобщиться ко всемирной цивилизации.

Японию надо было заставить подчиниться законам, принятым в цивилизованном мире. Ее надо было открыть для американской торговли. Надо открыть ее порты для захода американских кораблей.

Президент Фильмор во время своих встреч с Перри говорил также о возвышенных и благородных целях экспедиции, о христианстве, морали, цивилизации и мировой торговле, о равных возможностях для стран всего цивилизованного мира на рынках Японии и в ее портах.

Перри, человек военный, всю жизнь прошедший в тяжелых экспедициях, знал, во что обходятся цивилизации ее благородные намерения. Он с флотом в сто кораблей штурмовал и бомбардировал во время недавней войны с Мексикой город и крепость Вера-Круц. После этого Америка получила Сан-Франциско. Коммодору приходилось вздергивать людей на мачтах, характер его был закален не только морскими штормами.

Тихий океан должен стать американским морем. Так полагал сам Перри. Это будет не сразу, но это случится когда-то в будущем как результат его великой экспедиции. И это не будет значить, что океан закрыт для других наций. Нет. Япония же должна со временем тоже неизбежно подчиниться Америке, стать ее колонией, и это, конечно, не означает тиранического безраздельного господства английского образца.

У Перри были единомышленники среди деловых людей. В поддержке ораторов, литераторов и даже ученых он не нуждался.

Перри отказался взять с собой ученых. Он отказал в этом и ученому-голландцу Зибольду – знатоку Японии, который бывал в этой стране, кажется, единственный из всех живых ученых мира. Зибольд приехал в Америку из Европы и просился идти в Японию. Он знал японский язык. У Перри не было людей, знавших по-японски.

Но с Зибольдом о чем-то советовались русские еще до того, как казаки заняли Приамурье. Он был свой человек среди ученых в Петербурге. В Вашингтоне колебались, не зная, как быть с Зибольдом. Перри сказал решительно:

– Зибольд – русский шпион!

Он отказал вообще всем ученым. Он не желал лишних свидетелей. Разница между теми, кто провозглашает великие идеи, и теми, кто ради них вздергивает своих же матросов на виселицу или запарывает их, слишком велика. Исследователи и ученые могут не понять этого и помешать делу, которое должно неумолимо двигаться вперед, чтобы впоследствии обогатить науку и обрадовать нацию и самих ученых. Двигаясь вперед, дело рано или поздно придет к тому, что угадывает Перри. Он этого не скрывает. И не он один. Страна способна победить любого противника. На ее окраинах вырастают молодые американцы, с детства владеющие оружием и отлично сидящие в седле. Уже готовились для этих парней новые дела, и не на маисовых полях, не в скотниках и не при табунах лошадей.

Победившая Америка ждет новых благородных подвигов и еще большего прославления нации. И в такое-то время воспротивятся японцы? Если сопротивление станет дерзким или опасным, забурлит вся страна.

Так был отправлен самый лучший флот, не имевший себе равных по вооружению, дороговизне и совершенству, с самыми лучшими боевыми, испытанными командами. И все это в эпоху войн с индейцами, фортов на границах страны, которые представляли собой сараи с соломенными крышами, когда американские войска состояли из всадников в соломенных шляпах и в неодинаковых костюмах, на разномастных лошадях, когда сельская Америка была бревенчатой и соломенной, торговавшей кожами, кукурузной мукой и рабами, секущей и секомой, несмотря на великие заповеди Вашингтона о равенстве.

А городская Америка уже отстраивалась каменными домами банков, заводов и фабрик, привлекая дельцов, сутяг и хищников со всего света, провозглашая их отборным цветом человечества и позволяя им под флагом свободы досыта наклевать мяса под кожей любого цвета.

Перри шел знакомым путем через Атлантический океан, там, где когда-то командовал эскадрой, ловившей работорговцев и вздергивавшей их на виселицы. Пошли вокруг Африки, Индии и Китая, были в Гонконге, Шанхае. На Окинаве у голландца за тридцать тысяч долларов купили карту Японии с изображением главных портов, бухт и заливов, княжеств Японии, ее городов и дорог. Карта составлена японцами и выкрадена или тайно куплена у главного шпиона Японского государства голландцами, которые отлично знали, что тайну, как и сокровища, вернее всего добыть от того, кто ими обладает и знает их ценность.

Из четырнадцати судов эскадры под командованием Перри осталось только шесть, когда завиделись берега Японии. Остальные задержались в пути, были разосланы с поручениями, некоторые не совсем удачно продвигались к портам сбора. Из Штатов корабли шли небольшими отрядами, а не единой армадой. Вообще с кораблями случались неприятности. Даже огромные пароходы, краса и гордость флота молодой страны, были спущены с опозданием, расчеты инженеров сплошь и рядом оказывались неверны, машины не умещались в корпусах, случались аварии и черт знает что еще, словно не один Зибольд хотел помешать экспедиции. Эскадра вышла с опозданием чуть ли не на год, и дальше все шло из рук вон плохо. Но какие бы суда и куда бы ни уходили, а «Саскачеван» и «Миссисипи» Перри не отпускал от себя. Его флаг был на «Саскачеване».

На Окинаве у японцев, конечно, жили шпионы, и в Эдо было сообщено о походе эскадры Штатов на север. Но разве могли японцы предполагать, что Перри схватит их за самое сердце!

Эдо – столица сиогуна – стояла на дальнем берегу залива, вход в который узок, берега гористы. Сама природа создала здесь все, чтобы Япония не подпускала чужеземцев к столице.

С расчетом на окончание сезона дождей и туманов четыре американских корабля подошли на расстояние сорока миль от входа в залив Эдо при закате солнца 7 июля 1853 года, за восемнадцать месяцев до прихода Путятина в маленький городок Симода и за месяц до его прибытия в открытый для иностранцев порт Нагасаки в Южной Японии.

Фрегат «Сапплей» отстал еще раньше, а «Каприз» еще из Пахы был отослан с Окинавы с почтой. Перри послал донесение через Шанхай о том, что архипелаг Рюкю вместе с главным островом Окинава принят под покровительство Соединенных Штатов. Сделан первый и решительный шаг. Надо было занимать еще не занятые земли и острова. Еще русский адмирал Литке писал, что на южных островах можно завести фермы для снабжения Камчатки. Может быть, и на Окинаву он хотел поселить терпеливых русских казаков?

Королю островов Рюкю негде просить помощи. Из заморских гостей американцы превращались для японцев в близких соседей.

Наутро пароходы «Саскачеван» и «Миссисипи» и парусные шлюпы «Саратога» и «Плимут» подошли ко входу в залив Эдо.

Сезон дождей окончился. Вход в залив был окутан густым розовым туманом. Солнце стояло в глубине его, как на японском флаге. Тихо и мерно стучали мощные машины винтовых пароходов, ведших на буксире оба военных шлюпа.

Вперед пошли баркасы, измеряя глубину. Дул встречный ветер, и вокруг эскадры из розовой мглы то и дело появлялись рыбацкие джонки с заполненными ветром четырехугольными парусами, сверкающими от солнца, как зеркала. Люди на них вскакивали от изумления, видя перед собой вдруг появившиеся громадные суда черного цвета со свернутыми на мачтах парусами, идущие прямо против ветра.

Со шлюпки дали знать, что справа берег. С другой шлюпки сигналили, что берег слева. С баркаса передали: «Глубина сорок пять футов».

Американские корабли приближались к мысу Сагами, за которым должен открыться великий и таинственный залив Эдо.

Где-то близко в розовом тумане блеснул красный огонь. Докатился негромкий звук пушечного выстрела. Суда входили в порт. Видны холмы в лесах. Ветер переменился, и две джонки, поставив паруса, пошли полным ходом в залив. Пароход без парусов со скоростью девять узлов быстро нагонял их. На джонках засуетились испуганные люди, уронили паруса, кинулись к веслам и изо всех сил стали грести к берегу.

Карта голландца верна. Все сходится. Коммодор на широком мостике «Саскачевана» вместе с флаг-капитаном Адамсом и капитаном Бучананом. Приказано поднять сигнал: «Приготовиться к действиям!»

Люди схлынули по трапам вниз, очищая палубу «Саскачевана», как перед боем. Выкачивались и устанавливались орудия.

Черные пароходы шли через целые флотилии джонок.

– Задержите одну из лодок, – приказал коммодор.

Матросы на шлюпке ухватили баграми рыбацкую лодку, и, как по команде, все лодки и джонки стали грести прочь.

Видны стали скалы, разделявшие на берегу два небольших городка, горы за ними, леса и в расчистившемся огромном небе, уставленном синими горами, во всем величии сразу и как бы покорно открылась девственная белоснежная вершина Фудзиямы.

Перри, не склонный к сантиментам, но суеверный, как каждый моряк, смотрел на великую гору с сознанием своего преимущества и с благодарностью. Он знал легенды японцев об этой горе и счел хорошим предзнаменованием ее появление.

Подняты шары, означающие приказание: «Всем капитанам явиться к коммодору».

Солнце поднялось высоко. Вершина горы Фудзи белела в вечных снегах или в облаках. Над селениями зеленели склоны гористой страны на полуострове Идзу.

К эскадре двинулась масса стройных и легких лодок.

«Глубина двадцать пять футов», – сигналили с идущего баркаса.

«Следуйте дальше тем же курсом, вдоль берега», – отвечали с флагманского корабля.

Пароходы шли без ветра и без парусов, не оставляя японцам в лодках никакой надежды приблизиться. Японцы махали руками, видимо, желая что-то передать или сообщить. Их лодки отстали.

Раздался крик офицера, лязг цепи и грохот летящего в море якоря. Вскоре с берега послышался еще один слабый выстрел. Пароход встал напротив города Урага, который изображен был на карте, лежащей на столе перед адмиралом, за мысом Сагами у подножия хребта, на той же стороне залива, где столичный город Эдо, поближе у входа.

– Господа, мы встали дальше, чем входило какое-либо иностранное судно, – сказал коммодор, обращаясь к своему военному совету.

– Лодки подходят, просят принять письмо. Японцы просят на борт, – доложил флаг-офицер лейтенант Конти.

– Не допускать на корабли и письма не принимать, – приказал коммодор.

Лейтенант явился снова.

– Чиновники просят допустить на борт двух человек.

Возвратившись к трапу, лейтенант передал через голландского переводчика:

– Коммодор подтверждает свое приказание не допускать на корабль никого, кроме высших чиновников.

Японцы были сконфужены и поражены. Зачем же пришли эти черные суда, если не желают разговаривать и не желают пускать к себе? Что за зловещее предзнаменование? Всякое бывало, но такого еще не было.

– Окружить! Отгородить! Изолировать! – приказал начальник японских морских войск. Масса лодок, блестящих при солнце, выкрашенных в белую краску, подошла к черным пароходам со всех сторон.

– В их лодках запасы продовольствия и циновки для сна, – докладывал офицер. – Видимо, хотят окружить эскадру плотно и надолго.

– Не разрешать окружения! – ответил Перри.

Японцы, голые, рослые, мускулистые, подошли к борту парохода на джонках. Прыжок, и японец на борту. Сразу же целая толпа японцев полезла на пароход. Конец закреплен за два порта.

– Руби!.. – приказал лейтенант Бент.

Матрос отрубил буксир, а другой схватил японца за ноги и за шею и выбросил его за борт в воду. Толпы японцев ринулись со всех сторон с буксирами в руках. Их сбивали, сталкивали, сбрасывали с бортов и с канатов. Матросы подтащили пожарные машины, и в лица японцев из шлангов хлынула вода. Их сбрасывали в воду с бугшприта, раздались выстрелы вверх из пистолетов. Множество людей плавало вокруг черного американского корабля.

Синие шляпки с разгона ворвались в строй белоснежных лодок, и матросы стали бить всех подряд линьками. Пароход «Миссисипи», выпуская струи пара и клубы дыма в цвет своим бортам, пошел на лодки.

– Эти охранные суда вызывают восхищение простотой своих моделей и напоминают американские яхты, – спокойно говорил капитан Бучанан в разгар драки, обращаясь к стоявшему рядом с ним на мостике любимцу всей эскадры молодому корреспонденту газеты Тейлору.

– Да, очень острый нос, широкие борта и красивая корма...

– Кажется, что они скользят, едва касаясь воды и не разрезая ее поверхности, – заметил флаг-капитан Генри Адамс.

Пароход «Миссисипи» шел через ряды красивых лодок. Люди с них прыгали в воду. Пароход, словно горячий утюг, выжигал эти красивые суденышки с поверхности залива.

Лодки вдруг все сразу пошли к берегу. Вечерело. Уставшие японцы стали надевать халаты с длинными рукавами, и битва, видимо, закончилась.

Утром подошла лодка к «Саскачевану».

В каюту коммодора явился Адамс.

– Прибыли японцы с саблями. Видимо, люди высших рангов и власти.

Генри Адамс желал бы несколько смягчить своего начальника.

– Не принимать! – велел коммодор, взглянувший на корму подошедшего судна из окна своего салона.

– Прочь от борта! – приказал японцам флаг-лейтенант. – Вон туда, – он показал на «Миссисипи» и, видя, что японцы мешкают, повторил с выразительным жестом: – Отходите прочь.

Вскоре с «Миссисипи» на флагманский корабль прислали письмо на французском языке. Японцы писали: «Суда должны уйти и не бросать якорей во избежание опасности».

Джонка снова подошла к «Саскачевану».

Капитан Бучанан подошел к борту. На джонке флаг с тремя полосами. На носу ее с флагштока свешивается что-то черное, похожее на конский хвост. Гребцы в серых халатах. Воины с копьями и саблями, в голубых, лиловых халатах с белой отделкой стоят по борту. Ими распоряжается человек в красной накидке. Пожилой почтенный чиновник сидит на носу судна на разостланной циновке. Его окружает целая толпа чиновников с саблями.

Священник Вельш Вильямс, проживший много лет в Китае и взятый на эскадру в Шанхае в качестве переводчика, написал иероглифами записку: «Коммодор, начальствующий американской эскадры, может иметь отношение только с лицами высшего ранга. Советуем лодке возвращаться в город».

– Я могу говорить по-голландски, – на ломаном английском языке сказал один из японцев. Это был Хори Татноскэ.

К борту подошел переводчик голландского языка Антон Портман.

– Из Америки ли корабли? – спросил переводчик-японец.

– Кажется, что они нас уже ждали, – заметил Генри Адамс, обращаясь к флаг-лейтенанту Конти, пока переводчики объяснялись.

Японский переводчик сказал, что его начальник просит опустить трап, чтобы подняться на судно.

– Коммодор может говорить только с лицами самого высокого ранга, – ответил Портман.

– В лодке находится вице-губернатор Урага. Выше его нет лица в городе. Сам губернатор в отъезде, – твердо сказал переводчик-японец.

Лейтенант Конти отправился к коммодору и доложил, что в лодке находится вице-губернатор города.

Перри приказал:

– Опустить трап.

Чиновники стали подыматься, но лейтенант Конти преградил им путь.

– Не более трех человек, – пояснил Портман.

Надазима Сабароскэ поднялся на борт. С ним переводчик Хори Татноскэ, хорошо говоривший по-голландски. Лейтенант провел их в каюту капитана. Перри не вышел к гостям. Раз-

говор шел через третьих лиц, уходивших к коммодору и возвращавшихся с его ответами в каюту капитана.

Перри передал – миссия дружеская, привезли письма президента США к сиоуну. Если на борт придет лицо достаточно высокого ранга, то ему будет вручена копия письма для передачи правительству для ознакомления, с тем чтобы был назначен день для передачи оригинала. Надазима Сабароскэ, не растерявшись оттого, что тут совершенно неожиданно упоминался Верхний Господин, ответил, что по японским законам копию письма и само письмо можно принять только в порту Нагасаки и сделать это могут только лица, особо назначенные для сношения с иностранцами.

Тем временем флотилии лодок опять собрались подле эскадры. Капитан ушел к коммодору и, возвратившись, передал его ответ по-английски. Бучанан пересказал все с выразительностью и энергией. Портман переводил по-голландски:

– Американские корабли явились с миссией доброй воли. Здесь, в Урага, близка столица Эдо, поэтому пришли сюда. В Нагасаки коммодор не пойдет. Миссия дружеская, но если японцы оскорбят достоинство американцев, то будут приняты ответные меры. Поэтому пусть все лодки, окружающие корабль, немедленно удалятся.

Надазима вскочил и вышел на палубу. Стоя у борта, он крикнул, чтобы лодки с солдатами ушли. Вскоре и сам Надазима собрался. На прощание он просил передать коммодору, что на другой день на корабль придет чиновник более высокого ранга и с ним можно будет обо всем договориться.

– Наша первая удача! – сказал Старый Бруин, когда судно с чиновниками ушло следом за лодками, а капитаны снова были собраны в салоне.

Коммодор сидел на стуле, скрестив короткие ноги, и ладонями тяжелых белых рук опирался на раздвинутые большие колени.

– Вопрос о десанте и о действиях на берегу я пока откладываю. Все должно быть наготове, как в самый разгар войны. Мы не смеем повторять ошибок наших предшественников в Японии. Мы должны требовать права, а не любезности. Мы отвергнем без колебания все домогательства местных властей, если ими будет высказано неуважение к американскому флагу. Мы должны выказать им наше достоинство и превосходство согласно их же понятиям об исключительности. Только так мы достигнем цели. Дать им понять, что другие люди тоже имеют достоинство, которое сумеют защитить. Я запрещаю принимать японцев, которые просят к нам на суда. Они могут посещать только флаг-судно. Впускать лишь по объявлении чина и дела, с которым явился. Вы видите наш первый успех. Эскадра оставлена без сторожевых лодок. Случай беспрецедентный в истории Японии.

Ночью на берегу вспыхивали сигнальные ракеты. На холмах горели огни. Где-то бил колокол. Утром видны были марширующие по берегу колонны войск в красной и черной одежде со знаменами. Они шли, видимо, из Эдо, для подкрепления гарнизона Урага.

В лодках подъехали художники и стали рисовать пароходы. Их не гнали. Офицеры эскадры сели с красками на палубе и писали пейзаж, лодки и самих художников.

В восемь часов утра прибыл губернатор Урага.

– Лжецы! – воскликнул коммодор. – Вчера говорили, что губернатора нет в городе!

Коммодор приказал принять губернатора в каюте капитана. Для приема назначены капитаны Адамс и Бучанан, лейтенант Конти, корреспонденты и переводчики.

– Отвергать все поступки местных властей, если в них будет проявляться неуважение к американскому флагу. До вооруженного конфликта!

– Американцы должны идти в Нагасаки и там передать письмо, – заявил Кейама Иезаймон. Он сидел в кресле с недовольным видом.

Лейтенант Конти отправился в салон коммодора. Перри ответил:

– Коммодор может разговаривать о передаче письма только с главой правительства Японии или с лицом, ему равным и уполномоченным для этого самим императором.

Губернатор повторил просьбу, он разволновался и стал искренне верить, что по японским законам невозможно принять письмо в Урага.

– Лгуны! – говорил в сильном гневе коммодор, прохаживаясь в своем салоне.

Лейтенант Конти возвратился с новым ответом:

– Коммодор приказал сказать, что ему велено письмо передать здесь, в Урага, и он не вправе слушаться данного ему приказания. Но если японское правительство не может найти подходящего места для вручения письма, то он с вооруженной силой высадится на берег, пойдет туда, где он сможет вручить письмо... Вручит письмо тому... тому, кому оно адресовано, – с видимым удовольствием повторил лейтенант.

Губернатор, казалось, ополоумел. Что это значит? Тут не скажешь: «А-а! Да-да!» Не скажешь и «нет!». Что это значит? Что это значит – «тому»? То есть Верхнему Господину? Американцы пойдут к нему? С вооруженной силой?

– Это мой долг. – Капитан подтвердил слова своего коммодора: – Я обязан исполнить его любыми средствами.

Губернатор ответил, что пойдет немедленно на берег. Все сообщит в столицу. Будет ждать ответа. Потребуется четыре дня...

Адамс, Конти и переводчик пошли к коммодору.

– До Эдо один час ходу нашим пароходам. Наш флот выйдет на вид столицы. Коммодор ждет через три дня точный и отчетливый ответ. Отрицательный ответ будет равен оскорблению, нанесенному американскому президенту. Коммодор призывает к доброй воле и выказывает свое дружеское чувство высшему правительству Японии.

Тем временем шлюпки с пароходов были уже далеко. Они делали промеры по направлению к Эдо, и офицеры, может быть, уже видели в подзорные трубы таинственную и скрытую столицу народа, аристократия которого считала себя потомками богов.

Губернатор стал умолять вернуть американские шлюпки.

– Они действуют против японских законов!

Адамс хотел ответить сам, но не стал. За ответом опять пошли к коммодору.

– Мы подчиняемся только американским законам...

Каждое слово перевода записывалось обоими японскими чиновниками, сопровождавшими своего бугё. Трудно было сказать, кто из них в каком чине, но они писали одинаково усердно.

Капитан Адамс приказал показать японцам ящик. Явились два негра гигантского роста. Они выдвинули небольшой ящик. Два белокурых мальчика в мундирах с эполетами сняли с него бархатную накидку. Японцам объяснили, что в этом ящике находится письмо к их императору.

Резьбу, отделку, накладки из металла, кажется, из золота, – все заметил губернатор.

– Красивый ящик, и полировка очень роскошная! – произнес он.

Губернатор сказал, что пришлет на суда свежей провизии: мяса, фруктов, овощей. В чем еще нуждаются корабли?

– Наши суда ни в чем не нуждаются! – заявил Бучанан, подымаясь. – Эскадра пришла в Японию, обеспеченная всем необходимым на все время нашего пребывания здесь.

Губернатор понял, что ему стараются показать, что нет необходимости ни в каких других переговорах. Он стал прощаться.

Адамс попросил задержаться.

– При переговорах, – сказал флаг-капитан, – как и в бумагах, адресованных коммодору, японские представители обязаны соблюдать те же формы уважения, как и в отношении соб-

ственного императора, в противном случае бумаги будут возвращены, а представители правительства удалены.

– А сколько долларов стоит такой ящик? – прощаясь на трапе, спросил у Портмана переводчик.

– Вторая наша победа, господа, – сказал Перри, собрав своих капитанов. – В стране, которая управляется посредством такого множества церемоний, мы не можем поступать иначе. Вы обязаны требовать от них соблюдения строжайшего этикета. При несоблюдении этого правила возвращайте им бумаги.

Промеры залива продолжались, и день ото дня шлюпки заходили все дальше. Молодые офицеры пребывали в состоянии крайнего возбуждения. Они уже не раз повидали столицу издали. Гидрографические сведения хороши. Глубина канала 35–43 фута. Один из офицеров подходил на шлюпке к береговым укреплениям довольно близко. Вышли три японца, он навел на них большую подзорную трубу, и те, как он уверял, трусились и обратились в бегство, видимо, решив, что на них наведено какое-то еще неведомое оружие.

Сторожевые лодки на веслах легко и быстро догоняли американские шлюпки. В таких случаях лейтенант командовал:

– Суши весла!

Матросы вставали и подымали карабины. Угрожающе протягивались багры. Преследователи охладевали, и погоня прекращалась. Казалось, лодки нагнали баркас для того, чтобы чиновники и воины могли любезно улыбнуться гостям, и для этого их преследовали.

Промер в направлении столицы продолжался с замедленной обстоятельностью. Каждый день продвигались еще немного вперед. Новая форма давления на косное эдоское правительство. И в то же время демонстрация полного уважения к обычаям страны, сиогуну и правительству. Ведь пароходы не шли в Эдо и не наводили своих пушек на скальный замок Эдо-дзо. Никто не совершал грубых поступков и не дрался, как известный Эллиот в Кантоне.

Но ответа еще не было, и коммодор приказал пароходу «Миссисипи» сопровождать описные шлюпки в направлении столицы. Приготовить корабельную артиллерию к бою. Вооружить морскую пехоту и не скрывать приготовлений.

Сразу же губернатор явился на «Саскачеван» и сказал: кажется, он уверен, что на днях письмо, наверно, будет обязательно принято.

Утром три лодки подошли к «Саскачевану». Было 8 часов 30 минут.

Снова прибыл губернатор со свитой. Кроме него и переводчика на борт было допущено три человека. Флаг-лейтенант отсчитал их, а затем протянул руку, и матрос с карабином встал на трапе.

В каюте капитана Бучанана начались переговоры о приеме письма. Еще никто из японцев так и не видал коммодора. Опять помянули про Нагасаки.

Из-за перегородки, обитой чем-то блестящим, похожим на золото с сафьяном, Старый Медведь передал через флаг-капитана письмо-меморандум. «Коммодор не пойдет в Нагасаки... Не будет вести переговоры через голландцев и китайцев... Он вручит письмо лично императору... Или равному ему по полномочиям... Если дружеское письмо не будет принято, сочтет свою страну оскорбленной».

У подножия холмов среди сосен японцы строили дом для приема письма. Американцы обошли на пароходах мыс, прикрывающий город со стороны залива, и навели на этот дом огромные орудия своих пароходов.

Коммодор потребовал: офицер, которому поручено будет получить письмо президента, должен иметь у себя на руках грамоту, подписанную императором, и письмо правительства, удостоверяющее его подпись.

С японцами обходились все радушней. Теперь их пускали на борт по пять, семь, а потом по десять и более, с губернатором во главе, угощали то в салоне капитана, то в кают-компани. На стол подавались ликеры, вина, сласти.

За дружескими беседами показывали глобус, сравнивали Америку с Голландией и Францией. Переводчик Мориама Эйноскэ показывал Нью-Йорк и Вашингтон. Японцы знали: Нью-Йорк – коммерческий центр, а Вашингтон – столица. Им было известно, что в Америке через горы пробиваются тоннели для железных дорог. Все это известно от Накахама Мандзио, который долгое время был американцем, а теперь вернулся в Японию. Но никто не смел упомянуть его имя.

В присутствии чиновников губернатор вручил Генри Адамсу перевод удостоверения, данного императором принцу Тода, назначенному для приема письма.

– Едет принц Тода!

– Едет принц! – значительно говорили друг другу в этот день американские офицеры.

«Я посылаю вас в Урага, чтобы получить письмо президента Соединенных Штатов Америки ко мне, после чего вы должны прибыть в Эдо и вручить письмо мне».

– И вот печать сиогуна, – с благоговением объяснял губернатор. – А вот луна и число.

Китайский ученый-переводчик и священник подтвердили, что все правильно.

Написано кратко и дельно и совсем не походило на обычные церемонии и увертки японских уполномоченных.

За ликером губернатор уверял, что Тода, принц Идзу, лицо очень высокого ранга, равен лорду-адмиралу.

Триста вооруженных моряков, высадившись на берег, ждали прибытия посла. Сто морских пехотинцев, сто матросов и сто морских кадетов. Японцы собрали множество солдат. В это утро Перри снова вспомнил судьбу экипажей «Моррисона» и «Лагоды», а также участь Василия Головина. Он помолился и сошел по трапу в вельбот.

Японцы еще никогда не видели коммодора. Тысячи людей с замирающими сердцами ждали его появления.

Когда вельбот под коммодорским флагом подходил к берегу, офицеры эскадры выстроились двумя шеренгами для встречи его. На берег сошел грузный белолицый человек с голубыми глазами, тот, которого американцы называли Олд Бруин – Старый Медведь.

В доме приемов принц Тода ждал с чиновниками. Принц не дрогнул взглядом, не извинился, не встал и не поклонился при виде вошедшего коммодора. На самом деле Тода не был особым посланцем императора. Он-то и был губернатором Урага, небольшого городка, имевшего значение только благодаря своему положению у пролива, как у ворот в империю.

Офицеры передали ящик с письмом, поставив его перед уполномоченным императора. Тода хранил молчание.

Японские художники, сидя поодаль, быстро набрасывали сцены передачи письма. Старый Адамс, всегда подвижный и нетерпеливый, не удержался и, зайдя за спины живописцев, глянул на одну из картин. Вопреки виду, который представлялся с того места, где сидел художник, коммодор был изображен в самом центре. Он на стуле с подставкой под короткими ногами, сложил руки на брюшке, обтянутом белыми панталонами. Художник нарисовал его с огромным лицом, в котором было что-то от шекспировского Калибана. «Неужели он так представляется японцам? С такой колоссальной головой? – подумал Адамс. – Что-то, однако, верно схвачено, открывалось что-то новое в характере Старого Бруина». До сих пор ничто подобное в голову Адамсу не приходило. Но тут уж нельзя было оказывать, конечно, никакого давления на творчество.

Переводчик сказал, почтительно кланяясь, что приема не будет и не будет никакого угощения, так как американцы пришли без приглашения и туда, куда закон не позволяет входить

иностранцам. Гремел оркестр. Гиганты негры понесли на берег национальные знамена. Маршировала морская пехота. Офицеры черными рядами в золоте сопровождали коммодора.

Через два дня Перри объявил, что он уйдет с эскадрой и явится снова сюда же за ответом весной. Еще не раз побывал в эти дни мнимый губернатор на флагманском корабле. Коммодор разговаривал с ним, сказал, что отрицательный ответ японского правительства на письмо президента будет считаться оскорблением, что Америка в войне с Мексикой собрала сто кораблей и в случае необходимости они придут в Японию как передовой отряд американского флота.

Письмо президента к императору начиналось словами:

«Дорогой и хороший друг... Конституция и закон США запрещает всякое вмешательство в религиозную и политическую жизнь других стран, и я, в частности, поручил коммодору Перри воздержаться от всего, что может напрасно потревожить...»

Как посол Перри от себя написал официальное письмо императору:

«При современных паровых кораблях Соединенные Штаты и Япония становятся все ближе друг к другу...»

Многие большие корабли, назначенные для нанесения визита в Японию, еще не прибыли в эти моря, хотя они ожидаются ежечасно, и нижеподписавшийся, в знак своих дружественных намерений, прибыв на четырех наименьших, в случае необходимости вернется в залив Эдо будущей весной со значительно более могущественными силами.

Президент, выражающий дружеские чувства к Японии, однако, весьма удивлен и опечален был узнать, что в случаях, когда люди Соединенных Штатов по своему побуждению или спасаясь от угроз и опасностей моря, оказывались во владениях Вашего Величества, с ними обходились так, словно они были наихудшими врагами.

Нижеподписавшийся имеет в виду случай с американскими кораблями „Моррисон“, „Лауренсия“ и „Лагода“...»

Тем временем между американцами и японцами возникали личные знакомства.

Помощником у священника Вельша Вильямса был очень энергичный и образованный китаец. Он мал ростом, ниже японцев, в шелестящей юбке с узорами на шелку, из-под которой видны атласные широкие шаровары, с косой, в шляпе и с веером, в туфлях на толстой подошве. Очень опрятный и чистоплотный, сухой и щуплый китаец с сильным и острым умом, изворотливый и находчивый. Он очень просто и легко сошелся с образованными японцами. Они часто переписывались и посылали друг другу письма в стихах. Китаец не упускал случая отвечать поэтическими посланиями.

В одном из писем японский чиновник, имевший отношение к учреждению искусства и наук, а также к политической философии, спросил его о причине суеты в человечестве. Японский друг писал:

«Что скажете об этом Вы, человек Срединного Государства, приехавший к нам на кораблях Соединенных Штатов?» Пылкий китаец, несмотря на привычку к дискуссиям и к отвлеченному мышлению, уловил, какая доза яда заключается в невинном философском вопросе японского ученого. Но он не подал вида. Однако он не был мстителен, хотя с тех пор при переписке с японцами и в их присутствии он все японские города называл по-китайски, словно японские наименования этих городов явление лишь временное, установленное вновь и совсем недавно, и как бы показывая, что вся Япония, несомненно, когда-то принадлежала Китаю. Поскольку писали на листках кистями, сидя друг подле друга за столом, то японцам не стоило труда догадаться, какие пункты называет искаженными названиями их почтенный гость, читая вслух написанные при официальных переговорах иероглифы.

Ученому японскому другу «Человек, Приехавший На Кораблях Соединенных Штатов» послал пылкое и благородное письмо. Он откровенно признался, что долгое время боролся за счастье своего народа, но разочаровался, и, хотя душа его по-прежнему полна огня, он был

вынужден временно покинуть родину, чтобы, как только закончится возложенное на него поручение, вернуться.

От него японцы узнавали новости. Английский посол в Гонконге издает ежедневную газету. Эллиот с несколькими кораблями сражался против китайских войск, желая защитить торговлю опиумом. Сам Эллиот прострелил голову китайскому повстанцу в присутствии многих купцов. При этом англичане прибыли в Китай с дружескими и благородными целями.

Однако еще до войны они очень обиделись, когда уполномоченный китайского правительства Лин написал дружественное письмо английской королеве. После того как Лин отобрал у английских купцов в Кантоне и сжег на острове весь опиум, он предложил и английской королеве, для счастья всех народов мира, благородно поступить по примеру китайцев, уничтожить весь опиум во всех своих владениях, как поступил Лин в Поднебесной Империи.

Переводчик пояснил японским ученым друзьям, что хотя англичане считают свою королеву могущественной, но теперь в Англии самое усовершенствованное государственное устройство, поэтому с торговцами опиумом и сутягами невозможно справиться, как с членами свободного общества. Китаец добавил, что в Америке еще более совершенное государственное устройство, и просил иметь это в виду.

У англичан, например, самая лучшая в мире почта. Письмо из Лондона в Гонконг приходит за тридцать пять, а в Шанхай – за сорок дней на пароходах. Но один знакомый англичанин сказал ему, что «конфуцианская эпистола Лина не дошла по королевскому адресу».

Японцы тихо удивлялись и почтительно благодарили за такие сведения своего почтенного гостя, но их заботило гораздо больше восстание народа в Китае против правительства в защиту всемирной справедливости. Это восстание помогало американцам открыть страну больше, чем пушки Перри. Японии надо скорей перевооружаться, поучиться у европейцев. Но японцы умело старались не обнаружить своего беспокойства.

Однажды столбец иероглифов, начертанный рукой японского друга, обозначил: «В Нагасаки пришла русская эскадра. Русские привезли письмо от своего императора к императору Японии. Что Вы слышали об этом и как бы Вы посоветовали нам понимать это известие?»

По пути в Восточный океан корабли Перри встречались в разных портах в Африке, в Макао, в Гонконге, в Шанхае с русскими судами. Губернатор Урага просил передать коммодору, что в Эдо опасаются прибытия русской эскадры.

– Мы очень боимся русских! Очень! – жаловались японцы капитану Бучанану.

Они умоляюще спрашивали американских капитанов: «Когда вы уйдете?»

Баркасы и шлюпки, ходившие с промером по направлению к Эдо все эти дни, наконец подняты.

Утром трубы густо задымили.

С пароходов были вытравлены буксиры и завезены на шхуны. Американский флот вышел из залива Эдо. Когда последний чиновник-полицейский вместе с Хори Татноскэ сходил по трапу в белую джонку, разукрашенную флагами и значками, капитан Адамс еще раз сказал на прощание, что через год коммодор с флотом снова явится за ответом.

Татноскэ, виновато улыбаясь, попросил:

– Еще раз, пожалуйста, точно и в тех же словах повторите все, пожалуйста, о вашем уходе и приходе.

– Коммодор придет обратно с кораблями...

Переводчику повторили все, о чем он просил.

Перри пришел на Окинаву и заявил там королю островов Рюкю после парада своих моряков, что Америка желает особой дружбы с его королевством.

Вскоре два русских корабля пришли из Нагасаки на Окинаву. Офицеры американских и русских кораблей встречались. Нашлись старые знакомые. Стало известно, что русская эскадра ушла из Японии, что дела там у Путяткина шли на лад и японцы обещали подписать с ним

договор, или чуть ли уж не подписали, или дали письменное обязательство подписать. Дело отложено только потому, что сиогун умер.

– Умер император? – изумился капитан Адамс, когда на корабль доставлена была эта новость.

Перри к этому времени уже ушел на юг. Коммодор узнал о том, что русские извещены японцами о смерти сиогуну, находясь в португальском Макао.

За обедами у американского консула Канингхама шанхайские англичане узнавали от русских офицеров поразительные новости об их успехах в Японии. Сведения распространялись по всем морям и колониям, расходясь с капитанами и шкиперами, и достигали Макао, где жил Перри.

Коммодор впал в гнев.

– Как почти договор? Договор или нет? Да или нет? – требовал он от своего флаг-лейтенанта, доставлявшего известия.

– Мне кажется, что русские офицеры при каждой новой встрече с нашими офицерами, поддаваясь экзальтации, увлекаются и, все более расхваливая своего адмирала, преувеличивают его заслуги.

– Да или нет? – заревел коммодор.

– Наиболее вероятно: русские заключили соглашение о подписании договора в ближайшем будущем. Сиогун умер. Русским сказали это японские послы.

Коммодора трясло от нетерпения и гнева. Он как в припадке тропической лихорадки. Большое белое лицо его покрылось красными пятнами. Он явился с такой мощью и так твердо заявил... А хитрые казаки извлекли выгоду из его решительной и честной агрессии...

До того он в Шанхае не помнил себя от бешенства, узнав, что Путятин забрал уголь с его склада. Старый Бруин перед отходом в Японию приказывал скупать запасы угля всюду, где только возможно.

– Казаки украли мой уголь! – кричал коммодор.

Оказалось, что еще на пути в Японию в Шанхае Путятин получил восемьдесят тонн угля с американского склада. Американский консул в Шанхае был одновременно русским представителем. Со складов дружественной Америки восемьдесят тонн угля из неприкосновенного запаса, завезенного в Шанхай коммодором Перри, были загружены в трюмы паровой шхуны «Восток».

– На моем угле? Они пошли и обогнали меня... Уже договорились о подписании договора! Не хочу верить, что подписали. А я еще не получил ответа. Проклятые казаки! Они всегда извлекают себе выгоду из чужой агрессии. Немедленно в Японию!

Перри решил, что надо возвращаться в Японию. Не беда, что умер сиогун и, как уверяют русские, сейчас будто бы японцы не станут заниматься делами.

«Ах, лжецы! Русским сказали, а мне не сказали о смерти государя! Скрыли! А еще твердили всем по очереди, что очень боятся русских! Такова их готовность дружить! Таково их гостеприимство! Надо возвращаться... Зимой! А не весной! И заставить их заниматься делом! Сразу лицом к лицу поставить с американскими требованиями молодого сиогуну, независимо от того, взошел он на престол или еще нет. Не допускать, чтобы кто-то опередил нас!»

Перри требовал узнать, кто служит у Путятина переводчиком. Кто переводит его хитрые речи японцам?

Коммодор давно подозревал, что с Путятиным под чужим именем явился Зибольд. Несмотря на всемирно известное имя голландского ученого, Перри отказал, не взял его с собой, как русского шпиона. Вот теперь доказано, что Перри прав!

Русские не достигли бы успеха, не будь с ними Зибольда, знающего японский язык и японские обычаи! А кто-то там, у них, на русской эскадре все знает! Конечно, Зибольд!

Собирали сведения через англичан, дружественных адмиралу Путятину, и через американцев, также через американского консула, уполномоченного фирмы Рассел в Шанхае. В его доме, приезжая в Шанхай, останавливался Путятин.

Фирма «Рассел» – одна из самых уважаемых всеми европейцами и китайскими компрадорами и мандаринами. Влияние ее на все шанхайские дела огромно. Все заслуги в этом принадлежат господину Канингаму. Американским купцам в Шанхае невозможно обходиться без его советов и содействия.

Фирма «Рассел» торговала в Китае давно, хорошо себя зарекомендовала и брала для продажи товары от Российско-Американской компании, торговым кораблям которой, по требованиям англичан, китайцы не позволяли приходить в свои порты. У Путятин, оказалось, векселя на банк Ротшильда в Париже. По этим векселям Канингам и другие американцы и англичане оплачивают все счета Путятин, и в деньгах у него нет недостатка.

Перри почувствовал, что кругом шпионы. Зибольд – шпион. Перри помнил, как Адамсу и Бучанану японцы сами рассказывали в заливе Эдо, что у Путятин есть высокий голландец, очень важный сенсе – капитан, отлично говорит по-голландски. Кто это? Конечно, это полковник Генерального штаба голландской колониальной армии, немец по происхождению, ученый знаток Японии, сам Зибольд! Проклятые немцы!

– Это Зибольд? – спрашивал у японцев Адамс.

Японцы, как всегда, соглашались и кивали головами.

Перри клялся, что настоит в Вашингтоне, напишет туда, потребует, чтобы Канингаму убрали из Шанхая. Но... проклятая демократия! Он завидовал на этот раз порядкам в империи казаков, где каждого можно сшибить быстро, если не согласен или упрямствует.

Он, он выдал Путятину уголь! Шпионы всюду! Вся Япония населена шпионами. Весь Петербург, где сам царь шпионит! И весь Шанхай, где всех продают за векселя Ротшильда.

На Ближнем Востоке грянула война! Наконец-то! Русская эскадра еще не проходила в Японию. Получив известие о начавшейся войне с Турцией, она пошла к себе в Сибирь. Руки у коммодора Перри были развязаны. Турция – ловушка для России. Теперь русские шпионы не страшны.

Решено было не жалеть никаких средств – денег, золотых вещей, часов, духов и шампанского – на подарки и на угощение чиновников и переводчиков. Надо знать, что там у них происходит, в закрытой империи.

Эскадра Перри в заливе Эдо. На этот раз вошло шесть кораблей. Привезли подарки для императора: узкоколейную железную дорогу, паровоз с вагонами, книги по медицине и географии. На берегу провели телеграф. Японский чиновник и ученый из округа Идзу мчался верхом на небольшом паровозе, и его халат так раздувался на ветру, что дайкан⁸ походил на дракона.

Японцам объясняли, что в знак дружбы пришли раньше, чем предполагали. Что присылка больших пароходов с самой современной артиллерией, выбранных из тысяч таких же, которые есть у Америки, это тоже ради дружбы. Грозный Перри хотел бы схватить за ворот главного японского посла да прикрикнуть гневно: «Что вы им, обманщики, обещали?»

Договор Японии с Америкой был подписан. Философ и поэт из Китая получил массу посвященных ему стихов от японских знакомых. Главный посол Японии, Хаяси Дайгаку ноками, уполномоченный императором для подписания договора, на банкете на борту корабля «Поухатан» горячо сказал коммодору Перри:

– Японцы и американцы – одно сердце!

Хаяси возглавляет Управление Наук в государстве.

⁸ Дайкан – чиновник, управляющий округом.

Его титул «Дайгаку но ками» означает «Защитник академии». Или «Воевода академии», так можно перевести. Или «Князь Управления Наук». Ему разрешено читать голландские книги, он изучает европейскую философию, знакомится с новостями техники и медицины, дает указания, как лучше лечить вельмож, стоящих во главе государства. Конечно, и самого сиогуна.

Японские художники опять рисовали знаменитого Метью Колбрайта Перри.

Он светел лицом и волосами. Белое, тяжелое и длинное лицо с хорошими челюстями немного тяжеловато. Голубовато-серые открытые глаза, привыкшие смотреть серьезно, как при отдаче приказа. Посылал ли коммодор на виселицу или награждал милостями, он всегда сохранял серьезное спокойствие.

Сейчас он улыбался, как хирург с белым лицом после тяжелой операции, которую он проделал больному, и снисходительно принимал благодарности родных больного и комплименты своих коллег.

Коммодор сидит в кресле с подставкой под ногами, немного выставив изрядное брюшко под форменным жилетом из новейшего белого сукна с золотыми пуговицами. Большой палец правой руки за самой нижней золотой пуговицей двубортного тяжелого мундира, шитого в талию. На коммодоре галстук, стоячий воротник и золотые эполеты.

Вино лилось и сласти уничтожались. Матросы в красных фраках, вычерненные сажей, исполняли негритянские танцы на палубе. Исполнен был музыкальный спектакль. В антрактах играл оркестр, едва вмещавшийся на огромном капитанском мостике. Гостям розданы подарки. Коммодор со всеми был ласков, охотно выслушивал комплименты. Его благодарили за то, что он разрешает видеть себя так близко.

Коммодору говорили, что все его очень любят. Хаяси Дайгаку но ками, который был отрекомендован как принц-канцлер и родственник императора, красавец пятидесяти пяти лет, сказал послу президента:

– Мы... это... очень... очень боимся русских!

Коммодор Перри сказал, что для статуи Вашингтона, величайшего борца за свободу и независимость, он должен привезти из Японии две скалы на постамент. Одну он выломает в Симода, а другую в Хакодате. Он отправит скалы вместе с договором и с известием о его подписании на пароходе. Повезет капитан Адамс... Это будет праздник в Штатах. О Японии заговорит вся Америка. Великий Вашингтон будет вечно и твердо стоять на куске, отколотом от японской твердыни. Приготовить эти камни должно японское правительство.

Принц-канцлер подпрыгнул от восторга, чтобы достать до длинного лица Перри, и, ухватив его обеими руками за мощную шею, целовал еще и еще.

Договор подписывали в Канагава. Это еще ближе к Эдо, чем Урага. Это почти рядом с Иокогамой.

И еще один пир. Ответный банкет на берегу, на котором впервые в истории Японии «западных варваров» – американских офицеров – угощают молодые японки.

На берегу гремел сводный оркестр с трех кораблей и маршировали пятьсот маринеров и матросов. Гремели артиллерийские салюты, на реях и на мачтах появилось множество флагов. Двадцать три шлюпки прошли по заливу.

Мориама Эйноскэ и Хори Татноскэ очень живо схватывали американские выражения. Эйноскэ заговорил по-английски.

Когда-то, во время визита Глена, он был строг и жесток с европейцами. А теперь дружелюбно добродушен.

Старый Бруин отправился на берег для прогулки. Он надеялся, что ходьба поможет. Жестокая болезнь не будет так мучить по вечерам.

Эйноскэ разгонял на узкой улице толпу сбежавшихся женщин.

Коммодор, который для всех теперь был доступен, удержал переводчика:

- Зачем вы гоните их? Что вы делаете?
- Знаете... это... Им закон не позволяет смотреть на иностранцев.
- Лжец! Зачем врете? Нет такого закона. Вы приказали сами... на банкете в Канагава...
- А-а! Да-да... Ну... это... Я понял! В следующем городе женщины уже не будут пря-

таться.

Прибыл военный шлюп из порта Симода, из идущей описной эскадры commodора Роджерса.

«Роджерс долгожданный! Наконец-то». После прогулки по берегу ноги commodора почти не болели.

Commodор узнал, что Рингольд, под начальством которого эскадра вышла из Штатов, заболел. Его заменил commodор Роджерс, родственник Рингольда. Под его начальством эскадра будет производить опись берегов Японии, Сахалина, Охотского побережья, Камчатки и Берингова пролива.

Рингольд и Роджерс – родственники семьи Перри. Доставлены посылки и письма из дому. Фотография жены Перри и его младших детей. Сняты в большой гостиной с тяжелой мебелью и широкими картинами в массивных рамах. Грациозная леди в буклях и прелестные кудрявые дети. Похоже на картинку из немецкого учебника с подписью «Auf dem Bilde sehen wir...».

...По заключенному договору японцы открывают для торговли с американцами и для захода их кораблей порты Хакодате, Симода и Нагасаки.

Офицеры и японские чиновники постоянно составляли теперь за столом единую дружественную компанию. Шли мужские разговоры о том, что женщины в городе, кажется, поняли, что американцам очень приятно, когда им показывают босые ноги... И Мориама Эйноскэ почтительно хихикал.

18 апреля 1854 года в четыре часа утра на пароходе «Поухатан» commodор Перри отбыл в порт Симода для осмотра порта и бухты, туда, где, ожидая его, стояли пришедшие ранее американские корабли из научно-исследовательской эскадры Роджерса, посланной в Россию и Японию. К сожалению, Роджерс запоздал на Сахалин. Там стоят казаки!

Договор подписан, и у commodора с души свалился камень. Через Хори Татноскэ и через Вельша Вильямса, а особенно через ученого китайца-переводчика стали доходить новые сведения. Оказывается, Надазима не был вице-губернатором. Он просто ерики – полицейский чиновник, вроде участкового надзирателя. Иезаймон не был губернатором. Но всего отвратительнее для commodора новость, что Тода, уполномоченный императором принять письмо президента, лишь губернатор захолустной береговой крепости и городка Урага и ниоткуда в Урага не приезжал. Где же гарантия, что с пунктами заключенного договора не случится чего-то подобного?

- Лжецы! – восклицал commodор. – Ну нет, эти жалкие увертки с Америкой не помогут!

Когда японцев стали пускать на корабли, однажды к commodору, проходившему по палубе, подскочил какой-то чиновник с двумя саблями и отрекомендовался одним из дайканов прибрежной округи.

– Я восхищен вашим превосходительством, и буду вас любить и уважать всю жизнь. Я сердечно признаюсь, – с улыбкой и поклонами сказал он, – что я явился на это судно, чтобы убить вас по собственному желанию и защитить Японию. Но здесь, видя ваше великодушие и доброту, я передумал.

- Что? – остолбенел commodор Перри.

– Я видел, как сегодня во время дождя молодой лейтенант поскользнулся на палубе и вы его поддержали. И я был очень тронут и все понял после этого. Такой случай дал мне основание быстро переродиться.

- Бог знает, какие обманы еще могут обнаружиться в договоре!

... Коммодор вызвал к себе священника и спросил его, сколь тщательно сверен японский текст с голландским.

– А кто же тогда Хаяси? Принц?

– Нет. Он как бы президент Академии наук.

– Черт знает что. Принц Тода! Принц Тода! Губернатор маленького городка... А кто же заведовал приемом русских?

– Их принимал министр финансов, и с ним был главный шпион.

– Как имя министра финансов?

– Кавадзи Саэмон но джо...

Глава 9. Кавадзи

Замок Эдо. Парк за высокой коричневой стеной, которая поднимается со дна рва на огромную высоту и, как ровная каменная лента, опоясывает сады и леса, площадки для церемоний и пастбища для лошадей государя. Стена без башен и украшений. Она не имеет себе равных в целом мире. В нее заложены камни величиной с дом. Камень добыт из коричневых скал полуострова Идзу, в стране лесорубов, каменотесов и рыбаков. Сиогуна охраняют многосложные правила. Очень узкий круг лиц может видеть его, это особое преимущество самых важных вельмож и чиновников в государстве.

Вельможи подходят к сиогуну, на каждом шагу опускаясь на колени. Приближающийся поднимает правую ногу, стоя на левом колени, и, сразу сгибая ее, ставит на ступню и опять на колени, подтягивая левую ногу, подымает ее и выбрасывает в следующем шаге, словно катит, как на колесах.

Присутствуют трое придворных. В своих халатах они как три серых вороны со сложенными черными крыльями.

...После любезного и торжественного письма, где варвар посмел обратиться к сиогуну со словами: «Мой хороший и добрый друг», старый государь уже не мог спать. Он готов был на уступки, но не сдавалось, не могло смириться сердце, оно гулко и часто стучало по ночам. И он не мог утешиться. В стране глухой ропот князей и вельмож.

Но commodora Перри не заставишь распороть себе живот! «Я не хочу жить!» – говорил больной сиогуна.

Он умер от раненой гордости. Ядовитая стрела попала в его сердце, минуя стены, войска, охраняющих богатей и придворных, похожих на серых ворон.

Дело с американцами страшное. Только чиновники знали, что оно сулит выгоды. Интересное дело. Хотя американцы били японских солдат морской охраны! Но это ничего!

...Поздней осенью седьмого года царствования Каэй в один из сухих, солнечных дней Кавадзи был срочно вызван к канцлеру Абэ Исе но ками. Прибыли известия о Путятине. Сначала пришли о нем бумаги из Хакодате. Теперь пришли письма губернаторов и наместника из Осака.

В прохладном здании под огромной черепичной крышей тридцатисемилетний князь Абэ Исе но ками говорил своему верному стороннику и любимцу:

– Путятин в Осака. Это очень опасно.

Тяжелое и сложнейшее дело опять поручено Кавадзи Саэмону но джо, потому что в государстве не было другого человека, который тут справился бы.

Конечно, молодой сиогуна не сам вспомнил про Кавадзи.

...Тридцать шесть человек быстро шли впереди и вокруг каго⁹, когда Кавадзи Саэмон но джо снова спешил во дворец. На этот раз не к канцлеру.

Сколько раз замирало сердце, когда через ров по Мосту Бамбуков подъезжаешь к этой скале скал, к поясу из камня вокруг святыни святынь, и пешком идешь в эти огромные ворота из толстейших плах дерева хиноки, с медными скобами, а потом через дворик и через ворота во второй стене.

Падали, перевертываясь в воздухе, раздвоенные листья с дерева гинко, и согбенные тихие садовники начисто подметали укатанную дорогу между каменных откосов стен, выступивших из чащи сливовых рощ.

Лицо Верхнего Господина расплылось и стало приветливым. «Он» – совсем молодой человек.

⁹ Носилки, паланкин.

От дверей, на своих сильных ногах опускаясь со ступни на колено и выбрасывая свободную ногу вперед, чтобы снова согнуть ее, Кавадзи, как на колесах, приблизился и опустился в глубоком поклоне подле повелителя.

Кавадзи выслушал, что он должен выехать в Симода. Стаи ворон вспорхнули и заскользили в раскрывающиеся бумажные двери.

Молодой государь тронул свой роскошный халат. Бесшумные руки подали другой такой же халат, и государь своей рукой накинул его на плечи Кавадзи.

Как скалы Японии незыблемы, так тверды и основы ее традиций.

Теперь халат Верхнего Господина спрятан. А Кавадзи двигался по дороге в горы.

– Говорят, что, когда приходил Перри, князь Мито Нариаки собрал армию и потребовал, чтобы ему разрешили напасть на американские корабли.

Молодой государь мечется, как в клетке. Замок Эдо, охранявший спокойствие и наслаждения государей, превращался в тюрьму, где эти наслаждения становятся противны. Только простой народ за старые порядки, как всегда. Он верит в то, во что уже не верим мы, веками рубившие головы народа за безверие и наконец внушившие ему свои понятия. Тем более недовольны иностранцами рыбаки и крестьяне, живущие там, куда приходят корабли варваров. Со своих полей, садов, из уловов приходится отдавать все для краснолицых эбису и для прибывающих встречать их многочисленных чиновников.

Кавадзи Саэмон но джо, глубоко задумавшись, полулежал в своем каго на подушках, поджав под себя ноги и держа тело в легком и приятном напряжении, которое уравнивало неприятные мысли. Ехать долго в таком положении почти невозможно. Но сегодня он шел пешком, поднимаясь в гору, чтобы облегчить труд носильщиков.

Мимо плыли стволы сосен, а за ними виднелось море. Природа, как всегда, успокаивала Кавадзи, напоминая о том великом, чистом и всесильном, что, сливаясь с памятью предков и с ощущением божества, возвышает над смутной жизнью общества.

Еще старым сиогуном перед свадьбой Кавадзи с придворной дамой Сато было ему пожаловано новое имя: Саэмон но джо. Величайшая награда! Не деньги, не земля, не деревни. Даже не халаты. А имя! Саэмон – левый дворец. Саэмон но джо – Капитан левого дворца. Это гораздо почетней, чем зваться Капитаном правого дворца. Теперь Кавадзи всегда готов оправдывать свое новое почетное имя. А другие, как, например, Кога, член делегации, автор книги про русских, ученый из Управления Наук, сторонник американской партии, сочиняющий стихи китайского стиля, даже в своих личных, секретных дневниках, которые он никому не показывает, называет его «Каку»!

Вечером вчера на почтовой станции, при свете фонаря, Кавадзи сидел и писал дневник, когда мимо него дважды промелькнула какая-то девица.

Где он видел эту дурнушку? Как она смело улыбнулась ему. Поразительная дерзость! Но дерзость женщины что-то означает. Оказалось, что это его бывшая служанка!

Неужели правы европейцы? У них много толкуют об условности сословных перегородок. Вот он, один из могущественнейших чиновников в государстве. В эпоху, когда жизнь простолюдина ничего не стоит, бедная служанка так смело улыбается ему! С широким лицом, некрасивая, а такая самоуверенная!

Ах эти молодые служанки! Уж они-то умеют сохранять тайны. Но потом их приходится менять...

Утром он велел подать свой тяжелый меч для упражнений и взмахнул им сто раз, прыгая при этом. Мускулы еще не ослабли, хотя годы идут. Кавадзи не хочет походить на других расслабленных чиновников. Страна давно не знает войн, смут, сражений, и это не к пользе общества. Ее рыцари вянут.

Кавадзи несет на себе тяжкие ноши. Ношу государственной службы. И ношу семейной жизни. Он не даймио¹⁰, у него нет великих предков. Кавадзи начинал снизу, из бедности. Было время, когда он шел на службу и сам нес свою сумочку с бумагами. Потом у него появился слуга. Потом двое слуг. А теперь, когда он идет в замок по улицам, то сорок человек сопровождают его. Всех надо накормить, дать риса для семей, вывести на улицу в приличном платье.

Впереди шагают три вооруженных самурая с саблями за поясом. Словом, все как полагается, почти как у знатных князей. Кавадзи – хранитель казны и сокровищ Японии. Он распорядится расходами в государстве, без совета с ним не решается ни одно дело.

Успех американцев возбудил всю страну. Теперь глава правительства бакуфу Абэ Исе но ками и его советчики хотят наверстать упущенное...

Прежде Саэмона но джо звали Тосиакира. Из своей родной семьи Найто, такой бедной, что у матери не было даже чашки, он отдан был в раннем детстве на воспитание в семью Кавадзи. А его старший брат – в семью Иноуэ. Госнакира горячо любил семью своих названных родителей. Они не запрещали ему бывать у отца с матерью, любить их, а впоследствии о них заботиться. Так у него было два отца и две матери, две родных семьи. Он был женат в четвертый раз на красавице, которая, до тридцати пяти лет оставаясь незамужней, служила при дворе, а потом была выдана замуж за знаменитого своим умом и мужеством министра финансов и начальника береговой охраны. Величайшая честь, оказанная старым сиогуном верному канзё-бугё¹¹. До того Кавадзи в семейной жизни не везло, он не ужился с тремя женами и выгнал двух из них из дому. Одну за доброту и слабый характер, другую за остроумие и слишком твердый характер. При этом он отбирал у них детей. И, в горячности изгоняя их, он потом заботился о разведенных женах. Подраставшим сыновьям он позволял встречаться со своими матерями. А его третья жена умерла.

Сато – придворная дама. Она первая красавица в Эдо, хотя считается, что она вторая красавица. Первой признанной красавицей может быть лишь жена сиогуна.

Сато внесла в дом знаменитого чиновника дух аристократизма и оттенок элегантности и той особенной изысканности, которая свойственна только ей. В дом Кавадзи стал приезжать ее учитель поэзии. Кавадзи сам писал стихи, но, как оказалось, он недостаточно знал правила стихосложения и все современные поэтические тонкости.

У Сато не было детей. Она очень любила детей Кавадзи от других жен. Бывало, что она брала заболевшего мальчика в свою постель, согревая его. Она умела делать бумажные игрушки, играла и пела с детьми. В его доме она стала отличной хозяйкой.

На запад от огромного города, там, где рощи вековых лавровишневых деревьев, поодаль друг от друга разбиты загородные дома князей и высших чиновников. В двух легких, как воздух, деревянных павильонах с бумажными стенами и высокими крышами Кавадзи жил летом с многочисленными детьми и дворней.

В доме много слуг. В дом входил каждый, кто охранял господина или кто нес его вещи, когда он ехал в замок Эдо.

Так у Кавадзи было две семьи его родителей, своя семья и две семьи разведенных жен. И были самураи. И служащие девицы, которых никогда не надо обижать.

С любимой женой Кавадзи наконец обрел спокойствие. На ней держится весь дом. Она настоящий «внутренний помощник».

Через четыре дня после свадьбы с Сато его вызвали во дворец. Кавадзи получил наиважнейшее государственное поручение.

¹⁰ Японские феодалы, князья.

¹¹ То есть министру финансов.

Незадолго до того сгорело главное помещение дворца сиогуна. Жилище легкое, с открывающимися на все стороны стенами, с вечно чистым воздухом.

Вокруг парк с цветущими деревьями, луга с цветами, поля и леса, выращенные художниками, а еще дальше живописные выгоны для сиогунских лошадей, которые кормятся травой. Все это обнесено каменной стеной.

Тут же правительственные учреждения, хранилища сокровищ, арсенал, помещения для охраны, для лиц, наблюдающих за охраной, для лиц, наблюдающих за наблюдающими, а также для наблюдающих за законностью и правопорядком движения к главному дворцу по территории дворца-парка.

И вот при всех этих строгостях и соблюдении правил само-то жилище сиогуна сгорело. Это было давно. В девятом году Темпо.

Следовало срочно доставить новый лес для постройки заново так называемого Нисси Мару – западной части жилища сиогуна.

Кавадзи отлично все исполнил. Потом его послали на остров, где на золотых приисках произошло восстание и где многих пришлось пытаться и казнить. Кавадзи должен был смотреть, как ужасаются люди, как они корчатся в муках.

Сато осторожно давала понять мужу, что в высшем обществе недостаточно быть умным, честным и способным подать совет. Нужны изысканные манеры. Изысканность видна, например, в картинах великих художников. Как они изображают дам в подхваченных халатах. Он должен уметь писать изящные стихи... Она умна, ничего не скажешь!

Кавадзи любил безумно. Вот уже шестнадцать лет они вместе, а он все не насытится. Она бывает редко доступна. У нее ужасные рвоты и головные боли, и Кавадзи считает, что это болезнь гири-гири, поэтому она и не может рожать. Кавадзи с ужасом думает, что вот скоро умрет мать, а за ней может умереть и Сато. Третью часть года она проводит в муках. Тяжелая служба при дворе сказывается, это было вечное нервное напряжение, наверно – боязнь не угодить, ошибиться в исполнении принятых обычаев. Ведь там все надо помнить... Ее обязанностью было, как она рассказывает, уборка одежды, наряды. Поэтому у нее такой безукоризненный вкус. Она умеет одеться. Ее любовь так сложна и высока, что после этого любовь служанок или прежних жен кажется просто каким-то скучным действием, несмотря на все искренние порывы. Может быть, еще только очень молоденькие наивностью своей бывали приятны.

Поезд поднялся на вершину перевала, и видны стали лодки с парусами и без парусов. Внизу у входа в залив стояло судно с изображением трех листов дерева оой. Это герб сиогуна. Герб императора – хризантема. Красный шар на белом поле – у военных кораблей.

Герб Кавадзи несут впереди. Это – шестиугольный панцирь черепахи с тремя звездами. Он тройствен, как герб сиогуна.

С моря пахнуло свежим ветром, а Кавадзи в своем наго, как ему казалось, устал не меньше, чем носильщики.

Он приказал остановиться и вылез.

Потом вытянул руки со сжатыми кулаками и несколько раз присел.

Дальше он решил идти пешком. Вчера его поезд вышел из Эдо. Следом сегодня должен выехать Старик – Тсутсуй. Чтобы Старик смог с успехом исполнять возложенные на него поручения, он перед отъездом в Симода назначен на должность О о-мекке. В восемьдесят с лишним лет ловить шпионов и разоблачать тайные заговоры! Ну, это только для солидности, как первому главе делегации, уполномоченному вести переговоры с Россией.

Кавадзи пошел большими шагами в сопровождении пяти самураев. Из всех чиновников бакуфу только он один умел ходить так быстро.

Тсутсуй старше его, а все считается по старшинству. Но душой и умом посольства должен быть Кавадзи. Это дано понять ему в замке Эдо. Кавадзи чувствовал, что он часто был душой и умом всякого дела, которое решалось в его присутствии, сколько бы князей или бугё в этом

ни участвовало. К мнению Кавадзи, которое он высказывал с величайшей почтительностью и с точным соблюдением сложных степеней вежливости, обязательных при этих церемониях, все прислушивались. Мнение его брало верх. Или им пользовались другие и оно брало верх как бы от имени других. Все пользовались услугами Кавадзи. Даже сам старый сиогун. А молодой глуповат...

Думал ли смолоду Кавадзи, что он заполнит своим умом и находчивостью так много прорех в государственных делах, соблюдая все степени обязательной почтительности в отношениях с высшими вельможами, стоящими во главе великого государства!

Глава 10. Дипломатия князя Мито

Маленький город тесно сжат со всех сторон высокими горами с заостренными вершинами. Его кривые улицы разветвились по горным морщинам. Некоторые скалы, казалось, ворвались в городок и возвышаются на его переулках среди лачуг с соломенными крышами.

Над группой скал высится храм в саду. Ворота другого храма, построенного наискосок, выходят на кривую улицу.

Чуть поодаль, за обширной вытоптанной площадкой, виден еще один большой буддийский храм с тяжелой крышей в новой черепице.

– Храм Риосэнди! – говорит сопровождающий чиновник.

На площади по праздникам собираются молящиеся и через головы друг друга с силой кидают монеты к иссеченным ступенькам и дощатым стенам храма. На этой же площади перед большими молениями по праздникам торговцы разбивают целые улицы своих палаток.

Чиновники из Управления Западных Приемов, спешно посланные, чтобы встретить посланца бакуфу на подходе к городу, рассказали Кавадзи, что летом американцы на этой площадке показали военные упражнения. Они прикатили сюда пушки и стреляли из них холостыми зарядами. Синими рядами маршировала морская пехота. Нарядные чиновники с семьями смотрели со ступеней храма, стоя рядом с адмиралом Перри и его офицерами.

Зрелые плоды лавровишневых деревьев, нападавшие в ветер и раздавленные сандалиями пешеходов, оставляли на глинисто-каменистой почве черные потеки, как от разлитой туши.

Улица поднялась на холм, и завиделась бухта. Скалы разбросаны не только по всему городу, но и по морю, словно по его поверхности бегут стаи черных собак.

Неподалеку от города, в стороне от скалистых островов и рифов одиноко стоял черный корабль посла Путятина, старого знакомого Кавадзи.

Саэмона но джо почтительно встретил губернатор города Симода. Он в парадном халате с гербами на груди. Второй губернатор Симода считался служившим здесь, но постоянно жил в столице.

Новое здание Управления Западных Приемов еще строилось, вкопанные столбы обносились красноватыми плахами дерева хиноки. Вокруг теснились дворики и крыши лачуг рыбаков, крестьян и торговцев.

Губернатор Симода принял гостя в старом управлении с соломенной крышей. На лакированном столике был подан зеленый чай – лучшее угощение и отрада уставшего путника.

Симода-бугё поздравил Кавадзи с прибытием. Все удивлялись, сказал он, что Саэмон но джо пришел так быстро.

Бугё даже растерялся и едва успел переодеться. Позавчера было получено письмо о выезде делегации послов бакуфу, вчера вечером пришел их секретарь Накамура Тамея, а сегодня в полдень прискакал конный мецке и доложил, что с гор спускается Саэмон но джо со своими самураями.

Кавадзи пришел пешком, он торопил своих спутников и, не сбавляя шага, поднимался на перевалы через высокие горы. В пути пот с лица его катился градом, а одежда на горном ветру становилась холодной как лед.

Симода-бугё стал докладывать, в каком положении находятся дела.

– Теперь мы вполне контролируем эбису, не то что было в Нагасаки, – не без язвительности заметил он. – Русские сидят на своем корабле в бухте, как в клетке. Только иногда ходят. При этом сильно дуют в трубы и поют. Едят сырую редьку. Иногда за городом они стреляют из ружей. На мысу, там, где пролив соединяет бухту с океаном, у них поставлен пост. Ночью и днем они следят, чтобы не пришли англичане. Очень ожидают нападения Стирлинга. Ночью

рыбаки ехали на лодке домой, и все очень удивлялись, когда видели, что на мысу горит костер и всю ночь эбису греются и не спят.

Все это было сказано довольно смело, словно бугё перечислял свои заслуги. Это означало, что бугё не может противодействовать Путятину, что эбису живут на берегу в ведут себя как дома.

Под вечер посланец бакуфу и его самураи, забрав с собой футоны для спанья и корзины с нужными вещами, отправились в храм, отведенный для ночлега.

Со ступенек и с террасы храма моря не видно, только слышно, как в песчаный берег рушится волна. Сад и храм, построенный на высоте, закрыты скалами от глаз пришельцев и от морских ветров. Русские не увидят движения на холме и во дворе храма. Кавадзи не намерен извещать их о своем прибытии. Сначала надо дождаться почтеннейшего старика Тсутсуя и остальных уполномоченных и составить с ними план действий.

Освеженный путешествием, Кавадзи искупался в ванне-кадке в деревянной бане во дворе храма. Квартира священника очищена для высокого гостя. Умелые руки навели порядок, поместили в почетном углу самурайский меч Кавадзи, повесили десятки его халатов и драгоценный парадный халат с белыми гербами, даренный своему верному бугё Верхним Господином.

На утренней заре Кавадзи ушел в глубь сада. Там под деревом кусуноки он пятьсот раз поднял и опустил с размаху свой тяжелый меч для гимнастических упражнений. За завтраком он не ел соленого и не пил вина. Его халат застегнут траурно, справа налево, как перед подвигом смерти.

Терраса храма окружена по бокам здания цветущими мелколистными магнолиями и ветвями с апельсинами. Под забором желтеющие вороха осенней листвы пальм и побелевшей травы и цветы красной камелии среди зеленых стекловидных листьев.

Здесь так тепло! Спалось сегодня крепко, все даже забыли про хибачи¹². Не то что в северной холодной столице. Близко Эдо, а климат совсем другой.

Сад при храме так красив, что Кавадзи глубоко задумался. Он вспомнил свою жену и достал из-за пазухи свиток бумаги.

«Мне показалось, что сам блистательный принц Гэндзи приходил в этот сад со своей Югао», – написал он в письме к Сато.

У ворот послышался шум.

– Мне скорей надо встретиться с Саэмоном но джо, – доносился знакомый голос Накамура Тамея.

– Он еще занят, – отвечал один из самураев. Кавадзи появился в дверях, и Накамура Тамея, почти вбежав, повалился перед ним на колени.

– Русский корабль очень большой! – рассказывал Накамура Тамея, сидя в храме. – На нем другой капитан. Много пушек. Путятин очень рад, что для переговоров придут Саэмон но джо и Хизен но ками.

– А где же переводчик Эйноскэ?

Мориама Эйноскэ неслышно проскользнул в храм и растянулся плашмя в почтительном поклоне.

– Гончаров не приехал. Он отправился в Петербург. С послом Путятиным прибыл капитан Посьет. Они просят, чтобы послы бакуфу первыми посетили их и пришли на корабль.

В Нагасаки было обещано Путятину, что если не удастся ему в скором времени вернуться из-за войны, а договор с Америкой будет подписан, то все права, которые получит Америка, будут впоследствии предоставлены России. Путятин, правда, недоволен остался. Перед отъездом из Нагасаки он вдруг заявил, что члены делегации со стороны Японии на этих переговорах не являются уполномоченными, так как не смеют ничего решать сами, а обо всем должны

¹² Жаровня.

запрашивать Эдо. После этого заявления эскадра Путятина ушла. Но данные друг другу обещания, конечно, оставались в силе.

Путятин и Посьет – опасные противники. Они будут настаивать на своем, на исполнении обещания. А это опасно.

Но за своей спиной, в своем стане, опасностей для Кавадзи гораздо больше, чем в чужом. Смотреть приходилось не только вперед, но и назад.

Кавадзи гордится тем, что он – чиновник до мозга костей: дельный, это всеми признано, знающий положение в государстве, его финансы, торговлю, отношения между князьями, сыск и опасения правительства, морское дело и береговую охрану, полицейское и тюремное дело, княжеские и императорские войска и правительственную деятельность. Он изучил все это гораздо лучше тех, кто презирает чиновников и объявляет себя творцами будущей страны. Кавадзи знал не только эти дела, но и все козни, преступления и оплошности, с ними связанные, лучше тех, кто тайно восставал против этих недостатков и несправедливостей. Уходящий год – год небывалой путаницы в истории страны.

Саэмон но джо отлично помнил, как все началось с Путятиним, когда переговоры были возложены на него и Старика.

Тсутсуи и Саэмон но джо прибыли в Нагасаки. Тамошние бугё такие же упрямы, как здешние симодские. Здесь вчера у Цкуси Суруга но kami в управлении пустым чаем напоили, и спать пришлось в собственном футоне. Еще неизвестно, когда пришлют провизию и свежую рыбу. Можно простить. Здесь город еще только благоустраивается.

Все эти бугё, выживающие из ума князя, должно быть, не очень хотят признавать преимущества чиновника, рожденного в беднейшей самурайской семье и выслужившегося до одной из высших должностей. Это неуважение аристократов всегда преследует Саэмона но джо, как проклятие. Почему же ему не желать изменения старого порядка и установления новых отношений Японского государства со всеми странами мира? А он при этом честно служит старому порядку, стараясь лишь спасти его от крушения.

В Нагасаки оба бугё ждали начала переговоров с иностранными эбису, вооружаясь. Войска были вызваны в Нагасаки из соседних княжеств и введены в город. Князя в должности бугё всюду выставили пушки и охрану. Кавадзи и Старика уверяли перед их отъездом по приглашению Путятин на русский корабль, что их увезут в Россию пленниками. Князь бугё велел нагрузить одно из судов порохом и подвести к борту «Паллады» к тому времени, когда на фрегате начнется прием японских уполномоченных. На случай, если Путятин вздумает увезти японское посольство, судно приказано было взорвать вместе с людьми и с «Палладой», чтобы заранее отомстить русским. Но Старик – Тсутсуи Хизен но kami, – сам князь, поддержал Кавадзи твердо и решительно, и план воинственных бугё, в страхе сидевших за стенами в своем Управлении Западных Приемов, был отвергнут.

Путятин и его посольство при первой встрече на берегу вели себя очень достойно. На корабле они произвели еще лучшее впечатление. Особенно сам Путятин. А также Гончаров, Пещуров и Посьет. По общему мнению, которое сложилось потом у японцев во время деловых встреч, всем этим людям можно верить, они искренни. Особенно вежлив и приятен Гончаров. Это настоящий честный дипломат: всегда находил глубокие доказательства, говорил, что Япония должна добровольно открыться. Он часто шутил, всегда приятно и вежливо, и увлекал своими рассказами о Европе, о театрах там, о музыке и особенно о женщинах! Какой красивой представлял он будущую жизнь Японии! Он говорил о поездках японцев по всем странам мира и уверял Кавадзи, что с красавицей женой он мог бы ехать в Петербург, Париж и Лондон, все смотреть там и изучать. Какое впечатление произвела бы такая благородная супружеская пара!

Эскадра ушла, послы вернулись в Эдо и доложили о своих переговорах, а другие послы, во главе с Хаяся Дайгаку но kami, доложили о переговорах с Перри. В столице, в правительстве

и обществе сложилось мнение, что хотя американцы богаче и у них совершенней корабли, больше матросов и оружия, но нет таких честных дипломатов и образованных, обходительных и искренних людей, как Путятин, Гончаров и Посьет.

– Фюить... Фюить... У-у-а-а! – грянули на улице.

Послышался ритмический свист. Кавадзи поднялся на ступеньки храма, закрыл за собою бумажную дверь в раме, оставив щель, и с любопытством ждал. Не зря рассказывал вчера Цкуси, как эбису дуют в трубы, свистят и поют.

Сверху хорошо было видно, как под холмом по одной из улиц, отбивая дружный шаг, появилась черная колонна усатых эбису с ружьями на плечах и в высоких шапках с перьями.

– А-а-а, у-у-у... – распевали они.

«Совсем как маленькие дети! Такие же звуки издают!» – подумал Кавадзи. А в то же время, как всегда, он замечал: все эти эбису бледны, поэтому выглядят очень старыми и уставшими.

Песня умолкла, некоторое время слышен был лишь гулкий топот грубых сапог. Потом грянул хор трубачей. Видно было, как они дули, напрягаясь, у них как будто красные мячики выкатывались над рыжими усами.

В садах среди красных камелий, под ветвями с апельсинами замелькали пестрые халаты женщин. Голые ребятишки с бамбуковыми палками на плечах выскакивали на улицу и шагали по сторонам отряда. Они подымали ноги и хлопали ими по земле, совсем как эбису.

Собаки со злобным лаем носились взад и вперед. Сзади отряда идут два матроса с бамбуковыми палками в руках и замахиваются ими на собак.

– А вот идет Можайский, – объяснил Накамура, – у него на плече держится ящик с красками. У него рост шесть сяку¹³ и пять сун¹⁴. Это их офицер и главный художник.

Путятин убедительно доказывал, что Японии пора открыться и сделать все возможное, чтобы избежать конфликта с сильными морскими державами, а тем временем стараться укрепить свое государство и завести международную торговлю.

Путятин сказал однажды в Нагасаки, что пришел сюда, чтобы силами России уравновесить силу Америки. Одно присутствие русских, по его словам, напомнит американцам, что надо действовать сдержанно.

Но не было ли сговора между Россией и Америкой? Слухи об этом доходили от американцев. Об этом же, как сообщается, говорит английский адмирал Стирлинг в Нагасаки. Но можно ли им верить, когда все эти государства находятся в постоянной взаимной вражде?

Через два месяца после ухода Путятина из Нагасаки правительство, изучив доклады Кавадзи и Тсутсуя, издало закон об отмене запрета строительства кораблей дальнего плавания. Это начало открытия страны. Открытие страны, как понимали это японцы, а не эбису. С сохранением достоинства и без обязательств перед иностранными государствами. И в этом немалая заслуга Старика и Саэмона но джо.

Но уполномоченные для приема американцев действовали совсем без достоинства.

Кавадзи и Старик пристально следили за их переговорами с Перри. Японскую делегацию возглавлял Хаяси Дайгаку но ками, ученый, глава Высшего Управления Наук. Кавадзи и прежде замечал, что ученые мудрецы, проповедники наук, человеколюбия, независимости, и просветители при встречах с сильными чиновниками выказывают слабость характера и низкопоклонство. Так именно вел себя Хаяси летом на переговорах с морским генералом Перри.

Договор с Америкой был заключен. Хаяси в восторге от американской науки, и все его ученые тоже. На прощальном приеме на американском пароходе один из самых знатных и высокопоставленных молодых людей в государстве, присутствовавший в числе гостей инког-

¹³ Сяку – 30 см.

¹⁴ Сун – 3 см.

нито, насмотревшись на огромную пушку на поворотном круге и испробовав ликеры, пришел от всего американского в такой восторг, что в конце пира кинулся к Перри и восклицал: «Японцы очень любят американцев!»

Успех американцев и слабость, выказанная японскими представителями на переговорах, вызвали общее приглушенное возмущение в столице. И, конечно, глава правительства обратился за советом к князю Мито. Могущественный Мито Нариаки когда-то был в опале. Со смертью Верхнего Господина, когда воцарился молодой сиюгун, не способный к управлению государством, главе и членам верховного совета при важных решениях нужно было советоваться с кем-то из старейших и почтеннейших родственников сиюгуна. Князь Мито Нариаки – умнейший, признанный всеми тремя семьями царствующего рода; кроме того, он богат, у него свое огромное войско. Глава правительства Абэ Исе но ками, вельможа, ученый, со спокойным, до мягкой округлости сытым лицом, какие бывают у мудрых, но малоподвижных молодых людей, предложил князю Мито явиться в замок. Мито Нариаки стал главным советником правительства и при решении важных вопросов заменял еще слабого и неопытного сиюгуна.

Глава правительства Абэ Исе но ками и князь Мито – опытные дипломаты.

Абэ – охранитель области Исе, князь Исе. На вид Абэ очень благодушен, доброта написана на его мягком, улыбающемся, большом лице рано разжиревшего любителя покушать и пожить в свое удовольствие. Его лицо похоже на белое, вкусное тесто. Его ум быстр и жгуч, как молния. Вместе со старым князем Мито решено наверстать упущенное. Воспользоваться для этого мнением Мито. Когда престиж государства падает из-за слабости и ему навязывает договор более сильная держава, то престиж будет восстановлен, если выказать решительность и твердость в отношениях с третьей державой. Это совет старого Мито.

Это хороший, прогрессивный совет. Считаясь с ним и принимая его, Абэ выказывает верность традициям и политике предков. Когда будем делать все по совету Мито, то его престиж скоро перестанет мешать прогрессу. Правительство потребовало от Тсутсуя и Кавадзи переменить тактику в отношении русских, доказать им твердость и так спасти престиж правительства в глазах народа.

Кавадзи при последней встрече с Абэ Исе но ками в замке Эдо покорно выслушал его наставления. Кавадзи велено скрыть от русских, что договор с Америкой подписан. Для того чтобы не исполнять данного в Нагасаки обещания и не давать России не только преимуществ, но и не предоставлять ей и тех прав, что по договору даны Америке.

Так предложил старейший Мито. В свое время он предлагал правительству войска, чтобы уничтожить всех американцев. Теперь он требует величайшей осмотрительности и дисциплины от чиновников приема русского посла. Спорить с князем Мито невозможно и бесполезно. Абэ, князь Исе, всегда почтительно улыбается, слушая его. Кавадзи должен переменить политику и доказать всю справедливость этой перемены Путятину. И обвинять Путятину в неискренности. Выбить главный козырь у делегации Путятин: известную всем благожелательность и честность его, Путятин, а также Посьета и Гончарова. Русские начали войну с Англией и Францией. Поэтому договор с ними не заключен, и они, отягощенные войной в Крыму и на Черном море, отстали в дипломатии и ослабли. И только поэтому мы поставим их в самые наихудшие условия для слабых. Кавадзи неохотно принял на себя эти обязанности. Но принял их. Отказаться невозможно.

Поэтому сейчас, когда по улицам японского городка, сопровождаемая толпой мальчишек, с бамбуками на плечах, прошла колонна солдат с ружьями и хор музыкантов с сияющими трубами, Кавадзи не стал посылать протеста на русский корабль.

Что же возмущаться, когда американцы истоптали всю землю и здесь в Симода, и под самой столицей – в Синагава и в Урага. Американские офицеры, напившись сакэ, бесстыдно смотрели на голые ступни японок – дочерей самураев, которым Урага-бугё приказал быть служанками на правительственном приеме. Что же после этого протестовать из-за того, что ро-

эбису¹⁵ ходят по берегу, играя на трубе. Этим еще нельзя поднять престиж правительства. Американцы сами подали идею, усвоенную на свой лад князем Мито. Оказывается, морской генерал Перри сказал однажды Хаяси, что русских надо опасаться, они не действуют прямо, а усыпляют противников своей искренностью и извлекают выгоды из чужой агрессии.

Кавадзи считает ошибкой предложенный план. Он пытался объяснить это главе правительства Абэ. Но глава правительства бакуфу сказал, что возражать не время. Надо пересилить себя и проявить твердость. Абэ – лукавый царедворец, еще и дал понять, что надеется только на Кавадзи. Никто лучше Саэмона но джо не проведет эти переговоры с Путятиним. Об этом разговоре никогда не узнают другие члены делегации.

Не от души, но со всем мужеством Кавадзи исполнит все, что ему велено.

¹⁵ Русские варвары.

Глава 11. Единство и решимость

О! Одиночество в скалах, —

писал Саэмон кистью на правом краю листа, выпуская его из свитка бумаги.

Сумерки, надвигаясь, скрывают следы.
Неважно, натянут ли лук со стрелой
Иль ослаблен.

Он совершенно одинок, и только «внутренний помощник» – любимая жена – понимает его. Она ведь тоже была несчастна до встречи с ним, и поэтому Саэмон и Сато так привязаны друг к другу. Сейчас в разлуке ему так ясно представлялась ее былая жизнь. Ей было так больно и так тревожно! Как хорошо, что она счастливо вышла замуж!

Лук нельзя держать всегда натянутым, он может быть ослаблен. Это не лишает его ударной силы.

На русском корабле четыре раза ударили в колокол. Прибежал посыльный из храма Тонсэнди и принес письмо. В город прибыл Тсутсуй Хизэн но ками и остановился в гостинице, предоставленной ему в храме на горе. Он приглашает в четыре часа утра на заседание.

Пришел еще один посыльный. Приехал Кога Кинидзиро, ученый из Высшего Управления Наук, родственник, ставленник и единомышленник Хаяси – главы «американской» партии.

Кога не так давно написал книгу «Повесть о варварах», о скитаниях японцев-рыбаков, унесенных морским ветром, которые долго прожили потом среди русских варваров. Хотя сам Кога не видал русских до встречи с Путятиным в Нагасаки, но он и прежде этого считался авторитетным знатоком России. Также приехал Мурагаки Авадзи но ками. Но еще не было главного мецке, официального шпиона, как называли русские, или цензора, как называли американцы. А без цензора запрещено разговаривать с иностранцами. Он, видимо, нарочно запаздывал.

Саэмон но джо послал старику Тсутсую поздравительное письмо по случаю прибытия.

Шел мелкий дождь, и послы со своими приближенными после завтрака двинулись со всех сторон к храму Тонсэнди на заседание. По камням и глине стучали деревянные подошвы вооруженных самураев, а также носильщиков, тащивших на плечах каго с послами. В узких улицах между ветвей с апельсинами плыли сплошные потоки мокрых зонтиков.

– Матсумото Чуробэ еще не прибыл, и мы ничего не можем решить без него, – объявил Старик, когда все расселись после взаимных поздравлений и поклонов. – Но мы все-таки предварительно поговорим как следует и обсудим положение. Все это нам поможет подумать, как лучше действовать.

– Да, это совершенно верно, – подтвердил Исава Мимасаку но ками, губернатор города Урага, где долго были американцы.

Его подпись, ниже подписи Хаяси, в числе других стоит на трактате, заключенном с Америкой в Канагава. Он не включен канцлером Абэ в делегацию, он обязан присутствовать при переговорах с русскими для дополнительного контроля над сторонниками дружбы с Россией и скорейшего заключения договора с Путятиним. Он будет при делегации, для этого назначен одним из губернаторов города Симода, как уже имеющий практику общения с американцами, для которых порт открывается.

Князь Исава Мимасаку прибыл вчера позже всех и, наверно, всю дорогу ехал в каго, полагая, что неприлично в его положении ходить пешком, хотя он еще молод, ловок и подвижен, как американец.

Решили заслушать Накамура Тамея, который ежедневно бывал на русском корабле.

Накамура уверял, что русские все узнают, что делается в городе. У них есть человек, который хорошо говорит по-японски, может быть, это бежавший японец.

Исава сказал, что следует его захватить или потребовать выдачи.

– Гошкевич тоже стал хорошо говорить по-японски, – продолжал Накамура, не обратив внимания на предложение Исава. – Они знают, что Саэмон но джо здесь, и хотят скорей начать дела. Посыет приходил на берег и все узнавал, почему мы не начинаем совещания.

Накамура уверял его, что нет еще Чуробэ, без которого ничего нельзя начать.

Бывший губернатор из города Урага Исава Мимасаку но kami сказал, что он хотел бы с русскими объясняться более твердо и решительно, чем это делалось до сих пор. Его поддерживал другой губернатор, Симода. Ученый Кога молчал. Кавадзи полагал, что бы все они тут ни говорили и какие бы планы действий ни составляли, а лишь ему одному придется проводить переговоры с Путятиным. Ключ лежал у него в кармане, и вся тяжесть дела была на его плечах. Поэтому, кинув скрытую насмешку противникам, он не стал вмешиваться в их споры. Ему хотелось махнуть рукой и отвернуться от этих жалких князей – поклонников Америки, как это делали по своему обычаю русские, когда им что-нибудь окончательно не нравилось.

Мурагаки Авадзи но kami доложил о своей поездке на Сахалин. Он начал не с того, что видел там, а с того, что ему пришлось слышать в детстве от своего отца и от деда, которые в свое время служили князю на острове Матсмай и кое-что слышали об айнах на Сахалине. Теперь матсмайскому князю велено считать себя хозяином северных рыбалок.

От шпионов Кавадзи знал секреты всех послов. По пути из Эдо сюда Мурагаки, например, был встречен на одной из станций богатыми купцами, у которых теперь денег и риса больше, чем у князей. Особенно денег. Мурагаки ведет с ними обширную торговлю. Купцы пригласили его на веселый праздник, и он получил дорогие подарки.

По сути дела, Мурагаки сам торговец. Он отличный хозяин, и на его плечах лежат все денежные и материальные дела посольства. Мурагаки хлопочет, чтобы получить семейные цвета владетельных князей для украшения храма, где будет происходить прием русского посольства. Мурагаки сказал, сколько и какой рыбы, снеди и приправ потребуется для парадных обедов. И сколько мяса надо отправить на русский корабль для офицеров. А морские солдаты едят там кашу – невкусную размазную из риса, разваривая его очень сильно.

Конечно, при угощении русского посла и офицеров на берегу кушанья должны быть деликатными. Для этого привезли из Эдо поваров. Не кормить же гостей простыми кушаньями!

Поднялась целая буря. Стали говорить наперебой, что рыбу в Симода подают плохую и чай нехорош. Губернатор обиделся. Началась невообразимая суматоха.

– Даже для чиновников бакуфу присылают рыбу не очень свежую, – раздавались голоса.

– Могла быть получше: тай или тунец.

Дождь кончился, и после длинного и скучного заседания Кавадзи перед обедом прошелся по берегу и посмотрел на русский корабль. Наблюдатели губернатора сообщают, что сам Путятин иногда тайком приезжает вместе с другими на берег и бывает в городе.

Но что теперь? Он смотрел на корабль, и опять чувство одиночества овладевало им. Неприятно вспомнить о старческом упрямстве князя Мито Нариаки. Кавадзи должен обмануть Путятину. «Может быть, от Путятина потребовали, чтобы он обманул меня? Он ведь тоже был у своих берегов и получил распоряжение своего правительства!»

Кавадзи заметил сегодня самодовольное выражение лица бывшего урагского губернатора. А сам? Наблюдатели сообщают, как вел себя Исава вместе с другими князьями, когда принимали американцев в Канагава! «И он еще будет после этого следить за мной и рассуждать, что с русскими надо действовать строже! Он еще смеет судить, сохраняю ли я дисциплину!»

Не зря Исава так понравился американцам. Они уверяли его, что за японскими делегатами, подписавшими договор с Америкой, не только слава в будущем... «Вы еще так молоды,

что ваше имя много раз упомянется в истории!» Исава курил сигару за сигарой и хлестал виски, как западный человек. Он стоек на ногах и с крепкой головой, весел, остроумен, разрешил американцам сходить в общественную баню.

А здесь он сидит, мрачно насупившись, и кажется, постарел лет на двадцать!

Сидим без дела и ждем Чуробэ. Он – главный мецке. Тсутсуй только формально назначен главнейшим мецке в государстве, для придания ему авторитета в глазах своих, а также иностранцев. Но настоящим наблюдателем является Чуробэ. Чиновник с таким высоким положением, как Кавадзи, при любых шпионах действует независимо и не обращает на них внимания. Но к ответу могут всегда потребовать. В любой миг. Поэтому халат Кавадзи запахнут справа налево. Он знает, что рано или поздно с его умом, благородным характером и остроумной речью ему прикажут вспороть себе живот.

Чуробэ очень хороший семьянин, очень любит своих милых горбоносых мальчиков и ласков с ними. По службе он исполнительен и молчалив. Он всегда и все внимательно слушает, но редко и мало говорит.

Но по его распоряжению и донесениям даже знатнейшие князья попадают в опалу, а некоторым посылается высочайшее повеление совершить сеппуку¹⁶. Целые княжеские семьи уничтожаются вместе с детьми, так что не остается ни единой души и некому в будущем отомстить за погибших. Совершаются казни по суду и убийства тайные, без суда.

Трудно сказать, сторонником чьей же партии является Чуробэ. Может быть, служит правде? Или живет по правилу «действовать медленно и верно, стараясь угодить тому, кто даст больше выгод»? Но этого в дневник не запишешь.

«Убийцы и поджигатели едят досыта, а у почитающего Будду всегда пустой желудок» – так говорит пословица. Да, сегодня рыба была нехороша и чай плох. Тут живешь голодом, ничего нет, порт еще только строится, и губернаторы этим хотят оправдаться. Но зря ничего не делается... Унижается само значение переговоров с Россией?

От губернатора пришли чиновники, чтобы просить у Кавадзи совета. Наблюдатели сообщили, что десять человек русских высадились на острове. Бугё хотел бы их прогнать. Запрос послан ко всем чиновникам приема, но решающее слово, как подразумевается, конечно, принадлежит Кавадзи.

– Не трогайте их. Пусть они поступят по своему желанию, – приказал Саэмон.

«Чем хотят доказать наши права! После того как американцы тут всюду ходили и делали все, что им вздумается... Все! Как же можно после этого запрещать русским прогулки на пустынном острове!»

Вечером наблюдатели сообщили, что русские на острове поставили ванну в форме человеческого тела, а вокруг натянули парус. Нарубили дров, нагрели воды в подавали ее в маленьких металлических бочках под получившийся занавес. Накалили на огне камни, плескали на горячие камни воду, по очереди все перебивали в пару и воде, и так вымылись за день двести человек. Полицейские сидели вблизи и наблюдали, всех сосчитали, все записывали и обо всем доложили в управление. Оттуда сведения разосланы всем чиновникам приема.

Утром пришел Накамура Тамея. Он тоже рассказывал Кавадзи про баню русских.

Вдруг во дворе раздались крики, к воротам сбежались все подданные и прислужники. Там начался невообразимый крик. Накамура Тамея вскочил и выбежал. Кавадзи проткнул пальцем бумажную ширму и увидел Посьета среди толпы чиновников и слуг.

– Кавадзи-сама! Кавадзи-сама! – требовал огромный Посьет, весь в золотых пуговицах, показывая на храм. – Понимаете меня? Понимаете меня? – спрашивал он по-японски.

Накамура прибежал и, сжимая огромные кулаки и выпучив маленькие глаза, сказал, что Посьет просит разрешения войти.

¹⁶ Самоубийство, вспарывание себе живота.

– В таком месте, где мы спим под футоном, и принимать иностранцев! Ни в коем случае, – отвечал Кавадзи.

Накамура схватил толстый голландский словарь и убежал.

«Уж этого мы никак не предполагали!» – подумал Саэмон и на всякий случай велел подать официальный халат с гербами.

Посьет все-таки пробился в храм. Разговор с ним начался в маленькой комнате.

Кавадзи поборол смущение и взял себя в руки. Приходилось привыкать к варварским поступкам.

Накамура Тамея нашелся и повел Посьета и явившихся с ним офицеров посмотреть храм, предназначенный для первой встречи. Кавадзи смог вздохнуть спокойно.

У ворот поставили вооруженных караульных.

На другой день несколько раз русские офицеры подходили к воротам храма. На террасе сидел Кавадзи в халате с гербами. Офицеры вытягивались и отдавали честь. Саэмон но джо отвечал: «Хорошо, хорошо» – и кивал головой. Офицеры, видя, что их не пускают, уходили.

– Переговоры еще не начинались, – заявил Кавадзи губернатору Симода. – А русские откуда-то все узнали. Явился ко мне Посьет! Это нахально. Без хаори, в домашней одежде, я не могу его принимать. Сейчас они так поступают, а что же будет через десять лет. Это безобразие. Совершенно нет у вас порядка.

На следующий день Посьет опять пришел. Часовой не пускал его к Саэмону но джо. Посьет наступал на него шаг за шагом и наконец вошел в храм. Он сказал, что очень рад видеть Саэмона но джо. Путятин просит ускорить начало переговоров. Идет война, и ждать нельзя, надо скорей закончить дела и возвращаться в Россию.

– Мы ждем прибытия Чуробэ, – сказал откровенно Кавадзи.

– Как же вы ждете мецке? Он прибыл!

– Нет.

– Нет, прибыл. Мы только что подходили к гостинице и там читали выставленный список жильцов. Написано, что живет Матсумото Чуробэ!

Вот они до чего додумались! Нашли, где висит табличка в гостинице. А наше первое заседание с участием мецке назначено только на завтра!

– Почему пропустили его? – допрашивал Кавадзи провинившегося самурая.

– Ничего не мог сделать. Он такой высокий, что пришел и воткнулся прямо из ворот в комнату.

Прибежал гонец с запиской от губернатора. Сообщалось, что трое русских вырезали себе ножами тросточки в бамбуковой роще, вероятно, чтоб разгонять собак. Кто-то из них стрелял за городом.

На заседание собрались на другой день.

Старик начал с того, что четыре английских корабля находятся в Нагасаки. Они пришли туда, получив от своего посла в Гонконге приказание напасть на русский корабль. У Путятинна все приведено в боевую готовность. «Как мы будем отвечать, когда русские спросят, какое обо всем этом наше мнение? Русские дружественны нам. Но, по сообщениям из Нагасаки, англичане придут сюда. У них на кораблях взяты с собой самые храбрые войска, которые носят красные мундиры. Те самые, что сражались в Китае».

Докладывал Накамура Тамея. Чтобы не тянуть дела, морской генерал Путятин сам придет на берег. Он придает этому большое значение. Важно, чтобы был заключен хороший договор. Прежде он требовал, чтобы послы приехали к нему на судно, но теперь от этого отказался, чтобы не затягивать до бесконечности переговоры о церемониях. Он требует, чтобы ему отведен был дом или гостиница для отдыха и для ночлега. Только после отдыха он пойдет в храм, где должна состояться первая встреча.

Когда Кинидзиро не пришел на это заседание. Знаменитый ученый, кажется, недоволен или хочет показать, что недоволен, что русским разрешили устроить баню на острове. Но на самом деле ссориться с Кавадзи он не хочет. Разве в бане дело! Когда считает Кавадзи умным человеком и полагает, что по возможности от борьбы с ним надо уклоняться. Не дело ученых лезть в спор, который, как он знает, начнется из-за квартиры. Когда сообщил, что нездоров, что у него сильные боли в голове.

– Так русские хотят, – заявил Старик, – чтобы им для отдыха дали храм Риоеэнди.

Урагский губернатор при этих словах зло сверкнул глазами. Всем известно, что в храме Риоеэнди живет он – Исава Мимасаку но ками.

– Ради эбису нельзя переселяться! – резко сказал Исава.

Чуробэ степенно молчал.

– Хотя это и не для американских эбису, но уступить надо и придется потревожиться! – сказал Кавадзи.

– При чем тут американцы? – воскликнул губернатор Симода.

– Ни для каких эбису переселяться нельзя! – рассердился губернатор из Урага.

– Американский прием был в лучшем храме города, – сказал Тсутсуй, – а вы его заняли.

Если мы сделаем прием русских в менее богатом храме, это будет невежливо.

Чуробэ все еще степенно молчал.

– А зачем позволили русским поставить наблюдательный пост на мысу и жечь там костер? А где закон, по которому эбису позволено устраивать баню на острове? У вас тут нет никакой дисциплины! Ходят и свистят по улицам, поют и дуют! – приподымаясь, почти кричал Исава Мимасаку но ками. – Разве это не безобразие!

– Никакой дисциплины? – иронически переспросил Кавадзи. – А кто подал пример? Кто уступил американцам при заключении договора по всем пунктам без всякой дисциплины? Кто показывал голые ноги японок американским офицерам?

– Какие голые ноги? – свирепея, зарычал Урага-бугё.

– Почему русские ходят, поют и стреляют? Они берут пример с американцев. В этом кто виноват? Кто разрешил это в Урага, Синагава и в Симода? В газетах, которые издает посол Англии в Гонконге, и в американских газетах об этом все напечатано. Путятин и Посьет все читают. Русские никогда прежде так не поступали. Что же теперь жаловаться на чиновников, ведающих приемом русских. Урага-бугё велел молодым женщинам и девицам явиться на прием и снять обувь. Кто это придумал? Это американцы посоветовали, чтобы посмотреть, какие ноги у наших женщин. Что теперь подумает про наше правительство Америка? Какой патриотизм выказал Урага-бугё?! Пример подан всем иностранным эбису! Что еще показал бы им Урага-бугё?! А сам не хочет переселиться из-за эбису!

Чуробэ понимал, что оба спорщика старались ради чести и достоинства государства. Исава понимал свое достоинство как достоинство всей Японии. Кавадзи действовал более дальновидно.

Вопреки всем обычаям Тсутсуй спросил мнение Чуробэ. Тот ответил, что Исава должен переселиться.

– Вчера пришли подарки для генерала Путятина, – заявил Мурагаки Авадзи но ками. – Шкаф для платья. И много ящичков. Надо все распаковать и расставить в приличном виде. Для этого потребуется время и просторное помещение. Подарки необходимо передать в торжественной обстановке. Мои люди готовы украсить входы в храм, повесить занавеси и балдахины. А для гостей храм Риосэнди надо очистить как можно скорей.

Мурагаки – писатель, ученый, богатейший коммерсант, но он и князь. Невелика честь для князя быть писателем и торговцем. К тому же Мурагаки, хотя и носит титул Авадзи, – потомок князей с самого северного острова. А все князья с северных территорий считаются чем-то вроде второго сорта, как и сами эти территории с их айнами, болотами и березовыми

лесами, которыми никто как следует не интересовался до сих пор. Ведь там даже есть места, где не растет рис!

На Мурагаки возложена хозяйственная часть посольства. Но как заведующий доставкой вещей и подготовкой к предстоящей передаче подарков он сказал не менее решающее слово, чем глава охранительной полиции.

Его сытые щеки красны и лоснятся, как у американца. Он всем доволен, он не совершил еще никаких ошибок. Он человек, в котором нет никакой утонченности. Человек из края холодов и берез!

Урага-бугё уходил с заседания виноватый, всем кланяясь. Он тоже был красен, как эбису. Он скрежетал зубами, но вежливо улыбался, как воспитанный человек.

Из храма потащили его корзины, халаты и оружие. Вынесли американские сапоги от охотничьего костюма, дробовое ружье, бутылки с виски и ликерами в ящике, пустые бутылки из-под шампанского, коробки от сигар, зеркало с нарисованными на оборотной стороне полуголыми блондинками. Губернатор очень любил красивую упаковку.

В храме чистили и мыли полы. Циновки вынесли. Принесли новую мебель, новые циновки и посуду. Внутри храма развесили громадные куски шелка.

В большой комнате около подарков и в сенях из шелков поставлена охрана из самых надежных столичных полицейских. Во дворе храма расположились полицейские чины из соседнего княжества. Кругом всей усадьбы – полицейские местного губернатора и солдаты правительства. Особые отряды обучались ходьбе в ногу, по европейскому способу.

Вечером прибежал гонец и доставил донесение. Кавадзи прочел, что несколько сот воинов размещены на горных перевалах и на трех главных дорогах, ведущих из Симода в Эдо, в деревню Матсузаки и к горным перевалам, чтобы быть готовыми к отражению опасности.

Кто мог напасть? Ро-эбису? Бродячие рыцари – ропины, подсланные князем Мито? Или войска князя-соседа? Или сами войска сиюгуна вдруг, в последний миг, получают приказ умерщвлять всех подряд? «А я, как отвечающий за все, получаю письмо Верхнего Господина с приказанием совершить над собой...»

Глава 12. Послы

Пропустив мимо себя марш почетного караула, адмирал зашагал вместе с Посьетом, капитаном и Пещуровым вслед за отрядом офицеров и матросов со знаменами и духовым оркестром.

Сибирцев шел в колонне рядом с Можайским и Шиллингом. Идти было так легко, что казалось, Алексей Николаевич плыл по воздуху. Его сильные и стройные ноги, затянутые во все новенькое, давно не ступали на твердую землю и не испытывали подобного наслаждения. Он выбрасывал их высоко и, прямо держа голову, неподвижно нес в руке сверкающий палаш. Рядом с ним сильный и миловидный профиль белокурого балтийца в новеньком кивере. Как примерял его сегодня Шиллинг перед зеркалом в кают-компании! «Чтобы самое главное было в порядке», – с удовольствием оглядывая себя, сказал он своему денщику, как бы ожидая одобрения доброго дядьки. Тот подал барону белые перчатки. И вот сейчас все они, офицеры, – красавцы, как на подбор, в новеньких киверах, которые велено беречь и сохранять денщикам для парадов, маршируют по улицам японского города.

Алексей Николаевич был бы счастлив, если бы адмирал задал ему самое трудное и неприятное дело, которое отвлекло бы. Или Степан Степанович рявкнул бы так, что все вылетело из головы прочь. Или начался бы ужасный шторм. Но шторма нет, и никаких поручений особых Алексею Николаевичу не дается. Адмирал так озабочен, что, кажется, не замечает его.

Погода стояла самая мягкая, влажная и теплая. Город за скалами и по ущельям, весь в красных цветах камелий и в апельсинах, красный и оранжевый, совсем не таков, как казался в шторм и дождь, когда пришли. Море как голубой щит с черными агатами. Но иногда слегка заколышется, как зелено-голубая занавесь. Сибирцев не был еще послан на берег и ни единой японки не видел вблизи. Теперь этот легкий и мощный шаг под музыку волнует и успокаивает.

Матросы часто бывают на берегу. Возвращаясь на корабль, только и говорят, что видели женщин. Сообщают друг другу какие-то новости потихоньку.

– Дозволили бы, ваше высокоблагородие, сходить команде в японский дом, – попросил Лесовского от имени экипажа матрос Яшка Поточкин, отличившийся на стрельбах и получивший похвалы капитана. – У них, ваше высокоблагородие, все здоровые и молоденькие.

– Ты что? В своем уме?

– Никак нет! Это никакого вреда политике не произведет, они не обидятся. Они сами объяснили, что это у них просто. Давно нам советуют.

– Не смей и заикаться. Для этого, по-твоему, посольство пришло? Как же может адмирал просить о таком деле чужое государство?

– Это конечно... Не сразу же. Но вы бы сами посмотрели, Степан Степаныч.

– Когда надо будет, то и посмотрю.

– У них болезни нет. Они иностранные корабли не принимают. Им еще не от кого заразиться.

– Еще какие красавицы там. Одеты богато, как барышни. Гребни черепаховые, прическа выложена красиво, – подтвердил Маслов.

– Что же это! Американцам можно, а нам нельзя, – сказал Сизов.

– Каким американцам? – встрепенулся капитан.

– Конечно, они смеются. Как обидно. Разве у нас не нашлось бы чем отблагодарить.

– А чем же американцы благодарили?

– Это японец нам объяснял, – вмешался в разговор Васька Букреев. – Сначала... никак не ладилось. А потом матрос простой все обделал. Давайте, мол, я зайду попить чай и поразговаривать. Офицеры ему говорят: «Куда лезешь?» А янки зашел, скинул сапоги и залез пить чай. Развернул перед барышнями красное, надо полагать, сукно чистой шерсти, так я понял.

Японец картину срисовал и показывал. У них сразу зарисовали. Как этого матроса две японки угощают, а сами его вместе с сукном тянут за ноги, словно хотят разорвать.

– Мы сегодня шли со стрельб, а они вышли и смеются! – сказал Сизов.

– А по-твоему, что они смеются?

– Русские, говорят, бедные, а американцы богатые.

– Даже обидно. Как будто наша команда бедна! Столько служили! Нашли бы чем отблагодарить, – сказал Шкаев.

– У американцев потом за этим матросом и офицеры ходили.

– Куда ходили?

– То есть... ну... словом...

– А знаешь, что японцы здесь, в Симода, за связь с американцами одну женщину забили камнями и выгнали из города.

– Так это одну. А разве одна гуляла?

– Это бабы, из зависти...

– А как ты узнал, Сизов, что у них есть такие дома?

– Да просто узнали, и все. У них есть рыбаки, бывали в Камчатке.

– Адмирал слово дал японцам, что женщин их не тронем!

Капитан рассказал обо всем Путятину. Адмирал так глянул, словно Степан Степанович кольнул его в больное место.

– Боже мой! – сказал Путятин и взялся обеими руками за голову. – Смешать наши высокие цели с такими понятиями!

– Евфимий Васильевич, а вот Зибольд пишет, что есть публичные дома! – заметил Можайский, сидевший в салоне у адмирала вместе с другими офицерами. – И Головнин упоминает, что будто бы когда его освободили из тюрьмы японцы, то провели мимо такого дома. И будто бы он только со стороны видел, как он пишет в книге, что девицы в таком доме так опрятны и красивы, что сделали бы честь любому подобному заведению в лучших городах Европы.

– Да это он про Хакодате пишет, – пробурчал Евфимий Васильевич.

Александр Сергеевич Мусин-Пушкин дул в усы, чувствуя, что Можайский, кажется, не прочь поддержать матросское ходатайство.

– Не только в Хакодате, и здесь, в Симода, есть такие дома обязательно! – горячо воскликнул Сибирцев. – У них всюду много торговцев и приезжих.

– Да вы что, господа, сговорились? Что вы покоя не даете, все лезете ко мне с разными глупостями? Лейтенант, прошу вас! Да я вас завтра же...

– Господа, о чем мы говорим? – укоризненно сказал Посьет, отрываясь от бумаг. – Обсуждаем, как произвести торжественную встречу с японскими послами? Или публичных девок?

После совещания в салоне адмирал пригласил священника отца Василия и сказал ему про поведение матроса Сизова.

– Да на хлеб его и на воду. И как-то успокойте его, отец Василий, пусть бьет поклоны земные и молится, чтобы смирилась плоть.

– Выпороть, и снимет как рукой, – сказал Лесовский.

– Не надо, господа, зря наказывать хорошего матроса. Повлияйте на него, отец Василий.

– Да-а... – уклончиво отозвался священник.

– Да не назначайте его больше на берег стрелять.

– Да он тут совсем взбесится, Евфимий Васильевич...

«Не мне его исцелять! – подумал отец Махов. – Такой жеребец!»

Разговор этот происходил вчера, когда готовились к параду. В кают-компании острили, услышав, с какой просьбой по случаю первого дипломатического приема на берегу обратился экипаж к капитану.

– Мы сами виноваты, позволяем команде чуть не ежедневно сходить на берег. А берег всегда развращает матроса.

– Как же иначе действовать? Если мы что-нибудь и узнаем, то только во время этих высадок. Люди наши быстро сталкиваются с японцами.

Сизов, однако, назначен в парадный караул. Он шагает в первой шеренге великанов. Он тоже в кивере, в мундире и в белых панталонах, с ружьем на плече, с кинжалом и патронташем у пояса. А вокруг ничего не видно. Опять все затянуто полосатыми материями, как и в Хакодате. Только там стоял холод, а здесь какое-то вкрадчивое коварное тепло. Какие-то запахи доносятся, словно улица обрызгана тончайшими духами, – это, наверно, цветет осенними цветами скрытая за полосатыми полотнищами душистая японская маслина. Чем-то таким нежным пахнуло, словно где-то женщины скрываются и смотрят.

Накануне Посьет ездил на берег за продуктами, и матросы наломали цветов для кают-компании. К величайшему удовольствию экипажа, привезли редьки, и Маслов рассказывал, что ее дают по штучке в подарок. Сегодня утром капитан говорил с женатыми матросами, просил их посоветовать молодым быть поосторожней, не останавливаться у огородов и не заходить во дворы. «У вас семьи, вы должны понять». – «А что семьи? – отвечал ему плотник Глухарев. – Семьи, может, никогда и не увидим!»

– Женщины! – вдруг пролепетал Шиллинг.

Нельзя поворачивать голову на церемониальном марше. Но глаза поворачивать можно, если при этом не путаешь шага и если никто не замечает. Алексей Николаевич покосился. Казалось, что вся колонна зашагала еще легче и звончей, словно от головы, где несли знамена, до штаба с адмиралом по всем прошел электрический ток.

– Это, господа, как мне кажется, не женщины, а мужчины, – довольно громко сказал Гошкевич. – Просто модные и воспитанные люди.

– Пахнет духами.

– Да, это так.

– В таких костюмах?

– Да нет, господа, это женщины. Я посмотрел им в глаза, – сказал Сибирцев.

Офицеры, не нарушая шага, разговорились громко, как на прогулке.

– Уверю вас, прием официальный. Поэтому все затянуто материями в знак вежливости и простонародье убрано с улиц. Это когда матросы съезжают на стрельбище и проходят по городу – другое дело.

«Да, так мы женщин и не увидели!» – подумал Алексей Николаевич, чувствуя себя как одураченный.

Оркестр и почетный караул приближались к храму.

Адмирал выстрижен, тонок, затянут во все черное, на нем кивер и перчатки. Усы как стрелы. Густые брови как бы выражают хмурую силу и строгость. Его сапоги как черные зеркала. Рядом с ним, как его чуть уменьшенная копия, Посьет – такой же высокий и в кивере. Адмирал во что-то всматривается мутно, словно предчувствуя неприятности.

Церемониальный марш русских войск – испытанное средство. Под музыку русский воин вырастает и становится значительней и производит сильное впечатление на зрителя. Так принято у нас. Это целая наука о парадах, не легче любой другой.

Путятин полагал, что русские матросы, как бы они ни затруднялись службой и как бы их ни жалели просветители, любят маршировку и в ней выказывают свой удалой характер. По тому, как матрос марширует, Путятин мог догадаться, каков он: смел, ленив или старателен. Только Посьет портит весь вид колонны, кривит шею, его продуло здорово. Но он – дипломат, необходим для посольства и с кривой шеей.

Адмиралу всегда хотелось, чтобы японцы посмотрели поближе на русских матросов да уразумели, каков наш простой народ. Как красив, статен, росл и при этом добр, как он терпелив

и покорен воле начальства. Целомудрен и не дозволит никогда посягнуть на честь женщины. Хорошо бы показать японцам, как в бою не жалеет себя и умирает одиночкой или вместе со всеми без страха!

Бывало, матросы, раздевшись догола, прыгали с русленей в море, прямо в холодную по здешним понятиям воду, подолгу плавали вразмашку и как ни в чем не бывало влезали обратно на палубу. Японцы смотрели на все. Они на все и всегда смотрят, словно изучают и хотят перенять. Удали нашей не страшатся, а как бы сочувствуют. И вот теперь этих-то богатырей видят они в грозном строю с ружьями на плечах.

Сам-то Путятин знает, что там, откуда эти богатыри набраны, не все люди таковы. Народ наш – разномастен, как нива, побитая градом. Эти выбраны для дальнейшего плавания, взяты лучшие. А японцы удивляются, что у нас за народ!

Отряды воинов ожидали гостей у храма Фукусэнди. Все ближе гремел марш. Прибежал полицейский чиновник и скрылся в храме.

– Вчера говорили, что делегация будет состоять из посла, пяти офицеров и двух солдат. А пришло шестьдесят человек. И много в рядах ружей со штыками... – взволнованно сообщал он ожидавшим русское посольство высшим чиновникам.

Пришел второй полицейский офицер и доложил, что Путятин остановился в храме Риосэнди, который отведен ему для отдыха, и пил там чай с офицерами. А все свои войска и оркестр отослал обратно на корабль.

Еще один согнувшийся полицейский офицер доложил, что Путятин с шестью офицерами и двумя солдатами идет в храм Фукусэнди и без всякой дисциплины разговаривает со своими спутниками.

Ворота храма Фукусэнди украшены шелковым занавесом цвета семьи Окубо. В храме, у входа из шелковых занавесей цвета семьи Мурагаки, устроены лиловые шуршащие сени.

Накамура Тамея в пестрых, как огни, халатах и в длиннейших четырехугольных штанах, которые кажутся накрахмаленными, встречал адмирала и его спутников.

Занавеси открылись, и Путятин увидел своих старых знакомцев Тсутсуя и Кавадзи с многочисленной свитой. Все японские послы встали и поклонились ему. Растворены окна и двери, и в храме розовый свет. Путятин протянул руку. Кавадзи пожал ее, и Путятин пожал руку японского посла еще раз горячее. Они встретились взглядами, и глаза Кавадзи Саэмона но джо, широко открытые как всегда, несли отблеск странной печали или какой-то обреченности.

Евфимий Васильевич понял без слов. Кавадзи своим взглядом предупреждал его. При всем умении владеть собой он не мог или не хотел что-то скрыть. Что-то нелегкое и неприятное ожидало Евфимия Васильевича. Чутье не обмануло его.

Тсутсуй Хизен но ками сказал, что ему очень приятно встретиться с послом Путятиним. Спросили о здоровье друг друга и дружески кланялись и улыбались.

Путятин и Кавадзи также обменялись любезностями.

Тсутсуй представил Путятину двух губернаторов – Мимасаку но ками и Суруга но ками.

Чуробэ сам сказал, что он назначен на место Арао но ками, который был О о-мецке во время переговоров в Нагасаки.

– А теперь Иесабуру Арао но ками находится у меня в подчинении, – с совершенно холодным лицом добавил Чуробэ.

Путятин, обращаясь к ученому Кога Кинидзиро, сказал:

– С вами давно не виделись и очень рады встретиться.

Кога ответил с приличной сдержанностью, что он очень рад видеть адмирала в добром здравии, снова прибывшим на новом большом корабле.

– Морской капитан первого ранга Посьет и начальник корабля, капитан первого ранга Лесовский, являются членами посольства, – перевел Гошкевич. – Лейтенант Пещуров – адъютант адмирала.

Кавадзи сказал, что рад видеть Пещурова. Он любил этого молодого и самого красивого из офицеров русского корабля. Кавадзи вырос не в родной семье. У японцев есть обычай отдавать детей в другие семьи. Кавадзи был искренен, когда в порыве чувства сказал однажды в Нагасаки Пещурову: «Будьте моим сыном».

Кога высок, с длинным тяжелым лицом. Маленькие глазки странно и как-то неблагожелательно шуряются, словно Кога подслеповат. Сморщенный лоб с недоуменно поднятыми бровями, словно академик еще не разобрался как следует во всем, что происходит вокруг.

Кога – знаток философии, истории, литературы, китайского языка. Говорят, что он знает всего Конфуция. Сущность происходящих событий он сверяет с подобными событиями в истории, находя в каждом случае подходивший прецедент. Гошкевич уверяет, что он из учреждения Хаяси, который подписывал договор с Америкой, и что его дело – помогать посольству ученой аргументацией. Судя по такому составу посольства, первый министр сиогуна собрал тут представителей всех политических направлений. Гошкевич твердит, что переговорам с Россией в стране придается гораздо большее значение, чем переговорам с Америкой.

Конечно, как полагает адмирал, англичане в Нагасаки не могли не попытаться вбить клин между Россией и Японией. Чем могли пугать? Да тем, что Россия хочет завоевать Турцию, ее надо бояться и японцам. Да еще самые плохие рекомендации о государственном устройстве, о правительстве и народе.

Четверо японских послов сидели, поджав ноги, на высоком помосте, который сделан вровень высоте принесенных с фрегата стульев. Рядом с ними Накамура Тамея. За помостом на полу пять оруженосцев, стоя на коленях, держат стоймя пять самурайских мечей в кожаных ножнах.

Сбоку на отдельном помосте, образующем как бы глаголь с подставкой послов, сидят оба губернатора – Цкуси Суруга но ками и Исава Мимасаку но ками.

Кавадзи захлопнул веер, перекинул его с руки на руку и слегка избоченился, положив ладонь на бедро. В глубине храма пять японских послов кажутся лысыми.

Путятин поблагодарил.

– А как была погода в море и как дошли? – спросил Тсутсуй Хизен но ками.

– Дошли очень хорошо, – ответил Лесовский. – Немного штормило.

– Мы восхищены вашим крепким кораблем! – ответил Тсутсуй.

На отдельном табурете, уткнувшись в бумагу и едва сдерживая счастливую улыбку, сидел Накамура Тамея. У него большой выпуклый лоб, змейка волос на выбритой макушке, черные маленькие глаза. Накамура почти столь же свой и доверенный для собравшихся здесь русских, как и для японцев, еще со времен переговоров в Нагасаки. Он как режиссер, поставивший вместе с декоратором Мурагаки весь этот спектакль и желающий ему успеха.

– Россия воюет с Англией, Францией и Турцией, поэтому я желал бы не затягивать переговоры, – сказал Путятин. – Долг требует от меня встать в ряды сражающихся.

Послы закивали головами. Почувствовалось, что слова адмирала произвели впечатление.

– Скорейшее заключение договора теперь в интересах японской стороны, – продолжал Путятин, намекая на договор, заключенный с коммодором Перри.

И сразу же в лицо послу, его свите, Можайскому, рисовавшему эту сцену, и переводчику повеяло невидимым холодом. Япония, как извечно, желала оставаться неприступной и независимой.

Путятин подтвердил готовность России жить с Японией в вечном мире и дружбе... Но сам он знал всегда, что уж очень запутаны в неблагожелательстве и предрассудках бывшие отношения. Не зря суть дела, из-за которого послана эскадра и посольство, так тщательно скрывали от петербургской публики. Да и в Петербурге и в Москве до всего этого никому нет дела! Про наш Восток на Тихом океане там знать ничего не хотят и не знают.

– Совершенно непонятно, на какую перемену ссылается посол Путятин, – сказал Кавадзи. – С тех пор как мы дружески простились в Нагасаки, не произошло никаких изменений. Нам надо продолжать наши переговоры и обсудить дела между нашими двумя государствами, которые были изучены за прошедшее время.

Лицо Путятин прояснилось. Он понял, откуда веет холодком и где опасность, но боя решил не принимать. Он не хотел делать этого при первой встрече.

– Государство российского императора представляет собой великую монархию, – заговорил Тсутсуй, – ее владения простираются от цветущих краев на юге Европы, а также занимают побережья Сибири, Ледовитого океана и Америки, где вылавливается много зверей. По мнению русских, Японское государство издревле нуждается в разных товарах, в том числе и в мехах. Но вы сами видите, какая у нас зима и что нам совершенно не нужно меховой одежды. Посол Путятин мог бы предложить все эти товары с большим успехом в другую страну, где погода зимой холодней, чем у нас. Нам же вполне достаточно тех мехов, которые добываются во владениях матсмайского князя.

– Между Японией и Америкой подписан договор о торговле и открытии портов, – сказал Посьет. – А Япония обязалась...

Кавадзи, кивая головой, долго слушал Посьета. Когда Константин Николаевич закончил, он взглянул на него своими выпученными глазами. У Кавадзи был такой вид, словно он положил руку не на бедро, а на свою рыцарскую саблю.

– Обо всем этом у нас нет никаких известий, – категорически ответил Кавадзи.

Он видел, что Путятин огорчен и озабочен. Адмирал постарел. Волос на голове убавилось. Еще сильнее помутнел его взор. Посол смотрит куда-то внутрь себя. Его обогнали! Форма на нем блестящая, он модный и светский. Но, видно, русским нелегко дается война с англичанами и французами. Можно лишь догадываться о том, что заботит посла Путятин. Вряд ли он скучает! Он – сильный человек, такие не скучают.

Тсутсуй добавил, что бакуфу, посылая своих послов в Симода, желало прочной и долгой дружбы с Российской империей. Теперь известно, что все прошлые недоразумения происходили от неосведомленности обеих сторон, поэтому надо все изучить и обсудить тщательно.

– Мы надеялись, что встреча наша, как было условлено, состоится в Анива на Карафуту и там на месте все решится, – глухо сказал главный шпион. – И вот Мурагаки Авадзи но ками был там по поручению правительства и все изучил и ждал вас.

Путятин ответил, что невозможно во время войны проводить переговоры там, где могут начаться военные действия.

– Мы теперь далеко оттуда, – сказал Кога Кинидзиро, – и нам, наверно, будет трудно обсудить то, что вблизи можно увидеть и обсудить гораздо лучше.

– Да, это совершенно верно, – согласился Посьет.

Пять гладко выбритых голов тускло сверкали. Через открытые окна храма в помещение лился свет розового, сумрачного дня.

Тсутсуй сказал, что теперь он понимает все лучше и рад будет продолжить разговор на следующей встрече. А сейчас он желает предложить послу Путятину и его свите обед.

Тсутсуй, обратившись к гостям, сказал, что при последней встрече в Нагасаки от имени России были получены подарки и переданы Наверх. И они приняты.

Переводчик Хори Татноскэ, ползая на брюхе, так перевел дальнейшую речь старейшего из японских делегатов:

– Я хочу передать русскому послу Путятину подарки, присланные японским государем.

– В ответ и с благодарностью прислан список этих подарков, – продолжал Тсутсуй.

Посьет поблагодарил за подарки от имени посла.

– Но пока это только список, а не подарки, – продолжал Тсутсуй, ласково улыбаясь.

Он передал список Накамура Тамея, а тот Посьету.

– А подарки разложены в соседней комнате для отдыха гостей. Я прошу вас туда пройти. На длинных темных столах сверкают металлом и лаком драгоценные предметы.

– Шкаф для книг, черный лакированный из легчайшего как пух дерева кири, с орнаментом, изображающим сказочную птицу Хоо... – объяснял Мурагаки. – Черный лакированный сундук с изображением камышей и журавля. Серебряная тарелка и серебряная ваза для цветов. Камень для разведения туши в лакированной коробке. Еще ваза для цветов, черная лакированная, с изображением золотого карпа и морского конька... Ширмы работы знаменитого художника Кано Так-ю, золотые с обеих сторон. Для всех этих вещей имеются коробки из легчайшего дерева и соответствующая упаковка...

– А какая теплынь! – заметил Лесовский, когда в сумерках офицеры с Путятиным возвращались на берег. – И всюду цветы цветут.

– Вот куда барынь надо посылать лечиться, – сказал адмирал.

– Да, хорошо бы и их сюда... – молвил Посьет.

На корабле он вызвал к себе Шиллинга.

– Что же с копией американского договора? Вы видите, в каком глупом положении адмирал? У него нет точных сведений, и мы не знаем подробностей договора. Японцы водят нас за нос и уверяют, что ничего не знают про договор с американцами.

Чирей на шее давал себя знать Посьету все сильнее, так что приходилось клонить голову набок, и ему казалось, что от этого его требования имеют меньшее значение, может быть, кажутся смешны. Тем строже он говорил с Шиллингом. Барон, как и Посьет, знает голландский язык. Он установил дружеские отношения с Мориама Эйноскэ и Хори Татноскэ, но до сих пор не мог ничего добиться ни от одного из переводчиков.

– Как вам Кавадзи?

– Я в восторге от него! – говорил в кают-компании Можайский. – Какая умница! Я бы хотел написать его портрет.

– Просите у капитана разрешение съехать завтра на берег да идите прямо к нему в храм. Он вас примет... Полагаю, что вы с ним сговоритесь. Это вполне светский человек, с европейским мышлением и без предрассудков. Но, конечно, будьте осторожны, помните, что он должен считаться с предрассудками своего общества, и не перегните палку.

Можайский был совершенно согласен с этими словами Пещурова.

На другой день вечером Кавадзи записал в своем дневнике: «Сегодня приходил варвар огромного роста и с отвратительным лицом и хотел меня рисовать. Его фамилия Можайский. Мне опять пришлось надевать хаори. Я ответил, что сегодня занят. Можайский стал развязно говорить, что ценят русские женщины в мужчинах. На это я ответил, что русские женщины глупые, если говорят о мужчинах. А умные русские женщины говорят о начальстве». Кавадзи полагал, что раз дело еще не начиналось, то нечего думать об удовольствии и нельзя позволять художнику рисовать свой портрет. «Удивительное нахальство эбису», – записал он.

За последние дни Можайский написал акварелью несколько этюдов. Изобразил голую японку на фоне леса, в духе Фрагонара или Буше. Японка спешит в баню, крытую дранкой. Он водил на стрельбище матросов, и, пока унтер-офицер с ними занимался, Александр Федорович залезал на скалы и писал пейзажи, бухту с «Дианой», храмы, группы японцев.

А еще через день японские послы прибыли на русский корабль. Им показали чертежи пароходов, машин, парусов, библиотеку, устроили артиллерийские учения. Кавадзи хотел запалить огонь и сделать выстрел из огромного орудия, но с непривычки не смог. Кавадзи попросил показать ему ружье и заметил, что оно не чищено. Капитан обмер от злости. Японец попал не в бровь, а в глаз.

– Из этого ружья только что стреляли, – нашелся Мусин-Пушкин.

Про водолазный костюм Кога сказал, что он походит на предмет, который изображается иероглифом, означающим накладное лицо.

– То есть маску для фехтования, – пояснил Гошкевич.

Кавадзи внимательно рассмотрел копию Веласкеса, сделанную Можайским, и высказал восхищение осанкой европейской женщины. Можайский ему нравился. Но он не мог этого написать в дневнике. В официальных дневниках следует писать только плохое про иностранцев.

Можайский показал гостям пейзажи Осака. Кавадзи сказал, что он служил в Осака, знает там все места и что рисунки очень верны.

Врач японского посольства Миццури Гемпо пошел в госпиталь и долго беседовал с доктором Ковалевским.

Адмирал принимал гостей в своем салоне, где установлены два орудия. Хори Татносэ ошибся, переводя его объяснения, и сказал послану, что ночью адмирал спит на одной из пушек.

Кога совсем пал духом, и, когда перешли в кают-компанию, он налег за столом на ликер.

К ужину поданы были всевозможные угощения и вина. Вечером подул ветер, и корабль стало бить на волнах. Лесовский приказал Гошкевичу и офицерам осторожно поторопить гостей, чтобы съехали на берег вовремя. По всем признакам шла буря.

Кога спустился в лодку мертвецки пьяным. По реям разбежались матросы и зажгли фальшфейеры. Взрывались и взлетали ракеты, и потоки огня лились со всех рей...

Поздно ночью у себя в храме, где даже в ветер тепло и уютно, где по стенам развешаны все семьдесят халатов, привезенных с собой из Эдо, и разложены двести свитков рукописей собственного сочинения, где корзины со всевозможными библиографическими редкостями, Кога наконец пришел в себя. Он записал в дневник, что был сегодня неприличен во время приема у Путятинна и раскаивается, но что у Кавадзи не хватило умения поднять палец и он не смог выстрелить из огромного орудия на корабле.

Глава 13. Начало землетрясения

Ночью погода разыгралась, и тяжелые волны пошли в бухту под скалами через проливы. Слышно, как они грохотали под крутыми стенами близкого островка, похожего на крепость с башнями.

Накат с тяжелым гулом рушился и за кормой «Дианы» в близкий берег. При вспышках молнии проступали скалы в осыпях, перемежавшиеся черными провалами распадков. Днем они похожи на рывины, тесно заросшие тропическим лесом и кустарником.

«Нас понемногу тащит к берегу. Якоря не держат! – замечал Путятин. – Грунт – скала!» Но разговоры в таких случаях не приняты, отдаются лишь приказания. Такой ли нужен порт для коммерческих цепей? Не за что якорям держаться... Военные пароходы американцев стояли на рейде, им хоть бы что, а купцу разгрузиться придется у самого берега!

Дождь полил, с силой ударяя при порывах ветра. Дрожащим светом вспыхивала все снова и снова молния. Адмирал еще с вечера, когда проводили гостей, немного их поторопив, послал шлюпку на берег, чтобы отдали концы закрепленных на берегу канатов.

Концы отдали, но шлюпка не смогла вернуться. Волнение началось в бухте. С матросами на берегу остался Посьет. Разрешат ли японцы им где-то ночевать или наши останутся на пристани под охраной самураев? Японцы странно боятся ночлега иностранцев на своем берегу, словно в этом таится что-то ужасное для Японии.

– Как же там наши гребцы? – сказал Сибирцев.

Снова ударила молния в полнеба, освещая горы, город и море в пене и пустынную пристань. Баркас, ушедший с вечера, вытасчен, но людей не видно. Снова вспыхнуло.

– Молния цвета мурагаки, – сказал лейтенант стоявшему рядом Гошкевичу.

Путятину нравилось самообладание Сибирцева. До войны он мичманом служил на Черном море у Лазарева, ловил турецкие фелюги, поставляющие оружие горским племенам.

Тросы больше не удерживали «Диану». Фрегат свободно подымался на волну на вытравленных якорных цепях.

– Отдайте третий якорь, – сказал Путятин, оборачивая к капитану залитое дождем лицо. – Нас тащит...

Капитан закричал в трубу. Собираясь кинуться во тьму, люди появлялись на палубе. Какие-то огни сразу же задвигались на берегу, словно ветер заколебал их. Полицейская стража, расставленная на ночь вдоль берега с фонарями, видимо, всполошилась, услышав в эту ненастную погоду крики в рупор. Загрохотала якорная цепь.

– Японцам спать не даем! – сказал кто-то из молодых офицеров.

– Японцы и так не спят, – ответил Путятин.

Все три якоря держали очень плохо в этой каменной глубокой чаше, и Путятин все более клял в душе своего предшественника.

«Надо перейти бы, – думал он. – Но сейчас нечего и думать об этом, невозможно перейти. Кругом тьма, и каменные стены, и острые камни разбросаны по бухте. И шлюпки с завозом не пошлешь и на буксире их не поведешь фрегата. Ночь темна, залив как оброс скалами».

– Уберите все. Спустить реи... – велел адмирал.

Раздался свисток, послышались голоса унтер-офицеров, отдающих команду, и заспанные подвахтенные выбежали в привычной тревоге в крошечную тьму.

Матросы стали медленно подниматься в черную сеть дождя, куда-то ввысь. На всех мачтах предстояло убрать и спустить на палубу реи и стеньги – верхние звенья мачт, их продолжения в самой высоте. Опять послышался свисток. Это уж вызывали «всех наверх». Люди все шли и шли, подымаясь из люков. При свете фонарей видно, что их усы, так величественно

торчавшие на позавчерашнем параде, обвисли от дождя. На них пропитанные смолой куртки вместо парадных мундиров и мятые, грязные от смолы штаны.

Василию Букрееву понятно: мачты надо укоротить, рангоут не должен парусить, чтобы ветер не потащил фрегат на камни, надо снять все лишнее. Но еще не случилось, чтобы ночью так разоружали фрегат. «Залезли в камни, теперь не знает, что делать, старый черт!»

Рука нащупывает узел при слабом свете фонаря. Надо тянуть, развязывать. Ветер все еще теплый, не такой, как в наших морях. На фрегате все тали, ванты, брасы, фалы – все в порядке и все вытянуто как полагается. Все узлы крепки. Адмирал сам за всем следит, по многу раз проверяет, чтобы все было очищено, просмолено, натянуто, чтобы все старое сменено новым. Морские узлы развязываются, слава богу, как на учении. Любит «сам» парусное дело.

Море так раскачивает мачту, что даже привычному Василию режет сердце. Ветер ударяет по груди. Ничего не видно на берегу, только кажется, что скалы близко: что-то рядом белеет. Но это волны в своем огне. Корму не могли завести как следует, волнение мешает. Кажется, что вот-вот зацепит топ мачты в наклоне за громоздящийся тут где-то, как колокольня, утес или закинет Васю, сорвет его, перетрется его пояс и полетит он с салинга, как клоун.

Букреев лег на брюхо и тужится изо всех сил, держа как бы прикрепленную теперь к себе, а не к грот-мачте, тихо сползающую стенгу. Поползла, поползла тяжелая грот-стенга. Ветер, рокот, и пена белеет внизу, ясно видно, волны загораются слабо. Но где берег, близко или далеко, не поймешь. А кажется, что все ближе надвигается, уже больше невозможно устроить человека. Василий готов ко всему.

«А неужели музыканты спят?» – с обидой думает Вася. Он спускается на палубу, довольный, что пока дело обошлось, гордо расправляет грудь, как и полагается маршировавшему на многих парадах удалому моряку. Закручивает свои форсистые, как у адмирала, усы. На фрегате чуть не у всех матросов такие же. Один японец уже показывал Василию на усы, а потом на корму, где был салон адмирала. Это он хотел сказать: мол, ты, Вася, как адмирал. «Конечно! – полагает Букреев. – Чем я не моряк!»

Путятин молчит.

Чуть-чуть становится светлей. Виден берег. Слава богу, не так близок утес, как казалось Васе. Фрегат стоит в трех кабельтовых от берега, еще с вечера делали разные маневры, пытаясь отойти. Скучный берег в накатах лохматых волн, которые переходят в сумрачные волнистые и словно нагнувшиеся от моря скалы. Казалось, вся Япония запряталась от этого воя ветра и боя волн за свои горы, выставив белые зубы скал иноземцам.

К утру стало стихать, ветер слабел, волны приходили из океана, расшибались в пену и столбы пыли у входа в бухту. Фрегат стоял с укороченными мачтами без рей.

Адмирал сидел над картой бухты с Елкиным. Переходить надо к деревне Какисаки. Она совсем близко, от Симода к северу-западу, вон в иллюминатор видна крыша ее Храма, от городка отделена рядом утесов вперемежку с широкими отмелями в песках, похожими на купальные пляжи где-нибудь в Нормандии. Для «Дианы» соседство песчаного пологого берега было бы безопасней.

«Но, право, – думал адмирал, – столько хлопот, столько несуразностей, так все непросто! Перейти в деревню Какисаки, а сборов не меньше, чем при большом переходе. Никто ничего не делает как следует. В Осака шли – так не хлопотали!» Лесовский начинал раздражать его. Волосы у адмирала взъерошены от досады.

Дела много.

– Надо снять плетень, он истерся, и переплести его придется, – вдруг говорит он капитану.

Капитан тоже зол, его глаза посветлели. Он покорен и почтителен.

«А не догадается, все надо сказать! Хорошо, что запасы есть на „Диане“, что все еще в порядке пока. Со всех судов отдали на нее в порту Лазарева все, что могли».

– Как утихнет, надо готовить ответные подарки послам для отправки в Эдо, а потом переходить в Какисаки, – сказал адмирал. – Придется посылать баркас, завозить якоря и тянуться в деревню.

Штормило весь день до вечера. Небо разяснивало, но ветер стихал медленно. Японцы целый день не были на фрегате, хотя уговаривались, что они приедут, чтобы присутствовать при свозе на берег подарков, предназначенных для передачи послам и для отправки в Эдо. Приходилось церемонию откладывать.

Вечером стихло, и рыбацкие лодки потянулись в море. Баркас вернулся с берега. Посьет доложил, что ночевать разрешили в храме. Путятин вызвал Гошкевича и велел составить письмо с выражением благодарности.

– Девки такие хорошие! – рассказывал на баке Сизов. – Смуглявенькие, такие малые, крепкие и тихони. Вся сожмется, а ничего.

Море чуть волновалось. Вода была серо-зеленой. Тучные грядки синих облаков тянулись ровно, как по огороду.

– Ты их видел?

– Как же... Я попросил воды испить.

– И дала?

– Принесла и смотрела тихо и кланялась потом. Вот так, – вскочил и показал Сизов.

– А Посьет?

– А ему что! Она выглянула, а он живо перемахнул забор и к ним во двор, – рассказывал Маслов.

– Есть же приказ во дворы не заходить и население не трогать!

– Нет, он население не беспокоит! – сердито сказал Маслов.

– А знаешь, у них есть такая трава... – Матрос стал потихоньку рассказывать.

– Да ну-у... – загудели матросы, и их круг сдвинулся.

Ночь прошла спокойно. Утром облака кое-где еще шли. Взошло солнце, высветился город со множеством стройных соломенных крыш и с апельсиновыми садами.

Море стало совершенно гладким и ярко-зеленым. На нем, как епископские аметисты, фиолетовые скалы. На поверхность бухты высыпало множество белых лодок и суденышек, словно слетелись лебеди. Некоторые большие лодки уходили через проливы в океан и стояли там в белом воздухе над синей стеной воды. Рыбаки старались обходить «Диану» подальше, сторонились ее. Видимо, полиция, нагнанная в Симода из ближайших городков и из столицы, строго следила, чтобы у местного населения не было соприкосновения с варварами. Рыбаки, ходившие на промысел ночью, возвращались. Какой-то парень рискнул пройти под бортом фрегата. С палубы видна была у него в лодке тучная рыбина, аршин четырех в длину.

– Макрель, – сказал матрос латыш Янка Берзинь.

– Тунец, – подтвердил Василий.

Матросы столпились, разглядывая рыбацкую лодку сверху. Двое японцев сидели без дела. Молодой и плечистый их шкипер ворочал на корме юли-юли – длинное, тяжелое весло, и лодка шла к берегу с опущенными парусами. Парень нагнулся и, подняв, показал матросам пустой кувшин из-под сакэ. Матросы засмеялись.

– Сейчас у него эту рыбу заберут, – стал объяснять матрос Терентьев, – и отправят главным чиновникам.

– Что ты говоришь? – с интересом обернулся стоявший на баке и также наблюдавший за движением на поверхности бухты лейтенант Можайский.

– Да вот он сейчас пристанет, и они подойдут к нему. Заберут всю рыбу. Что-то ему оставят, конечно.

– Откуда ты знаешь?

– Мы видели вчера, как дежурили у шлюпки. Они говорят, мол, город небольшой, а много приезжих и кормить нечем. Место здесь бедное. Камень кругом, сеют мало. Море их кормит.

– В шторм сидят голодные, – добавил Василий. – Старик рыбак показывал, мол, ртов много, а есть нечего. И их самих два.

– Нет, он показывал, что с двумя саблями все едоки. Уж, видно, для господ стараются. Подошел Лесовский и ударил матроса по лицу.

«Сволочь! Как больно дерется!» – подумал Терентьев и вытянулся перед капитаном. За что били, он не понял.

– Лейтенант, чем вы заняты? – спросил Лесовский.

– Чем прикажете заняться? – вытянулся Саша Можайский.

– Неужели у вас дела нет? – резко оборвал Лесовский. – Адмирал назначает комиссию по осмотру и проверке предметов, назначенных для подношения в качестве подарков... Ступайте, скажите, что вы назначены мной.

Адмирал сам спустился с комиссией в трюм, в камеру, где хранятся драгоценные подарки для сиогуна и его послов.

– Тщательно, господа, осмотрите и проверьте потом все наверху на солнце.

А матросы драят палубу, щетки и швабры в ходу. Тут же «вспленивают» канат в канат или укладывают канаты круглыми бухтами, где-то стучит кузнец, идет стирка, люди что-то шьют, чинят паруса, выветривают койки и одеяла...

А вода все плещется, ведрами черпают ее за бортами и льют на палубу. И все чище, чище и опрятней становится фрегат по мере того, как все выше подымается из океана большое японское солнце, похожее на то, что у них на флаге.

Адмирал поднялся на палубу и наткнулся на барона Шиллинга.

– После вчерашнего шторма надо проверить все вертлюги на якорных цепях. Следите, барон, чтобы люди очищали ржавчину самым тщательным образом.

Старший офицер приказал опускать баркас на воду. Предстоял переход на новую стоянку в деревне Какисаки. Опять крики, заскрипели блоки. Баркас, свежекрашенный в шаровую краску, вздрогнув, пополз на таях вниз и коснулся спокойной глади воды. Погода отличная, тихо, лучшего времени для того, чтобы тянуться на новое место, и желать нельзя. Только как-то стало душновато и обрывки облаков нашли на солнце.

Барон Шиллинг спустился с людьми в жилую палубу. Через порт видно, как люди спускались в баркас на шкентелях.

На баркасе завезут верп, чтобы потом, выбирая трос, матросы на фрегате смогли подтянуть судно. На баркасе снова выберут верп и завезут его еще дальше и опять станут тянуться. Так судно перейдет к деревне Какисаки на спокойное место, где нет скал на берегу и близких рифов. Перейдет, не ставя рей, стеньг и не подымая парусов.

Опять под бортом фрегата прошла легкая шхунешка с рыбой. На ветру трещал соломенный парус.

На берегу, на площадке между пеньков, где строились новые рыбацкие суда, японцы начали обычную работу.

– Для подачи кабельтова через порт уберите орудие, – приказал капитан, – поставьте его вдоль борта.

Боцман появился с матросами в жилой палубе. Матросы поворачивали тяжелую, литую из чугуна пушку. Жерло орудия ушло из порта, и туда продернули канат и закрепили его за кнехт. Пушка в такой тихий день поставлена была вдоль борта, чтобы не мешать. Матросы, возившиеся с ней, ушли наверх.

Подле пушки остались матросы с лейтенантом Шиллингом.

В закрытой нижней палубе, где по ночам спали в висячих койках и где так же, как и на верхней, в порты выглядывали жерла тучных, крепко принайтовленных орудий, матрос, крутя

вьюшку, тянул якорную цепь из погреба. Тут раскинулась целая мастерская. Кузнец расклепывал цепь, пожилой матрос, стоя на коленях, очищал заклепки от ржавчины и смазывал щеточкой с салом. Тут же их снова заклепывали на переносной наковальне. Барон Шиллинг, пачкая руки, просматривал заклепки и вертлюги. Застучал кузнец. Подымали следующее звено.

Лейтенант заметил, что большие уши Федотова стали красны, словно он стоит на солнце. Откуда-то падал красный свет, как при пожаре.

Барон взял вертлюг и поворачивал стержень, когда фрегат вздрогнул. Что-то затрещало, и фрегат обо что-то ударился. Удар снова повторился с такой силой, что все вокруг затрещало. «Здесь же глубина восемь саженей?!» – с удивлением подумал Шиллинг. Ему показалось, что фрегат кренится. И вдруг он с ужасом увидел, что кренится и встает на ребро огромное чугунное орудие, нависая над кружком сидевших за работой матросов.

– Братцы! – закричал он, вскакивая.

Матрос Симонов, желая задержать орудие, кинулся к нему. Барон и матросы бросились за ним. Пушка на миг замерла. Фрегат опять качнулся, и она всей тяжестью пошла на людей. . .

Ниже палубой комиссия разбирала ящики и тюки. Готовить подарки посланы были Пуятиним офицеры, а в помощь им приданы юнкера, чтобы не бездельничали зря. Когда над головами наверху послышался грохот, все переглянулись. Откуда-то слабо сюда, в глубь судна, доносился голос капитана.

– Кажется, пошли! – заметил Пещуров.

– Берите все эти коробки наверх! – приказал Сибирцев унтер-офицеру и матросам. – Там рассмотрим.

Наверху опять что-то загремело, и послышались крики. Фрегат вдруг накренило так, что все схватились за поручни.

– Эка! – вскричал юнкер Лазарев.

Судно опять трянуло, и сразу раздался новый удар, что-то внизу затрещало, словно корабль било о скалу.

– Сели! – спокойно сказал Пещуров. – Черт знает, что они смотрят! – Пещуров выругался. – Как это можно среди бела дня в бухте усесться. . .

Прямо над головой офицера что-то рухнуло в палубу, все затрещало, сверху палубу прогибало, словно камень упал с неба.

– Господа! Что у них там делается? – закричал кто-то. – Что же вы тут возитесь? Идите все наверх. . .

Офицеры пошли наверх по трапу. Опять наверху раздался треск, что-то загрохотало, кто-то закричал истошным голосом и послышались стоны.

Сибирцев вбежал в жилую палубу и увидел бледного Шиллинга, подымавшего вместе с матросами упавшее орудие. Лицо его заострилось и осунулось. Алексей Николаевич с ужасом увидел чьи-то торчащие из-под орудия ноги. На палубе лежал матрос Соболев. Из его сапог и через парусиновую одежду льется ручьями кровь. Кровь вытекала и с другой стороны, из-под станка пушки. Там был еще кто-то. Все кинулись подымать пушку. Фрегат качнуло, опять ударило о дно, но уже чугунная громадина была на крепких руках. Матросы и с ними Можайский, Шиллинг, Сибирцев и юнкера вместе приподняли орудие. У самого борта с изломанным черепом и смятым лицом лежал матрос Симонов.

– Доктора! Носилки!

– Санитаров с носилками! Да где же врач?

– Орудие не смогли удержать. Симонова придавило, и он не успел отскочить, – говорил барон.

– Нас бьет о дно там, где была глубина сорок футов. Вода ушла из бухты.

«Целая каша из людей! – подумал Можайский. – Один мертв. . . Симонов. . . Силач. Славный и тихий матрос Симонов. Голова раздавлена, сплющена, и весь он. . . И нет человека!»

Еще один бился с переломленными ногами. Из разорванной штанины торчала белая сломанная бескровная кость. Алексей Николаевич, выхватив нож, нагнулся и срезал штанину. Он все время видел осколок кости с хрящами, торчащими из переломленного колена. Матрос закатил глаза.

Какой-то отблеск красный мелькнул в портах, запахло серой, фрегат задрожал, лязгали канаты, судно куда-то пошло.

Раздался новый сильный удар. А дно тут камень. Опять затрещало внизу, где-то там, где киль.

«Киль? Пробоины в подводной части?» – мелькнуло в голове Сибирцева.

Понесли носилки с ранеными.

– Дрейфует! – раздался крик лотового наверху. В широкий порт видно было тонкий конец, на котором при тихой погоде шлюпка билась о борт корабля, как в шторм. Наверху раздался условный свисток, означающий: «Прекратить все работы!»

– Боже мой! – вдруг закричал кто-то дурным голосом.

Все кинулись по трапам вверх.

Глава 14. Цунами

Офицеры и матросы высыпали на палубу из всех люков.

Вокруг фрегата вода пенилась и клокотала белыми ключами, потоки ее били со дна, и вся поверхность бухты как бы закипала. Из воды, словно взрываясь, взлетали столбы пара и облака водяной пыли.

Можайский не поверил глазам. По городу Симода, там, где минуту назад плотной массой желтели по обе стороны устья реки высокие, аккуратно выстриженные травяные крыши и черные крыши из щепья, цвели в садах красные камелии и желтели апельсины, все сбивая и валя, подкидывая на воздух суда и лодки, шла в остекленевшем зеленом изломе огромная волна.

– Верните баркас! – послышался голос адмирала. Румянец проступил на его вытянутых смуглых щеках, лицо помолодело, словно Путятин ждал и рад, что наконец что-то началось. Из глаз исчезло выражение загадочной мрачности, которое всегда так нравилось японцам.

– Руби кабельтов! К борту! – почти одновременно с адмиралом крикнул Лесовский, держа рупор на баркас и шлюпку, которые только отошли от фрегата.

Зычный голос Степана Степановича как бы напоминал всем, что и сейчас тут надо страшиться его, а не стихии.

– Баркас вернулся! – доложил вахтенный офицер. – А шлюпку подхватило и понесло.

– Что делается, смотрите, город-то...

– Боже ты мой!

Матросы крестились.

Какая-то зловещая мгла неслась в глубь долины над крышами, словно поднялся и мчался без ветра туман. Водяная пыль засыпала город, потом повсюду поднялись столбы воды, словно ударили фонтаны, где-то около нового здания Управления Западных Приемов ввысь вырвался гребень водяной горы, весь в пене, волна шла, разливаясь по городу, вихрем неся по его крышам лодки и вытягивая деревья. Крутя вихри, срывала цветы и апельсины, засасывала их в воронки. Люди прыгали с суденышек на улицы. Полуголый мальчик залез на крышу и подымал туда маленьких детей, вода подняла их всех вместе с крышей и закрыла. Огромная волна срывала крыши, и целые дома взлетали, словно городки от ударов биты. У каменного дома с каменными стенами вокруг двора волна глухо рухнула под самый фундамент, и все здание легло, как куча камней. Волна шла ровно и устойчиво по всему городу, не теряя силы, и нахлынула на дальние косогоры, облизывая подножия холмов и валя ворота храмов. Только сами храмы на горах стояли в неприкосновенности. Но вот вал хлынул на косогоры с новой силой, крыша храма стала провисать, а во двор, словно из потревоженного муравейника, выбежало множество людей. В этом храме, как знал Алексей Николаевич со слов Можайского, жил ученый, академик Кога.

– Дрейфует! – снова крикнул лотовый.

– Отдать второй якорь! – приказал Путятин.

– У меня в батарее якорный канат расклепан! – спохватился Шиллинг и опроретью кинулся вниз.

Унтер-офицер выкликнул несколько матросов, и люди дробью посыпались по трапу заклепывать звенья каната.

Шлюпку относил все дальше, но люди там не сдавались, бились изо всех сил, как на горной реке против течения. Волны плясали, то подымая, то скрывая суденышко с гребцами.

Адмирал посмотрел на часы. С начала землетрясения, с первого толчка прошло три минуты.

Город превратился в сплошное разлившееся море пены с грязью, в пенную лужу со множеством плавающих крыш, на которых вдруг появлялись люди, вздымавшие руки и метавши-

еся в ужасе. Вода пошла прочь от города, смывая множество копошившихся повсюду людей. Столбы едва торчат из воды, затоплены рисовые поля и сады, слышатся крики людей, они там еще барахтаются в воде. Вода хлынула обратно в бухту вместе с деревьями, досками и разбитыми лодками. Под бортом фрегата пронесло двух утопленников, намертво ухватившихся за обломки дома, и вырванные кусты в цвету.

На палубе крестились и бормотали молитвы, суетно сгрудясь и как бы превращаясь из команды героев в толпу суеверных крестьян.

Священник вышел и, взявшись одной рукой за поручень, другой поднял крест и нетвердым, но торжественным голосом стал читать отпущение грехов. Люди опускались на колени. Едва он закончил, как некоторые матросы стали сбрасывать рубашки.

Заклепали цепь и отдали второй якорь, но фрегат тащило прочь от берега. На носу корабля раздался такой треск, что весь экипаж во главе с адмиралом повернулся на палубе, как на парадной маршировке.

Большая рыбацкая джонка с разлета насела на канаты обоих якорей и на бугшприт, сломала утлегарь, снесла блиндагафели и сама застряла. Крепкими канатами «Дианы», державшими якоря, ей срезало мачту и снасти, разворотило борт, он вспух, джонка оседала, доски ее лопались и стреляли. И сразу же в нее врезалась другая и рассыпалась. И обе превратились в груды обломков, которую тут же разнесло по воде.

Матросы с русленей и из портов бросали японцам концы, но рыбаки не трогали кинутые им веревки. Водовороты разносили их. Сизов и Шкаев взбежали на обломок бугшприта.

Еще одна джонка, поменьше первых, ударила в форруслень и сразу рассыпалась. Молодой японец, лежа на спине, обхватил обломок раскинутыми руками, как распятый. Шкаев, стоя с веревкой, накрученной на руку, размахнулся и кинул ему конец. Веревка упала почти на грудь японцу, но он не пошевелился и не взял ее. Исполдубья, пlying на спине, холодно и тяжело смотрел он черным взором на матроса.

– Бери! – закричал Шкаев яростно.

Шкаев стал обвязываться. Но молодой рыбак показал рукой в сторону берега, а потом быстро провел себе по шее, как бы показав, что ему отрубят голову, если матрос его спасет. И прежде чем Шкаев прыгнул, крутая воронка втянула японца, раз-другой в мутной воде мелькнула бритая голова.

– Ребята, что же это... с сердца рвет...

– Спастись бояться...

И вдруг Сизов, обвязанный веревкой, кинулся в воду. Он отвел своими огромными руками мусор и обломки и ухватился за плывущую крышу с лежавшей на ней плашмя какой-то маленькой женщиной. Сизов вскарабкался на крышу. Матросы подтянули его за веревку. Он поднял японку легко, как перышко, и передал ее на борт товарищам.

Это была маленькая пожилая женщина с крепкими ногами. Она дрожала от холода и страха. На нее надели матросскую просмоленную куртку.

– Эбису?! – вдруг в ужасе закричала она, приходя в себя.

Японка кинулась к борту, увидела погибший город, вскинула к небу руки и в отчаянии стала кричать, потом хохотать и рыдать.

– Бабушка, бабушка... – пытались утешить ее матросы.

– Что за люди! – с обидой сказал Сизов.

Он поморщился от удивления. Перед ним на палубе стояли двое измокших японцев.

– Этот сам схватился. А вот этого едва затащили... Его крести, а он – пусти! – рассказывал Маслов.

– Да что это там такое? – закричал адмирал. – Руля не слушается! – оборачиваясь, сказал он подвернувшемуся Сизову.

– Степан Степанович, руля нет! – кричал с кормы Елкин.

– Руля нет... – передал Пещуров.

– Мы без руля, – подходя к адмиралу, спокойно доложил Лесовский.

«Сломлен утлегарь, кажется, трудно будет поставить косые паруса... Но надо как-то управляться!» – подумал Путятин.

Море покраснело, остров посередине залива становился все выше; подымая из-под воды мокрые стены, он плыл все быстрее навстречу кораблю.

Два якоря не держали. Люди крестились и поглядывали на адмирала. Всем известна была его богобоязненность. «Если началось светопреставление, то он бы знал...» – полагал Сизов. Но адмирал с самого начала землетрясения еще не перекрестил лба. «Однако не спасти ли еще кого!» – подумал матрос и для удобства стал раздеваться. Он понимал, что сейчас начнется кораблекрушение и общая гибель.

Все видели, что «Диану» тащит вместе с якорями и вот-вот ударит о скалы. Сплошная масса крыш и обломков судов и жилищ с людьми, цеплявшимися за все, за что можно, неслась за фрегатом и вокруг него: казалось, уносило весь город, как бревна в сплав на реке.

– Привязать форстаксель! – отдал приказание адмирал.

Маслов, Шкаев, Сизов и Букреев с товарищами побежали на бугшприт. Фрегат не служался руля, его все несло к скалам. Вон зелень в их серых расщелинах. Фрегат волочит за собой якоря, а вышколенные матросы привязывают стаксель. При ударе погибнут все сразу. Сейчас бугшприт врежется в стену.

– Убрать людей с бугшприта! – громче обычного приказывает Путятин.

Удар теперь неизбежен. Офицеры, яростно размахивая руками, кинулись сгонять матросов с бугшприта. Матросы схлынули на палубу и стали сбрасывать с себя одежду, готовясь спасаться вплавь. Расстегнул, глядя на них, рясу отец Василий.

Остров подымал из уходившей воды вороха ползучих ветвей с наловленными грудями водорослей и стекающими потоками воды. Люди закрывали лица руками. Высокий красивый матрос Сизов смотрел на мчавшиеся к фрегату острия со спокойной усмешкой.

Адмирал что-то объяснял Можайскому, тот, с надеждой глядя на него, изо всех сил налегал с двумя матросами на подобие руля на корме.

Вода вдруг стала заглывать стены острова. Фрегат задрожал, и все посмотрели на адмирала и капитана, как бы желая видеть, ободрены ли они. Евфимий Васильевич все еще не перекрестился. Адмирал, который обычно часами проводил время за молитвами, как богаделка, с самого начала землетрясения не помолился, и это всех ободряло.

– Пронесло! – громко сказал Сизов.

Между фрегатом и близкой стеной в зазубринах, лианах и водорослях подымалась волна. С яростным криком, высвистывая как соловьи, металась по лианам перепуганные обезьяны.

Фрегат понесло обратно к берегу, повернуло его несколько раз, как корыто, выхваченное из рук прачки в половодье, и стало крутить. Корму пронесло у каких-то рифов. Канаты от невыбранных якорей свились в толстейший жгут. Нос поворачивало медленно, а корма по огромному кругу понеслась как бешеная. Вокруг, как в панораме, все быстрее двигались горы с ходившими на них огнями, столбы дыма курились по скалистым гребням, вырываясь с пламенем из трещин в горах. Солнце в дыму. Горы качаются и рушатся. Море ушло, суша затоплена... С хребтов сыплются камни потоками. Солнце все мчится и мчится, и опять мимо проносятся море, и лодки, и утопленники.

Людей рвет, приступ тошноты охватывает Букреева. Люди падают на палубу, не выдерживая.

Василий закричал, что пламя полыхает прямо из воды. Видно было, как толпы жителей города ползли в горы, стараясь забраться повыше.

В громадном водовороте судно поворачивалось все быстрее, и люди, дурея и хватаясь за леера, чувствовали себя, как на колесе. Море было покрыто множеством предметов, как сплавная река бревнами.

Старая японка хохотала, выбежав из жилой палубы. Ее опять утащили туда. Она упала. Доктор дал ей какое-то лекарство, она выпила его, сморщившись, а потом раскрыла глаза, посмотрела отрезвевшим взглядом. Слезы вдруг залили ее лицо. Японка была старая, но еще крепкая. Матросы, проверявшие принайтовленные пушки, закончив работу, столпились вокруг нее. Маслов принес кружку с водой.

– Что ей вода! Она и так наглоталась досыта...

– Корму несет. Как карусель...

– Голова, ребята, кружится!

– А Евфимий Васильевич?

Подошел санитар, взял японку за руку и потянул в лазарет.

– Ну как там японцы? – спросил Маслов. – Живы?

– Им сделали массаж, – ответил рыжий веснушчатый санитар. – Они теперь наверху.

– Помирают?

– Нет, пособляют нашим! Иди! – потянул он японку.

– Иди, иди... – весело сказали матросы, хотя всем было страшно, и опять мимо неслись горы, мелькнул вход в океан, за ним остров Собака, какая-то джонка в полной неисправности, мертвецы и крыши.

Фрегат замедлил бег и остановился.

Алексей Николаевич смотрел на часы.

– За полчаса фрегат сделал полных сорок оборотов, – сказал он адмиралу, захлопнув крышку часов, сунул их в карман. Лицо его посерело. Сибирцев не выдержал наконец, он кинулся к борту. Его вырвало.

Фрегат задел за дно и стал тихо крениться. Из воды показались оба якоря.

– Степан Степанович, прикажите поставить подпорки, – сказал Путятин. – Всех наверх. Фрегат сейчас ляжет.

– Стеньги!.. Реи!.. – кричал Лесовский.

Фрегат падал. Палуба вставала и превращалась в стену, на которой невозможно удержаться. Матросы хлынули к бортам, перетаскивая через них деревья¹⁷. Сотни людей упирались, налегая на реи и стеньги, не позволяя кораблю лечь. Стеньги лопались, тяжелый борт трещал, ломаясь о каменное дно. Люди подводили на таях толстые деревья, подтягивая их руками.

– Прикажите людям держаться на борту!

– Держитесь, братцы!

Трещали и лопались последние подпорки. Стеньги и реи еще немного сдерживали тяжелое судно, вооруженное множеством пушек, но уже левый борт его навис над головами людей, как бы превращаясь в тент или крышу. Сотни людей совали под борта все, что еще могло удержать судно. Но, видя, что делу не поможешь, хватались за леера и поручни, по фальшборту перебирались на левый борт наверх, лезли через порты.

Адмирал и капитан с частью офицеров держались на повалившейся рубке, ухватившись за обрывки снастей, намотанных на что попало. Среди несущегося хлама капитан заметил, как что-то ярко блестит. На поверхности бухты вся масса хлама остановилась, и при дыхании моря среди нее на большом расстоянии проступала позолоченная полоса.

Фрегат уже лежал на боку. Матросы, натянув по всему судну леера, все еще лезли и лезли через порты, как из люков. Весь борт облеплен людьми, некоторые ходили не держась, как по палубе.

¹⁷ То есть стеньги, реи, части шпангоута.

Вдруг боцман перепрыгнул с борта на реестры. Судно стало быстро подниматься, и вся масса людей радостно хлынула обратно в люки и на палубу. Море на миг отхлынуло, открывая бурую каменную мель, на которой бился бурун. Опять стали видны якоря, их лапы, до половины закрытые водой. Опять покачнулось судно, люди замерли, опасаясь, что палуба снова поднимется вертикально, но пошла вода, и фрегат подняло.

Адмирал крепко держался за поручень и стоял на все еще косой палубе.

На вершине волны пронеслась шляпка с «Дианы». Колокольцов махнул рукой и что-то крикнул, но шляпка пролетела мимо корабля.

Волны улеглись, и море, покрытое обломками, стало успокаиваться. А посреди бухты все же что-то ярко блестело.

– У японцев нет меди на судах! А это плывет что-то медное.

– Это наш киль, господа! – воскликнул Можайский.

Офицеры кинулись в трюм.

– Киль оторван, и вода врывается в трюм потоками! – доложил Сибирцев.

Матросы тащили машину для откачки.

Путятин приказал ставить паруса, вооружаться всей команде, чем только возможно, с тем чтобы толкнуть корабль на мель.

Когда фрегат крутился со скоростью в сорок полных оборотов за полчаса, когда кружилась голова, когда всех рвало, Путятин заметил, что священник снял рясу. Путятин увидел отца Василия в простой, чистой и аккуратно выглаженной посконной рубахе.

Отец Василий присел, стал снимать сапоги.

Происходило бог знает что.

Солнце носилось за мачтами вокруг фрегата, поворачивались горы и террасы с обработанными полями, горы были в огне, пахло серой. Все вокруг раздевались. Адмирал должен погибнуть вместе с кораблем, как и капитан Лесовский, с достоинством и не покидая мостика и, быть может, не отрывая руки от леера. «И если мы пойдем ко дну, то пусть отец Василий вразмашку поплывет к берегу с крестом на груди и там соберет и утешит команду!»

Руля нет, кия нет. Все офицеры в трюмах. Две машины откачивают воду. Матросы разворачивают заранее приготовленные пластыри. На смоленых канатах подведут их под пробоины.

– Давай дыхание ему делать... – говорили матросы.

– Федотов, попробуй Букрееву массаж. Вон японцам как массаж помог...

– Рыбак сразу ожил. Был полуживой и без памяти. Это я тебя схватил, – сказал Маслов, обращаясь к одному из японцев. – Был бы в чувстве, тоже не дался бы! Вот видишь... Вот так, брат! Тебя крести, а ты – пусти!.. Ну, как там? – спросил матрос, обращаясь к снимавшему шлем водолазу.

– Течи сильные... Пробоины...

– Мы с места на место таскаем машины и налегаем изо всех сил.

– Ну, ребята, слава богу, кажется, все прекратилось! – Маслов перекрестился.

Матросы стали креститься, потом обнимали друг друга. Появился Букреев. За ним кузнец и толпа матросов. Все кинулись целовать друг друга. Спасенные японцы тоже стали обнимать и целовать матросов. Но матросы перехватывали тревожные взгляды, которые они бросали на берег.

– Вода пошла в бухту, – сказал кузнец.

– А была как вулкан. Пыхнет – и сгоришь. Не знаю, зачем идти к ним просить о трактате. Бог их от нас отгородил. Так бы пусть и жили.

– Дайте ему, ребята, старую рубаху шерстяную, и он согреется.

– Может, и у нас трясло?

– Нет, у нас место надежней и земля плодородная. Сейчас снег идет и мороз и воздух здоровый.

– Вот видишь, они тоже люди добрые.

– Что же хорошего, когда человек спастись не захотел. Ему кинули веревки, а он не взял. Это уж последнее дело.

– Земля коварная, и люди такие же.

– А славный был парнюга, – сказал Сизов. – Провел себе рукой по горлу, мол, не старайся, они мне все равно отрубят голову. И пропал!

– Надо будет, они и тебе так же скажут. Это им мало важности.

– Как же! У них шпицрутенов нет.

– На молитву становись!..

На палубе густыми рядами строились матросы. Под стук помп отец Василий в облачении стал читать молитвы.

«Да, это плывет наш киль, – думал Алексей Николаевич. – Неужели погибнет наше судно?!»

Алексей Николаевич потрясен до глубины души и забыть не может, как люди всей массой, не дожидаясь команд капитана и Путятина, кидались делать все возможное, повсюду натягивали леера, так что при любом положении судна можно было передвигаться в любом направлении, чтобы спасти корабль. Никто не выказал страха или слабости, из шестисот человек ни один не упал за борт, все старались помогать японцам, и многие при этом рисковали жизнью. Адмирал разговаривает с ними запросто и серьезно, как бы не делая разницы между нижними чинами и офицерами. Путятин сам переменялся, в нем не было и тени английского воспитания.

Судно стояло на мели, и под пробитые борта матросы, споря с адмиралом и Лесовским, старались как удобней с помощью водолазов продернуть смоленые тросы и подвести стяженные пластыри из нескольких слоев парусины.

Василий думал, что японцам еще хуже, чем нам.

– У японцев землю смыло на полях. Как теперь сажать на камне? – сказал он, сменяясь у рычага помпы.

– Рис, он на воде растет, – ответил кто-то.

– Да под водой-то должна быть земля? Рис не морская водоросль, – сказал Сизов. – Морскую капусту и ту насадишься, пока отдерешь.

– Женщина на военном судне приносит несчастье, – заметил Елкин.

– Куда уж больше! – отвечал Путятин. – А вы что, Елкин, хотите свезти ее на берег?

– Да... Я бы мог...

Путятин посмотрел на белокурого и румяного поручика, который совсем не производил впечатления зараженного предрассудками ретрограда. Взор адмирала стал опять таинственным и загадочным, который так нравился японцам, считавшим его настоящим северным роэбису.

– Вам придется делать промеры заново, глубины изменились, и дно теперь совершенно другое...

– Да-да... Видимо... Я так полагаю.

Адмирал с Посьетом, Гошкевичем и Пещуровым съехали на берег.

Всю ночь стучали помпы, откачивая воду. Под утро опять были толчки. Опять по трапам подымались босые, разбуженные свистками, угрюмые матросы.

Глава 15. Кога Кинидзиро

Путятин полагал, что надо прямо попросить Кавадзи и Тсутсуя показать текст американо-японского договора. Надо получить его вполне легально и как можно скорей.

Конечно, потомки могли упрекнуть адмирала, что, начиная русско-японские отношения и заключая договор двух государств, он наделал ошибок. Что верно, то верно. Евфимий Васильевич полагал, что бог его простит. Да что потомки! Невельской не так молод, чтобы годиться в потомки, а он зло твердит об этом, хуже всякого японца.

«Я и сам это все знаю! – полагал Путятин. – Свои грехи дай бог отмолить!»

Путятин убрал с Южного Сахалина крепость. Японцам предоставлена возможность приходить туда ловить рыбу и эксплуатировать айнов. Нет возражений против этого. А что же они? Японцы явно переменили политику, тянут и упираются. А ведь дали обещание в Нагасаки, что при следующей встрече заключат договор с Россией. В чем же дело?

«Ждать невозможно, идет война. Надо спешить, обсуждение статей договора идет, да все как-то плохо движется. Была бы у нас копия договора да показать бы им это, приводя точный его текст при всяком случае, и тут же выложить обязательство, данное мне в Нагасаки, то куда бы скорее все двинулось. Проще было бы действовать! В основе формально, конечно, но верно. А мы только грозимся и уверяем, что у нас есть копия договора, да мы, мол, не хотим сами к ней обращаться, ее с собой не берем!»

А в Нагасаки уж пришла эскадра Стирлинга из Гонконга. На основании американского договора они-то и заключат с Японией свой договор, введут свой флот в те же гавани, что открыты американцам, и превратят Японию в базу снабжения и стоянки английского флота. Они уже объявляют японцам, что ищут нас, чтобы уничтожить. На Амуре твердят, что они в конце концов вообще настроят японцев против русских и России.

Неужели Невельской прав, утверждая, что для справедливого договора нужны сила и сильные позиции, таково время, а на одном корабле никто посла всерьез не примет. В пору захвата чужих земель и грабежей во всем мире сильные державы не будут считаться иначе с нами и еще навяжут, мол, свою волю японцам. Помимо того, Сахалин – остров, прикрывающий вход в Амур и всю нашу страну! А чем мы можем действовать на Сахалине? Гуманным отношением к туземцам в противоположность свирепости европейцев и самих японцев, которые официально объявляют о своем праве эксплуатировать айнов до полного их уничтожения. «Чем же, – говорил он, – их позиция справедливей?»

У Путятина голова разламывалась. И как ни кидал, а выход скорый мог быть один – ссылка на данное в Нагасаки обязательство и на договор. Пользуясь тем, что война, они будут бесконечно тянуть. Видно, и гордость их уязвлена.

Посыет пытается тайком достать текст договора за вознаграждение у самих японцев через Шиллинга. Адмирал полагает, что окольные пути не для него. Проще и скорей действовать прямо. «Обходы и околичности – не мое дело!»

При последней встрече на «Диане», в канун землетрясения, Путятин заметил, как довольны послы угощениями, почестями, подарками и даренными им фотографиями их самих, которые за эти дни сделал Можайский, обходя храмы-гостиницы и снимая послов поодиночке. Адмирал выбрал время, обратился к Кавадзи и Тсутсую и попросил дать ему прочесть текст заключенного договора. Кавадзи не зря носил одежду, застегнутую, как у смертника. Вино, приемы, музыка и торжества не расслабляли его. Но и лгать он тоже не желал. Он сделал вид, что не обратил внимания на вопрос. Путятин через некоторое время повторил свою просьбу, снова обращаясь к нему и Тсутсую, но и Старик сделал вид, что ничего не понял, или не слышит, или не хочет отвечать.

Ученый Кога Кинидзиро был возмущен до глубины души. На другой день во Временном Управлении, когда началось обсуждение событий, он сказал:

– Русские хотят решить три дела: открытие портов, торговля и границы. Саэмон не хочет скрыть договор с американцами. Хочет скрыть в тайне договор и поставить пределы в отношениях с русскими. Если знать современное положение и быстроту обмена сведениями между западными странами, то можно понять, что это невозможно скрыть. И нет никакого смысла.

Кога вообще полагал, что протяжки и сопротивления бесполезны. Страну придется открывать. Это и мнение Хаяси. И его тоже. Все Управление Наук стоит за открытие страны, и только чиновники бакуфу упираются. Когда надо было выселить Исава из квартиры, то Каку¹⁸ понял, что это надо сделать. А в большем масштабе он этого не понимает. Кога сам сказал, что ненавидит эбису всей душой. Но не стыдится сказать, что поэтому им надо уступать и открывать страну.

– Мы не имеем современных средств для сопротивления эбису, придется лучше сделать это самим, чем подчиниться насилию, как с Перри. Только поэтому заключили договор с ним так быстро. Россия сейчас пришла к нам без силы и разговаривает вежливо. Но разве мы не видели вчера, как они упражнялись с пушками? Разве не говорил нам Можайский, что у русского императора есть сто тысяч гвардейцев в Петербурге и все ростом выше, чем сам Можайский? Это, конечно, не главное. Но Россия, гордая своей силой, она будет оскорблена, и потом, после войны, это вызовет ссору с ней. А нам совершенно не нужны ссоры с Россией! Все знают, что еще рано говорить, что она победит, но уже поздно ждать, что победят англичане. Зачем же скрывать: будет еще хуже! Это очень близоруко – так на все смотреть.

Кавадзи слушал ученого с глубоким вниманием, вежливо кивая головой.

Ночью Кога спал плохо. Утром, выйдя во двор храма, ученый посмотрел на море. Изогнутое вдоль мыса и сужавшееся к горизонту, оно легло ровным розовым телом в форме свежезажаренной свиной ноги, которую давно хотелось бы попробовать. Но – единомышленник – здешний бугё, с которым Кога состоит в одной партии против Кавадзи, держал знатное посольство впроголодь.

Час Змеи, когда Кога вернулся под крышу. Горячий рис вкусно ударил в нос паром, едва сняли крышку. Кога взял палочку. Вдруг все затряслось от сильного толчка, затрещала балка над головой, и с крыши на террасу, как по желобу, скатилось несколько черепиц.

Кога и все его приближенные стремглав кинулись в сад, прыгая через окна и двери. Снова загудело под землей, как прокатился гром под ногами. Дома закачались, как корабли на волне. Жители города, неся на руках детей, молча поспешили вверх, на полянку под скалами возле храма, туда, где стоял побледневший Кога со своими приближенными. Он подумал, что еще никогда не приходилось показываться перед простым народом в таком затрапезном халатишке, в котором и ешь и сочиняешь стихи, иногда и пальцы вытрешь о него.

Кога, видя, что больше нет толчков, возвратился в храм. Самураи затапывали угли из развалившейся печки.

Снова все задрожало еще сильнее. Лопнула крыша храма и провисла, в пролом, как в воронку, прямо в комнату рухнул поток битой черепицы и осколков, дребезжа, как град по водосточной бамбуковой трубе, как скорлупа, разлетелась каменная стена храма, осела и повалилась, открывая вид на город. Камни падали вниз, в горный поток под укрепленный обрыв. Сверху прокатились огромные камни, отколовшиеся от скалы.

По городу стелился сплошной дым, сквозь него пробивались языки пламени. Доски и солома валились там на очаги, и вся эта осенняя сушь вспыхивала как порох.

В храм вбежал мальчик, поклонился и громко сказал:

¹⁸ Кавадзиэ.

– Идет цунами!

Люди по улицам бежали молча сплошным потоком.

– Что случилось? Цунами? Идет цунами? – спрашивал Кога у какого-то старика, несшего на руках двух девочек.

Тот пробежал, не отвечая. Никто не отвечал. Внезапный ветер разгонял пламя пожаров, от города понесся дым, слышался треск сухого дерева. Каменные фонари развалились и лежали у храма, каменный мостик через пруд в саду лопнул и разломился надвое.

– Такого сильного землетрясения еще никогда не было, – дрожа, сказал священник, хозяин храма.

Кога попросил его сходить на берег посмотреть, действительно ли идет цунами.

– Вода на море, мне кажется, совершенно спокойна.

– Это толчки высокие, вертикальные, – отвечал хозяин храма, не двигаясь с места.

Наиболее удалые молодцы всматривались вниз в воду, стоя прямо на обложенном камнем берегу или на бортах своих лодок. Кога знал, что они смотрят, не пришла ли рыба нумазу: если идет цунами, то рыба нумазу сразу появляется у берегов, шумит и прыгает. Лодки на поверхности бухты спешили к выходу в океан.

– Никакого цунами нет, люди боятся пожара, – сказал один из самураев.

«Однако никакого признака цунами нет!» – подумал Кога.

Вдруг он увидел, как на соседний холм из храма выпрыгнул Кавадзи. Он очень сильный, привыкший к упражнениям с мечом. Один из его самураев зацепился за террасу и упал, но сразу поднялся, и все они быстро пошли в гору. Накамура Тамея со слугами вытаскивал из храма какие-то вещи. Кавадзи, как горный тигр, стал быстро прыгать со скалы на скалу. Лодки на поверхности бухты заплясали. В город ворвалась волна.

Кога подхватил халат, скинул туфли и босиком что было силы пустился прочь от города. Он бежал так быстро, как давно уже не бегал. Вся толпа его подчиненных мчалась за ним. У подножия горы Дайандзисан служащие подхватили его с боков и сзади и понесли. Он уже был между скал. Колочие кустарники изорвали в кровь его руки и лодыжки.

Кога, держась за сук сосны, с высокой скалы посмотрел вниз. По городу стлался черный дым. Как мертвые в огне, вставали и сами собой выдувались уложенные паруса от лодок и судов, занесенных почему-то на улицы. Мимо, почти по обрыву, читая молитвы, шли с коробками женщины и дети. Город стало засеивать голубой пылью, как дождем. С горы Дайандзисан все было видно, как в театре. Сверху по горе прокатывались, громокая, камни, и люди разбежались, видя их.

Вдруг среди города Кога увидел столб морской воды с пенистыми гребнями друг над другом, как пятиступенчатая башня Годзюно Ро в храме в Киото. Он видел, как на крыши домов бросило большое судно, по меньшей мере в тысячу коку водоизмещением, и сразу голова волны, как щитом, закрыла его.

«Моя душа не вернется больше в тело», – с ужасом подумал Кога. Он задыхался, но надо было залезать еще повыше. Вскарabкавшись на следующий уступ, он увидел на просторной поляне среди сосен своего единомышленника Исава с чиновниками, Исава-чин был бледен.

– Я убежал в домашней одежде, – стал оправдываться Кога.

На ладонях у Исава кровь. У Кога тоже в крови и руки и ноги. Исава внесли на руках его подчиненные. Они назначены сюда, в новый императорский город, из Эдо и по горам плохо лазают. Они жили в храме вместе с Исава и теперь вместе спасались.

Кога сел на землю, прислонясь спиной к сосне.

– Смотрите, смотрите! – раздались крики.

Внизу, среди бухты, черный корабль эбису крутился вокруг себя, как раненый дракон. Кога уперся пятками и вскочил, забывая усталость. Сжав зубы и кулаки, он побежал к обрыву.

– Гибели им. Гибели! – иступленно кричал князь Исава.

– Как можно губить потомков богов и шадить эбису, – подхватил Кога. Он стал молить богов, чтобы раненый дракон сдох, чтобы разверзлось море и поглотило всех шестьсот эбису. Тогда прекратились бы все эти страдания и унижения...

С чужого корабля люди кидались в воду, но потом по веревкам, оказывается, вылезали обратно. Кажется, вытаскивали кого-то.

– Грабители! – прошептал Кога.

В середине порта, где масса лодок, где река, взятая в камень, впадает в бухту, мачты стали ударяться о мачты, потом поднялся столб сплошной пены, как кипящая вода в трехногий посуде тэй.

– Как горячие источники с паром в аду! – сказал Кога.

Трехногая посуда, казалось, выплеснула всю эту кипящую пену прямо в город. Черный дым покрыл все небо. Горы зашевелились. Все закрутилось, как на празднике. Люди страшно кричали.

– Мое сердце разрывается! Невозможно слушать! – закричал и Кога.

Внизу опять несет крыши. На них черные точки. Это видны люди. Они спасались от воды. Крыши сталкиваются с крышами, и люди исчезают. Вон эбису кинулись с корабля на крышу. Дом на косогоре рассыпался, брусья и доски закружились. Волна дошла к храмам. Надо подыматься еще выше.

Корабль эбису вдруг стал ложиться на бок. Масса эбису теперь лезли через дыры и окна, лежали и держались прямо на полегшем борту и на сетках, но не падали. Теперь у них перебиты все бутылки с ликерами и залиты все их редкости! Скорей тряхнуть бы этот корабль, чтобы эбису посыпались с него в море или лучше прямо в трещины земли, в огонь. Кога скрипит зубами: «Почему небеса не уничтожают эбису...» А надо уходить еще выше. Исава и Кога двинулись дальше. В лесу было сыро и холодно, и всюду приходилось продираться через колючки.

Навстречу спешил самурай в высоких сапогах, как у лесного охотника. Он прибыл с письмом от Кавадзи. Оба высших чиновника находятся на соседней, более высокой горе, все видят и приглашают к себе Кога и Исава. Они там в более надежном положении.

«Кавадзи, как всегда, на самой высокой горе, но я не хочу его видеть! У нас храмы разные и пусть будут горы разные», – подумал Кога.

Кога хотел бы послать Кавадзи привет и уважение, но в таких искусно подобранных выражениях, чтобы можно было это понять и в другом, совершенно противоположном смысле, уважение как отвращение, благодарность за заботу как насмешку над жадностью и лицемерием, а за распорядительность – как за стремление к наградам и выгодам. Но чтобы смысл был очень веский и убедительный! Тогда оскорбление будет такой неожиданностью для Кавадзи, что он поначалу не поверит, а потом долго будет размышлять.

А внизу всюду и вода и горы опять движутся, и на них вспыхивают огни.

Первый удар застал Саэмона но джо на мыслях о том, что серебряные пластинки для дагерротипа можно делать самим, в этом нет ничего особенного. Европейцами угаданы свойства твердых тел, жидкостей и газов, они открыли их составные части и взаимодействия и узнали, как можно пользоваться силами природы. Он вспомнил, как Гончаров уверял его, что все стало возможным в Европе благодаря тому, что страны там сообщаются друг с другом и ученые, действуя сообща или порознь, часто решают одни и те же задачи, изобретения становятся известны в разных странах и повсюду разрабатываются и проверяются, но та страна отстает, которая подвергает себя изоляции.

Как раз тут-то и раздались подземные толчки, и Саэмон но джо, забрав нужные бумаги, покинул в сопровождении своих самураев храм и пошел, а потом и побежал в горы.

Кавадзи замечал, что Путятину иногда не нравились доводы Гончарова, которыми тот пытался склонить японцев к открытию страны, и полагал, что это по той причине, что секретарь не должен слишком много позволять себе в присутствии адмирала. Но только теперь,

когда англичане в Нагасаки порассказали о русских много интересного, Саэмон но джо кое-что понял.

Сверху, видя, как волны уничтожают город и опустошают склады и амбары, он, присев у обломка скалы, достал из-за пояса кисть и тушь в чернильнице, а из-за пазухи свиток бумаги и написал докладную в правительство о том, что происходит, просил немедленно выслать рис, чтобы пострадавшее население, уже лишенное всех запасов, не умерло с голоду.

Письмо было запечатано и отдано самураю с приказанием, не теряя времени, взять в табуне в горной долине коня и скакать в Эдо.

Когда вода схлынула и вместо города осталось мокрое поле с обломками и деревьями, полегшими в ил, Кавадзи хотел спуститься с вершины своего холма. На горах еще ходили огни, и в воздухе пахло серным газом. Обрывы со всех сторон оказались так круты, что нечего было и думать сойти самим. Как тут спрыгнул самурай с пакетом, уму непостижимо. Саэмону но джо не верилось, что и сам он мог вскарабкаться на такую кручу. Он предположил, что во время землетрясения, может быть, часть камней откололась и обрыв стал отвесным.

Пришлось кричать и звать на помощь. Под горой виднелась соломенная крыша крестьянской хижины. Оттуда пришел хозяин с сыном. Они принесли лестницу и веревки. Крестьянин повел Саэмона но джо к себе. Вода не доходила к его дому.

Кавадзи написал всем посланцам бакуфу по записке и просил сообщить о своем положении. Он также написал губернаторам и запрашивал, какие меры могут быть приняты местными властями для улучшения положения пострадавших.

Дошел со своими подданными отставший Тсутсуй и уселся отдыхать.

У крестьянина в амбаре нашелся запас риса. Он усадил жену и дочерей колотить неочищенный рис пестиками в каменной чаше.

Подошел Мурагаки, а за ним приплелся сам Исава.

Глубоко потрясенный всем происшедшим, Кога Кинидзиро сидел у порога, как простой крестьянин или бедный родственник, и так же вздыхал, он не мог прийти в себя и не отвечал на вопросы. Его коричневое лицо с узким высоким лбом стало еще длинней и скорбней.

Исава приказал натянуть на лесной поляне парус на шестах. В такой круглой палатке без верхнего полога устроили столовую для голодающих, бродивших на горах. Каждый приходил с детьми или один. Съедали по чашке риса, и на этом обед заканчивался.

Двое крестьян понесли в город на плечах подвешенную к шести кадку с вареным рисом.

Кавадзи сказал, что он возвращается в город. Ему подали верхний халат. Его самураи стали одеваться и вооружаться. Тсутсуй бодро вскочил в своем углу и заявил, что он тоже готов. Старик добавил, что он еще крепок и молод, недаром в позапрошлом году, несмотря на то что ему восемьдесят лет, его жена родила дочку. Кавадзи скептически отнесся к этому хвастовству. Но он смотрел на Старика, в почтительности пуча глаза, холодно и бесстрастно.

Без Хизена сила и влияние Кавадзи не имели бы особого значения. Поэтому приходилось принимать доброго Старика таким, какой он есть, и прощать ему маленькие недостатки.

– Нет-нет, я не пойду! Я остаюсь ночевать! – закричал Кога. Неожиданно он обрел дар речи.

Его не стали уговаривать. Он вошел и лег ничком, обхватив голову руками, как, бывало, Сато, когда у нее начинались приступы гири-гири.

Длинной процессией, сохранявшей оттенок торжественности, послы и чиновники, в изорванной одежде, спускались по долине в город со своими подданными.

Там, где побывала вода, все травы, посевы и деревья были как вмазаны в гладкий пол.

В храме, где жил Кавадзи, упала стена, разрушена крыша, вода заходила в комнаты и унесла много вещей. Саэмон но джо на запрос, который прислал ему из Временного Управления Западных Приемов бугё Исава о понесенном ущербе, ответил, что все обстоит благополучно. Он, в свою очередь, допросил губернатора, как обстоят дела. Вместо ответа прибежал

перепуганный Исава. Он просил выслать из храма всех подданных. К этому времени пришел Тсутсуй. Исава, дрожа всем телом, объявил высшим чиновникам бакуфу, что у него во время наводнения погибло много важных бумаг.

– И... и... – запинался он, – в числе унесенных морем документов исчезла копия японо-американского договора о дружбе. – Да, исчезла копия американского договора! Что делать, он не знает, и как объявить об этом Чуробэ...

Кавадзи еще никогда не видел своего противника таким растерянным. Копия была в ящике с документами, как он уверял, который невозможно было унести в горы. Поэтому все самое важное взяли перед уходом в горы с собой, переложив в сумки. И теперь договора нет ни в шкафах, ни в ящике, который разбит и опустошен, ни в сумках. Все перерыли, пытаюсь разыскать договор, но все тщетно. Вообще все документы за сотни лет унесло в океан. Погибли также почти все полицейские, и даже некому наблюдать за русским кораблем.

Исава сказал, что у второго губернатора тяжелое горе: у него утонула родная мать.

Матсумото Чуробэ неожиданно оказался среди чиновников. Как и когда он вошел, никто не заметил. Лицо Чуробэ как деревянная доска, какие бы новости ему ни сообщались. Тусклы и загадочны маленькие подслеповатые глаза.

Исава, не находя более объяснений и отчаявшись, в растерянности умолк. Чуробэ сказал, что у него имеются совершенно иные сведения.

– Договор находится на месте. Переводчик Татноскэ, разбирая бумаги, обнаружил, что договор находится среди других документов и что он приклеился от сырости, несмотря на принятые меры предосторожности, и не был замечен. Хорошо, что он не был уничтожен волной цунами!

– Как приклеился?... – обомлел Исава. Он поспешил удалиться.

Тсутсуй и Кавадзи обсуждали, как и чем можно помочь, где взять рис, как лучше сообщить обо всем в Эдо. Кавадзи заканчивал писать в Эдо о том, что землетрясение закончилось. У губернатора погибла мать. Город совершенно уничтожен. Жертвы подсчитываются и убытки выясняются, о них будет немедленно сообщено, подтверждается просьба о присылке риса и еще одежды.

Вдруг Накамура Тамея вскочил и сказал, что с берега идет Путятин с офицерами, они уже подходят...

Глава 16. Неофициальные встречи

Пещуров старался не глядеть. Путятин прошел мимо с обычным угрюмым видом, словно нес на негнущейся спине тяжкую ношу. Посыет приостановился, с интересом глядя, как старик и молодая женщина отгребали мокрую грязь вокруг открытых по щиколотки сухих черных ног.

Гошкевич догнал офицеров. Он вынул платок и вытер лицо и усы. Он задержался, заговорив с детьми, которые что-то попросили у него.

Путятин потому и съехал на берег, что горя здесь куда больше, чем на «Диане». Где Кавадзи? Временное Управление сломано и замыто илом. Только храмы еще стоят на холмах. Через город шли, как через мокрое поле. Не верилось, что еще несколько часов тому назад здесь цвели сады и были улицы. Люди, дома, деревья и злаки – все полегло и засосано в зыбкую грязь.

Поднялись к резиденции Саэмона но джо. Сейчас трудно найти место, куда не доходила вода. От землетрясения целиком вывалилась боковая стена храма и провисла соломенная крыша. Полосы от воды и пены видны на уцелевших стенах. Японцы успели уже выместить террасы и очистить стены от грязи, развесить на просушку циновки. Еще недавно роскошный сад с цветами весь в тине, как в мертвом подводном царстве.

– Слава богу, Накамура Тамея, вы живы и здоровы! – сказал Путятин.

У всех отлегло на душе. Этот неуклюжий японец с маленькими, как точки, глазками и огромным лбом, как всегда, казался добрым вестником.

Сбежались чиновники и самураи, любопытные набились во двор храма. Казалось, что в этот час бывшие условности отброшены и перед горем все стали равны.

Саэмон но джо в простом домашнем халате встал и поклонился адмиралу.

– Я очень рад видеть вас живым и здоровым, – сказал Путятин, пожимая руки ему и Тсутсую.

У послов был такой вид, что хотя они разорены и раздеты, но за все время ужасного землетрясения не покидали своих постов.

Постепенно Кавадзи привыкал к простоте обращения, свойственной западным людям. Что же делать, если пока невозможно переодеться! Как все понятия перепутались! Невольно приходилось теперь подумать о гостях.

– Кажется, все стихло? Какая необычайная и ужасная катастрофа! – заговорил Путятин. – Примите наши глубокие сожаления и сочувствие.

Он спросил о здоровье Матсумото Чуробэ и Кога.

Кавадзи с гордостью подумал, что Путятин показал себя в этот день героем. Он со своими людьми оказался в центре землетрясения и цунами. Они не погибли, а, искусно действуя, спасли свои жизни и корабль.

– Ученый Кога остался в горах, в доме крестьянина, чтобы отдохнуть, – ответил Кавадзи.

Гостей усадили на уцелевшую скамейку, а сами уселись на корточках. Подали зеленый чай. Путятин с жадностью отглотнул из чашечки.

– А что же господин губернатор Исава?

– Оба губернатора живы и здоровы, – ответил Накамура.

«Как-то уж очень невесело он это сказал!» – подумал Путятин.

– Передайте, пожалуйста, господам губернаторам глубокое соболезнование и нашу готовность помочь.

Широкое лицо Накамура измождено, как после болезни, шарик на макушке распустился в клок волос, словно побывал в воде.

– Только у Цкуси Суруга но ками погибла родная мать, и это ужасное горе для нас.

– Пожалуйста, передайте наши глубокие соболезнования господину Суруга но ками.

– Мы очень благодарим.

– А как Мурагаки Авадзи но ками?

– У него все хорошо... Он здоров и принимает участие в спасении пострадавших.

– Спасибо, большое спасибо за то, что вы так спрашиваете, – сказал Тсутсуй. Он подумал, что все несчастья самые ужасные обрушились сегодня на обоих губернаторов.

– За тридцать пять лет непрерывной службы, – заговорил Путятин, – я плавал во всех морях и океанах и видел сильные бури и кораблекрушения. Но нигде и никогда не наблюдал такой ужасной катастрофы... – Он помолчал, уставясь на послов в упор загадочным, таинственным взглядом, и они его сразу опять поблагодарили. Путятин добавил с ледяным спокойствием: – Наш корабль также разбит, переломлены его борта, оторвана продольная кость дракона, и мы едва не потонули, если бы «Диану» не удалось толкнуть на мель. Теперь мы подводим под корабль заплаты и заделываем пробоины. У нас также погибли люди.

Когда Накамура Тамея записывал эти слова, слезы покатались у него по щекам от волнения.

– Мы очень... очень сочувствуем, – волнуясь сказал Тсутсуй.

– Вода потоками врывается в трюм, мы находимся в опасном положении и, наверное, не сможем продержаться долее трех дней.

– Мы готовы выразить вам глубокие сожаления, а также обсудить возможность помочь вам. Нам очень больно за вас, – отвечал Тсутсуй.

– Потом, когда у вас будет возможность подумать, просим отвести нам место на берегу. Нам надо облегчить судно и свезти с него все тяжести. В первую очередь – тяжелые орудия. После этого нам необходимо найти место, где можно было бы вытащить корабль на берег и исправить его. Для этого нужна закрытая бухта. Симода негодна для исправления корабля. Тут, если в море начнется буря, корабль сразу погибнет. В таком случае мы попросим дать нам возможность расположиться на берегу как потерпевшим кораблекрушение.

– Сколько дней вы еще можете продержаться? – спросил Кавадзи.

– Как я сказал, три дня.

– Мы сегодня же запросим правительство, чтобы разрешено было найти удобную гавань для ремонта, и мы отправим своих чиновников на поиски.

– Бухта должна быть закрытая.

– Должно пройти время, потребное для получения ответа из Эдо и для определения места ремонта. Это займет более трех дней. Можем ли мы помочь вам, окружить корабль «Диану» своими судами, чтобы поддержать ее, и в случае крушения взять ваших людей на наши суда?

– Пока вы не беспокоитесь о нас, три дня мы продержимся своими силами, и мы за это время не попросим никакой помощи. У вас так много своих несчастий, что мы совершенно не хотим вас утруждать.

– Сизов! – завидя матроса, входившего со спасенной женщиной во двор храма, вскочил Пещуров. – Иди сюда! Давай ее сюда...

Маленькая японка в сопровождении матроса поднялась по ступенькам, сняла кожаные чирки, которые со своей маленькой ноги подарил ей на корабле фельдшер. Она уверенно вошла в храм, почтительно встала на колени и повалилась ниц, опираясь на руки, стала кланяться.

Тсутсуй вдруг вскочил и встал перед старухой на колени. Он поклонился ей до земли. Они стали кланяться друг другу. Кавадзи со своим видом петербургского князя тоже чуть не подполз навстречу старухе с поклонами.

– Да, как видно, брат, это очень важная дама! – сказал Пещуров. – Вот ее спаситель, – показал он послам на Сизова.

– Это... это... мать нашего губернатора, очень вельможного, – утирая слезы, сказал Тсутсуй. – Обычно он живет сам не здесь, а в Эдо, где у него есть и другие должности, и он очень влиятельный сановник. И приезжает сюда со всей семьей...

Кавадзи спросил, как матрос спас эту даму. Посыет рассказал, что он прыгнул с корабля в воду. Кавадзи попросил перевести, что благодарит матроса и что губернатор также будет ему благодарен.

– Рад стараться! – отчеканил Сизов и вытянулся, беря под козырек.

Все эти проявления отваги и воинственного мужества эбису очень нравились Кавадзи.

Накамура позвал самураев, дал им какую-то записку и приказал проводить спасенную к губернатору.

Японка поднялась. Ее черные глаза горячо смотрели на огромного Сизова. Она видела, как сегодня, когда все закончилось, русские выражали свою радость, крестясь, обнимая и целуя друг друга. Это совершенно противоположно обычаям японцев, у которых поцелуи бывают только между мужчиной и женщиной. Она что-то воскликнула по-японски и, быстро подскочив, обхватила Сизова за шею. Крестить его она не могла, но поцеловала в щеку и, почтительно согнувшись и кланяясь чиновникам, с достоинством отступила к выходу маленькими шажками и удалилась в сопровождении самураев.

– Нам потребуются в ближайшем будущем материалы для исправления судна. Лес и медь. К тому времени мы составим точный и подробный список, – продолжал адмирал.

Надо немедленно, как полагал Саэмон но джо, расследовать все это дело в подробностях, самим во всем убедиться и написать обстоятельную докладную записку в Эдо. А пока, сегодня же посылая письмо, он не мог дополнить его извещением о несчастье русских и о состоянии их корабля по их свидетельствам. Следовало писать, что подобное положение видел чиновник, побывавший на корабле. А на «Диане» еще никто не был. Кавадзи уже отправил письмо в правительство в самый разгар землетрясения, еще не зная, чем оно окончится и сам он останется ли жив.

Путятин все еще выказывал ледяное спокойствие и как бы бессмысленно смотрел на послов.

– У нас оторвавшимся орудием раздавило матроса. По обычаю нашей веры, мы должны похоронить его, предав тело земле, на берегу, и отслужить над его могилой молебен.

Хорошо, что нет тут губернаторов Исава и Цкуси. Они бы сразу отказали, уверяя, что это не согласно с обычаями и законами страны и что уже более двухсот лет, как строжайше запрещено в Японии кому бы то ни было совершать христианские обряды. Но ведь уже Вельш Вильямс отпевал умершего американского матроса на берегу, вот здесь, в Симода, он похоронен и ему поставлен памятник с надписью, и русские видели этот камень и читали английские слова.

Тсутсуй смахнул слезы. Во взоре его явилась озабоченность делового человека, не теряющего голову даже в минуты самых сильных приливов чувства. Он сказал, что по закону, конечно, ни в коем случае не дозволено христианскому священнику сходить на берег, как этого хочет адмирал. Конечно, ни за что нельзя разрешить такой массе людей высаживаться на берег, это значит жить в Японии. Но он понимает весь ужас положения, в котором очутились адмирал и его люди. Кроме того, у него, Хизена но ками, и Саэмона но джо уже сложились с послом Путятиним хорошие личные отношения, и, кроме того, в городе сейчас большой беспорядок, очень много погибших, нет семьи, в которой не было бы жертвы.

– Видя ужасное и безвыходное положение и страдания населения города, – продолжал Путятин, – я послал команды матросов во главе с офицерами, а также одного из своих докторов с помощником-санитаром в помощь страдающим, и они сейчас помогают везде, где только возможно.

«„Мы не знаем ничего подобного и первый раз такое слышим!“ Но если так ответить, то будет нехорошо!.. – подумал Кавадзи. – „Мы это знаем давно и не удивлены!“ – тоже нельзя».

– Нам совершенно возможно будет управиться своими силами, и это только напрасное беспокойство для вас. С часу на час и даже с минуты на минуту мы ждем, что завтра и послезавтра придут люди из Эдо и помощь.

Путятин, как все замечали, сегодня очень дружелюбно говорил.

– За свою жизнь я не раз подавал помощь гибнущим на море. Во время войны с Турцией мы спасли в бурю турецкое судно и команду его не стали брать в плен, а отпустили в нейтральном порту. Такой же случай был во время войны с Наполеоном. Французская команда, спасенная англичанами, не была взята в плен. Моряки во всем мире всегда готовы подать помощь судну, терпящему бедствие, рыбакам или населению прибрежных мест. В таких случаях забывается вражда даже во время войны. Катастрофа, которую все перенесли, превосходит все известные в истории кораблекрушения. И сейчас было бы неправильно, имея шестьсот молодых под своей командой, смотреть со стороны на страшные бедствия населения только потому, что этого требуют устаревшие законы. – Брызгая слюной, Путятин, как истый эбису, воскликнул: – Нет! Нет! – И категорически махнул рукой, как бы зачеркивая все старые законы.

– Если существуют такие международные законы о спасении противников во время войны, то это очень благородно. И Япония, конечно, со временем присоединится к подобному общему согласию, – сказал Старик.

– У вас погибла полиция. Погибли многие рабочие и особенно рыбаки. Их дома разрушены, семьи их остались живы, но некому восстановить жилища. Мои люди могут исполнять любую работу...

До сих пор всех этих громоздких, важных, надутых варваров умелые и крепкие японцы считали почти картинными и удивлялись, как их большие красные руки, бесчувственные на вид и неумелые, могли сделать телеграф, часы, паровые машины или тоненькие пружинки новейших приборов.

– Японские дома им очень непривычно сделать, – сказал Накамура.

– Да вон, посмотрите, – ответил Путятин, приглашая всех на террасу.

Вдали какие-то эбису подымали бревно стоймя, и около них копошились дети и женщины. Несколько эбису шли без дела по улице. В другом месте двое копали землю вместе с японцами.

Путятину казалось сейчас, что общность страданий и взаимная готовность помочь, чем возможно, сближают его с японцами больше, чем предстоящее заключение договора о дружбе и торговле. А Невельской дерзил: «Чем торговать? Чем? Откуда вы товары повезете в Японию? Из Петербурга? Из Казани? Меха им не нужны, им от жары деваться некуда!»

– Ну, Петруха, ты, видно, японке приглянулся? – спрашивали товарищи Сизова, когда он вернулся на пристань. – Целовалась, говорят, с тобой?

«Она крепка, только маленько седая и некрасивая», – подумал Сизов.

Проводив адмирала, Тсутсуй и Кавадзи закончили и запаковали письма в Эдо, чтобы отправить их туда чуть свет. Разослали записки послам и губернаторам с просьбой собраться завтра на совещание для обсуждения дел.

– Это очень хитрая политика Путятинна, – сказал Кавадзи, – под предлогом помощи он нарушает наши законы и обосновывает присутствие своих войск на нашем берегу. Поэтому я требую немедленно присылки людей и докторов из Эдо. Что делает наш доктор Миццури Гемпо?

«Но кого могут прислать из Эдо? Что это за люди?» – подумал Старик, но смолчал и сказал, что вполне согласен, а что Миццури Гемпо врач посольства и лечит чиновников, но в то же время может оказывать помощь населению.

Подданные послов столбами подпирали крышу, чтобы не свисала. Заклеивали бумагой прорванные окна. Решили спать под футонами подле хибачи.

– Многие японцы не боятся эбису и сами их просят – сделайте что-нибудь полезное, спасите тех, кто еще жив, или вылечите, – рассказывал вечером Накамура.

Он доложил, что русские спасли двух рыбаков и что японцы, которых мы так тщательно оберегали всегда и воспитывали, совершенно все позабыли и, пренебрегая тысячелетними законами, разговаривают с ро-эбису и все им рассказывают, как своим, пока не появится полицейский.

«Опасная новость!» – подумал Кавадзи.

Он спал плохо, на сыром полу под сырым ватным халатом. Углей для хибачи не нашлось. Всю ночь слышно было, как лаяли лисицы, выли собаки и кричали люди. Поднявшись до свету, Саэмон но джо ушел в сад. Но там не на что было смотреть. А еще недавно он писал жене, как тут сказочно красиво, и вспоминал легендарных влюбленных. Теперь деревья голы и в тине и на них висят водоросли. Он помнил, что у русских не хватает одежды и провизии. Погибла вся их мука и сахар. Только немного сахара осталось для адмирала.

Кавадзи еще вчера решил не сообщать в Эдо о том, что русские посылают врачей и матросов в помощь пострадавшим. Надо объяснить там, что крушением русского корабля можно воспользоваться. В письме этого не изложишь. Упрямый князь Мито Нариаки опять пустит в ход все свое влияние. Надо кому-то ехать и все объяснить правительству.

Накамура Тамея уже отправился на «Диану», видна была его лодка под бортом черного корабля. Пришел чиновник из охраны побережья, вновь назначенный на эту должность. Он явился вместе с полицейским офицером. Донесли, что русские чуть свет в городе давали детям хлеб и рисовые лепешки. По сведениям, полученным из соседних деревень, там все дома упали и развалились, запасы сгорели или смыты морем, население прибежало в Симода, все голодные, ночью были случаи грабежей и воровства, следить за порядком некому, могут случиться убийства и изнасилования, при такой суматохе это может оказаться незамеченным. Губернатор Исава доволен и совершенно переменялся к русским. Мать второго губернатора сказала, что все эбису хорошие, и теперь морских солдат Путятина никто не гонит из города. Воры и грабители голодны, как и все остальные. Видимо, явились разные бродяги, которые шляются по Токайдо, чтобы воспользоваться бедой. Известно, что самые чудовищные преступления всегда совершались во время смут и землетрясений, словно люди начинали беситься, и полиция не может за всем доглядеть.

Рано утром к фрегату подошла простая рыбацкая лодка, украшенная значками на флажках. По трапу поднялся согбенный Накамура Тамея с переводчиком. Он еще сильнее похудел, но шарик его сегодня оказался в порядке, когда он снял шляпу. Накамура, как всегда, улыбался приветливо.

– Это было ужасно, господин Посьет! Как стихия обрушилась на ваше судно, – здороваясь, сказал Накамура.

Матросы откачивали воду из трюмов помпами, и она лилась за борт непрерывными потоками. Накамура, выйдя на ют, смотрел на все с интересом. На канатах за бортами держались громадные пластыри, прикрывавшие проломы ниже ватерлинии.

– Мы очень, очень сожалеем, что наша природа оказала... такое... непостоянство. И очень соболезнуем, что у вас погиб один человек и другие получили повреждения. Это нам очень неприятно...

– Бог с вами, господин Накамура, – ответил Посьет, чувствуя, что добрый японец чуть ли не готов принести извинения. – Вы примите наши глубокие соболезнования. Ведь мы видели вчера, что произошло с городом. Вам куда тяжелей, чем нам. У вас погибли сотни человеческих жизней.

– Сразу за три минуты погиб весь город, – сказал Гошкевич, – страшно было смотреть!

– Мы, что могли, пытались сделать, но ваши люди не позволяли спасать себя и гибли у нас на глазах, – сказал капитан. – Никто из нас никогда не видел ничего подобного.

– Идемте к адмиралу, он знает о вашем прибытии и ждет вас.

Путятин пожал руки Накамура и Мориама Эйноскэ, усадил их в кресла.

– Как Саэмон но ками?

– Очень хорошо... Благодарю! – кивал головой, улыбаясь, Накамура. – Он очень сильный и мужественный.

– А Кога Кинидзиро? Он спасся?

– Да, он тоже здоров... но... погребло много казенного имущества, – Накамура всхлипнул, – и даже казенные бумаги... Но городские власти... смыты... морем... Вся полиция унесена в океан. Тут было только десять полицейских в чине даосан. И все погибли! Ужасно!

– А благополучно ли у Хизена но ками?

– Большое спасибо!

Путятин сказал, что в помощь населению города снова послал сто человек.

– Мы видим, что вы очень благородно хотите спасти пострадавших, – ответил Накамура, – и это очень прекрасно. Однако ваше судно может подвергнуться опасности, если вы уберете с него команду в сто человек. Помощь пострадавшим на берегу – это легкое занятие по сравнению с тяжелой работой на поврежденном судне.

– Ничего, у нас людей еще много, и мы должны помочь городу. Ваше несчастье – это и наше несчастье. Сто матросов и офицеров! Чтобы у японского правительства всегда под рукой были надежные исполнители для наведения порядка. Когда придет помощь из Эдо, я сразу уберу своих людей, чтобы не подводить Саэмона но джо и Хизена но ками. Со строгим предписанием не нарушать обычаев страны!

«Что за люди, – с досадой подумал Накамура, – вместо того, чтобы действительно нам помочь и облегчить наше положение, они еще более усложняют все так ужасно. Мне непривычно думать о чем-либо подобном. Какое-то отчаяние!»

– Нет, этого, пожалуйста, не надо. Чтобы в Эдо не было недовольства вашим съездом на берег, лучше вам, адмирал, заранее не разрешать ничего подобного. Подумайте о себе и скажите, что мы должны сделать, чтобы вам помочь. Для этого Саэмон но джо прислал меня.

– Положение «Дианы» ужасно, – ответил Путятин. – Я просил вчера Саэмона но ками о похоронах матроса.

– Да, это необходимо, – согласился Накамура. – В другое время, конечно, из Эдо отказали бы, наверно. Об этом уже отданы распоряжения, и место будет сегодня указано. Мы еще постараемся прислать вам для команды продовольствия, когда придет. Мы ждем с часу на час подвоза риса на наших военных кораблях.

– Мы очень благодарим и можем снять с фрегата еще двести человек для постройки домов.

– Губернатор благодарит за спасение своей матери. Саэмон но джо приносит благодарность за спасение двух людей.

– Мы могли бы многих спасти, но они так страшались нашей помощи, что не позволяли спасать себя и шли ко дну. Вот вам, господин Накамура, еще один довод за то, что пора открывать страну и вступать в отношения с другими государствами.

– Да, это всегда приятно слышать...

– И я вам скажу, что мы не ищем никаких выгод и приобретений в Японии. Пока ваше государство не научится и не создаст флот и промышленность, оно обнаруживает слабость перед лицом сильных мировых держав, и они будут извлекать выгоды и, может быть, пытаться угрожать вам. Одно наше присутствие их сдерживает, и договор, который вы с нами заключите, пойдет вам на пользу.

– Да, мы понимаем, что вы говорите, и благодарим. Но вам очень трудно держаться на воде. Лучше отзовите своих людей с берега. Могут быть еще сильные толчки, и в городе очень опасно находиться.

– Нет, если огонь вспыхивал на горах, то землетрясения больше не будет, – категорически заявил Посьет.

– Как это удастся узнать? – спросил Накамура.

– Если огонь ходил на горах, то, значит, газы, вызвавшие землетрясение, вырвались наружу...

– А-а-а! Да-да-да!

Накамура Тамея, возвратившись в резиденцию Тсутсуя и Кавадзи, доложил, что русские считают, что землетрясение больше не повторится и что корабль посла Путятинина совершенно разбит, хотя он уверен, что может дать сильную помощь Японии против Америки.

– Но даже под парусами он не может теперь двигаться. На проломы Путятин велел накладывать пластыри, как повязки на раны. Это как бы стяженные одеяла из двойного слоя непромокаемой, пропитанной черной и клейкой смолой парусины с прокладкой внутри. Путятин требует позволения найти на берегу Идзу удобную бухту, чтобы вытащить корабль на берег и все исправить.

«Теперь послу Путятину не придется быть требовательным, – подумал Кавадзи, – он зависит от нас. Задача, поставленная канцлером Абэ Исе но ками, облегчается, конечно... Нет худа без добра. При первой же встрече на переговорах придется объяснить послу Путятину, что он не может настояниями добиться того, чего он хочет. Сила есть сила, а слабость есть слабость... Русский посол слаб, и надо ему дать понять это».

Судьба посылала редкий случай. Японцам представлялась возможность изучить устройство европейского судна при ремонте «Дианы». «Теперь, когда русские целиком зависят от нас, это вполне осуществимо и в наших силах. Писать и действовать!»

Сегодня Кавадзи в парадном хаори, спасенном вчера его подданными. Официальная одежда с гербами приведена в порядок и подана была к ванне вместе с полной сменой белья и халатов.

Тсутсуй тоже в гербах.

Утром собрались чиновники, все в парадной одежде. Только Кога прислал записку, что не может прийти. Он всего лишился, ему не в чем выйти, нет платья ни у него, ни у его самураев.

– Надо найти место для ремонта русского корабля. Надо разрешить им обойти побережье и выбрать для этого удобную бухту, – говорил Кавадзи, – нужны материалы: лес и медь. Списки нужных материалов они нам представят. Пока корабль будет ремонтироваться, им придется жить на берегу. На это правительство наше еще никогда не соглашалось. Во время ремонта корабля можно будет подробно ознакомиться с его устройством. О ремонте корабля и наших выгодах невозможно объяснить письменно...

Мурагаки самый деятельный помощник Кавадзи. Его решено было послать в Эдо, с тем чтобы лично изложить все Абэ Исе но ками. Устно все рассказать. Не утаивать ничего.

Чиновники составили списки вещей, которые необходимо прислать из Эдо для пострадавшего населения, срочно.

– Что же с ученым? – осведомился Кавадзи.

Накамура Тамея отправился к Кога.

– Я все потерял! – говорил Кога, сидя босой в домашнем халате. – Все корзинки унесло... Погибло семьдесят или восемьдесят полных костюмов, домашних, парадных и праздничных! Несколько свитков – списки с редких книг китайских мудрецов... Покойный отец собирал и записывал хорошие слова и выражения, как жить, как думать. И эта рукопись погибла! Погибли все записи и книги, собранные за пятнадцать лет. Свитки моих стихов, которые я сочинял за последние десять лет. Больше трехсот стихов китайского стиля... Все эти книги были моим

руководством в жизни. Я воспитывал ими свою душу. Погибли также все мелкие и ничтожные стихи о чувствах... и о женщинах... Все. Еще кожаные латы, восемь сабель, шахматы, письменные принадлежности, которые я всегда очень любил. Сборник стихов китайского стиля моего сочинения и двести свитков копий китайских стихов. Я все потерял. Что мне делать? Это стоит девятьсот тридцать золотых монет. Я начал писать новые стихи. – Кога взял бумагу. – Это стихи китайского стиля. В каждом четыре строки по семь иероглифов.

Он стал читать:

Черепица летает, и люди кричат.
Я слышу крики, что цунами быстро идет.
Как мышь мечусь на восток, на запад,
А кроме двух сабель, ни одной вещи нет.

– Недаром каркали вороны, и я еще думал, не мне ли так кричат. Да, появились воры. И надо злейших воров казнить, чтобы это зло не распространялось. Может быть, часть халатов кто-то украл? И сабли? Вода не могла унести все восемьдесят костюмов и восемь сабель. Русские помогают строить дома, ставят столбы? А говорят, ночью не стучали деревянные колотушки сторожей?

«Надо их поблагодарить. Кавадзи и Тсутсуй влиятельные все же чиновники, а я ученый», – подумал Кога.

Услышав, что русские спасли японцев, он не удержался и воскликнул:

– Это безобразие! Не они нас должны были спасать, а мы их! Вот какие наши чиновники! Мы хозяева здесь, а не эбису, и надо было нам сначала прийти на их корабль и узнать, как их здоровье и положение, и спросить об ущербе! Все это из-за беспорядка и неосторожности. А на самом деле оказывается, они пришли первыми. Это упущение. Почему же они спасали тонувших? Здесь хозяева японцы, и мы должны спасти русских, а получилось наоборот, и еще они спросили нас об убытках и ущербе!

...Проводив Мурагаки в Эдо, Тсутсуй и Кавадзи прислали в подарок Кога свои праздничные халаты. Накамура сказал, что надо переселиться из разрушенного храма в дом соседа вместе с самураями.

– Дом уже старый, двери сломаны, и разорвались бумажные окна, но всем будет лучше, чем тут, – говорил Накамура.

Ночью уже ходили сторожа и стучали колотушки. Только еще через день Кога пошел в гости к обоим «влиятельным старикам».

– Я провел в мучительных страданиях все эти дни и ночи, – сказал он. – Вчера весь день грустно сидел до вечера. Я покорно благодарю вас за одежду, которую мне прислали.

Кавадзи сказал, что есть почта из Эдо. Мурагаки уже там. В Эдо тоже были толчки. Сюда посылают деньги для пострадавших, и рис, и тысячу человек рабочих. Пришла бумага, что всех чиновников приема эбису, пострадавших от цунами, Верхний Господин приказал наградить, выдав им драгоценную материю на одежды по шесть отрезков на каждого.

– Так получается, что с одной стороны большое несчастье сказывается для нас большим счастьем, – сказал Кавадзи.

Кога знал, что Кавадзи не от души, наверно, это говорит. Но нельзя иначе, не может иначе сказать чиновник, награжденный Верхним Господином. Даже во время такого всеобщего бедствия.

Накамура Тамея сказал, что русские считают, что если ночью опять был виден огонь на горах, то землетрясений и морских волн больше не будет.

Кога узнал, что охотник убил кабана и Накамура отвозил тушу на судно и что Посыет открыл глаз убитого зверя и сказал: «Вчера убили. Надо съесть за три дня, а то испортится!»

Русские жарили свинину. Накамура тошнило от запаха и было противно. Кога глотал слюни, слушая.

– По представлениям эбису, землетрясения происходят от скопления в земле серного газа, – твердил Накамура. – Они видели огонь на горах, и это признак того, что серный газ вырвался наружу... Фрегат походит на кузницу, там работали всю ночь...

Вечером Кавадзи писал свой дневник.

Утром явились полиция и переводчик. Доложили, что прибыли рабочие из Эдо. В городе продолжается страшное воровство. Крадут все, что можно. Только там, где русские, там нет грабежей. Среди жителей Симода много торговцев, но даже им нельзя открыть кошелек. Сейчас же кто-нибудь выхватит монеты и убежит. Полиция старается защитить торговцев.

Тсутсуй полагал, что воры пришли из Эдо вместе с рабочими. Их там наскоро набрали как строителей.

«Из Эдо сообщают еще, что посылается серебро для раздачи населению в Симода. И воров шлют и серебро, чтобы грабить! – думал Тсутсуй. – Тысяча рабочих! Для постройки новых домов чиновникам управлений! Да это тысяча воров! Это только форма помощи, а не помощь. Знают ли наши царедворцы, что делают?»

Кавадзи уже сказал Чуробэ, что надо прибегнуть к казням.

...От фрегата отвалили катера и баркасы с вооруженными матросами в парадной форме. Впереди шел катер с гробом, обтянутый материей. Ехал священник. Сияла медь духовых инструментов.

Адмирал шел на гичке со свитой.

Караул и оркестр высадили на чистом песчаном пляже у деревни Какисаки, там, где старинные ивы клонят к пескам тяжелые ветви с плакучей листвой.

Под траурный марш медленно зашагали морские гренадеры. Японцы обступили дорогу и плача смотрели нашествие. Гибли и эти пришельцы... Все видели, как позавчера крутило морским течением фрегат и как он отчаянно сопротивлялся. «И они несчастные, как и мы!» – говорили японцы.

Яма вырыта была в гуще расчищенного тропического леса, вблизи огорода священника. Отец Василий пел и махал кадиллом. «Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный...» – грянул матросский хор. Матрос Симонов ложился навечно в эту красную мокроватую и каменистую землю...

Японские бонзы обступили Махова, взяли его за руки и повели к себе.

Адмирал, сидя в храме после похорон, излагал Накамура свой план. Переговоры о заключении соглашения нельзя прерывать. Бухта Симода неудобна для ремонта. Надо искать другую бухту на побережье, срочно, иначе весь экипаж сойдет на берег.

Говорили все это в комнате при храме в деревне Какисаки. В окне под древними ивами виден десяток полуразрушенных лачуг. Тут как хутор, удаленный верст на десять от города. Но много жителей пришло из Симода на похороны и все еще толпится тут. Священники просят в соседней комнате Махова разрешить им отпеть покойного по-японски.

– С фрегата необходимо снять всю артиллерию, – говорил Путятин. – Все тяжелые пушки будут сгружены на берег и оставлены на хранение японскому правительству.

К Старика и Кавадзи пришел губернатор Исава.

Нашлась и другая часть бумаг. Вообще Татноскэ спас много нужных документов. Чуробэ очень доволен и попросит его наградить. Он сам искал с ним бумаги и сам видел, как Татноскэ отличился, найдя договор. Поэтому доверил Татноскэ сопровождать Шиллинга, искать бухту для ремонта...

Глава 17. Курорт Атами для эдоских самураев

Трудно было сразу разобраться лейтенанту Шиллингу во всем, что пришлось ему увидеть в Атами. По всей видимости, это настоящий горный курорт на берегу моря для самых высокопоставленных вельмож.

Повсюду между улицей и берегом моря белели дорожки в садах, усеянные белым песком, цвели красные камелии и розы, лиловые хризантемы окружали обвалившиеся гроты в садах и сломанные беседки и деревянные зонтики для отдыха на тропинках, ведущих в горы, к купальням на горячие ключи. Поодаль, среди зарослей бука и хиноки, стоял чайный домик с гибкой соломенной крышей, уцелевшей на подпорках, тут же у дороги лавка с распахнутым настежь входом, треснувший горбатый мостик со столбами для фонарей в отделке из красного камня, перекинутый над горным ручьем, струящимся среди хвой в провалах между скал.

Видно, цунами не приходило сюда, но трясло тут сильно. И дома и горы – все растрескалось и обвалилось.

Пожилой японец раскачивал двухэтажный дом, привязав веревку к верхней балке остова, с которого обвалились стены. Каркас дома, похожий на клетку огромных размеров, покачивался и вскоре с треском повалился в облаке пыли.

Под куполообразной горой стояли поодаль друг от друга двухэтажные гостиницы в деревянном решетнике широких входов нижних этажей, как у магазинов.

Сейчас эти новенькие опрятные здания осели и покривились, стены в трещинах, их доски полопались, черепица с крыши наполовину ссыпалась, некоторые стены совсем повалились, и внутри такого здания видно все, как в театре, где поставлены декорации, но еще нет актеров. Люди прямо на улице раскинули шалаши и палатки. Рабочие лазают по лестницам, приставленным к стенам, и укладывают черепицу на крышах.

Выше деревьев где-то вдали бьет столб пара, рвущийся из земли у самого подножия скал.

Татноскэ сказал лейтенанту, заходя с ним в переднюю, что надо снимать сапоги и надевать петли соломенных туфель.

– Обычно, если едет даймио с семьей и слугами, то для него такая гостиница отводится целиком.

Лейтенант переоделся в поданный ему слугой легкий халат и отправился в купальню на горячие источники вместе с переводчиком. В плоской ребристой скале, похожей на сросшиеся и окаменевшие стволы доледниковых деревьев, пробита каменная лестница. К домику, между лиан и корней кустарников, по каменному желобу мчится минеральный кипяток.

После массажа, который искусно сделал ему слепой старик японец атлетического телосложения, сознавая, как это все приятно, как оздоравливает и освежает, но в каком ужасном положении находятся в это время его товарищи, лейтенант сидел голый в каменной ванне-выбоине, обложенной глазурованными плитами.

Место тут, как он полагал, редкой красоты. Николай Шиллинг осмотрел все бухты на побережье полуострова, он ничего подобного еще не видел. Лейтенант, исполняя приказание адмирала, шел к северу по направлению к заливу Эдо в поисках залива, удобного для ремонта «Дианы». Вместе с ним неотлучно находились переводчик и мецке, который не знал по-голландски, хотя и делал вид, что все понимает.

Японские лодочники научили лейтенанта управлению плоским парусом, гребле по методу юли-юли. Он также выучил по-японски много слов и выражений.

В совершенном одиночестве среди японцев, в закрытой стране, он пил, ел и спал, как японец, и в то же время все изучал, стараясь непрерывно и систематически заниматься, чувствуя, какую пользу принесет он впоследствии адмиралу и общему делу. Так, как он, кажется,

никто из европейцев еще не путешествовал по Японии. Его спутники разрешили ему нанести на карту все бухты на восточном, обращенном к Америке, побережье полуострова Идзу.

Но не было ни единой пока, в которой можно было вытащить на берег и отремонтировать «Диану». И это огорчало молодого офицера. Всюду у моря скалы, каменные стены в лианах, обрывы в лесах, какие-то чаши с камнями, а не бухты! Как быть? Японцы все время уверяли, что следующая бухта окажется пригодной. Но всюду острые камни и заливы, открытые морским ветрам, и гнущиеся сосны. А время не ждало. Судьба «Дианы» висела на волоске. Пока нет шторма, фрегат еще в относительной безопасности. Адмирал толкнул его на мель. Но при первом же свежем ветре волны опять ворвутся в бухту у города Симода с океана, и гибель «Дианы» неминуема. Поэтому, несмотря на прекрасные виды страны, по которой приходилось путешествовать, и приятных, услужливых спутников, Николай Шиллинг не знал покоя.

Вот он дошел до Атами, последнего селения на берегах Идзу. Дальше уж как бы материк самой Японии, близок залив Эдо и столица. Лейтенант чувствует себя отлично, он принял горячую ванну, массаж. И так тут легко дышится, так приятно облегает тело легкий бумажный халат. Иногда мимо промелькнет хорошенькая японка. Но бухты для ремонта нет как нет!

– Что делать, Хори-сан? – спросил он за обедом у переводчика. При этом мецке понимающе улыбался и кивал головой. – Нам придется идти с «Дианой» в закрытый залив Эдо, где были американцы, и ремонтироваться там.

Хори Татноскэ перевел его слова чиновнику полиции, и тот, все так же ласково кивая головой и не меняя выражения лица, ответил:

– Это невозможно!

Начался обычный, но уже ленивый спор, который не первый день идет у лейтенанта с чиновниками. Он уверял их, что нет никакой причины беспокоиться, что им должно быть совершенно все равно, где будет ремонтироваться корабль.

Он знал, почему японцы упорствуют. Народ в государстве не должен знать, что совершаются уступки иностранцам. Симода – окраина горного глухого лесистого полуострова. Когда в этот порт начнут приходить иностранные суда и торговать с японцами, это можно скрыть от населения страны. А в заливе Эдо, где города стоят друг подле друга и где живут сотни тысяч людей, вести о том, что русским разрешено жить на японском берегу, живо разнесутся повсюду. Главное ведь не быть независимым, а делать перед своим народом вид независимости. И гордости! Какая знакомая политика!

Лейтенант протянул руку к глиняной бутылочке с сакэ и налил в маленькую чашечку японскую водку.

После обеда Хори повел его по горной дороге, которая начиналась за крайней гостиницей города, чтобы посмотреть обвалы скал. Чиновник остался покурить в хорошей компании.

Скала откололась от горы и, как падающая башня, нависла над дорогой и над расселиной, на дне которой гремел поток и виднелись пески, красные, видимо, от какого-то осадка.

– Ах, вы знаете, я совершенно забыл вам сказать, – заговорил Татноскэ, оглянувшись по сторонам, когда отошли за селение и оказались среди пустынных рисовых полей.

– Что такое? – встрепенулся барон.

– Вы знаете, я совершенно забыл, что у меня имеется копия японо-американского договора о дружбе. Да, у меня есть копия, хранится уже давно. Так давно, что я даже забыл! Ведь я все время работал с американцами, с господином Вельшем Вильямсом и мистером Чжоуфу, как мы звали его помощника, благородного ученого джентльмена из Китая. Я часто говорил с самим мистером Перри! Он очень... очень любил меня. Знаете, они очень богатые... Но личные подарки их всегда не так роскошны, как у русских. Адмирал Путятин гораздо щедрей!

– Вы работали с Перри? – удивился Шиллинг.

– Да! Я с ним очень хорошо работал. Он разрешал мне садиться за стол с его превосходительством. Мы вместе обедали не раз. Американцы, как и русские, без... без таких обычаев...

которые называются по-английски prejudice¹⁹. Так что я очень дружен был с адмиралом, и он подарил мне на память копию договора... Да... Ведь я составлял голландский текст и неотлучно находился при переговорах.

– Может быть, это черновики?

– Это не так совсем. Теперь это уже настоящий текст заключенного договора, и все до единого слова точно сходится. Прежде все договоры были черновиками до подписания. Как я забыл, сам не понимаю, так давно, конечно, это было, наверно, поэтому... После отъезда Перри опять так много впечатляющих событий... А вот это дерево называется... Ах, как же оно по-голландски? Кажется, по-голландски нет названия...

– Когда же вы мне передадите полный текст договора?

– К этому дереву не должен подходить человек с нежной кожей. Достаточно пройти под его ветвями, и на теле появятся ожоги. Женщины ненавидят это дерево... Текст договора имеется для вас.

– Так дайте мне сегодня.

– Нет, не здесь. Он с моими вещами в Симода. Я привезу вам на корабль.

Татноскэ, сняв в Симода во время цунами копию с договора, носил ее с собой в кармане широкого рукава, но не отдавал, зная, что у Шиллинга нет таких рукавов и ему некуда спрятать по-настоящему секретный документ, а все остальное имущество его ежедневно и тщательно просматривается тайной полицией, где бы он ни был. Татноскэ и сам тайно следил за ним, как и все переводчики.

– Но, пожалуйста, надо еще одни золотые часы с бриллиантами подарить кому-нибудь из членов японской делегации...

Шиллинг знал, что такие часы на «Диане» есть.

– Если «Диана» не утонула, пока мы с вами путешествуем!

– Как же сохраняются часы? Не сокровище ли это и не оберегается ли особенно?

– Да, конечно, оберегается и в случае крушения должно быть спасено. Да мало ли чего не бывает... А кому советуете подарить часы? Саэмону но джо?

– Да, ему, конечно. И еще можно Матсумота Чуробэ. Вы знаете его? Да, ведь Саэмону но джо уже дарили...

За спасение документов Татноскэ получил благодарность и награду от правительства, материи на халаты и еще одну награду от тайной полиции за бдительность и за хорошее наблюдение за охраной документов во время цунами.

Татноскэ переписал текст договора с опасностью для жизни. Голландский текст получился мелкий, как работа искусного ремесленника. У Татноскэ есть лупа, подаренная ему американцами. Что там текст! Татноскэ знает договор наизусть.

– Преамбула... – Татноскэ прочел ее. – Статья первая...

Татноскэ и ее прочел наизусть.

Возвращаясь, барон заметил, что с моря подошла лодка с двумя рыбаками, доставившими его и чиновников в Атами. С ними был еще человек, видимо, здешний. Переводчик ушел в гостиницу. Шиллинг подсел к рыбакам. Они сидели на корточках и разговаривали между собой.

– А на нэ... Николай-сан! – обратился вдруг к барону рыбак, учивший его в пути грести веслом юли-юли.

Лодочник вычертил на песке какие-то знаки. Приглядевшись, Шиллинг разобрал, что это карта полуострова Идзу. На другом побережье, за горами, лодочник вычертил круглую бухту и, тронув плечо лейтенанта, показал на горы на западе и стал что-то быстро говорить ему.

¹⁹ Предрассудок.

– Как раз такая бухта, какую ищешь, Николай. Глубокая, большая, совершенно закрытая, даже нет волн, когда рядом на море бушует.

– Бухта как называется? – спросил Николай по-японски.

– Хэда! – ответил японец.

Быстро поднявшись, он затоптал карту сандалиями. Лодочник приложил пальцы к вискам, как рога, и кивнул в сторону гостиницы, где спинами к морю сидели на террасе курившие чиновники, к которым присоединился теперь Хори.

Взявшись за борт лодки, японцы вытащили ее на берег. Японец, чертивший карту, взвалил на плечо корзину на шесте, который он продернул под плетеные ее уши, и потащил рыбу и ракушки следом за местным японцем.

Вечером лейтенант пил сакэ в обществе Татноскэ и мецке. Какая-то немолодая женщина с черепаховым гребнем в черных, тщательно убранных волосах играла на струнном инструменте, похожем на гусли.

Хори Татноскэ подвыпил и по-голландски рассказывал о том, какие молодые и хорошенькие женщины еще недавно были на курорте Атами к услугам приезжающих сюда богатых эдоских самураев.

– Где же они теперь? – спросил лейтенант.

– А теперь их магазины разрушены... – ответил по-голландски пьяный переводчик.

Утром к пристани, которая тщательно была выложена камнями, подошла парусная японская лодка. Из нее выпрыгнул офицер в морской форме. Шиллинг в легком халате выскочил из гостиницы и поспешил навстречу приехавшему. Алексей Николаевич кинулся к нему. Молодые люди обнялись и горячо поцеловали друг друга, потом, откинувшись и отступив, снова кинулись друг к другу и, обнимая, снова целовались.

– Что случилось? – спросил Шиллинг.

– «Диана» стоит. Переговоры идут. Что у вас?

– Нет бухты. А вы? Боже мой...

– Адмирал послал меня за вами. Мы с часу на час ждем шторма. Чувствуете, барометр падает... Но, говорят, удобная бухта есть недалеко на другом побережье полуострова, во владениях князя Мидзуно. Надо нам с вами срочно возвращаться и немедленно отправляться туда.

– Вы знаете, вчера лодочники говорили мне то же самое! Им надоело возить меня и чиновника, и они по секрету признались... А откуда такие сведения?

– Японцы совершенно определенно сказали Гошкевичу, и матросы где-то узнали. Адмирал просит вас срочно возвращаться...

– Я охотно.

Молодые люди пошли в гостиницу. В своей обширной комнате, устланной циновками, на раздвигающихся дверях которой был начертан иероглиф, означающий кровать, барон сбросил с себя голубой халат и соломенные сандалии, надел брюки и, накрутив на ноги портянки, натянул сапоги.

– А как поживает Кавадзи?

– Он, видимо, получил распоряжение из Эдо не мешать нам и оказывать полное содействие.

– Вы полагаете?

– Конечно! Иначе быть не может. Не в их интересах ждать, пока «Диана» потонет. В таком случае мы бы остались в Японии на все время войны. Ведь они и на вашу командировку не дали бы разрешения, не имея позволения правительства.

– Вы полагаете? – спросил Шиллинг.

– Я уверен.

– Мне кажется, что Кавадзи настоящий рыцарь и готов отвечать своей жизнью, по их обычаю, но защитит нас.

– А если они попробуют совершить над нами какое-то насилие?

– Нет, эти времена прошли. Тогда вмешаются американцы, и весь мир будет на нашей стороне. Они не посмеют. Когда же идем?

– Я могу хоть сейчас, – сказал Сибирцев, желавший как можно больше переносить физического напряжения и трудиться. Он всю дорогу то чертил карту, то греб в очередь с лодочниками.

– Я также готов. Я со свежими силами, но как вы... Может быть, отдохнете... Здесь прекрасные горячие источники, лечебные ванны, массажисты...

Алексей Николаевич соблазнился. После ночи, проведенной вчера в какой-то рыбацкой хибаре в нищей семье, где все спали вповалку, он нашел на себе вошь.

Идти пришлось среди цветников, а потом по скалам среди лиан и столетних деревьев к купальным павильонам. Старик массажист спросил, тронув его тело:

– Америка?

– Оросия дес, – ответил Алексей. – Ватакуси ва суй фу дес²⁰.

– А-а! Хай-хай! – поразился массажист.

Когда Алексей сидел голый в каменной выбоине в горячей воде, хорошенькая молодая японка вошла и принесла ему угощение.

Алексей Николаевич в халате после купания возвращался к гостинице в сопровождении слуги. Встречать его на крыльцо вывалилась целая толпа японцев. Шиллинг уже объяснил всем, что от адмирала прибыл лейтенант Сибирцев. Офицеров пригласили в большую комнату, которая называлась «краб».

Хозяин гостиницы принес и поставил перед Алексеем Николаевичем лакированный столик, фарфоровые чашки, чай, горячий суп и живого рака на блюде.

Хори сказал, что купец, с которым вчера познакомился Шиллинг, прислал в подарок свинью и своего повара для услуг.

– Я велел зарезать свинью.

Переводчик был в ударе, чувствуя, что сделка заключена и все идет на лад и его ожидает большое будущее.

Попозже подали еще не виданные в Японии офицерами угощения. Тут были и лучшая рыба, и свинина со всевозможными соусами, и какое-то особенное, вкусное сакэ.

Сам купец – добродушный сухой человек с вечной улыбкой – явился в разгар пира. Хори не утаил, что этот торговец держит дело на паях с князем Мурагаки, и добавил, что некоторые князя вообще в долгу у торгашей.

Потом появилось печенье из водорослей, похожее на тонкие малахитовые плитки.

– По сведениям, доставленным адмиралу японскими уполномоченными, – стал объяснять Алексей Николаевич, – на противоположном побережье полуострова есть пригодная для стоянки кораблей глубокая бухта, в которой возможно провести ремонт. На окрестных горах корабельные леса.

Полицейский офицер затряс головой от изумления.

– Да... да... да... – приговаривал купец, вслушиваясь в перевод.

Потом Алексей говорил, что уезжать ему отсюда не хочется, он очень благодарен, но спешит. Вместе с Шиллингом и японцами прошлись по опустевшему курорту.

– А что же, если тут бывали князя, то, верно, и с женами, и с дочками? – спросил Сибирцев.

– Тут было раньше очень красиво, – ответил Хори, – были такие красивые публичные дома, и сюда привозили красивых публичных... ну... барышень... они всегда были к услугам даймио и самураев. Вот, посмотрите, какой красивый магазин, где были эти красавицы.

²⁰ Я русский, я – моряк.

– А где же они теперь? – невольно спросил Сибирцев.

– Теперь этого товара нет... И магазины закрыты, – хихикая, повторил свою шутку Татноскэ.

– Но где же товар? – спросил захмелевший Алексей по-английски. – Они, верно, где-то поблизости?

Татноскэ смутился. Это уже была государственная тайна. Рядом за горами шла главная дорога в Японии из Эдо, столицы сиюгуна, в Киото – столицу императора. По этой дороге, которая называется Токайдо, очень красивые гостиницы на всех станциях, и кое-где есть образцовые и опрятные публичные дома, довольно дорогие. Дорога идет по красивейшим местам. Но все это не для иностранцев. И об этой дороге Татноскэ не имеет права им рассказывать. Туда и вывезли юных красавиц проституток, чтобы не оставлять их без дела, а хозяев без доходов. Туда же уехали все гейши. Одна осталась, с которой вчера познакомился барон Шиллинг, но она уже не молодая. Хотя иностранцам запрещены сношения с японскими женщинами, но исключения бывают. Водили же Головнина, и он очень доволен остался. Американцы соблазнили симодских девиц шерстяными отрезами, а полицию подарками.

– Иностранцу неудобно было предлагать такую немолодую женщину. Но она хорошо играла и пела. Ро-эбису очень понравилось! – сказал Татноскэ своему спутнику, полицейскому офицеру.

– А что в Симода? – спросил барон, когда закончилась прекрасная романтика и началась скука обратного плавания вдоль известного побережья, которое обоими офицерами нанесено на карту.

– Все такая же суета. Хоронят погибших. Земля каменистая, глубоко зарыть не могут, запах разлагающихся трупов стоит на улицах, – мысленно возвращаясь к ужасному «противостоянию» дипломатов, сказал Алексей Николаевич. Всего несколько часов отдохнул он среди гостеприимных людей Атами.

– А как тебе понравилось побережье?

– Мы спешили вчера весь день так, что я почти ничего не видел. Вчера хотели идти при луне, но выбились из сил и остановились у какого-то рыбака. Общий вид – чудо. Чем-то напоминает побережье Кавказа, где я год крейсировал на корвете.

– Я никогда не был на Черном море.

После того как, сидя в ванной, Алексей увидел хорошенькую почтительную японку, какое ему дело до пейзажей! Все это могло иметь значение, если бы воспринималось сквозь высокое и благородное чувство.

– Растительность, кажется, похожа, – нехотя добавил он. – Тут нет снеговых гор вдали, но побережье живописнее и живее.

– Как подумаешь, сколько труда вложено здесь человеком, глядя на эти террасы с апельсиновыми рощами и рисовыми полями! А что же там?

– Привозят товары из Турции. Режутся все друг с другом. Говорят, со временем там будет рай земной.

– Русскому народу опять придется всему обучать и создавать заново, – сказал барон. – А что же у нас на фрегате?

– Идет своз тяжестей. Все переборки кают сняты. Орудия все на берегу... жаль... Очень скучно. Вся отрада, если выберешься в командировку. Но Япония надоедать начинает. Все одно и то же! Из столицы прислали денег и две баржи с рисом для населения. Рабочих пригнали в помощь пострадавшим для восстановления жилищ. А это оказались не рабочие, а какие-то подонки городские, гольтепа, продувные бестии. А губернатор не соглашается принять от нас помощь. И вот что получилось! По ночам японцы казнят преступников... А сыты ли вы были в своем походе?

– Да, я уже привык к японской кухне.

– Рыба и раки. Я тоже люблю их кушанья. А жаль было уезжать из Атами. Приедем ли мы еще когда-нибудь? Когда тут все будет в порядке?

– Может быть, в будущем, когда Япония откроется и курорт Атами станет знаменит на весь мир?

– Невельской говорит, что у него в Приамурье тоже и горячие источники, и грязи, и воды, а на юге края роскошные морские купанья.

Шли под скалами на японской лодке. Ветер дугой выгибал четырехугольный парус со знаком на полотнище.

– А где, по-вашему, интересней женщины? – спросил Алексей.

– Женщины? – встрепенулся барон и слегка разругнулся.

Старик полицейский, сидя на корме, долго что-то говорил переводчику.

Вечером, когда остановились на ночлег, Татноскэ объяснил офицерам, что мецке первый раз в жизни видел, что целуются мужчины, и очень удивлен. Татноскэ пояснил, что у японцев это не принято. И даже нет слова «целоваться».

– А что же говорят в таких случаях, когда целуются с женщинами?

– Это... у нас говорят... «сосать губы», и больше ничего... И мужчины между собой никогда так не делают, – сказал по-голландски переводчик.

– Как это по-японски? – спросил Алексей Николаевич.

Он записал ответ переводчика.

Глава 18. Переговоры в храме Гёкусэнди

Эпоха Эдо – пора процветания и наслаждений. Общество в столице непрерывно развлекается. Границы страны недоступны для варваров, и это главное условие вечного праздника аристократов и равновесия сословий. Народ, добывающий рис, пребывает в совершенном повиновении. Восстания крестьян подавляются быстро и беспощадно.

Крестьянская душа оценивается по стоимости риса, потребного для ее прокормления. Величие и богатство князей исчисляются не числом крестьянских душ, а весом риса, идущего на прокорм подданных всех рангов, воинов и прислужников. Жалованье самураев и заработки чиновников исчисляются рисом. Даже степень силы власти и богатства самого сиюгуна известна по количеству риса, расходуемого на содержание аппарата власти и войск. Это, конечно, тайна, которую, однако, многие знают. Очень бюрократически и вульгарно судить так обо всех, от мала до велика, но так принято, что поделаешь! Плата за государственную службу тоже исчисляется рисом, точнее – соломенными мешками с рисом. Рыба, водка, специи и морская снедь – особая статья, на нее и счет особый и цена, и каждый, сообразно с положением, добывает их по-своему.

За последнее время появились очень невидные, но сильные и влиятельные личности, по закону считающиеся совершенно бесправными и презираемыми торговцами или просто скромными крестьянами, рыбаками. Есть среди них без фамилий люди.

Князь Мурагаки Авадзи но ками, представляющий правительству картину состояния японских интересов в айском народе на севере, изучающий там географию, этнографию, политику и мореплавание, одновременно процветает и на юге, и в столице, и по службе, и в командировках. Но не потому, что получает мешки с рисом за службу правительству, и не потому, что все хозяйство посольства у него на руках. Он принимает участие в торговле с купцами, и дела его многообразны.

Недовольные положением в стране, образованные молодые люди, получавшие сведения об европейских науках, до сих пор уничтожались, если их знания не служили процветанию высшего общества и если их подозревали в шатании основ. Не менее строго обходились с мрачными крамольниками из старых князей.

Изнеженные дети высших чиновников становились похожими на изнеженных и ослабленных детей вельмож. Это заботит Саэмона но джо. Привычка общества к праздности и удовольствиям перенималась в семьях тех высших чиновников, которые, выйдя не из родовой знати, оставались всю жизнь при правительстве и считались охранителями общества.

Но такие чиновники, как управитель финансов государства и глава его пограничной охраны Кавадзи Саэмон но джо, как высший из высших охранителей безопасности Матсумота Чуробэ, держали себя в состоянии вечной готовности и напряжения, а народ – в повиновении. Они решали дела государства, думая за своих повелителей.

Но и они умеют пожить в свое удовольствие. И эти чиновники, составлявшие как бы фундамент государственной власти, усваивали манеры поведения аристократов и при случае не отказывали себе в удовольствиях после тяжких трудов.

Эдоским вельможам в таком глухом, да к тому же еще и разрушенном захолустье, как Симода, дни напролет приходилось требовать с людей, учить их, заставлять и наказывать и все время работать!

Но на досуге в храме, где жили Старик и Каку, как за его спиной с ласковой иронией называли министра финансов Кавадзи, составлялось приятное общество серьезных людей, любивших повеселиться. Присутствие умных и значительных, но находившихся в подчинении у посланцев второстепенных чиновников, объединявшихся дружелюбно и по долгу служебной подчиненности, сидя на татами из рисовой соломы вокруг столпов общества, готовых живо

отозваться на каждую их шутку и острое слово, придавало этим вечерним времяпрепровождениям пожилых и почтенных людей особенную прелесть. Разница в положениях все время чувствовалась. Всегда был фон, на котором видишь свою значительность, и этот далеко не провинциальный, а самый богатый столичный фон, как богатые дорогие ширмы из шелкового золота, всегда путешествовал с чиновниками из замка Эдо и ярко выделял значительность их власти и ума.

Одно из удовольствий посидеть вот так, вечером, в свободной неофициальной позе, не втягивая дисциплинированно поджатые под себя ноги и не выпрямляясь, и посмеяться над кем-нибудь. Настроение у всех отличное, и каждый имеет возможность выделиться и стремиться понравиться высшим чиновникам. Ведь Тсутсю Хизену но ками и Саэмону но джо высочайше пожалованы отрезки узорчатой материи на парадное платье, обоим губернаторам Симода, а также главному мецке и заведующему бумагами, картами и церемониями посольства то же самое. Узорчатую материю еще никто не видел, но о ней писано в сообщении главы правительства.

Кавадзи в тот же день записал в своем дневнике: «Мы хорошо провели время!»

В Эдо также произошло землетрясение. Но у всех чиновников делегации для приема русских дома все благополучно.

После страшной катастрофы, когда вокруг все разрушено и когда погибло столько людей, даже маленькие исправления очень радуют. Приведен в порядок водопровод. Вода по бамбуковым трубам поступает из горной речки прямо во дворы, в пруды, на кухни и в деревянные ванны при квартирах в храмах. Саэмон но джо опять может теперь каждый вечер принимать ванну. Заберешься в бочку с горячей водой, и заботы сразу вылетят из головы. Вылезешь и, рассматривая свое тело, видишь, что ссадины и царапины, полученные во время бегства в горы, зажили, коросты, напоминающие о страшном дне, отпадают.

Когда вот так посмеешься вечером, то наутро становишься серьезнее и чувствуешь, что вчерашний день прошел не зря.

Оживляющая фраза «мы хорошо время провели» крутится в голове.

...Город понемногу приводился в порядок, но хороших кушаний нет, их негде здесь изготовить, даже такие высшие чиновники, как Старик и Каку, живут впроголодь. По вечерам общий веселый разговор опять заглушает все противоречия.

– На их корабль невозможно смотреть без смеха, – восклицает Уэкава Деничиро, – он весь в пластырях и заплатах! Он уткнулся в мель! Кажется, что на нем платье, как на старой нищенке!

Уэкава Деничиро, отважный смельчак, ездивший с самим Мурагаки на Карафуту.

– Как старая бабушка!

Все засмеялись.

Как быстро «Диана» перестала быть грозной плавучей крепостью. На официальных встречах об этом упоминается с болью и с сожалением. Но ведь на самом-то деле это очень смешно! Им теперь пришлось освободиться от тяжестей, прежде чем идти на своих заплатах в море! Пойдут в Хэда! Нашли место для них наконец!

– Тяжести! Их пушки теперь им мешают! Кто бы мог подумать!

Компания снова разражалась хохотом.

Кавадзи полагает, что все это хорошо. Пусть простой народ увидит бессилие варваров и посмотрит, как иностранный корабль разоружился. Путятин как бы сдастся. И по всякой малости он обращается с просьбой, присылая на берег своих капитанов. Прибыли деньги и рис для пострадавших. И сразу русские узнали. И, конечно, прислали заявления с просьбой о выдаче им продовольствия. Их велено включить в список Эдо, взять на обеспечение государства. Как чиновников. Говорили и об этом. И опять смеялись.

Эбису всех западных народов даже не всегда умеют отличать молодых современных мужчин от женщин. Молодые мужчины гибки, тонки, в локонах и с талией, в таких же изящных туфлях, с таким же изяществом движений, и так же выгибаются, и так же пылки их лица. Это просто очень смешно, как об этом рассуждали Посьет и Можайский. Только по двум саблям у пояса, как им кажется, можно отличить некоторых знатных рыцарей. Где они только это все видели!

Сегодня, в свободное время, Кавадзи в одиночестве бродил по лесу и, глядя себе под ноги, на шелестящие желтые листья, сочинял ваку²¹. Тут были и «восемь пальцев», и огромные листья тунга, листья узорчатые, перистые, сердцевидные, двойные с глубоким разрезом и без разреза, все усохшие до восковой желтизны, как погибшее общество аристократических франтов. Когда-нибудь и он, всесильный труженик, бугё финансов и глава береговой охраны, станет таким же сухим листом.

Но надо и поохотать. Это вооружает, полезно перед схваткой. Русские эбису свезли на берег свои тяжелые орудия. Их подымали на таях и опускали в японские баржи, на которых прежде с полуострова Идзу доставлялся в столицу коричневый камень для постройки замков. Из такого камня сложен замок Верхнего Господина.

Еще недавно так страшно смотревшие из узких четырехугольных окон корабля на город, чугунные пушки перетаскивались матросами и укладывались, как бревна, на площадке у пристани.

– Все они выглядят старше своих лет. Даже шестнадцатилетний мальчик, который служит у Посьета, похож на старика с седыми волосами.

– Все лица старческие. Мир бледных призраков.

Высмеяли и Можайского.

– Первый раз, когда он явился ко мне, – сказал Кавадзи, – то стал нахально требовать, чтобы я ему позировал и разрешил нарисовать себя. Я подумал – какой отвратительный варвар!

Все согласились с мнением Кавадзи.

– Хай! Хай! Хай! – с придыханиями тихо поддакивал почтительный круг чиновников.

Но в глубине души всем, как и самому могущественному Каку, очень приятны были домогательства Можайского. На серебряной пластинке его «прибора, отражающего натуру», получались замечательные изображения человеческих лиц. Какой это замечательный подарок будет, если привезешь такую штуку домой и покажешь в семье.

– Он даже все рябинки отпечатывает! – сказал Кавадзи. – Ничего не скроешь!

И на этот раз все захохотали не над Можайским. Смеялись над Уэкава. Это его рябинки на лице изобразила серебряная пластинка из черного ящика Александра Можайского.

– На вид он богатырь... Какие руки! Рост шесть сяку с четвертью. А занимается... рисованием! – подхватил Деничиро.

– Их корабль – раненый дракон. На мели!

– А сам Путятин!

– А Посьет с кривой шеей. Он, видите ли, не может держать голову прямо! Он простудился! Как слабая женщина!

Пришел опоздавший чиновник и сразу завладел вниманием общества. Он доложил, что два ро-эбису были в Атами, хотели бы пойти к девицам тайком от своего адмирала, но очень всего боялись.

– Им ничего не удалось!

Все долго хохотали.

– Молодые люди хорошие должны не об этом думать, а соблюдать дисциплину, – сказал Тсутсуй.

²¹ Танка.

«О чем же русские говорят в этот вечер? – думал Кавадзи, укладываясь на удобную мягкую постель под футоном, край которого прикреплен к жаровне с горячим пеплом. – Переводчики Хори Татноскэ и Мориама Эйноскэ, часто остававшиеся по долгу службы на „Диане“, свидетельствовали, что русские в своем обществе точно так же высмеивают японцев. Их шутки, конечно, могут быть очень злыми и меткими. Что же делать! В чем бы я мог показаться им смешным? Они высмеивают изнеженность японцев. Но я хожу пешком сотни ри, когда отправляюсь по делам, а носильщики несут мое пустое каго, конечно, я не могу совсем от него отказаться. Высмеивают поклоны и вежливость, с которой японцы излагают даже неприятное для эбису? А сами стараются потом подражать японцам, но только делают это неумело, как варвары.

Даже сам Путятин не умеет говорить как следует. О чем-нибудь начинает, потом перескочит на другое, потом вдруг похвастается силой и величием своей империи, то вдруг вспомнит еще что-нибудь, о чем упустил сказать при прошлых встречах и что мы тогда сразу заметили, но ничего не сказали, а он вспомнил только через несколько дней. Или назавтра.

Как бы ни были изнежены наши молодые вельможи, но и они, рассуждая про свои наряды или стремясь к наслаждениям, остаются последовательны. Они воспитанны, обучены искусству сабельных боев и всегда помнят, как надо поступать, чтобы нести ответственность».

Бывает, конечно, что и в голове Кавадзи вдруг мелькнет что-то совершенно не относящееся к делу, или прорвется новая мысль, словно залетевшая волшебная птица, или явится новое понимание чего-то до сих пор неизвестного, казалось бы.

В горизонтальных и вертикальных линиях схем и в столбцах иероглифов, которыми мыслит государственный чиновник, в свое время и в своем месте он даст обозначение и этой волшебной птице.

Их корабль – раненый дракон. Как это смешно и жалко. И теперь со всякой просьбой лезут. Так надоели. Скорей бы они ушли. Дракон бессилен... И вдруг вспомнилась классическая поговорка: «Дракон на мелком месте смешон даже ракушкам». Кавадзи насторожился.

Утром уполномоченные и губернаторы отправились на официальную встречу. В городе еще разруха. И даже храмы не приведены в порядок. Поэтому заседания будут продолжены за городом в деревне Какисаки в храме Гёкусэнди, где эбису похоронили своего матроса. Им дозволено было ненадолго высадить на берег христианского священника, чтобы совершить обряд похорон. Первые христианские обряды совершены в Японии снова после того, как в древности все христиане-японцы были убиты или сброшены вместе с семьями в кратеры вулканов. У Перри тоже были с собой священники. Американцы своего бонзу сделали переводчиком.

Но даже за короткое время, которое пробыл священник с «Дианы» на берегу, с ним завели знакомство и дружбу бонзы из храма Гёкусэнди.

Голубовато-зеленое море в пене набегает на широчайшую отмель, над которой идет дорога в деревню. Кавадзи-сан шагает со своими подданными и с охраной под кручами высочайших скал, под прибрежными ивами, перепрыгивая трещины в почве и шурша сандалиями по красной зимней листве и по красной опавшей хвое.

За крышами лачуг рыбаков, как за горами соломы, видна рогатая крыша храма. И тут трясло, трескались высочайшие скалы, рушились глыбы, открывались зияющие пасти на дороге, словно норовя ухватить и зажать в трещины камней бегущих в страхе путников.

Доносилось чистое дыхание утреннего спокойного океана. На скале, торчавшей из воды, отчаянно гонялись друг за другом с криками по деревьям и лианам две маленьких обезьяны. Одна из них замерла, завидя многолюдную процессию, она показалась Саэмону но джо похожей на философа Кога Кинидзиро. Такой же лоб, как перевернутый котел, маленькие, близко посаженные глазки. Лысый лоб морщится.

В воздухе холодно, чувствуется зима. Некоторые деревья голы. Саэмон но джо чувствует, что с каждым шагом и с каждым глотком утренней свежести у него прибывает сила, нужная для предстоящей битвы.

Адмиральский вельбот с гребцами в белых рубахах подошел к храму по воде в тот миг, когда носильщики сняли с плеч четыре каго японских послов и самураи свиты открывали двери и помогали выйти своим повелителям.

Русские одеты в черное с золотом. Хотя они и поскромнее японцев, но тоже выглядят молодцами. Японцы по моде – в полунаклоне. Русские по своей моде – прямые. Все с таким видом, как будто не с разбитого и залатанного корабля и не из уничтоженного города, населенного нищими.

Обе делегации расселись в храме напротив широко распахнутого входа, лицом друг к другу. Русские на стульях, а японцы на деревянном полированном помосте.

Японские послы во всем блеске своих дорогих шелков, поясов, оружия и туфель, в тусклом благородстве смешанных цветов. Оруженосец, сидящий за каждым из них, высоко держит посольский меч.

Русская часть совещания черна. Только лица ярко выделяются неестественной краснотой.

Старик Хизен но kami с большим достоинством улыбнулся, как бы отворяя пришельцам свое сердце.

– Случившееся недавно неожиданное ужасное землетрясение причинило вам большие затруднения, – сказал он. – Мы это действительно понимаем и выражаем вам сочувствие... И я думаю, что мы уже не будем представляться друг другу и называть свои ранги и имена, потому что мы недавно это делали на прошлой встрече.

Хори и Мориама, лежавшие на полу, как громадные черепахи, все живо перевели. А Тсутсуй Хизен но kami открыл и закрыл веер.

Переводчик так передал ответ посла России:

– Мы также знаем, какие чрезвычайные трудности причинило это землетрясение вам. Поэтому мы выражаем вам, достопочтенные господа, наше приветствие, окрашенное в печальные тона в связи с землетрясением. И мы понимаем, какие вы понесли убытки. Выражаем каждому из вас свое понимание.

– Мы принимаем ваше чувство соболезнования! – почтительно и сердечно ответил Тсутсуй.

– После последней встречи и в соответствии с инструкциями нашего правительства мы обдумали проект предложенного договора и сообщаем, что в общих чертах согласны с ним, – переходя к делу, заговорил Хизен. – Само собой разумеется, что бумаги, написанные по-голландски, мы пытались изучить, но не могли еще пока полностью и глубоко постичь их смысл, поэтому хотели бы обсудить их устно. – Тсутсуй улыбнулся, и глаза его исчезли в морщинах, при этом немного и приятно скосясь.

– Да, мы согласны все обсудить, – ответил Путятин. – Но, продолжая наш спор, я должен напомнить вам все-таки, что я уверен, что из Симода международного порта не получится, бухта мала, теперь якоря совсем не держат ни единого судна, с каменного дна цунами снесло весь ил и вулканический песок. Кроме того, как я говорил вам, бухта эта открыта ветру. Суда не могут тут разгружаться. И я совершенно не понимаю, как коммодор Перри мог согласиться принять такой порт.

Кавадзи молчал. Он полагал, что Путятин не всегда смотрит в суть вещей, а судит просто по своим впечатлениям. Симода не зря назначается для торговли с эбису.

Как ни мал и ни захолустен городок, а дело началось, сюда назначен штат чиновников. Создано Управление Западных Приемов для сношений с иностранцами. Присланы люди для тайного наблюдения за иностранцами. И для наблюдения за своими чиновниками. И для

наблюдения за полицией, за тайной полицией и друг за другом. Их нагнали, важных самураев и самураев маленьких – маленьких писцов и доносчиков. Жить им еще негде. Для всех надо построить приличные помещения. Нужны склады для иностранных товаров, дома для приемов.

Порт Симода неудобен? Открыт ветру? Но он отгорожен высокими горами от столицы и от всего государства. Находится на самом конце полуострова. В то же время он близок к столице. Поэтому американцы сразу согласились. У них большие пароходы, и они знают, что всегда смогут отсюда зайти в залив Эдо. Город Симода, конечно, дрянной, патриархальный. Но если посмотреть в корень? Дело началось!

Кавадзи сказал:

– Весь вчерашний день японская сторона письменно переводила документ. Я предлагаю зачитать и обсудить его по пунктам.

Пришлось отступить от традиций. Когда переводчик читает такой договор, он из черепахи превращается в значительного специалиста. Мориама Эйноске уселся, втянув под себя ноги и выпрямив свое стройное тело старого атлета.

С первым пунктом и со вторым, в котором сказано о том, что заключается договор о дружбе на вечные времена до детей и внуков, все согласились.

Осип Антонович, изучавший японский текст, предупредил адмирала, что можно понять эти выражения в другом смысле. Например: «Россия будет вечным сторонником Японии». Но можно еще и по-другому: «Россия будет преданным вассалом Японии» или «чтобы у России были все права и Япония была ее вечным сторонником». Поэтому уже договорились, что основным должен быть точный голландский текст. Об этом категорически заявил Посьет.

– По поводу смысла этой бумаги имеется большое согласие и маленькое несогласие, – заметил Тсутсуй. – Но чтобы текст договора был вечно дружеский, нам взаимно надо поспорить.

Можайский писал акварелью четырех японских послов, их секретаря Накамура Тамея, на отдельном табурете, и переводчика. И не обращал внимания на сидевших сбоку губернаторов. Он подумал, что доводы адмирала кажутся нехорошими.

«Но мало ли чего приходится офицеру слушать и беспрекословно исполнять. Даже в любой миг могут приказать умереть. И умри! Твое дело, Можайский, химия и рисование. Тебя отставили от несения вахты. Так делай свое дело. Наблюдай птиц и... Но какие русские купцы, откуда они явятся в Симода?» – подумал он, невольно вслушиваясь в обсуждение нового пункта и регламента торговли. Он вспомнил, что англичане сожгли и уничтожили наши торговые фактории на Курилах. Об этом известно через японцев.

Зашла речь о консулах. Об учреждениях русских консулов в открытых портах.

– Откуда вам известно, что мы дали американцам такие права? – спросил Кавадзи.

– Да, это нам известно точно. – Посьет назвал номер пункта и зачитал наизусть точный текст американского договора.

– Вы обязались в Нагасаки дать нам все права, какие получит какая-либо другая держава. Само собой, понятно, что мы не стали бы ссылаться на чужие договоры, если бы не война, – сказал Путятин. – Если бы нашей эскадре не пришлось уйти из Японии для вашего же спокойствия, чтобы избежать битвы против англичан в порту Нагасаки, то у нас с вами был бы заключен договор гораздо раньше, чем у вас с американцами. Вы сами это хорошо знаете. Поэтому теперь вы обязаны исполнить обещание.

– На какой договор с Америкой вы все время ссылаетесь, я этого не знаю, – любезно сказал Кавадзи, – первый раз слышу о каком-то договоре. Об этом нам ничего не известно.

– У вас же были американцы? – спросил Лесовский.

– Да, это возможно. Их эскадра однажды приходила в нашу страну, но это ничего не значит.

– Вот и толкуй с ними! – сказал Путятин, выслушав перевод.

– Да, велись переговоры... – подтвердил Тсутсуй, но по тому, как он один раз не удержался и жалко моргнул, видно было, что ему велено лгать, и он скрывает неловкость.

Евфимий Васильевич сказал:

– Его превосходительства господина Кавадзи и Тсутсуй ничего не знают о заключении договора с Америкой.

– Да, нам ничего не известно, – сказал Кавадзи, – поэтому обсудим положение так, как оно есть.

Это означало, что в теперешнем положении и Путятин и его «Диана» совершенно бессильны.

– Если это совершенно другая делегация и если вам ничего не известно, то советую обратиться к его превосходительству губернатору Исава Мимасаку но kami!

– К Исава? – удивился Тсутсуй и в испуге глянул на Чуробэ.

Саэмон но джо был невозмутим:

– О чем желал бы посол Путятин говорить с губернатором?

– Чтобы узнать, какой договор подписан в Канагава. Его превосходительство Мимасаку но kami один из послов Японии, поставивших свою подпись под договором с Америкой.

Кавадзи подумал, что на следующее заседание не возьмет Исава. Пусть тот сидит и смотрит, как восстанавливается его управление, пьет чай и пишет обо всем в Эдо.

– Американцы поэтому у вас и ходили по улицам! – сказал капитан.

«Правительство сделало упущение, – полагал Кавадзи, – желая следить за нами глазами Исава, они прислали его туда, где он не должен появляться. Меня поставили в неудобное положение».

Но не так просто было смутить Кавадзи. Он бывал в разных переделках за годы своей блестящей, но тяжелой чиновничьей карьеры.

– Вот вы говорите – ходить по городу... На наших переговорах еще не дано было вам разрешение свистеть и дуть в трубу, проходя по японским улицам. Нас обвинят за это в упущении, – сказал Тсутсуй.

– Нет, это законно, – ответил капитан.

– Как законно? Где же такой закон?

– Я это первый раз слышу! – повторил Кавадзи. Посыет достал из портфеля папку и выложил из нее обязательство за подписями Тсутсуя и Кавадзи, данное Путятину в Нагасаки.

– А то, что подпись господина губернатора, здесь присутствующего Исава Мимасаку но kami, стоит на американском договоре? – резко заговорил Путятин.

Исава смутился и понурился. Шишки летели на него со всех сторон.

– Я первый раз слышу о том, что вы говорите про американских консулов, – сказал Кавадзи.

Можайский знает, что по виду Путятин трудно и опасно судить о чем-нибудь заранее. Адмирал наш с неожиданностями. Опять речь вернулась к торговле в японских портах. Говорили обо всех пунктах бегло, помянули также о границах.

– Мурагаки Авадзи но kami, побывавший с экспедицией на Сахалине и обстоятельно изучивший все, что там делается, по случаю землетрясения послан нами в столицу, – сказал Кавадзи.

Путятин ответил, что порт Симода надо переменить на какой-то другой, тут нельзя выгружаться.

Тсутсуй спросил:

– Чем русские будут платить японцам за товары?

– Я хочу попросить извинения, – заметил Кавадзи, – но у нас нет никаких возражений против золота и серебра. А что, если будут предложены предметы игр, карты, алкогольные напитки? Я заявляю, что ввозиться должны лишь товары, необходимые для страны.

– Я хотел бы знать, что вы соизволите иметь в виду под предметами, необходимыми для страны? – спросил Путятин.

– А-а! – обрадовался Тсутсуй. – Конечно, золото и серебро. Огнестрельное оружие! Дубленые кожи, медикаменты, ткани.

– Ткани и медикаменты будут, – сказал Путятин, – а о тех товарах, которые вы просите исключить, мы должны получить инструкцию правительства.

Невельской рассуждал, что без торговли с Китаем, Японией и Америкой, нет будущего у Приамурья, словно с этими странами торговать будет одна окраина Сибири. Как будто Петербург не в силах взять торговлю между Русской Америкой и Японией в свои руки! Он рассуждает, что на Амур надо завозить все необходимое, а в обмен отправлять все, что нужно китайцам и японцам. Он тоже за торговлю и уверяет, что начал ее уже и ведет несколько лет на Сахалине вразвоз и через богатых гиляков посылал товары к японцам.

«А это совершенно неверно! И Аляска и Приамурье, – полагает Путятин, – должны вывозить и продавать за границу свои богатства, а деньги за все это должны поступать в Петербург в казну государства, а совсем не в Приамурье, не на нужды Аляски и не для заселения ее украинцами и староверами, среди которых, говорят, ходят тайные письма, подбивающие их уезжать в Канаду и Австралию. Карл Васильевич Нессельроде был о японцах, право, лучшего мнения!» Путятин знал, что Нессельроде очень не нравилось, что на Сахалине стоит наше укрепление. Невельской уверяет, что канцлеру сначала также не нравилось, что мы исследуем лиман Амура, что за поднятие флага на устье реки Нессельроде разжаловал его в матросы и что надо плюнуть на него, он враг наш, хотя и канцлер, и англичане еще не знают, что это такое, хотя и подсунули нам его. «Но не рой другому яму, – говорил Невельской, – сам попадешь!» «В какой просяк я попал! – думал Путятин. – Нессельроде дал право японцам заявить претензию».

– А в случае недоразумения из-за нехватки золота и серебра еще трудно сказать заранее, какие товары можно привезти, – вдруг заявил Тсутсуй.

Речь было зашла об ураганах, которые с необычайной свирепостью бушуют у берегов Японии и которые занесут многочисленные русские торговые суда в еще не открытые порты. Японцы сказали, что такие суда получают приют, продовольствие и воду, а потом будут отправлены в порты, открытые для торговли.

Путятин сказал, что золото, серебро и товары должны обмениваться свободно, но для этого надо составить особый документ, в котором будут перечислены правила обмена. В открытые порты для этого надо назначить консулов.

– Вот это будет сложный вопрос! – сказал Кавадзи. – Никакого согласия на учреждение консулов дано быть не может.

Когда снова речь зашла о границах, Кавадзи как обдал адмирала холодной водой. Он заявил, что весь Сахалин должен принадлежать японцам до самых берегов устья общего лимана.

Путятин остолбенел. Даже и он и Нессельроде ничего подобного не ждали. Адмиралу приходилось и прежде замечать, что, несмотря на исследования Мурагаки, понятия японцев о Сахалине весьма туманны.

– Вот именно так давайте и решим! – радостно воскликнул старенький Тсутсуй, уже начинавший дремать. – До самого конца острова.

– Трудно понять, о чем толкуют японские послы, – сказал Путятин. – Если вы хотите получить себе всю территорию до Амурского лимана, то это не край острова.

– Кроме того, по всему побережью Сахалина стоят наши посты. Идут разработки каменного угля, – заговорил Лесовский, чувствуя, что адмирал будет метаться между Сциллой и

Харибдой, – а север острова на японских картах до сих пор даже не нанесен. Мысы Марии и Елизаветы вам неизвестны. Что же мы будем спорить вслепую. Еще станете доказывать, что в России живут одноглазые люди и принадлежат японцам!

Когда Мориама Эйноскэ все это добросовестно перевел, японская делегация добродушно рассмеялась.

– Английские карты ложны и составлены с тем, чтобы поспорить нас, – продолжал Лесовский. – Что вы скажете об этом? Опять ничего подобного даже и не слышали?

Кавадзи знал, что нет твердых оснований для утверждения Сахалина за японцами, и это тяжким камнем лежало всегда на его душе. Это самое слабое место его позиции против Путятин. Тверже стоять на своем! Учиться надо у американцев и западных эбису. Пора Японии становиться завоевательницей по примеру европейских держав. Первый захват в истории Японии надо попытаться осуществить наконец! Пора открывать страну, пора менять политику и во всем учиться у европейцев и американцев. Первым завоеванием будет утверждение на Сахалине.

– Да, у нас есть карты только части Сахалина, где был наш ученый Мамио. Но у нас есть право владения айнами и наше рыболовство.

«Перри подал хороший пример, и мы быстро докажем, что усваиваем все, что есть хорошего в политике великих держав. Путятин сейчас в ничтожестве, он зависим и бессилён. Он либо уйдет без всякого договора на своем залатанном корабле, либо подпишет условия, которые будем диктовать мы. Не ему, не Стирлингу и не Перри нужно гордиться открытиями Японии, как это им кажется. Открытие Японии нужно самим японцам. Они хотят учиться усваивать способы торговли, заводить промышленность и мореплавание. Послы иностранных держав пусть лезут наперебой с просьбами и предложениями, считая, что они побеждают Японию...»

Кавадзи положил руки на бедра, его голова поднята, кажется, что он уже схватился за самурайскую саблю. Он первый начинал новую политику Японии и первый в ее истории захват.

– Но если вы так рассуждаете, то нам не о чем говорить, – сказал он, выслушав возражения Путятин.

Он добавил несколько фраз, выражающих личное уважение к послу. Еще раз сказал о желании Японии жить в вечной дружбе с Россией до детей и внуков.

Перри говорил не раз, что японцы не должны уходить с Сахалина. Стирлинг в Нагасаки пугал японцев русским деспотизмом, уверял, что русские лживы и лукавы, они не ограничатся Сахалином, переступят с него рано или поздно на остров Матсмай.

Японцев уверяли, что Россия – страна льдов, плохих болотистых земель, гнилого климата. Географические условия понуждают русских к захватам на юге. Передавали про русских мнение Наполеона, что если они завоюют Европу, то все разбегутся из своей страны, к которой никакой привязанности не имеют.

«Еще нет у японцев современного флота! Но я требую новых земель, не имея флота!»

Вечером в храме, где жили Кавадзи и Старик, собрались послы и их приближенные. Секретарь зачитал вслух записи сегодняшних переговоров и высказывания представителей обеих сторон.

Опять был скудный ужин и потом опять хохотали, вспоминая, как Путятин старался быть вежливым.

– Это совершенно не получается у него! – замечал Уэкава.

Тсутсуй посмеялся, потом лицо его стало серьезным. Вдруг он сказал, что Саэмон но джо, кажется, был сегодня излишне жестким. Русские знают содержание американского договора. Исава попал в глупое положение.

Кавадзи не ожидал подобного замечания от своего единомышленника и несколько смутился.

Саэмон но джо и не собирался настаивать на всех своих требованиях. Конечно, там, где стоят русские посты и где солдаты ломают уголь на берегу лимана, место уж не займешь. Про уголь на Сахалине японцы вообще ничего не знали до сих пор. Но важно, что требования заявлены и что это записано в протокол и будет прочитано правительством. Пока еще у Японии мало силы, чтобы настоять на своем. Путятин снял крепость с юга Сахалина. Вот тут-то и надо воспользоваться. Это изобретение самого Кавадзи, а не Мито. Правительство это поймет.

Для того чтобы познакомиться с Сахалином и узнать, что он собой представляет, Мурагаки перед поездкой туда читал книгу Крузенштерна. Кавадзи теперь тоже ее пришлось прочесть. У Крузенштерна сведения о японцах были более подробные, чем у самих японцев. К тому же Крузенштерн, настоящий западный эбису, так рассуждал о правах и претензиях японцев, как они сами о себе не рассуждали. Он подсказывал кое-что. Он не понимал, конечно, что в то время японцы так не думали. У японцев тогда еще не было такой политики, какую вел бы Крузенштерн, если бы был японцем. Кавадзи только теперь почувствовал, что у Японии в этом вопросе слабая позиция. Он даже в дневнике записал, что пришлось читать Крузенштерна и что мало доводов, чтобы отстоять Японии права на Сахалин. По японским документам известно, что на Сахалин ходили рыбаки. Пробовали торговцы матсмайского князя там зимовать, да отказались, болели цингой и плохо переносили морозы. Но надо, тем смелее надо увеличивать требования, пользуясь обстоятельствами. Разбита «Диана», русским грозят большие несчастья, бухту они без нас найти не могли. У них война. Крепость на юге Сахалина убрана. Война идет сразу с двумя сильными морскими державами. При переговорах с губернаторами в Нагасаки английский адмирал Стирлинг требовал выдачи ему посольства Путятина.

Японцы в Нагасаки держатся очень благородно. Оттуда пишут, что один из умных чиновников, выслушав, как англичане говорят, что самые храбрые на свете моряки – это их морская пехота в красных мундирах, ответил, что нечестно вести такую войну с Россией. «Почему же?» – удивились англичане. «Знаете, это очень нехорошо – вдвоем нападать на одного». Англичане сдержанно и самодовольно улыбались.

Путятин-то чувствует, что на него могут напасть двое. Пришел с единственным сломанным судном. Ничего плохого японцам Путятин еще никогда не сделал. Конечно, над ним все теперь смеются. Но Путятин по-своему герой. Он всю жизнь плавает по морям и океанам. Саэмон но джо желал бы взять с него пример... А Путятин, возвратившись на судно, сказал Посьету:

– Упорство и упрямство их превосходят все предположения. Значит, есть какая-то причина. Вынужденная перемена.

Утром пришли письма из Эдо. Подтверждается еще раз, что все русские занесены в особый список, по которому государственным чиновникам отпускаются продукты. По списку Эдо дается все самое лучшее. Русские будут получать рис и муку. А также одежду.

В Симода идет Эгава Тародзаймон, знаменитый инженер и изобретатель, важный потомственный чиновник, седьмой дайкан в роду начальников округа, в который входит большая часть полуострова Идзу и участок вдоль побережья под горой Фудзи с несколькими деревнями. Эгава – хороший знакомый Кавадзи. Он – герой. Эгава построил у себя в горной вотчине Нираяма так называемые «отражательные печи». Он плавит там чугун и льет пушки. Не зря ему приказано приехать в Симода.

В письме канцлер Абэ Исе но kami пишет, что правительство берет на себя расходы по ремонту русского корабля, учитывая обещание посла Путятина, что русское правительство возместит все расходы. Исправление его разрешается произвести в гавани Хэда, на территории, которой правит Эгава.

Правительство обязывает чиновников установить наблюдение за ремонтом, а также изучение европейского корабля и его устройства возлагает на мастеров и плотников судостроительства.

Такое же распоряжение послано Эгава Тародзаймону. Он обязан заниматься изучением европейского судостроительства в то время, когда посол России будет исправлять свое судно.

И еще одно важное обстоятельство. Гавань Осака не может быть открыта для русских ни в коем случае, и возвращаться к обсуждению этого не следует. Предложение русского посла, который просит открыть Осака, должно быть категорически отвергнуто.

Путятин был в Осака.

Перри – в Эдо.

Путятин, который так мирно вел себя в Нагасаки, вдруг пошел в Осака. Делается вид, что это ошибка, но обращено на это внимание. С одним кораблем он мог наделать неприятностей больше для всего будущего Японии, чем Перри с эскадрой пароходов. Он напоминал японцам, что в стремлении избежать несправедливостей они могут обратить свой взгляд к исконному и святому и что он, Путятин, сам верит в их традиции и чтит святость, которую они чтут.

Кавадзи мог наделать России неприятностей на Сахалине, заняв там территории. А Путятин желал подорвать в Японии государственное устройство.

Тихий и дружественный посол, который всегда советуется с богом, вдруг совершил поступок, подобный революции. «Если об этом узнает страна, народ, самураи, даймио? Уже знают многие. Вот что может означать вмешательство иностранцев во внутреннюю жизнь Японии. Поход Путятина в Осака – это призыв к бунту. Да, можно так понять. Но мозги наших вельмож размягчены бездействием и наслаждениями. Они не понимают этого. Ослабли в эпоху Эдо от изобилия и благоустройства. Только канцлер Абэ, кажется, все понял! Перемены в стране неизбежны».

Кавадзи настаивал разрешить ремонт в удобной бухте. Нет, не только это! Абэ Исе но ками взглянул на дело шире. Надо учиться. Вот они о чем там думают. Предоставить наилучшую бухту. Учение и бешеное вооружение. Их там уж не беспокоят договора и границы? Вот откуда их кажущееся безразличие.

Кавадзи, конечно, допустил оплошность, не угадав всей значительности дела, которое возлагается на него. Абэ Исе но ками, конечно, приглашал в замок Эгава Тародзаймона и выслушал его мнение. Эгава Тародзаймон опережает Саэмона но джо? Он выходит на высшее место? За наукой и за машиной будущее.

В храме Гёкусэнди на последующих заседаниях еще долго спорили по всем пунктам договора. Путятин просил поспешить, шел на уступки, потом отказывался от них и снова спорил. Он, как всегда, к одному и тому же возвращался по нескольку раз. Он говорил, что ему надо идти с «Дианой» в Хэда, а сам не уходил. День и ночь ручные машины работали на «Диане», откачивая воду из трюмов. А корабль все стоял на месте.

Путятин сказал, что прервет деловые разговоры на три дня. Сегодня сочельник, а завтра Рождество – христианские праздники, он не может в эти дни работать.

– Приезжайте, пожалуйста, к нам, – приглашал он Старика и Кавадзи.

Кавадзи сказал, что занят и не может праздновать. В эти дни губернатор должен казнить много воров. Им будут рубить головы, а некоторых отравлять ядом. Все чиновники должны принимать участие в разборе дел.

Ему бы хотелось поехать на корабль, он очень любил бывать в опрятной и просторной кают-компании среди гостеприимного общества офицеров, которые всегда вели разговоры на самые неожиданные и непривычные темы. Он любил салон и библиотеки адмирала и в глубине души чувствовал самое дружеское расположение к этим людям, с которыми отдыхал от вечного напряжения в своей среде. Но причина не в заботах местного управления. Он и не мог отправиться на христианский праздник без разрешения высшего правительства, хотя Путятин

очень настойчиво и радушно приглашал его. Поэтому он помянул про грязь, преступления и казни, желая показать, что в эти дни у него нет никакого праздника, а, напротив, что очень тяжкие и грязные дни.

Через несколько дней на заседании, протянувшемся до самого вечера, дали разрешение шестерым русским остаться на берегу и жить в храме Гёкусэнди после того, как Пуятин со всеми людьми уйдет на «Диане». В Гёкусэнди остается Посьет с переводчиком Гошкевичем и с охраной. Будут продолжать переговоры и подготавливать текст вместе с японским секретарем Накамура Тамея.

Еще пришли из столицы суда с рисом. Борцы с эдоского рынка, голые до пояса, с грудями, как у женщин, с рук на руки перекидывали плетенные из соломы мешки с рисом, выбрасывая их из джонки на борт русского корабля.

Скоро у русских Новый год, и они опять выпрашивать станут продукты, чтобы было чем угощать в праздник. На Новый год Кавадзи поехал бы охотно на «Диану». Но его не приглашали. Вообще отношения что-то уж очень просты и без церемоний, естественны до неприличия.

Сын Эгава Тародзаймона привез тушу кабана. Таков сын у Эгавы! Ему шестнадцать лет, а он уже отважный охотник. Как он не похож на детей эдоских чиновников! Сердце Кавадзи болит, когда он вспоминает о своих мальчиках.

В Нираяма, в имении Эгава-отца, живет теперь американец Накахама Мандзиро, по новому закону снова ставший японцем. Когда он возвратился из Америки, еще при старом сиогуне, многие князья и вельможи желали увидеть его и поговорить. Необычайные сведения, привезенные им, распространялись в обществе. Наконец его потребовал к себе сам сиогун. Перед лицом Верхнего Господина подвешены были бамбуки, что означало, что простолудин Накахама Мандзиро его не видит и не смеет, под страхом смерти, на него посмотреть.

Теперь Эгава Тародзаймон выпросил этого японца себе. Накахама живет в горах Идзу. Эгава советуется с ним. Накахама обучает сына Тародзаймона всему, чему сам научился в Америке.

Но что же старый князь Мито? Что он думает обо всем этом? Наверное, из-за него все ответы так долго задерживаются.

Тушу кабана, убитого Эгава-младшим, послали на военной джонке в подарок Пуятину. Корабль «Диана» все стоит и не уходит. И не тонет, хотя уже были и шторм и ветер. Проходят дни, а залатанный фрегат не движется. Накамура Тамея ездит на «Диану» каждый день. Возвращаясь, он обо всем докладывает Старик и Кавадзи.

В городе зажгли огромную кучу мусора. На «Диане» засвистели дудки, капитан закричал в рупор, и люди забегали по кораблю, они там перепугались. Эбису спустили баркас и осторожно опускали на веревках в него какую-то машину. Сто матросов прибыли на берег на баркасе и на шлюпках.

На берег побежал Накамура Тамея с чиновниками управления и с полицейскими. Возвратившись, Накамура доложил, что русские решили, что в городе пожар, и привезли пожарную машину.

– Как они надоели! – сказал Кавадзи. – Когда же они уйдут? Им надо отремонтировать свой корабль, а они все хотят спасти японцев и везут на берег пожарную машину.

– Может быть, судно их не может идти? – спросил Саэмон но джо. Вопрос этот давно его тревожил.

Накамура Тамея ответил, что эбису говорят, что в море судно может продержаться на заплатах три дня.

Хохотали в этот вечер до упаду. Но у Кавадзи всегда есть в запасе тяжелые думы. За последнее время ему кажется, что японские чиновники приема русских как бы находятся в пренебрежении у высшего правительства. Казалось бы, все одарены халатами за служебные

подвиги и распорядительность, но на самом деле это лишь вознаграждение за тревоги и ужас, испытанные во время землетрясения.

«А дальше что? Ни денег, ни продовольствия! Мы живем впроголодь и стыдимся признаться в этом Путятину. Давно уже никто из нас не пробовал мяса».

Никаких указаний не делается, как вести переговоры. Никто не осведомляется, успешно ли подготавливается договор. Заключать договор назначены высшие чиновники, а никакого значения делу не придается. Усилия уполномоченных, кажется, перестали интересовать правительство в Эдо.

Кавадзи знает, в чем тут дело. Хорошего ничего не предвидится. Правительство в своих стараниях готовится к иному тяжелому будущему. Но надо делать свое дело и показывать, что не замечаешь странного поведения правительства. Странное, небывало странное положение!

– У них руль фальшивый и помпы все время работают. Вода к ним так и льется в корабль, как по трубе, – рассказывал Накамура.

Утром выступили из мглы и из полос тумана скалы и леса на каменных столбах среди моря. По бухте торжественно шло единственное белое рыбацкое судно.

– «Диана» ушла! Путятин уехал, – с восторгом сказал самурай, поднявшийся со своим господином на лесной холм, где теперь по утрам упражнялся Кавадзи.

После взмахов мечом и прыжков он возвратился в храм.

Один из его подданных рассказал новость. Кога купил свиную ногу. Он говорит, что до вечера будет есть свинину и валяться на циновках...

Кога Кинидзиро с любовью оглядывал свои найденные в грязи книги и остатки рукописей. Нельзя дома оставлять такие драгоценности. Он брал их с собой, все это, в каждую командировку. Ведь в Эдо часты пожары...

Пусть Кавадзи столкнется с Посъетом через Накамура. Пусть они проводят границы. Кога отдохнет. Мурагаки уехал в Эдо. Путятин – в Хэда. Дела возлагаются на Посъета и Кавадзи.

Кога, купив свиную ногу, долго смотрел, как слуга жарит ее. Потом до вечера он лежал на татами. Он записывал в дневнике, что ненавидит всякое дело, что из-за эбису долго сидел без свинины и только сегодня наконец целый день отдыхает в одиночестве, размышляет и грызет мясо. Будь прокляты эбису!

Верхом на лошади прискакал Эгава Тародзаймон. Он соскочил с седла, как самурай, присланный гонцом, и быстро вошел в храм. Он в высоких сапогах, в которых охотники бродят по горам Идзу в зарослях колючек.

У Эгава длинное лицо с острыми кончиками волос от висков, напоминающими смертоносные плавники косатки. Эгава строен и высок. Когда смотришь ему в глаза, то лицо его овально, как дыня. Такая форма лица представляется в утонченных понятиях эпохи Эдо идеальным совершенством. Густые волосы с проседью и как бы с крутым гребнем, который начинается на середине лба.

Жена Кавадзи говорит, что Тародзаймон по красоте третий в столице. А Кавадзи полагает, что Эгава по уму и талантам первый в государстве, но этого еще не понимает общество рыцарей и лентяев.

Кавадзи любил послушать рассуждения Тародзаймона. Он сильный человек. В течение восьми поколений представители рода Эгава сохраняют наследственную должность дайкана – значит, в их семье есть большая родовая сила. Это породистая семья.

Сын Эгава убил кабана, как велел ему отец, чтобы к празднику послать мясо русским. Он будет еще бить кабанов для гостей.

Эгава сказал, что рис прислан правительством для эбису по случаю Рождества и Нового года по русскому календарю.

Борцы с эдоского рынка посланы в качестве грузчиков, чтобы эбису знали, какие могучие гиганты составляют население японской столицы. Ведь эбису в своих учебниках по географии пишут, что японцы народ слабый, маленького роста. Эти борцы присылались и в Синагава, когда стояла в заливе Эдо эскадра Перри после подписания договора. Борцы состязались между собой, а потом стали бороться с американскими матросами. Они легко валили и бросали оземь самых сильных из американцев, так что земля вздрагивала. Случалось, что японские богатыри по-европейски пожимали руки черным и белым гигантам в американской форме, да так, что те при общем хохоте извивались от боли, как червяки, не в силах вырвать своей руки.

Должность дайкана наследственна. Восемь поколений от отца к сыну сохраняется она в роду Эгава!

Тародзаймон знает голландский язык. Он изучает физику, законы механики, машины.

Несмотря на свой возраст, он ходит по горам пешком, и ходит быстро, крупными шагами, а на кручи может подыматься прыжками, как тигр.

Если бы Саэмон не был финансовым бугё и одним из любимцев Абэ Исе но ками, он хотел бы родиться Эгава Тародзаймоном.

– По всему побережью всех морей, от Симода до Хэда, я установил отряды наблюдения, – рассказывал дайкан, сидя за столиком и прихлебывая пустой зеленый чай. – За каждым движением корабля следят с каждой горы и сообщают мне.

Эгава и Кавадзи пошли на берег и осмотрели сложенные там русские чугунные орудия.

А вечером опять собрались чиновники, опять, как сверчок, верещал Деничиро и все умирали со смеху. Стало известно, что Посьет просил у священника храма Гёкусэнди кастрюльки, чтобы готовить хлеб.

– Что они только не придумают! Ничего не стыдятся, – заметил Кавадзи.

Прискакал конный самурай с донесением дайкану. «Диана» в сопровождении японского судна показалась из-за мыса на море Идзу.

В заливе Симода подул ветер. Волны разбивались о черные утесы на море. Ночью при луне казалось, что они в бешенстве прыгают на каменные столбы островов и на утесы и пристани побережья. В бешенстве, что опоздали и не успели захватить здесь корабль эбису.

Утром все море было в белой пене, как в снегу.

Эгава сидел у Кавадзи и Старика,пил теплый сакэ и рассказывал о Накахама Миндзиро, как этот японец долго жил в Америке и видел постройку железных дорог и туннелей.

Эгава сказал, что правительство начинает гонку вооружения, желая обучить Японию по образцу Европы и Америки.

Становилось все холоднее, и от стен дуло. В такую погоду хибачи с горячими углями и сакэ отвлекают от неприятных ощущений.

При шуме ветра совершенно не слышно было, как подъехал самурай и поднялся на крыльцо. Он только что из Хэда.

Японское судно с двадцатью эбису и пятью японцами выброшено на другой стороне моря Суруга под горой Фудзи. Судна Путятина в море нет, оно исчезло, и нигде не видно его мачт. Корабль в Хэда не пришел, и на берегах моря Хэда все наблюдают, желая его увидеть.

Эгава поднялся.

Потерять такое судно – это потерять для Японии величайшее сокровище. Хотя «Диана» не пароход, но для Эгава это значения не имеет. Он знает, что основное устройство парусных и паровых судов у американцев и европейцев одинаково. Потом они на парусное судно ставят машину, и получается пароход, который может ходить и под парусами и при помощи винта. Главное – корпус судна. Пока что японцы совершенно не знали устройства европейских кораблей. Попытки были сделаны в Урага, когда там стояли американцы. Эгава побывал на кораблях Перри, срисовывая все, что возможно. Японцы облазили все пароходы внутри и

снаружи. Впоследствии в Урага было построено судно «Хоо-мару»²², но оно получилось наполовину европейским, а наполовину все-таки японским. Старые мастера с верфей все делают по-своему. У Эгава не было главного – чертежей, когда они начинали работать, а это важнее всего. Оказывается, что недостаточно снять и срисовать все с пароходов Перри. Да и ведь всем известно, какая Перри злая собака, как ему вздумается, так он и поступал с японцами. Он так и не дал чертежей. А после первой неудачи Эгава заложил еще одно судно. Путятин обещал при ремонте фрегата объяснить японским инженерам устройство своего корабля и оставить им чертеж. Как же быть? Ведь второе судно уже начато нами в Урага.

– В море Хэда и до самого подножия Фудзиямы не видно иностранного корабля! – сказал Эгава.

Кавадзи знал, что этот человек огонь. У него острый и смелый ум. Самым знатным вельможам он смело говорит то, что думает. Он давно утверждает, что надо открывать страну и перенимать все, что можно, от европейцев, что надо японцев посылать учиться в Америку и Европу. У него в Нираяма, в вотчине, науками занимаются успешней, чем в государственном Управлении Наук у Хаяси в Эдо.

– Путятин погиб? – спросил Тсутсуй.

– Нет. Путятин очень опытный моряк и не может так просто погибнуть со своей командой.

– Да, Мурагаки обращался к гадалщику, и тот объявил, что Путятин совершит в истории Японии знаменитые действия, – сказал Тсутсуй.

«Что же придумал Путятин и где он, этот морской дракон?» – подумал Кавадзи.

Эгава Тародзаймон быстро собрался. Он надел свою коническую шапку из осоки. За поясом у него обе сабли на месте. Он вышел из храма и за воротами сел на коня и в сопровождении двух самураев, пренебрегая своим высоким положением, поскакал туда, где, по предсказанию гадалщика, происходили важные события в современной истории Японии.

²² «Хоо-мару» – «Волшебная птица».

Глава 19. Черные пески

«Не шутка временный наш руль! – думал Леша Сибирцев. – Как потесь²³ на волжской барке».

Второго января обошли крайний мыс полуострова Идзу. На западе – Приамурье, начало родной земли. Казалось, далеко ли пройти еще одно море, но за морем ведь опять земли Японии. Кидали лот, но дна не находили.

Вот тебе и Новый год! Японцы все удивлялись, что мы тянем, не идем из Симода. Праздновали Рождество, потом Новый год встречали, славно и дружественно, все вместе. Впрочем, Новый год встречали офицеры. А матросы спали или служили, как всегда, и только утром молились торжественней обычного да получили по лишней чарке. А сегодня, второго января, чуть свет ушли.

– Идем мористой! – сдавая вахту, сказал лейтенант Сибирцев с таким видом, словно, подняв забрало, мчался на врага.

Джонка весь день держалась в двух кабельтовых. На фоне синего моря белый парус был выгнут над ней почти как шатер. Утром ветер разыгрался, парус вырвало, и джонку унесло. На ней лейтенант Энквист, мичман Михайлов, двадцать матросов и японцы.

На корабле все притихли, только непрерывно, как паровые машины, стучат три помпы, откачивая воду из трюма. Шумит – и, кажется, все сильнее шумит – океан.

Адмирал, капитан и старший офицер наверху. Алексей Николаевич спустился в трюм, измерил уровень воды. Двойные пластыри из смоленой парусины с прокладкой на вдернутых тросах, обхватывающих концами весь корабль, пока держали. Но ветер усиливался, и волны все сильнее ударяли в обшивку. Корабль вздрагивает, словно пугается, как живое существо.

Ветер от зюйда, очень теплый. Алексей Николаевич отлично знает теперь, что течение здесь от зюйда. Поэтому так тепло на полуострове Идзу. Горы и долины овеяны дыханием южных морей. Тысячелетиями сюда, в залив Суруга, с теплыми водами приносило семена тропических деревьев. В шторм забрасывало их на линию берега, прорастая, они пускали корни в почву и поколение за поколением подымались по отвесам в горы, превращая, как объясняли ученые японцы Гошкевичу, горные долины в непроходимые заросли.

Полуостров Идзу по правому борту грядями выступал в океан весь в лесах, скалах и гребнях гор.

– Лево руля! – приказывает адмирал.

Надо уходить как можно дальше от всей этой торжественной красоты. Шторм разыгрался, и если «Диану» нанесет на сплошные скалы и на скалы, торчащие из воды, как столбы, с мохнатой зеленью в вершинах, то никому не спастись. Ни баркасу, ни шлюпке, ни вельботу нельзя рассчитывать там на спасение. Обезьяны, живущие на скалах, похожих на высокие пальмы или на мохнатые метлы, будут кричать и хохотать, глядя, как море начнет расшибать насмерть моряков о каменные подножия их жилищ.

Руль у «Дианы» самодельный. Вся избитая и залатанная «Диана» всходит на волны и уходит вниз и опять идет наверх, наискось на волну, и все шестьсот матросов и офицеров сейчас как один человек; кажется, «Диана» идет на их руках, так немедленно делается все возможное, чтобы сбересть судно.

Но как войти в гавань Хэда среди этих скал? Да и где она сейчас? Пока идем не к ней, а от нее.

²³ Старинное название руля на речных судах.

– Хорошо, что тут нет мошки и комаров, как у Муравьева на Амуре, меня там чуть живьем не съели! – говорил Шиллинг, возвратившись из Хэда.

Японская джонка где-то тоже пляшет на волнах, но на той хоть все в порядке, она не в дырах и пробоинах, и если мучается, то по вине строителей. Она должна была помочь «Диане» войти в Хэда и быть наготове, поблизости от «Дианы» на всякий случай. На ней опытные здешние рыбаки, вызванные из Симода, чтобы провести судно, с ними же военные моряки – рыцари, командующие военными судами, и полицейский чиновник, наблюдающий за лощма-нами, чиновниками и полицейскими. Со стороны японского правительства сделано все. Путя-тин даже удивлен был, как охотно они взялись помочь. То тянули, отлынивали, а то рьяно взялись. Для ремонта обещали любой лес. Киселев узнал от японцев, что много чиновников поехало туда из Симода, чтобы наблюдать за русскими и за ремонтом. Он уверяет, что туда пошлют еще войско, но встанет оно не в Хэда, а будет спрятано на всех тропах и дорогах, ведущих в эту деревню, и даже рассыпано по лесам.

Киселев, ходивший с Посьетом на берег, рассказывал, как подслушал, что японские чиновники между собой пересмеивались и говорили, что им не услужливость нужна от русских и не их машины для тушения пожаров, а чтобы они скорей ушли, всем надоели в Симода, что они трусы, а еще берутся помогать и хотят прислать пожарную машину, когда японцы и без них потушат пожары и найдут поджигателей и воров. Японцы тогда ответили Посьету, что это не пожары, а горят кучи мусора, а про поджигателей ничего не сказали.

Ветер крепчал, и адмирал скомандовал поворот оверштаг, с тем чтобы уходить в океан. Теперь нечего было и думать идти в такую погоду в бухту Хэда. Полуостров уж начинал сереть, судно отошло от него так далеко, что краски гасли. Спустилась вечерняя мгла. Гора Фудзи в голубой вуали, казалось, стояла среди моря, отошла от полуострова Идзу. Адмирал, видимо, надеялся, что, идя ночью бейдевинд, он не отдаст «Диану» на волю течения.

Ночь прошла почти без сна. «У нас сейчас метель воеет, и, верно, дома думают обо мне. Вечер только наступает, вечер второго января – короткого зимнего дня с тусклым огромным солнцем в туманном небе над крышами в снегу. Что-то будет!»

Все время пытались идти галсами против ветра, уйти от берега. Утром все же оказалось, что течением и ветром «Диану» несет к Фудзи.

А джонки нет. Ее унесло, не хотелось думать, что товарищи погибли. В этот миг величайшей опасности знаешь одно: всеми силами сейчас надо отстаивать судно. Судно как родина, и экипаж как ее народ, в этом что-то такое значительное сейчас, что даже мысль о возможной собственной гибели не трогает.

Алексей Николаевич после вахты скинул мундир и пошел на качку, работал с матросами по четверти часа у помпы и, надевая снова свой измытый дождями мундир, отдыхая, стоял при слабом свете утра на шканцах с матросами и снова шел к машинам.

Положение, кажется, очень опасное, и, кроме Елкина, никто не идет отдыхать. Ветер крепчает, и что будет – неизвестно. Может быть, эта ночь была последней? Леша подумал, что если бы, впрочем, ему грозила гибель, он бы предчувствовал ее, думал бы только о невесте Вере и о доме. Но этого нет, и кажется, что будет что-то иное.

Смутно заботило решение адмирала, о котором он вчера объявил. Евфимий Васильевич вдруг воодушевился после встречи Нового года. Он намерен идти в Эдо и там начинать все сначала, если Кавадзи будет тянуть. Может быть ужасное кровопролитие. Но кто более упрям? Кавадзи или адмирал? Многое не нравилось Алеше. В такой жизни, когда стеснен, все начинает раздражать. Праздники разряжают напряжение. Но Шиллинг, например, терпеть не может Елкина, всячески показывает ему это. Раздоры забывались лишь вот в такой шторм или во время катастрофы...

Леша почувствовал, что валится с ног, ушел и улегся в подвесную койку. Но вскоре проснулся, чувствуя, что происходит что-то неладное. «Диану» кидало на больших волнах. И

все время на палубе как бы что-то перекатывалось. Это бегали матросы, – видно, не держали пластыри и адмирал что-то придумал, и сразу засвистали всех наверх.

Сибирцев, выскочив из койки, кинулся по трапу. «Диана» тяжело и долго всходила на огромную волну, а потом, испытав удар гребня и пронырнув через облака водяной пыли, так же тяжело и долго валилась. Все мокро, солоно, скользко, все качается, и теперь думать уже больше не о чем.

Капитан что-то кричал, подымаясь к уху адмирала в этом вихре и вое ветра. Волны гудели, как множество низких пароходных гудков и сирен, то этот гуд ослабевал, то раздражался тяжелыми ударами, то свист и вой перекрывали все звуки.

Алексей Николаевич увидел, что обвязанные веревками матросы облепили корму, там что-то сбивают, опускают, но стука не слышно за свистом и ревом волн, на палубе масса людей, помпы выбиваются из сил.

Путятин что-то приказывал. Люди бежали к снастям, бежали на реи.

– Не идет! – кричал Лесовский на ходу адмиралу, но слова относил ветром с такой силой, словно звук изо рта сразу попадал в какую-то пролетающую мимо коробку. Только по движениям губ можно догадаться, что говорит капитан.

– Поворот оверштаг! – кричит адмирал. Его зычный голос пробивается.

– Спустить стакселя! – бегая по палубе, ревет в рупор капитан.

Матросы терпеливей всяких машин. Вот они медленной темной волной поднимаются к стакселям. А ветер, кажется, стихает. Фудзияма снова открылась. Она стоит отчетливым синим конусом.

– При спуске стакселей фрегат к ветру не тронулся! – кричит Лесовский адмиралу.

А ветер с юга гонит фрегат к появившейся гигантской горе.

– Где Хэда? – спрашивает Алексей Николаевич у товарищей.

– Пронесло мимо... Она вон в тех горах, – отвечает штурманский офицер Карандашов. Он тощ, и кажется, что ветер его качает и бьет не так сильно, как остальных. – А вот где деревня Матсузаки, – показывает он за корму на дальний горный излом.

Лотовые, прикрепившись к тросам вантов, гнутя на своих петлях, кидают лоты.

– Проносит!

– Проносит!

Голоса становятся слышней. Небо яснее, облака идут рваные, и видна голубизна. Судно не слушается руля, но ветер попутный, волны еще не стихают, еще велики и грузны, зыбь идет с раскачанного океана.

Течение влечет «Диану». Маленькие зарифленные паруса помогают направить ее ход. Руль опять выбило ударом волны. Но опять не сдается адмирал. Плотник Глухарев побегал на корму с инструментами. Слышно, как стучат плотники.

Фудзияма стала громадной, вершина ее сверкает, как лед на масляной, а ее тучный столб, казалось, вырос. «Диану» несло к ней, ветер ослабел. Видна у подножия Фудзиямы грандиозная отмель, ровно вогнутым полукружьем обступившая даль залива Суруга, и над ней сосновый лес. Ясно видны большие вершины сосен и их стволы.

Путятин снял фуражку и перекрестился.

Отмель почему-то черна, но на ней нет ни скал, ни рифов. «Диана» медленно подымалась и опускалась на больших волнах. С русленей что-то кричали лотовые, сразу с обоих бортов. Сибирцев быстро кинулся к ним.

– Глубина двадцать сажен! – доложил он. – Двадцать сажен!

Попытались повернуть судно, направить его к оставшейся теперь далеко позади Хэда, но ветер и течение гнали его к странно черной отмели под Фудзиямой. Ветер опять стал крепчать. Волны заходили по «Диане», закатывались с кормы и покрывали ее всю. На берегу все время вздымался белый вал.

А день уже на исходе.

– Отдать левый якорь! – приказал адмирал. – Надо выбрасываться на баркасе на берег и завозить леер, – сказал он капитану.

Фрегат в двух кабельтовых от песчаного берега у подошвы Фудзиямы. От качки течь сильнее. Спустили реи и стены. Совсем разоружен фрегат. Помпы стали ломаться...

– Если наведем леер, то через накат прибоя перевезем людей на берег.

– Что толку на берегу! Ведь там Япония... Они... – говорит юнкер Корнилов.

– А наши на джонке выбросились, – говорит Карандашов.

– Откуда эти сведения?

– Матросы следили.

– Ночью? Огонек мелькал?

– Выбрасываться на берег! – сказал Степан Степанович.

– Отдать правый якорь! – приказал адмирал.

Подошел Пещуров.

– Вот как вдруг оказались совсем рядом. Но что там у японцев? Посмотрим!

– Вот и Япония близка. Помнишь, как Эйноскэ напился и хвастался, что они и сейчас охотно пилили бы головы европейцам и снимали это на серебряную пластинку... «Что же вам мешает? Пилите!» – «Европейцы очень сильны. Сильнее нас. Особенно американцы! – Потом спохватился: – И уже переменился народ, стал очень гуманным, как только увидел адмирала Путятин и Перри!»

Волны, подходя к берегу, вырастали во весь рост, на отмель шли целые горы пены. Отстояться еще одну ночь? Переждать? Стоило так подумать адмиралу, как новый вал бил о корму «Дианы» и сотрясал судно, как бы поторапливая ее командиров.

«Мы гибнем?» – мог бы спросить адмирал. Но кто, кроме него, может ответить?

– Вызвать добровольцев-офицеров и матросов и завезти конец на берег, – сказал адмирал своему племяннику Пещурову. – Приказывать тут мы не можем.

– На берегу видна толпа, – доложил Мусин-Пушкин. Да, Путятин это видел. Толпа видна. Все видно в трубы. И без труб это довольно хорошо видно.

Офицеры черным густым кружком обступили капитана. Черны их фуражки, мундиры, черны волны, и черна огромная отмель под голубой вечерней Фудзи.

– Господа, адмирал вызывает добровольцев завезти леер на берег, – объявил Лесовский.

– Разрешите мне! – сказал Сибирцев, выждав, когда вызовутся товарищи, чтобы не быть выскочкой.

Лесовский отобрал Пещурова, Сибирцева и Колокольцова. Почти вся команда вызвалась идти на баркасе. Отобрали двадцать человек.

– Кто идет? – спросил адмирал.

– Пещуров, Колокольцов, Сибирцев.

Пещуров – племянник адмирала и любимец. Путятинская кровь и плоть. Он секретарь экспедиции, один из самых юных офицеров.

Волны шли без гребней, похожие на морскую зыбь, но у берега они разбивались и подымались на огромную высоту, превращаясь в облака пены. «Диана» не могла больше ждать. Ее пластыри не могли сдержать ударов, а помпы не могли откачивать воду. Начиналось медленное потопление. Раздался удар, как при землетрясении. Судно село на мель.

– С богом! – сказал Путятин.

Скрип блоков. Баркас спущен на воду, в нем десять человек. В тот миг, когда волна отходила, баркас отвалил. Двадцать весел подняли его на волну. Леер закреплен надежно, а на «Диане» двое матросов быстро вытравляли его.

Сибирцев поднял парус. Весла убраны. Сейчас его железные руки крепче этих тросов, которые удерживают грот.

Казалось, шли долго этот короткий кабельтов, так много волн уместилось в нем... «Диана», оказывается, очень близко от берега. Баркас прошел половину расстояния. Сейчас свершится! Смерть или спасение?

Спадает косая стена пены. Фудзияма подымается. Она, кажется, совсем близко, словно ее синий склон в лесах начинается прямо за черными соснами, покрывающими ровную, видимо, песчаную, крутизну над отмелью. А черная мокрая отмель открывается, и сразу же закрывается белыми кружевами ее блестящий черный шелк.

На отмели видна толпа людей. Она казалась жалкой горстью крошечных фигурок перед лицом бушующего прибоя. Но видно, что взрослые люди. Они очень медленно двинулись всей толпой к кромке пены.

– Чем-то обвязываются, – заметил Маслов.

Образованный человек может сказать что-то подобное зря или ему покажется происходящее похожим на что-то слышанное или читаное, но простой матрос, как по своему опыту знал Алексей, у которого никаких литературных прообразов или прецедентов в памяти не имеется, зря ничего подобного не скажет. Значит, чем-то они обвязывались! Зачем? Алексей Николаевич не понял и не думал об этом, как не думал о соснах, о Фудзи и черной отмели. Но он заметил, что другой матрос тоже глянул за плечо и что все гребцы взялись и начали с большой силой помогать веслами, словно заторопясь в помощь или навстречу, разгоняя баркас изо всех сил.

Сибирцев и Пещуров хватаются за снасти. Не видя друг друга в столбах водяной пыли и пены, они сваливают вместе с матросами парус. Колокольцов на руле.

Теперь баркас на гребне последней волны идет прямо к невидимому берегу. Жизнь или смерть? Все закрыто водой, но она еще не бьет, это пока воздух в воде. Вот все пригнулись, как на летящей стреле. Гул, удар. Ударил волна, трещит баркас. Страшный удар в грудь, но железные руки еще целы, их срывает. Срывает руки с натянутых лееров. Пещуров и матрос Сизов где-то у закрепленного леера, что у них там, у леера, из-за которого идет борьба в эту смертельную минуту опасности...

Адмирал смотрел в трубу. Парус исчез в волне, и исчез баркас. Вал, уже без пены, покатился обратно. Что он понесет? Остатки пены и в нем осколки разбитого баркаса? Адмирал собрал все свои душевные силы...

В трубу видно, как вдруг кинулась бегом плотная толпа японцев, как неводом опутанная какими-то веревками, в это бушующее облако воды и пены и исчезла в нем. Только несколько расставленных, как шахматы, фигур осталось на отмели.

Вал медленно стал откатываться во всей свирепой белизне, открывая пустую черную отмель...

На черной отмели собрались рыбаки из нескольких близких друг от друга деревушек. Сегодня ничего не ловили. Все видели носившееся по волнам судно, наблюдая за ним в этот хмурый день каждый от своей деревни с любопытством хозяев этого моря, и по мере того, как это невиданное чудо – черный корабль приближался к деревне Сангенъя, все любопытные и озабоченные рыбаки сходились туда же и вскоре соединились на широких песках под обрывом и образовали порядочную толпу.

Корабль старался как можно ближе подойти. Баркас с корабля пошел к берегу.

– Они могут утонуть, – сказал Хэйбэй, молодой рыбак, живущий с отцом и матерью в деревне наверху. Хэйбэй давно заметил, что чужестранный корабль несет к берегу и он терпит бедствие.

От корабля, который был уже совсем близко и который так заливало волнами, что казалось, он вот-вот погибнет, лодка шла быстро. На ней был высокий парус.

Под обрывом тянется полоса огромных прибрежных сосен, которые закрывают от глаз с моря все, что делается внутри Японии. Деревня за соснами называется Миасима. Малая ее

часть – выселки у самых сосен – Сангенья – три дома. До землетрясения три маленьких рыбацких лачужки были целы.

– Нельзя, чтобы утонули, – сказал отец.

У старика нестриженная седая голова. При желании он мог бы выбрить ее. Но старик считает все эти украшения из собственных волос на голове причудами, недостойными мужчин. У него обо всем свои понятия, и его не переубедишь.

Он принес крепкую веревку, держит ее, словно хочет закинуть и как арканом вытащить черную лодку на берег. Другие рыбаки тоже раздобылись веревками. Прибежали напуганные люди из соседней большой деревни, где сеют рис.

– Но мы не знаем точно, можно спасти их или нельзя, – говорили рисосеятеля.

– Не знаю! Зачем спасать? Все равно их убьют...

Прибежали чиновники с зонтиками.

– Не надо мешать. Пусть сначала их спасут. А дальше решит начальство... А потом уже их в клетки. И в тюрьму!

Так говорили они, стоя под соснами и под зонтиками наверху над обрывом. Их трое грамотных, самых маленьких деревенских начальников, только что явившихся сюда по следу бегущих крестьян, чтобы описать потом в докладных все, что им пришлось наблюдать необычайного. Оказывалось, корабль черный. Чиновники оглядывались, ожидая, что с минуты на минуту придут солдаты береговой охраны, или отряд от дайкана, или воины местного князя. Кто-то должен же отправить все и доставить ясные распоряжения, как в подобном случае поступать.

– А может быть, и не посадят в клетки?

– Да, может быть, и так...

– Но люди гибнут, и нельзя на это смотреть, очень больно.

В это время безмолвная толпа рыбаков подходила к страшной волне. Все шли молча, некоторые слегка улыбались. Другие шли со стиснутыми зубами и каменными лицами.

– Если утонут, начальство будет радо! – сказал Хэйбэй.

Так нагло смеясь над своим дайканом, парни шли за старшими.

Староста рыбаков обернулся и показал на пояс, что надо обвязываться. Рыбаки аккуратно затягивали свои короткие халаты крепкими кушачками.

Отец обвязался веревкой, а конец ее отдал ближайшему из рыбаков. Тот тоже обвязался веревкой и передал ее дальше. К старику привязались своими веревками еще двое. Вскоре вся толпа оказалась крепко опутанной, как неводом.

Все стояли у кромки воды. Прибегая, волна совершенно ослабеваешь, оставляя зигзаг пены на песке, и начинает бег обратно.

Черная отмель сузилась сейчас на две трети, все остальное затоплено. Рыбаки попытались мелкими шажками заходить в добежавшие слабые гребни, змеившиеся по всей отмели. Идти страшно, вода угрожающе ревела, гнулся, провисая, как крыша от огромных храмовых ворот с резьбой, и ухал с силой океанский вал. Над гребнем мелькнула черная лодка. Парус в ней упал, не нужен им больше. Отец что-то закричал, стоя в воде уже по пояс.

За рухнувшей крышей волны, в ее тяжелой массе, на фоне мрачного неба проступил поднятый на огромную высоту черный, как стрела, нос баркаса. Стоявший сзади всех староста рыбаков передал крестьянам на отмели крепкий толстый канат. Толпа бегом вбежала в страшную волну, и вдруг вся масса рыбаков, как стая уток, поднялась на накатившей воде, и тут же все они исчезли в водяной пыли. Толпа на берегу крепко держалась за канат. Чиновники, бросив зонтики, подбежали помогать. Теперь все зависело от того, кто как в воде себя чувствует и как дышит море.

Отошла пена, и стало видно множество барахтающихся людей. Это и рыбаки и эбису, все вместе барахтаются, словно дерутся в воде; оказывается, они хватаются за черную лодку эбису.

Волна откатывается обратно. Толпа на берегу держалась за канат, не давая унести людей с лодкой в море. Подбежали теперь и старики, и женщины, и дети, и полицейский, все держались за крепкий канат, упирались и тянули его сюда, к берегу.

«Неужели придется нести ответственность? – думает старый чиновник, что есть силы упираясь босыми ногами в черный песок. – Совершаем ошибку? Без позволения совершенно с эбису перемешались!»

Из воды опять появилась плотная масса рыбаков и матросов. Головы у них как поплавки невода, и они, сначала едва видные, вдруг побежали с лодкой, видно, почувствовав песок под ногами. Они мчались бегом по отмели. Волна на откате еще раз ударила в толпу и заплескалась. Ударил здорово, как всегда на мели, некоторые люди перевернулись и многие упали, но их тянули остальные за привязанные крепкие веревки. И всех тянули крестьяне, те, кто всегда является главной трудовой силой. Оказывается, эбису тоже были связаны друг с другом, и все это было очень удивительно, и все зрители, видя, что спасение близко, теперь заволновались, а женщины плакали.

Пена, вой ветра, волна несет. Василию надо прыгать, футшток не достает дна, а кажется, команда дана и все прыгают, и он прыгнул, очертя голову и крепко держась за борт и чувствуя, что прозевал команду. Вдруг из воды перед ним появилось чье-то лицо, вернее, здоровенная рожа, а за ним другая, третья, тут же их сотня, они как нерпы. Букреев похолодел: «Из воды и в такой шторм!»

– Это японцы! – закричал ему Сизов.

Баркас вдруг пошел к берегу, и тут же вскоре почувствовался песок под ногами. «Вода теплая, и, слава богу, судорога не схватила. Остальное – ничего! – подумал Василий. – Ловко обошлось!»

Толпа моряков и японцев легко и быстро, как единое существо, бежит через подхлесты водяных вихрей и тащит на руках баркас, как японскую качалку. Букреев несет себя не помня, утешаясь, что ноги на песке. Но над головой опять поднялась вода, баркас полегчал, его подняло, и всех вознесло. И облако, и пена, и вода вокруг, и нет дна опять. И вокруг опять видны люди... Кто-то успел обвязать Василия. Перетерпели, канат не лопнул. Волна ушла, и опять побежали изо всех сил.

Откуда дух взялся! Если бы не на службе, то после такой высадки можно за дело не браться, а только рассказывать людям, что было, и никто не поверит! «Это невозможно, чтобы человек вышел со дна воды целый в такую бурю!» – так думал Букреев, когда с разбега баркас затащили чуть не под сосны. Страшно посмотреть отсюда на холодные волны.

Японцы помогают, вот уже леер откреплен от кнехта в баркасе, вот все бегут на обрыв прочь от нового вала, по отмели к обрыву лезут массой, быстро работают топорами, рубят дерево, японцы пилят, все вместе накидывают петлю леера на сосновый пень. Леер дрогнул и поднялся. Он дрогнул и поднялся сейчас и на палубе «Дианы». Матрос выкинул сигнальные условные флажки.

С «Дианы» вскоре спустили гичку, закрепив ее скользящей петлей к лееру. Конец троса закреплен к гичке.

– Для опыта к нам идет гичка, – говорит Колокольцов.

Навстречу кинулись, обвязавшись японскими веревками, и матросы, и рыбаки.

Войдя в волну, гичка исчезла.

– Гичка погибла, ее в щепы разбило! Неужели люди погибли? – после напряженного молчания сказал Колокольцов.

– Нет, вон все трое, привязанные к лееру веревками... Все спаслись, – ответил Пещуров. Опять мокрая толпа выходила из волн.

К Сизову с халатом в руках подбежала босая молоденькая японка.

– Нет, мне еще идти на баркасе на «Диану» и обратно, – ответил ей огромный матрос, – а ты халат отдай кому-нибудь, кто замерз. Я еще потерплю.

– Как, Леша, не спилят они тут нам головы? – спросил Пещуров.

Загребной с гички сказал, что адмирал задержится на «Диане» до утра. Приказано баркасу с людьми ночевать на леере за волной наката.

Двое японских рыбаков бегом тащили матроса Маслова, видимо, ударившегося обо что-то в воде и потерявшего сознание. Терентьев успел ухватить его из волны, когда Маслов вынырнул. Колокольцов вбежал в море.

Пещуров глядел на волны, не веря глазам своим. Колокольцов что-то возбужденно закричал ему и Сибирцеву, но шум волн все заглушал. Бледные губы подбежавшего лейтенанта двигались беззвучно. Он кричал, что надо приказать собраться и держаться всем вместе.

Раненый матрос Маслов вернулся с ватным халатом в руках. Егохватило об уключину, разбило голову и содрало кожу на ноге.

– Что они с тобой сделали? – спросил Яшка.

– Помазали чем-то красным, – ответил Маслов. – Вам, ваше благородие, – передал он ватный халат Колокольцову, дрожавшему от холода.

– А теперь как тебе?

– Теперь хорошо!

– Чайник нам дай, – сказал Василий, обращаясь к старому рыбаку, который тоже дрожал всем телом.

– О'ча! О'ча! Хай! – ответил тот. Нестриженные седые пряди его волос приглажены водой. Японец мокр до нитки, бумажный халатик его подхвачен кушачком. – Хай! – твердо повторил рыбак и ушел.

Матросы и офицеры поднялись на берег. Почва усеяна мокрой иглой. Нигде ни сучка, ни валежины. Лес шел узкой полосой по гребню берега над морем. А за сосновыми стволами расстилалась равнина.

– Вон сама Япония! – с восторгом сказал Алексей Николаевич.

Огромная равнина простиралась до самого подножия Фудзиямы. Она вся была, как разлинованная, в рисовых полях. Виднелись дома и крыши, некоторые лежали на земле, местами виднелись груды развалин. Люди бежали к берегу по полям и дорогам. На всех холмах и полях виднелись маленькие фигурки. Поблизости несколько целых домов и сараев. Старик японец принес связку сушеной рыбы. Молодой рыбак притащил чугунный чайник. Молодая японка с черноватым лицом, подходившая к Сизову, принесла лепешки. Увидя синие глаза, уставившиеся на нее со всех сторон, она оглядела всех, улыбнулась и закрылась платком, и все матросы заулыбались.

Японец с саблями распорядился около старого черного дома, уцелевшего от землетрясения. Люди выносили оттуда узлы и перетаскивали все.

– Ну, Леша, как вы тут? – спросил Пещуров.

Он вторично возвратился с «Дианы», остановил баркас у валов и выпрыгнул. На веревках перетаскивали его и часть прибывших матросов. Кто-то подал Пещурову японский ватный халат.

На отмели матросы живо разбили палатку и разожгли костер. Сизов с товарищами взяли за борта баркаса. Подбежали помогать японцы. Баркас окатило водой, и он, пройдя по лееру через накат, в то время как с «Дианы» тросом тянули, остановился в безопасности. Матросы там укутались в ватные куртки и завернулись в смоляной брезент, им предстояло ночевать в баркасе на леере всю ночь, как велел адмирал.

Молодой японец показал ключ, из которого можно брать воду. Японцы наносили дров. Костер разгорелся. Море темнело, шум его наката стал размеренней. На «Диане» зажглись огни.

– Хэйбэй! – крикнул кто-то из японцев, обращаясь к молодому рыбаку, помогавшему подкидывать сучья в огонь.

Хэйбэй ушел своей небрежной походкой, волоча ноги. Через некоторое время подошел японец с саблей и стал приглашать моряков переночевать в очищенном для них доме. Колокольцов благодарил, но старался объяснить знаками, что он должен спать в палатке, смотреть на корабль и слушать всю ночь: если на судне что случится, то надо будет подать помощь.

Японцы поклонились и ушли. Маслов пошел за ними с брезентовым ведром за водой, но задержался.

– Америка? – спрашивали рыбаки у Хэйбэя.

– Не Америка и не Голландия, – сказал чиновник, – но не разрешается узнать, какие люди.

– Нету Америка! – громогласно заявил Маслов. – Америка аримасэн. Оросия!

– А-а... а-а! – раздались тихие отзывы окружающих.

Все умолкли и разошлись.

– А завтра на шлюпке должен прибыть адмирал... Я, брат, тебя увидел и ополоумел от страха, – греясь у разведенного костра, рассказывал Вася, обращаясь к Хэйбэю и кутая голые плечи в ватный японский халат. Тут же матросы, перевезенные по лееру на баркасе и вытащенные на веревках на берег.

– А-а-а! – ответил тот с таким видом, словно понял отлично и это само собой для него ясно.

– А то сначала ты меня напугал.

– Хай! Хай! Хай! – четко ответил рыбак.

Васька уже знал, что это означает: «Да! Да! Да!»

– А вот за халат тебе спасибо! Мы по очереди в нем будем греться!.. Дать тебе? – спросил Василий подошедшего Сизова.

За ним шла маленькая японка с халатом в руках.

– Нет, у меня свой, она сейчас принесла. Я разденусь, а то зуб на зуб не попадает, и ты встань, закрой меня.

– Да ты раздевайся при ней. Они ведь на это внимания не обращают, у них просто.

Сизов, раздеваясь у костра, отвернулся от японки, стоявшей с халатом на руках и смотревшей на большое красное тело в отблесках пламени.

– Молодая она или старая?

– Она молодая, – сказал Маслов.

– Они все одинаковые, как каменные, – заметил Яшка. – Петруха вытащил старушонку из воды, думал, будет невеста...

– А вот теперь тебя японки спасли, – сказал Терентьев.

Сизов с трудом втиснул широкие плечи в ватный халат с длинными рукавами до полу.

– Какие у них большие ватники.

– Они, наверно, спят в них вместо одеял.

Японка поклонилась. Скромно и прилично в легком полупоклоне она поспешила наверх, где за соснами был ее дом.

Леер теперь протянут. В море ночуют на леере на баркасе трое матросов, чтобы в случае, если волны усилятся, начать своз тех, кто еще оставался с адмиралом на «Диане». Теперь все канаты в исправности и море может бушевать. У палаток горел костер и стояли часовые.

Глава 20. Традиционное гостеприимство

Утром волны стихли, но прибой все еще рушился на отмель. Пришел баркас, его опять тащили через волну. Двух больных матросов вынесли на парусиновых носилках.

– У японцев подходят войска. Ночью в соснах сплошной цепью солдаты прятались, – доложил Сибирцев прибывшему Мусину-Пушкину.

– Оросия? – потихоньку спрашивал Хэйбэй у Сизова, готовившего обед из рыбы.

– Оросия! – отвечал матрос. – А вон там – Путятин! – Матрос показал себе на лоб и на плечи. – Путятин! Вакаримас ка?

– Хай! – ответил японец и повторил: – Пу-тя-тин!

Хэйбэй видел, что баркас опять ушел и снова привез много людей. Один из них в длинной одежде и с большой и густой бородой. Моряки вытащили железный ящик. Баркас еще ушел. Люди в нем сменились, Хэйбэй опять пришел к огню греться.

– Оросия?

– Оросия! – ответил Сизов, разливая варево в японские чашечки. – А там Пу-тя-тин!

Хэйбэя очень интересовало, что такое Путятин. Он спросил по-японски, показывая знаками:

– Путятин сюда придет?

– Обязательно придет!

Баркас опять шел обратно, и Хэйбэй, как ему велено было, побежал вместе с рыбаками и матросами вытаскивать его. Волна вдруг ударила с необычайной силой, целая гора поднялась у самой отмели и разбежалась, а баркас закрыло водой. Японцы тянули веревку, матросы тащили баркас волоком, и вода ушла, оставив толпу вымокших людей. Идти на фрегат очередь Сибирцева с десятью отдохнувшими матросами. Он кинулся на баркасе в волны. Теперь это легче и проще, с «Дианы» тянут шлюпку канатом.

– Не Америка! – объясняли рыбаки крестьянам, приходившим с ближних полей поглядеть на любопытное происшествие.

Доложив адмиралу обо всем, что происходит на берегу, Сибирцев вернулся благополучно, доставив на баркасе сорок человек. Идя к костру, он заметил, что наверху между сосен теперь открыто стоят несколько десятков человек в остроконечных шляпах с пиками в руках.

– Все время подходят солдаты и подъезжают чиновники, – сказал ему Колокольцов. – Вы следите, чтобы люди оружие держали при себе на всякий случай. Чем больше людей свозим на берег, тем больше японских солдат подходит. Видимо, где-то у них поблизости что-то важное, что они охраняют. Оставайтесь, Алексей Николаевич, а я пойду на баркасе. Передаю вам пост и людей.

Матросы, сушившиеся у костров, объясняли японцам, что баркас по веревке все время будет ходить туда и обратно, пока всех не перевезет. Тогда уж последним придет сенсе – капитан и с ним Путятин.

– Хай! – дружно отвечали сушившиеся рыбаки.

– И за халаты спасибо, – говорил Шкаев, дополняя речь жестами. – Мы ночью на баркасе согрелись.

Хэйбэй показал на море, на солнце – что его не было, и, выкатив глаза, задрожал, как от страха, как бы желая спросить: «Страшно было?»

– Нет! – Шкаев отрицательно покачал головой. – Вот когда волна, – он показал руками, как волны накрывают катер, – страшно. А так ничего. В халате было хорошо. За халат, братец, тебе спасибо!

...Корабль пуст, как брошенный плавучий склад. На палубу вынесены вещи и мешки с продовольствием. Если волна стихнет, то все это еще, может быть, удастся спасти, а если усилится, то все смоеет, как полагал Евфимий Васильевич. Фрегат все глубже погружался в воду. Адмирал покидал корабль последним. Он сходил по трапу за Степаном Степановичем. Волнение невелико, но волны подымались у берега. Путятин мысленно простился с кораблем. Он все еще чего-то ждал, чего-то невероятного, на что только и осталось надеяться.

Сизов подал руку, и адмирал ступил с трапа и сел. Матрос обвязал его веревкой за пояс. Для доставки адмирала на берег отобраны лучшие матросы – вчерашние добровольцы, завозившие леер.

– Очень хорошо, Евфимий Васильевич! – сказал Букреев.

С берега потянули, и баркас пошел. Там работали быстро, матросские руки перебирали крепкий трос. Лесовский поднялся и заревел что-то в рупор. Баркас понесло через тучу на волне. От капитанского рева, кажется, волны перепугались и поднялись раньше, чем их ждали.

Матросы выскочили и, держась на плаву, схватили шлюпку за борта. И вдруг накатил еще один громадный вал, корму баркаса вскинуло вверх, шлюпка встала стоймя на нос.

В воздухе над пеной мелькнули чьи-то сапоги на прямых длинных ногах, и Лесовский с ужасом увидел, что Путятин в шлюпке нет. Василий кинулся куда-то в глубь волны по веревке, как по леске за рыбой отцеплять крючок, зацепившийся за корягу. Матросы еще не успели сообразить, что произошло, когда в воде Василий нашел Евфимия Васильевича. Сорвал с него фуражку и ухватил за волосы. Адмирал вынырнул, не видя, кто ему помог.

Тяжело и уверенно, как старый сивуч, Евфимий Васильевич перевернулся на волне и сильными ударами рук пошел к берегу. Вода откатилась, и адмирал встал на песок. Вода текла с него ручьями.

К окраине обрыва из-за сосен выехали конные чиновники. Один из них спрыгнул с коня. Сквозь сосны видно, что в прибрежной полосе леса собралось войско.

– Это прибыл Эгава Тародзаймон... ну... он рентмейстер всей провинции Идзу, – объяснил по-голландски откуда-то взявшийся Хори Татноскэ.

– Это вот Путятин! – сказал Василий своему знакомому Хэйбэю.

– Пу-тя-тин!

– Он самый! Это он...

Прискакали самураи на маленьких взмыленных лошадках. Войска бежали очень быстро через перелесок. Ясно было, что они тут повсюду.

Путятин приказал немедленно становиться рядами с оружием.

– Стройся! – закричал капитан.

Его команда прокатилась по отрядам мокрых людей, повторяемая молодыми офицерами.

Русские синей стеной встали двойным рядом через всю черную отмель, от обрыва до белой пены прибоя. Из-за сосен сползли отряды с пиками, саблями и ружьями. Напротив русских живо построилась сплошная стена японских воинов. Они стояли не рядами и не в каре, но стройность, решимость и порядок чувствовались в их построении.

Никто не умел принять вида более свирепого, чем Эгава Тародзаймон. При его высоком росте он выгнул грудь, а сам нагнулся вперед, словно устремляясь на врага. Его губы поджаты, и от этого горбатый нос стал еще острее и выгнутей, а черные острые глаза хищно шурились и смотрели прямо на Путятин, как бы разрезая его лицо. Косыми, как острые плавники косатки, были клинья черных волос на висках дайкана.

Эгава был самым осведомленным об этике и обычаях «сейя хьто», то есть западных людей. Но с тем большей уверенностью он действовал совершенно в духе старейших традиций, встречая почти безоружных мокрых и голодных пришельцев с погибшего корабля. Его войско сомкнулось грозной стеной, все с саблями и копьями, наведенными прямо на адмирала. Вдруг японцы разбежались на две стороны, открывая две черных пушки. Их подвезли неза-

метно, хотя Сибирцев заметил какую-то возню и предупредил Лесовского. За спиной адмирала черной стеной через всю ширину отмели, до кромки утихавшего моря, стояли усатые матросы-гренадеры.

Адмирал с Шиллингом, Пешуровым и Сибирцевым выступил вперед. Все эти японские странности, как твердо был уверен адмирал, не суть их самих, а только поза. Их чопорность, негостеприимство, граничащее часто с грубостью. Только теперь, через год после Нагасаки, адмирал стал понимать, что эти строгости и жестокости – результат противоречий в обществе, запуганности, желания каждого японца скрыть от своих всякую симпатию к русским и прослыть патриотом. Видимо, консервативная партия еще очень сильна. Поэтому и все эти варварские экзерсисы с пушками, направленными против потерпевших кораблекрушение. Неизвестно еще, каким было распоряжение здешнему рентмейстеру из Эдо, дружеское или враждебное к русским. Надо быть готовым ко всему! Ну что же, если бой, то сейчас все шестьсот человек, как один, кинемся на ваши самурайские сабли, господа, а не полезем в клетки, как свободные англичане и американцы. Победа над нами даром не достанется!

«Теперь вы безоружны, – как бы говорил острый взгляд Эгава, – и мы сделаем над вами все, что захотим!..»

Адмирал попытался заговорить, но переводчик исчез.

– Киселева сюда! – велел адмирал.

Вышел японец в форме матроса.

– Это русский посол Путятин с корабля «Диана», – начал он.

Эгава вздрогнул, услышав японскую речь. Этого даже он не ожидал. Неужели это русский Накахама?

Эгава назвал себя и сказал, что он со всеми своими людьми прислан встретить посла.

– Зачем же, если прислан встретить, – сердито спросил Киселев, – пушки наставлены прямо на посла?

Как любой на свете офицер или полковник, Эгава обернулся и что-то властно сказал. Пушки были бегом утащены солдатами наверх. Около дайкана осталось пятеро воинов, и все снова увидели своего старого знакомого толстяка Татноскэ.

– Хори, здравствуйте, – сказал Шиллинг, – что за недоразумение, что за встреча?

– Это ошибка, знаете, – отвечал Татноска.

– С кем имеем честь беседовать? – почтительно спросил Эгава и поклонился, выслушав голландский перевод.

Он сказал, что очень рад, что это, оказывается, действительно русский посол, а не другие иностранцы. Сказал, что он послан бакуфу встретить русских в Хэда. Но, узнав, что корабль их исчез, а какое-то судно терпит бедствие да море Фудзи, поспешил сюда. Убедившись, что это русские, он рад встрече с послом. Для посла приготовлен дом. Чистые маты, хибачи и футоны.

– Со всеми своими людьми я готов помогать вам во всем, в чем только возможно. Мы готовы всех спасти, накормить, одеть и дать ночлег. Дома сейчас будут для вас очищены, а также построены новые.

– Благодарите... – сказал Путятин.

– Адмирал благодарит японское правительство и дайкана провинции Идзу, – сказал Шиллинг.

– Ваша лодка цела, и двадцать моряков живы и здоровы. Они попали на устье реки Онагава и скоро придут.

– Вот Путятин! Сам Путятин! – объясняли матросы японцам, показывая на адмирала, проходившего в отведенную для него старую почерневшую избу.

Японцы тащили бамбуковые столбы, вкапывали их, плели стены. Повсюду зажигались костры и сушилась одежда. Войска исчезли бесследно, и пушек не было видно.

А князь Мидзуно из городка Нумадзу, сидя в башне своего замка, писал доклад бакуфу, как он удачно, дисциплинированно и без упущений снарядил своих крестьян и рыбаков и спас всех гибнущих эбису, как ему было приказано.

Глава 21. Сангенья (три дома)

Проснувшись, Сибирцев увидел на себе странный ватный халат с длинными рукавами, своих товарищей, спавших вповалку на полу в таких же халатах. Над головой черные балки, совсем как в русской избе. Стены дома из ровно выпиленных, потемневших от времени брусьев, чистые маты, бумага на окнах. На миг показалось, словно ждет что-то неприятное. Он заставил себя вскочить на ноги, раскрыл дверь. Донесся аромат цветов, смешанный с запахом моря и водорослей. Видно: на веревке висит выстиранное белье и высохшая одежда. Денщик Кузьма как-то ухитрился разгладить, во всяком случае, мундир выглядел, как из-под утюга. Теплынь, воздух как в Летнем саду.

– Подъем! Горнист!

– Господа, вставайте! Японцы принесли воду для мытья, и завтрак сейчас будет подан, – входя в дом, сказал вахтенный офицер Карандашов. – Адмирал с капитаном уже на берегу!

– Погода, кажется, хорошая, – с зевком заметил Можайский, выглядывая на террасу через раздвижные стены.

– «Диана» держится отлично, и мы можем спасти все, что возможно, – сказал Карандашов.

– Вставать не хочется, мыться не хочется... – потягиваясь, сказал Елкин.

Алексей вспомнил вчерашнее крушение. Он вышел. Море спокойно. «Диана» с низкими бортами чуть чернеет совсем вблизи берега. Домик адмирала со стенами из цветной бумаги в деревянных решетчатых рамах, с террасами вокруг, как игрушка.

Японцы принесли ушаты с водой. Алексей Николаевич скинул халат и поежился. Кузьма стал поливать, вода оказалась теплая. Воздух не так тепел, как мягок и нежен. После купания хочется опять в халат. Кузьма подал белье и одежду. Все хорошо и удобно наделось, и настроение стало совсем отличным. «Сегодня, наверно, свезем все вещи с фрегата», – подумал Сибирцев.

На завтрак разливали из японских чайников зеленый чай без сахара, настоящий японский, потом подали рыбу, вареную, без всяких приправ, с рисом, не было ни хлеба, ни сухарей.

Японцы сбили и принесли ладный стол в адмиральский домик. К завтраку пришли адмирал и Лесовский.

Казалось бы, чего хуже! В чужой стране. Корабль теперь разбит совершенно. Сахар погиб, соль, мука. Вчера самого перевернуло вниз головой и чуть не переломило пополам. Измок до нитки. При переправе разорвал мундир. Вечером в японском халате на голое тело ходил босиком по циновкам с таким видом, словно обнищал и шел в святые места на богомолье. Принял купель!

Утро тихое и чистое, пели птицы, и воздух береговой. Костры уже трещали, когда чуть свет Путятин с капитаном прошли по биваку, где отдыхали матросы. Многие спали прямо на земле в мокрой одежде, обессилов. Путятин вспомнил Лаперуза. Потерпев кораблекрушение, великий французский мореплаватель сразу же заложил новый корабль. И Путятин потребует, чтобы японское правительство разрешило ему строить новое судно. Сколько уверток, возражений начнется! Скажут: «Только, пожалуйста, напишите, что вам для этого потребуется, мы вам это предоставим...» – и будут тянуть бесконечно.

Путятин еще вчера собрал у себя всех офицеров и приказал назначить на утро строевые занятия.

– Учить людей приемам штыкового боя, стрельбе, маршировке строем, пользуясь тем, что мы на берегу. Не давать людям скучать и падать духом, воодушевить их, поддерживать в них сознание нашей силы, боевого духа и показывать японцам, что мы ежеминутно готовы к

отпору и что победа над нами им даром не достанется. Верить им, господа, в нашем положении мы можем лишь условно, сохраняя наше умение сражаться и готовность пожертвовать собой, но не позволять оскорблять наше достоинство!

– Дайте мне ваш чертеж, – обратился адмирал к Елкину.

– Я спас вчера листы александрийской бумаги и могу перечертить его, – ответил поручик.

– Мне кажется, если «Диана» пойдет ко дну, у нас нет иного выхода, как самим строить судно, чтобы подать известие о нашей судьбе на родину, – сказал Путятин. – Мала шхуна, но все бы пригодилась.

Елкин подпрыгнул и снял с балки из-под крыши книгу. Это номер журнала «Морской сборник» в переплете. Елкин открыл его. На отдельном листе чертеж мореходной шхуны «Опыт» со всеми деталями. В суете, спасая имущество, Елкин не позабыл про карты и книги. Журнал вымок, и вчера весь вечер Елкин листал его у огня, стараясь высушить. А штурманские карты, документы, деньги были отправлены в казенном железном ящике одновременно с отцом Василием Моховым, со святыми дарами, с тяжелораненым Соболевым, который мучился после операции, когда ему отрезали ногу.

Лесовский кричал на крыльце на боцмана:

– Загадили все! У них земли мало, и загадить ее нетрудно! Они землю берегут! Сейчас же поставить людей копать ямы, обнести их плетнем и ветвями, положить на каждую по доске. Договаривайтесь с японцами, – сказал капитан барону Шиллингу, – чтобы отвели участок для отхожих мест... Черт знает что! К нашему лагерю подхода нет! – Капитан выругался и прошел в дверь.

– Вот и хорошо, что врагу подхода нет... Видишь, какое заграждение! – сказал в усы денщик Кузьма, обращаясь к товарищам.

Два японца принесли маленькую чистую железную бочку и поставили перед домом офицеров.

– Какая хорошая чистая посуда. Пожалуй, в ней можно сварить суп, – рассматривая посуду, говорил собравшимся офицерским денщикам кок.

По дороге шла группа японцев. У каждого за поясом по две сабли.

– Дайкан Эгава явился! – доложил вахтенный офицер, входя в дом.

Путятин, Лесовский, Шиллинг и Пещуров поднялись.

– Японское правительство берет на себя все заботы по устройству и снабжению русских на время пребывания в Японии, – говорил Эгава Тародзаймон, сидя в доме, отведенном для адмирала.

Адмирал сказал, что чуть свет был с офицерами на берегу. Баркас ходит на леере. Волнение стихло. Фрегат стоит, как и вчера. Все грузы, поднятые на палубу, видны. Они в целостности и сохранности.

– Мы бы хотели просить вас помочь нам отбуксировать фрегат в бухту Хэда, – сказал Евфимий Васильевич.

– Да, это вполне возможно. Я сейчас же разошлю гонцов с тем, чтобы из всех рыбацких деревень сегодня же были присланы лодки с людьми. Завтра утром мы можем начать буксировку фрегата в гавань Хэда.

Взошло солнце над горами. В утреннем воздухе послышались крики офицеров. Матросы с ружьями взводами строились на лугу, в сосняке и на широкой отмели. Казалось, всюду их отряды и русских войск стало гораздо больше.

– Бегом арш! – слышалась команда на улице.

Мимо дома, где шли переговоры, хлынула черная рота матросов, вооруженных ружьями. По команде рота рассыпалась в цепь, и по команде же на бегу весь ряд залег.

– Встать! – скомандовал старший офицер Мусин-Пушкин. – В ряды стройсь! Смир-но!

Назначенные на разгрузку проходили группами к берегу. Они должны идти на японских лодках и шлюпках на «Диану».

Старик японец раскачивал веревкой полуразрушенный землетрясением дом. Потом потянул его за торчавшую доску с такой силой, что весь дом дрогнул. Хозяин вырвал доску из столба пыли, бросил на землю, и дом упал.

– Что ты делаешь? – спросил его Сизов.

Японец махнул рукой с таким видом, что теперь жалеть нечего. Сизов уже знал, что вся эта деревня в три дома. В одном уцелевшем доме, побогаче, жили офицеры. В другом, который японцы на глазах всех так отделали и обклеили, что он из развалины превратился в новенький, как игрушечная беседка, поселился Евфимий Васильевич. Хозяева этих домов сложили себе будки на огородах. Третий дом бедный хозяин-старик сейчас свалил. Рядом стоит шалаш. Живет в нем вся семья. Там японка Фуми.

На равнине, за соснами, ударили барабаны, и усатые матросы замаршировали устрашающе грозно.

Отец Хэйбэя чинил сеть, его соседи, муж и жена, спросили, что это делают русские такое страшное, ходят все вместе, вскидывают оружие все враз, потом идут обратно и сразу все ложатся.

И отец и сын назначены на завтра ехать и тянуть черный корабль. Так велел дайкан. Хэйбэй исправлял свою лодку, которую вчера под парусом пригнали из бухты Ипоура.

– Хэйбэй завтра пойдет на большой фунэ со смешанной командой, а я на своей лодке, – сказал старик, – но он ее починит и приготовит.

Старик оставил челнок, которым надвизывал сеть, и стал смотреть на необычную ходьбу матросов. Как это понять? Они другой народ, все у них по-другому. Они, например, не понимают того, чему нас учат с детства.

– Это, наверное, они танцуют! – сказал старик.

– Такие страшные танцы?

– Да, я всегда знал, что у каждого народа свои танцы. Их танцы нам могут казаться непонятными!

Перед строем моряков появился старший офицер. Он что-то говорил, а потом матросы разошлись отдыхать.

К соседу Хэйбэя на огород подошел матрос.

– Дай свеклы...

Японец дал Соловьеву свеклу. Тот ее тут же стал грызть. Сбежались матросы, и каждый тянул руку к крестьянину. Японец дал еще несколько свекел. Матросов становилось все больше и больше. Многие лезли в огород, садились на корточки, рвали свеклу, хватали грязную, совали в рот, драли за зелень из грядок. Все топтали.

– Я вас всех перепорю, подлецов! – подбегая, кричал Мусин-Пушкин.

С разбегу он стал раздавать оплеухи. Чуть было не смазал по роже и самого японца.

Елкин перепрыгнул через низкий черный борт на палубу, не касаясь утонувших в дышавшем море тросов штормтрапа. Палуба чуть возвышается над водой. Матросы гурьбой полезли на фрегат.

Брошенный людьми, он походил сейчас на плавучее складское помещение. Приготовленные бочки и ящики, вытасенные из трюмов, рядами выстроились на палубе. Всюду много разломанных ящиков, разорванных и брошенных мешков. Мука в них превратилась в кисель. Офицерские каюты полузатоплены.

Можайский охал и вздыхал, видя свои размокшие рисунки и акварели, в рамках и без рамок, плавающими среди разного хлама.

– Слава богу! – воскликнул он, вынося на палубу узкий ящик.

– Дагерротип цел? – спросил его Сибирцев.

– И пластины целы!

Елкин прятал за пазуху какие-то книги. Матросы развязали несколько ящиков. Забирали одежду, одеяла.

Адмирал приказал остальные тяжести не сгружать. Погода установилась, и, как говорят японцы, теперь надолго. Завтра «Диана» пойдет в гавань Хэда на буксире гребных судов. Фрегат, как полагал Путятин, теперь не утонет. Его держали огромные опустевшие цистерны для пресной воды.

Пляшущий на волне баркас ударялся время от времени в плетеный крапец, похожий на громадную бутылку в соломенной оправе. Море совсем успокаивалось. Столбом подымалась в чистое небо Фудзияма. Сегодня, кажется, на ней снега больше, словно надела на себя горностаевый жакет.

К борту «Дианы» подошла громадная джонка со смешанной командой из матросов и японцев. Лейтенант Энквист в клеенчатом плаще стоял на корме рядом с рулевым в большой плоской шляпе.

На борт джонки перешел адмирал.

– С прибытием, господа! – Он пожал руки офицеров и поблагодарил весь экипаж.

Денщик забрал вещи адмирала, приготовленные еще вчера и чудом уцелевшие.

На борту, за сосняками, у избы, в которой ночевали офицеры, плотники убрали рухнувшую лестницу на чердак. У коновязи стояли солдаты и привязаны были холеные пони с лакированными седлами.

Под навесом, на матах, открылось совещание у адмирала с чиновниками. Японцы, в темно-серых халатах, с черными прическами, сидели неподвижные, как бы создавая живописные группы.

Перед ними, клоня голову к циновке и повернув лицо вверх, как бы подглядывая или озираясь, стоял на четвереньках Татноскэ.

Путятин сидел в привезенном с фрегата кресле. Рядом на чурбанах устроились Константин Николаевич и Шиллинг.

Татноскэ подполз к ним и стал переводить.

– Правительство примет все меры для отбуксирования «Дианы» в порт Хэда для исправления. Судно еще хорошо держится и дойдет... Люди из деревень и лодки уже прибывают.

– Хорошо! Завтра начнем с восходом солнца, благодарим вас за содействие! – ответил Путятин. – Мы команду можем отправить пешком по берегу, чтобы не создавать вам лишних хлопот.

– Нет, это невозможно! – любезно ответил Эгава.

Путятин пытался убедить дайкана, что в пешем переходе по берегу нет ничего опасного. Но Эгава упорно стоял на своем, уверяя, что дорога очень неудобна и что перевезти экипаж на лодках для японцев не составляет никакой трудности.

– Морем до Хэда очень близко. А по суше идти очень далеко, надо обходить глубокий залив между материком и полуостровом Идзу.

Но у дайкана были неприятности, о которых русские ничего не знали. Князь Мито требовал от правительства разрешения напасть на русских. Русские недовольны, зачем Эгава встретил их с войском. Ему нужно, конечно, войско, но не против русских. Он только сделал вид, что собрал силу, опасаясь эбису. Но на самом деле это не так. Сегодня шпионы дайкана заметили бродячих рыцарей, посланных сюда. Эгава был прав! Наблюдающие люди посланы все изучить и выяснить!

Князь Мито прислал шпионов? Ему надо доказать свою приверженность старине? Конечно, он открыто заявляет, что хочет перерезать всех шестьсот иноземцев. Значит, шпионы посланы, чтобы узнать, где и сколько у них оружия. Но за ними люди Эгава следят усиленно.

Но была и еще одна причина. О ней Эгава не мог сказать сам.

После заседания Хори признался Шиллингу, как бы по-дружески и по секрету:

– Вот здесь, за соснами, проходит дорога. Знаете, это какая дорога? Токайдо! Между двух столиц. Если идти пешком в Хэда, то надо идти по Токайдо. А никогда в истории Японии по ней еще не позволялось проходить иностранцам.

Шиллинг передал все адмиралу.

– Да, мне Глухарев уже сказал, что здесь идет хорошая дорога... – ответил Путятин.

– Тут, оказывается, идет запретная таинственная Токайдо. По ней идти в Хэда. Поэтому японцы не хотят, чтобы мы шли берегом, – рассказывал Пещуров в кают-компании, как называли офицерскую избу.

– Неужели по Токайдо? Идемте, господа! Непременно идемте! – воодушевился Можайский.

Шиллинг тихо сидел на циновке, поджав ноги, как японец. Хори отдал ему по дороге из Атами копию договора, переписанную очень мелко, и попросил, переписав, вернуть обратно. Он предложил лейтенанту свою отличную лупу, чтобы все разобрать.

– Лупу не надо, у нас есть свои, не хуже американских, – ответил Шиллинг.

Он списал договор на судне и возвратил бумаги переводчику. С тех пор доверие их друг к другу вполне укрепилось. Чуробэ получил в подарок золотые часы с бриллиантами в один день с разными подарками, которые получили другие послы.

Вечером Лесовский приказал выстроить экипаж поротно на берегу.

– Соловьев! – вызвал Лесовский. – Шаг вперед! Что было со свеклой? Что у тебя получилось со свеклой? – Лесовский с размаху дал громкую затрещину матросу. – По морде мало тебя бить, дурака! Каково нам слышать, как губернатор сказал сегодня, что русские офицеры умней американских, а русские матросы глупей американских матросов... Я тебя знаю, подлеца! Всех вас знаю! Морды – одна глупей другой! Дубина стоеросовая! Ну, говори, зачем лез в огород?

– По глупости... то есть по оплошности...

– За это военный суд! Расстрел! Это – грабеж! Сволочь ты эдакая, растудить твою в свеклу... Не за свеклу расстрел, нет! За пятно на мундире! Где мы? В чужой стране, а вы кинулись на свеклу и жрали ее немойтой. Это мародерство... Хотя бы вымыли! Срам, грязные свиньи! Анфилов! Шаг вперед... – Послышалась новая затрещина.

– Американцы сытые, Степан Степанович, – после того, как всех распустили, сказал капитану Сизов.

Лесовский глянул на него в упор.

«Русские хорошо ведут себя, – писал Эгава в этот вечер в очередном письме в Эдо, – бьют больно своих флотских солдат, если те нарушают дисциплину и порядок...»

– Евфимий Васильевич! – заглянул в дверь адмиральского особняка поручик Елкин. Он отличился сегодня на разгрузке, действовал не хуже любого матроса, и адмирал заметил, каким он козырем явился.

– Что вам, лейтенант?

– Дозвольте нам, мне, Сибирцеву и Можайскому, попеть. Гитару мы исправили.

Путятин полагал, что даже духовному пению должно быть свое время, но что поделаешь, придется потерпеть. Чего только не придумают! Мучеником считал себя адмирал, терпя во всех плаваниях нескончаемые капризы своих офицеров. И каждого приходилось поглажать как малого, только бы дитя не плакало. Мало что японцы покоя не дают, своим нейметса.

Сибирцев с гитарой высунулся из-за двери. Лицо его в свете очага выражало тревогу и вытянулось. Видно, он до этого не хотел показываться, но не вытерпел.

– Господа, а вы с фонарями ходите в темноте? – спросил адмирал. – Помните мое приказание! Ходить только с фонарями, в противном случае вас могут схватить как преступников.

На самодельном столе у Евфимия Васильевича какие-то книги и чертежи. Напротив, прилебявая чаек, сидит Карандашов. Книги Елкин рассмотрел, это знакомые шканечные журнальчики. Тот самый «Морской сборник» тоже лежит тут. Адмирал с Карандашовым что-то записывали и высчитывали.

– Только с фонарями ходим...

– Да не всем хватает фонарей, – отчеканил Елкин.

– И так японцы весь хлам исправили, – сказал Сибирцев. – Можайский им свои стеклянные пластины на фонари отдал. Но не хватает фонарей.

– А вы ходите?

– Да тут близко, от дома до дома!

– Ну что вы, что вы, господа! – быстрым движением руки ероша волосы и как бы намереваясь вырвать их, вскричал адмирал. – С вами, как с малыми детьми, господа! Я приказываю...

– Все в точности... исполняем согласно вашему приказанию, Евфимий Васильевич. Вот фонарь! – быстро достал Елкин из-за порога поданный ему кем-то шар с горящей свечой.

Колокольцов зажег свечку в своем фонаре, и три офицера с двумя светящими фонарями и с гитарой вытянулись, как бы ровня ряд.

– Да вы что? – рассердился Путятин. Вся досада, накопленная против японцев, чуть не прорвалась. Но он спохватился, что крик услышит самурайская стража.

– Ваше превосходительство, мы идем спать. Петь не будем...

– Как это не будете? – Путятин махнул рукой и сказал примирительно: – Идите и пойте себе на здоровье. Да не горланьте громко, вы не у «Яра», не перепугайте жителей...

Адмирал чихнул.

– Ноги, ноги, господа, у людей сухи чтобы были!

Выставив фонари перед крыльцом кают-компания, офицеры уселись на ступеньки, и Елкин взял первые аккорды.

– «Как я любил тебя, дорогая моя...» – печально затянул Сибирцев.

– «Как страдал о тебе», – подхватил Можайский. В крошечной тьме, в стороне от матросских костров замелькали фонари. Кто-то подошел к капитану.

– Степан Степанович, вторая рота просит позволения песни попеть...

– «Ах вы, сени, мои сени...» – запел вскоре где-то солдатский тенорок между кострами у голубых набегавших электрических волн.

Сегодня море кипело в огне у берега.

– «Сени новые мои...»

Кто-то защелкал на ложках. Васька Букреев, заложив ладонь на затылок, пустился в пляс.

Хэйбэй подошел с фонарем к солдатам. Он долго смотрел и слушал. С десятков матросов выхаживали вприсядку под свист, взвизги и дружное пение сотен товарищей. Видно, как во тьме потянулись к поющим цепи фонарей. Какой-то японец вдруг подскочил к матросам, хлопнул себя по пяткам и воскликнул:

– Сени – се-ни...

– Быстро же они схватывают!

Начался общий хохот, японца стали обнимать, все, у кого еще был табак, угощали его.

Подняв фонарь, японец исчез. Кое-где тянулись гуськом фонари, это полями шли по тропкам люди, чтобы не топтать посева. Стража не пропускала их к поющим и лупившим в ложки дробь; фонари лениво стали расползаться и поплелись обратно, заполняя огоньками все холмы и поля.

Хэйбэй сам любил петь, но до сих пор не слышал ничего подобного. Ему казалось, что он всегда ожидал, что можно именно так спеть, вот так громко, дружно, весело. Хотелось бы петь самому тоже.

Но вдруг заиграла труба, и весь русский лагерь смолк. Фонари русских офицеров один за другим исчезали в отстроенном доме, словно их глотало там чудовище. Остались только светящиеся точки у часовых. Волна рушилась время от времени и загоралась белым светом с прозеленью. Отблеск белизны мелькнул где-то наверху, видно, что погода завтра будет хорошая. Снега сверкнули на вершине горы Фудзи. Завтра предстояла тяжелая работа.

Хэйбэй пришел домой.

– Пуу-тия-тин? Он не китаец? – спросил его старик отец.

– Нет, Пуятин – оросия человек.

Отец Хэйбэя ходил сегодня смотреть на Пуятину, чтобы потом записать впечатления в своей «Исторической книге Трех Домов», которую сочинял вот уже сорок лет. Деревня эта всегда называлась «Три Дома», хотя раньше домов было больше. Семья живет тут четыреста лет.

– Пуу-тия-тин, – шептал старик. «Оросия был высок и лицом красен, как петушинный гребень», – записал он.

– Дайкан назначил соседа, – рассказывал сын, – руководить десятком лодок. Кроме того, на каждой большой лодке будет посажено по полицейскому, чтобы следить за рыбаками. Кроме того, деревенские старосты, старосты рыбаков и артельные старосты плотников тоже вызваны. Все будут отвечать друг за друга и за своих работников.

Еще во время пляски Сизов сказал потихоньку товарищу:

– Я сейчас уйду!

Усатый Терентьев подмигнул. Сизов вышел из плотного круга поющих матросов и поднялся к берегу. Через сосны стало видно черный прибой в огнях, ночное небо в слабом лунном свете и черный остов «Дианы».

Маленькая Фуми вышла из-за ствола с таинственно горящим взором, как черная волна. Петр тронул ее руки, они такие же грубые и заскорузлые, как и у него, но маленькие. Петруха взял ее ладони в свои и стал ей шептать.

Она слов не понимала, но отвечала серьезно и отрывисто. Он обнял ее, и они тихо ушли в сосны. От нее пахло чем-то, как дорогими духами. Она сладко застонала, почувствовав необычайную для нее тяжесть его огромного тела, она, выгибаясь, тянулась, чтобы еще крепче, до рези, прижать его к своей маленькой груди.

Залихватская песня с посвистом становилась все тише и тише. Вскоре проиграла труба горниста, и лагерь стих. Луна, выйдя из-за облака, катилась за соснами, и, как бы далеко они ни отходили, все стояла над морем прямо напротив, едва остановились. Петр взял девушку за плечи. Он притянул ее и целовал ее щеки. Тронул губами ее губы. Он почувствовал, что она слаба, ее бедра опустились и прильнули. Она обняла его...

Через некоторое время Петруха приподнялся. Она держала его за руку. Ему что-то почувдилось. Тени мелькнули, кто-то бежал по лесу. Она хотела вскочить, он остерег ее, чуть тронув, и она поняла его и припала ничком с ним рядом.

Из кустарников, пригибаясь к земле, бежал согнувшийся человек. Петруха ощупал нож за голенищем сапога. За бегущим мчались еще двое. Раздались удары сабли о саблю. Там дрались. Из леса появилось еще несколько таких же согбленных фигур с обнаженными саблями, сверкавшими при свете луны. Они мчались быстро и бесшумно. Раздался глухой хряск, как на бойне, когда бьют быка, и тот, кто был впереди, еще пробежал несколько шагов и лег под ноги набежавшей толпе. Там стеснились, неизвестно, резали они друг друга или кого-то добивали. Потом все вместе убежали, что-то волоча, и на земле ничего не осталось.

Японка лежала ни жива ни мертва. Петруха, которого вся эта чертовщина озаботила, хотел подняться, но она цепко схватила его за рубаху и злыми рывками потребовала сейчас же лечь.

Сизов возвратился поздно. Когда ушла Фуми, от ее дома подошла собака, посмотрела на Сизова. Петруха шел во тьме без фонаря. «Кто-то на часах?» – подумал он. Стоял товарищ. Сизов подошел.

– Иди, иди! Ты не первый сегодня, – сказал часовой. – Одного еще нет до сих пор.

– Неужто!

– Унтерцер Тарасов вон пьет сидит сакэ с японцем. Да еще говорили бы тихо.

Петр беззвучно полез в палатку. Потом он одумался, вышел и рассказал часовому обо всем, что видел.

– Да, у них какое-то беспокойство. Все время шевелятся и не спят, – отвечал матрос.

– Ты поди к дежурному офицеру, – сказал из-под палатки унтер-офицер. – погоди, я сейчас встану и скажу, что посылал тебя. И фонарь возьми... Твой фарт, что у них промеж себя что-то не ладится, иначе бы они тебя выследили.

Глава 22. Фудзи-сан

– Это – сокровище, – сняв шляпу и показывая на черный остов «Дианы», объяснял толпе младших чиновников сам дайкан, – его надо обязательно спасти.

Хэйбэй не только моряк. Он плотник, он знает, как строятся суда. Он и лоцман.

Только что по приказанию Уэкава, который прислан чиновниками бакуфу в помощь Эгава, секли лозами жителя соседней деревни за то, что не явился вовремя. Исполосовали спину, а потом плевали на ранки и втирали слюну, чтобы скорей зажило. Теперь этот рыбак сидит в лодке прямо, как на празднике, и не шевелится. От работы он не освобожден. Так обучается трудолюбию. Деничиро считается у Кавадзи самым распорядительным чиновником. Он ретивый помощник Мурагаки, ездил с ним на Сахалин и там тоже распоряжался хорошо.

Море стихло совершенно. Сто рыбацких лодок подошли к «Диане». Деничиро кричал, стоя в самой гуще флотилии на высокой корме рыболовного суденышка, а лодки строились рядами.

Хэйбэй стоял на руле большой джонки. Он подошел к самому борту полузатопленного загадочного корабля. Его окна наполовину в воде, борт черен. Хэйбэй осмотрел трап, борт. Он потрогал обшивку и поскреб ногтем. Чистая медь! Настоящее сокровище! Он знал медь лишь в монетах, которых немного доставалось и ему, и его отцу. А тут целый корабль из драгоценной меди! Фрегат сидел на мели, и крепко сидел.

Путятин, тронув плечо Хэйбэя, ступил на борт фрегата, и за ним туда поднялись все русские.

– Команда, кажется, лазала здесь вчера без всякого присмотра, – заметил Шиллинг.

– Может, и японцы побывали, – предположил Можайский.

– Да, господа, опять кто-то был. Я думал, что вчера мне это только показалось.

– Это матросы, свои же лазали, – ответил адмиралу Степан Степанович.

– Как и зачем они сюда попали, когда ни одна из шлюпок вечером не ходила? – недоумевал Евфимий Васильевич.

– Зачем? Грабить! Затем и побывали. А попали сюда с японцами и на японских лодках. Наши с японцами два сапога пара, одинаковые грабители. Надо пороть, пороть, чтобы шкура слезла. Они уж тут себе любовниц завели!

– Не может быть!

– Все может быть... И Эгава наверняка знает, но не станет трогать никого. Мне кажется, что сюда прислан чиновник с головой! Он сегодня порол своих за опоздание на работу. И дайкан Эгава зря лупить не будет!

– Но ведь если были случаи с женщинами, так это безобразие! Да и как можно... кругом часовые, их и наши!

– Все можно! Уже спелись, у них с японцами круговая порука!

– Что же делать?

«Наказывать можно, если попадетсЯ. А не попадетсЯ, и нечего беспокоиться! Надо брать хороший пример с дайкана!» – подумал Лесовский.

На палубе рядами еще стояли ящики с грузами, но тут же валялись разбитые бочки и ящики, банки и пустые бутылки.

Двое матросов надели водолазные костюмы. Они показались Хэйбэю масками для сабельного боя, с латами и шлемами. Матросы исчезали под водой. Закрутились и застучали лебедки, подтягивая концы отданных якорей. Дрогнул фрегат, на миг показалось, что он ожил.

Сибирцев вместе с матросами выпускал канат от якоря, лежавшего на дне моря, через клюз, а потом через борт перегнали его обратно на палубу, прикрепили к буйку. Буйки с кана-

тами грузно плюхнулись в спокойное море. Теперь «Диана» без якорей. Буйки показывают места, где в сохранности на дне моря лежат оба якоря.

– Канаты выпущены, якоря закреплены! – доложил Сибирцев.

Водолаз Синичкин, с откинутым шлемом и с красным лицом, стал докладывать адмиралу и капитану, что пластыри держатся, но есть новые пробоины. Капитан велел концы, которыми пластыри прикреплены, вытянуть потуже...

– Подавайте буксир! – приказал адмирал, когда матросы закончили работу.

Через клюз подали на японскую лодку и стали травить толстый канат.

– Э-эй! – заорали на большем суденышке, и вся сотня лодок задвигалась.

Японцы передавали канат друг другу, и вскоре вся флотилия, как огромная упряжка, подвязалась к буксиру гигантской елочкой с обеих сторон.

– Прикажете собрать и сложить на юте все оставшееся оружие? – спросил капитан.

– Обязательно! Сейчас же...

Лесовский отдал приказание. Матросы рассыпались по фрегату. Доставали из полуза топленных кают офицерское оружие, бросали на ют мокрые палаши, пистолеты, штыки. Собралась целая груда.

Путятин оглядел море, взглянул на Фудзи и вздохнул.

Море на редкость спокойно, и погода благоприятствует. Легкий попутный ветер.

– Пойдем на веслах до Хада, – сказал он. Божественно и благородно возвышается Фудзи в розовом снегу с голубизной склонов и с черной зеленью хвойных лесов, сбежавших с ее подножия на побережье к полям и апельсиновым садам у Токайдо. «Может быть, все обойдется благополучно и спасем наш корабль?!»

Тысяча весел усердно заработала по всему морю, пытаясь оттащить нос «Дианы». Но фрегат не шел. Лесовский велел тянуть в другую сторону. Он отдал рупор переводчику, и вся масса японцев вдруг расхохоталась, слыша, как эта западная труба доносит к ним на море японские выражения. Татноскэ надулся, как истинный трубач, и хрипло и зло повторял приказания, пока лодки переходили. Потянули нос направо.

Буксир подтянулся, миг еще «Диана» упиралась, словно приросла ко дну. Закричали десятники и чиновники, расставленные дайканом Эгава. Рыбаки на лодках сильнее налегли на весла, их крики покатались по рядам лодок. Фрегат вдруг зашуршал и пополз по мели, закачался. Весь караван тронулся. Переводчик закричал в рупор. Нос «Дианы» стал заворачиваться. Еще заскрежетало под обломанным килем.

– Снялись с мели!

– Сошли... Стянулись, – облегченно вздохнул Лесовский. Он вспотел.

Водолаз пристегнул шлем и по веревочной лестнице, шаг за шагом, опять полез на глазах у Хэйбэя, как в подводную палату. Видит он сказочную подводную жизнь? Водолаз скоро поднялся и что-то докладывал Путятину и сенсе Лесовскому. Суетились матросы, таскали какие-то полотнища, продергивали веревки под судно, куда спустился второй водолаз. Путятин торопил их.

– Степан Степанович, – обратился адмирал к капитану, когда все оставили «Диану» и перешли на джонку, – прикажите-ка забрать сюда все оружие, которое мы оставили на фрегате.

– Да, на джонке места много! – согласился Лесовский. – И лучше иметь при себе. Мало ли что может случиться!

Матросы с лейтенантом Шиллингом кинулись наверх и стали подавать оружие с палубы фрегата.

На этот раз Шиллинг сошел последним. Вдруг он вскочил к рубке, отвязал судовой колокол и сам принес его на джонку.

– Благодарю вас! – сказал ему адмирал. Несмотря на крушение, гибель пороха и запасов продовольствия, у всех, как замечал Евфимий Васильевич, чувствовался подъем сил. Климат, верно, целительный. Тут не было до дури изнуряющей жары тропиков и не было этих жгучих ветров, убийственных холодов, мороси, как на берегах амурского лимана. Он еще вчера заметил, что все как-то бодрей обычного, словно рады, что корабль утонул, запросто ступили на землю. Да и японцы, кажется, рады! Как они хохотали и вчера и сегодня!

Алексей Николаевич оглушен неожиданностями и переполнен впечатлениями. В душе он словно еще чего-то ждет, еще более увлекательного. Из-за этого кораблекрушения открылась и недоступная земля, и замкнутый народ. Даже адмирал наш переменялся. Теперь есть у нас хоть настоящие сведения о Японии.

«Народ, только что переживший землетрясение! – думал Алексей Николаевич. – Тащили все, что могли для моряков, как погорельцам. Снимали с себя халаты...»

На джонке хлопотал японец-повар. На столиках подал в каюту чай, суп, рис и креветки.

– Сколько времени, как идем? – спросил адмирал, выходя после обеда наверх.

– Идем два часа, – отвечал Сибирцев.

– А Фудзи, кажется, все такая же! – заметил адмирал.

Он повернулся лицом к вулкану. Небо было совершенно голубым, но на вершине Фудзи появилась белая полоска. Она бухла. Вершину стали быстро обкладывать облака, словно Фудзи натягивала тучную стяженную шапку.

Путятин поднял руку в том направлении и хотел что-то сказать, но раздумал. Глаза его задержались обычной мутью.

– Коса-о кабурева-а амэкадзэ²⁴, – закричал кто-то из рыбаков, заметив, что Путятин смотрит на Фудзи.

Рулевой на ближайшей лодке схватил огромный нож и перерубил свою веревку, за которую прикреплен был к буксиру.

Переводчик что-то закричал лодочникам.

– Что они делают? – спросил Лесовский, взбегая на высокую корму.

На всех лодках рубили канаты. Вокруг подымались паруса, все побелело, подул ветер, и флотилия стала рассеиваться по морю.

Лесовский кричал в рупор, но никто не слушал, он затопал ногами, в бешенстве сжав кулаки.

– «Диана» не идет... Что случилось, Татноскэ? – спросил Путятин.

Шиллинг перевел вопрос адмирала. Толстый переводчик втягивал в себя воздух.

– Что? – громко спросил адмирал по-голландски. – Что случилось, я вас спрашиваю! Отвечайте!

Татноскэ, дрожа от страха, делано или на самом деле, показывал на Фудзи и что-то говорил Шиллингу.

– Что он мелет? – спросил Лесовский.

Гребцы на парусных лодках быстро мчались мимо бортов и что-то кричали. Японцы в лодке Путятин неподвижно сидели, глядя на него и как бы ожидая распоряжений.

– Пу-тя-тин... Пу-тя-тин... – кричали в лодках и показывали на Фудзи.

Хэйбэй отдал руль адмиралу, вскочил и, потянув веревку, стал подымать парус. В помощь ему кинулись матросы.

Налетел сильнейший порыв ветра, какие бывают лишь на море, и, заполоскав, наполнил парус.

– Шквал идет! – закричал Можайский.

²⁴ Надевает шапку – сразу налетит сильный ветер с дождем.

Небо быстро закрывалось низкими тучами. Волны вдруг поднялись и, как белые звери, стали прыгать на «Диану».

– И-но-ура... И-но-ура... – кричали лодочники.

Татноскэ объяснил наконец, что лодочники увидели приближение шквала, надо убежать в бухту Иноура.

Первые удары шквала еще не могли поднять волн, они рябили море, словно набрасывая на него железную сетку, и рвали с первых гребней лохматые клочья. Только около «Дианы» шел бой морских чудовищ.

Но вот замела сплошная водяная метель и стала все закрывать. Сквозь нее послышался рокот раската первого вырвавшегося из океана вала.

На время стихло, опали вихри, открылась «Диана», и видно стало, как волны хлещут теперь, ходят по ее палубе. Пошел ливень, и снова все закрылось.

Хэйбэй обеими руками чесал голову, как бы желая прийти в себя от ужаса. Он принял руль из рук адмирала. Он знал, куда править, а Путятин не знал здесь моря.

Вот огромный вал накрыл «Диану». Она исчезла и снова появилась. Она стала еще выше, поднимаясь из воды. Путятин видел, что ее кренило и больше ей уже не подняться. Одна за другой упали мачты. Адмирал сам переложил руль, рискуя попасть под волну. Он желал видеть гибель своего судна... Но «Диана» выправилась и снова захлебнулась в волне, закрывшей ее, вверх пошел левый борт, мачты легли в пену моря, и вдруг корабль грузно повалился, как купающийся кит. Казалось, слышен гул и плеск. Фрегат перевернулся, уже виден не борт, а полуоторванный киль, пластыри, и теперь уж волны накрывали его плотно.

Путятин перекрестился, словно человек погиб у него на глазах. Все молчали, пораженные.

Матросы на джонке спешно закрепили парус, взяв рифы. Ее понесло куда-то к лесам и горам. Среди воды появились стоячие камни с потоками тропической зелени, свисавшей как со столбов.

Хэйбэй не раз уходил в эту бухту от шквала. Почерневший парус вздулся бугром. На кривом стволе толстой лианы, под которым промчался баркас, сидела обезьяна. Она внимательно смотрела на адмирала и вдруг схватилась обеими лапами за нос и заверещала. Выскочила другая обезьяна и стала тянуть ее со ствола, и, сильно качаясь от ветра, обе пошли, как пьяные, по стволу.

Матросы и японцы смяли парус под ноги и сели за весла. За скалами стало теплей. С разбегу джонка выбросилась на отмель.

Татноскэ сказал адмиралу, что надо идти в деревню Иноура. Он показал на соломенные крыши.

«Не было бы счастья, да несчастье помогло!» – подумал Можайский, оглядывая скалы среди вод, увитые зеленью, и бухты, заливчики и горы полуострова. Берег здесь крутой, высокий. Обойдя вокруг света, Александр не видел более красивого места. «Уж теперь-то мы сойдемся с японцами, как бы ни противились их чиновники и наш адмирал... Право, нет худа без добра!»

Ему, как и всем, казалось, что его ждет здесь что-то необыкновенное, что все чувства его найдут здесь высшее проявление, он еще отдаст тут и силы и душу. Но в чем и как, он еще не знал. Полный ожиданий и тревог, он с надеждой вглядывался в горы Идзу, которые, казалось, что-то таили за собой, как занавес в театре.

«Дианы» больше не существовало.

В деревне за горячим чаем Путятин сказал капитану:

– А мы, господа, должны вспомнить судьбу Лаперуза. Нам больше ничего не остается!

– То есть... Строить судно?

– Да!

Прискакал на коне Эгава Тародзаймон. Он все время следил с берега за ходом судна.

– Я видел гибель «Дианы»... – сказал он, войдя и поклонившись.

– Что же, господин дайкан, в нашем положении нельзя падать духом. Мы решили строить новое судно, – сказал ему Путятин.

Эгава притих. Переводчик подробно пересказывал ему все, о чем стал говорить адмирал.

– Это очень приятно слышать, – сказал наконец Эгава, – только, пожалуйста, напишите все, что вам нужно. Составьте списки всего, что вам для постройки судна потребуется. И мы вам все это предоставим! – подняв голову и глядя адмиралу в глаза, сказал он.

Разговор происходил на соломенных матах, где уставшие, разутые офицеры сидели, про-сунув ноги под низенькие столики.

– Идея, кажется, находит отклик! – сказал Лесовский. – Это уж совсем недурно.

Но адмирал так привык к отказам японцев, что не верил ушам своим и слушал насторо-женно.

– Нужен лес. Нужны пильщики и плотники. Нужно железо. Нужны кузнецы. Нужна медь. Ведь медь у вас очень дорога. Пожалуйста, имейте это в виду. Список нужных вещей мы соста-вим вам. Я прикажу своим людям сделать из дерева образцы, которые надобно будет впослед-ствии отковать из меди.

– Пожалуйста, напишите в списке, сколько и какого надо леса и какие вещи из меди и какие вещи вам надо сделать из железа, – ответил Эгава. – Да, пожалуйста, представьте рисунки, если возможно, и укажите, что должны сделать мы и сколько и каких мастеров мы должны прислать в помощь вам.

– Когда, вы полагаете, это можно сделать?

– Да это как можно скорей надо сделать!

– Мы можем образцы сделать хоть завтра. Даже сегодня.

– Это будет хорошо.

Эгава прибыл с кавалькадой конных самураев. Один из них обратил на себя внимание Сибирцева, устало сидевшего со всеми вместе за чашкой чая, пока дайкан говорил с адмира-лом. Конь у этого японца был высок, как и у самого Эгава. Всадник ловко соскочил с седла. На нем были сапожки, какие носят американские ковбои, и шпоры. Алексею Николаевичу пока-залось, что и седло на коне совершенно не такое, как у японцев.

Возбуждаясь быстро и преодолевая усталость, Сибирцев вскочил и подошел к коню.

– Что за седло! – воскликнул он. – Настоящее кавалерийское! Из блестящей кожи, со стременами. Коре ва...²⁵ – заговорил он по-японски, обращаясь к хозяину коня и показывая на седло.

– Don't try to speak japan²⁶, – ответил японец на английском языке.

– О-о! It's wonderfully! ²⁷, – удивился Алексей Николаевич.

Так вот откуда у Эгава невиданная среди японцев посадка в седле и манера скакать повсюду на коне и так быстро отдавать распоряжения...

– Yes I am american²⁸, – пояснил японец, потуже запахивая короткое красное кимоно, похожее на ковбойскую рубашку с отворотом. Он достал из кармана брюк серебряный порт-сигар и предложил табак.

– I don't smoke! Many thanks²⁹, – ответил Сибирцев. Тогда японец достал дагерротип, изображающий мексиканца в шляпе, увешанного оружием.

²⁵ Это...

²⁶ Не пытайтесь говорить по-японски.

²⁷ О! Это удивительно!

²⁸ Да! Я американец.

²⁹ Я не курю. Премного благодарен.

– Кто это? – спросил Сибирцев.

– Я сам! В Америке! – резким тенором воскликнул японец и поднял руку с вытянутой ладонью над головой.

Накахама знал, что находится в исключительном положении. Его, единственного из простолудинов за всю историю Японии, принял сам сиогун, ныне покойный, такое любопытство разобрало Верхнего Господина, когда дошли до него рассказы японца, прожившего годы в Америке. Все же, чтобы закон исполнялся и считалось бы, что сиогун этот бывший рыбак, простолудин не увидел, перед тронном были повешены тонкие бамбуки, вроде занавеса, через который все было видно.

Первый в истории страны американский японец, стараясь как можно точнее отвечать на вопросы Верхнего Господина, смотрел на него, как полагается при разговоре, зная от американцев, что тут бояться больше нечего.

Так и получилось. За все проступки его не наказали, а отпустили с похвалами. Поэтому теперь Накахама море по колено. Он учил дайкана Эгава скакать по-испански, и, пока еще не было указа, запрещающего ему говорить с иностранцами, он осмелился встретиться с ро-эбису как бы вдруг. Он жил у Эгава как за пазухой, на всем готовом, но поговорить там по-английски не с кем. Он только начал учить сына Эгава и самого дайкана.

Алексей Николаевич и японец Накахама назвали себя и пожали руки.

Вышел Хори и позвал американца, тот просил Сибирцева извинить его и пошел в дом, но вскоре вышел.

– It's Tokkaido Road³⁰, – показал он на узкую дорогу, идущую между деревенскими садами. – And no permission for foreigners... to come. It's only... – Он засмеялся, закидывая голову, и хлопнул Сибирцева по плечу. – Monkey business!³¹

Он птицей вскочил в седло, натянул поводья и, дав коню шпоры, галопом умчался куда-то по дороге, ведущей к горам.

– Какие чудеса! – сказал Алексей Николаевич и подозвал Можайского. – Ты видел японца? Говорит по-английски! И уверяет, что нам нечего опасаться, если не будет позволения возвратиться по Токайдо к нашему лагерю.

– Так это Токайдо?

– Да.

– Вот это?! Впрочем, знаешь, дорога отличная, утрамбованная, только узка.

– Что ты хочешь, здесь деревня. Вот пойдем в лагерь, так посмотрим, какова дорога за околицей.

– Ты думаешь, есть у них околицы? Но как же Эгава? Не притянут его к ответственности за такого американца?

– Видно, нужный он человек.

– Может быть, такой же изобретатель, как Александр Федорович?

Можайский вздрогнул. Что толку в его изобретениях! Ничего не применимо, что ни придумаешь! Никому пока не нужно!

С утра Эгава строжайше допрашивал в Иноура лодочников, как смели они бросить «Диану» и разбежаться.

– Из-за этого поггло судно!

– Путятин смотрел на Фудзи и сам махнул рукой и велел всем разбежаться! – ответил отец Хэйбэя и добавил, что вчера все японцы хвалили его и восхищались, какой Путятин умный.

³⁰ Это дорога Токайдо.

³¹ Нет позволения иностранцам... идти по ней. Это только... мартышкин бизнес (пустое дело).

– Как же вы поняли его?

– Конечно, все поняли, – ответил Хэйбэй. – Он показал, и все увидели.

Эгава и чиновники требовали новых объяснений. Как посмели без разрешения бросить судно, обрубить буксиры и бежать?

– Путятин велел! – сказал молодой рыбак из Иноура.

– Да, он долго смотрел на гору Фудзи и махнул рукой, – подтвердил старшина лодочников. – Он очень правильно понял. Все знает!

Дайкан бранился и грозил пороть нерадивых, как порол их в канун сбора, когда ленились, но рыбаки стояли на своем.

Татноскэ объяснил Шиллингу, почему нельзя идти по берегу обратно в Миасима. Здесь-то и проходит главная императорская дорога между двумя столицами.

– Дорога утрямбована, красиво обсажена соснами и содержится в порядке, – объяснял Татноскэ. – Никогда по Токайдо не позволялось путешествовать иностранцам.

– А разве в Японии бывали иностранцы?

– Конечно, пленные...

Шиллинг ответил, что теперь страна все равно открывается, что же прятать эту дорогу.

– Пока еще Токайдо не проселочная дорога, – объяснил Татноскэ.

Пришел Эгава и просил адмирала не идти пешком, уверял, что за это ему – дайкану – придется отвечать.

Японец Накахама, с которым вчера познакомился Сибирцев, сидел тут же. Он в суконной мексиканской куртке и в рубашке с кушаком, из-за которого торчит рукоятка пистолета. Эгава запросил у правительства разрешения познакомить Накахама с ро-эбису, и пока нет ответа.

– Даже нечего ему подарить на память! – сетовал Сибирцев, шаря по карманам. – Good fellow! ³² – хлопнул он Накахама по плечу.

Тот достал бутылку сакэ и отдал Сибирцеву.

– Good indian! ³³ – сказал Накахама и тоже хлопнул Алексея.

Когда этот японец говорил со своими, речь его была тиха и плавна. Стоило ему заговорить по-английски, как голос менялся, становился на несколько тонов выше, превращался в резкий тенор, словно включали музыкальную шкатулку, воспроизводящую человеческую речь, лицо заострялось и жесты Накахама становились размашистей.

– Непозволительно гостей заставлять идти пешком. Вы поступаете против нашего обычая, – уверял Эгава. – Лодки для вас готовы. Мы доставим вас в Миасима.

– Come, come³⁴, – говорил Накахама.

Адмирал уже приказал выстроиться своим отдохнувшим матросам на улице.

– Сабли вон! – скомандовал Лесовский.

Построившиеся матросы обнажили палаши. И вдруг рысцой выбежали из переулка с копьями и ружьями два отряда японских солдат и подстроились к морякам.

– Напра-во! Шагом марш! – скомандовал Путятин.

– О-яма ни каннуки ва микка-инай-ни амэ... – пел в дороге Хэйбэй, которому вместе с другими рыбаками пришлось тащить тяжести.

На плечах у них шесты, а на шестах висят корзинки.

– Коса-о кабурева амэкадзэ... – распевал он.

На стоянке за обедом Шиллинг угостил Хэйбэя чаем.

³² Хороший парень.

³³ Хороший индеец.

³⁴ Идите, идите.

Молодому рыбаку жаль корабля, утонувшего в море. Он не мог забыть, как страшно огорчился адмирал. Ему жалко было Путятин, который бросил такое сокровище. Потерял его и теперь ходит пешком по берегу, как простой человек.

– Коса-о кабурева амэкадзэ-э...

– Что это значит, Татноскэ: «Коса-о кабурева амэкадзэ»? – спросил Шиллинг. Эти слова так и лезли ему в уши.

– Ояма ни каннуки ва... – объяснял Татноскэ, – это про гору Фудзи-сан. «Если на горе перекладина, то три дня будет идти дождь».

– А что значит «коса-о» и так далее?

– «Шапку надевает – сразу будет шквал, дождь с сильным ветром». Как раз, как вчера. Потому лодочники кинулись бежать и бросили судно и так кричали. И все дело в этом.

– Какие же еще есть приметы про Фудзияму? – спросил Путятин.

– На вершине перекладина, сегодня будет дождь...

– Да! А шапка на горе означает шквал?

– Да, вчера была такая погода, – ответил Татноскэ. – Здешние рыбаки суеверны и глупы. Они так объясняют.

– Нет, они не глупы...

– В этой деревне, где мы обедаем, все население вас очень любит, – сказал адмиралу Татноскэ, – и все вас благодарят, что вы их вчера вовремя отпустили. Весь народ благодарен адмиралу.

Путятин молчал. Посол и генерал флота, по их понятиям, конечно, должен знать капризы Фудзи! Все свалили на меня!

Путятин подумал, что в Миасима при новой встрече с Эгава не надо отрицать, что действительно отдал приказание лодочникам рубить буксиры и разбежаться, так как увидел шапку на голове госпожи Фудзи. И людей вырuchu, и чиновники удивятся.

– Да-да... предвещает шквал, если облако как шапка бонзы, – подтвердил Хэйбэй, сидевший среди русских подле адмирала в отведенном для гостей храме.

Вошел полицейский и потянул Хэйбэя за рукав.

– Иди скорей отсюда! С эбису запрещено разговаривать!

– Молчать! – рявкнул адмирал на полицейского. – Вон отсюда!

Полицейский поклонился и ушел.

Путятин и его люди доели арбузы и груши, докурили трубки. Проиграл горнист, и матросы с саблями опять стали строиться. И тотчас же поднялись ряды японских воинов и, бегом кинувшись на дорогу, встали по обе стороны моряков такими же стройными рядами. Они как бы предводительствовали и замыкали марш. Эбису выходили из Токайдо под охраной самураев.

«Но скоро может настать время, когда по дорогам бесконечными колоннами замаршируют японские войска в европейской форме, – подумал Алексей, – повезут артиллерию!»

Глава 23. Мир не без добрых людей

Накамура Тамея печально подпер кулаком щеку. Его маленькие черные глаза тоскливо смотрели на всемогущего Саэмона но джо. Еще неизвестно, как он поступит, может быть, захочет воспользоваться положением. Накамура Тамея обязан исполнять любые его распоряжения, даже страшные, поэтому он ждал. В глазах была тоска, от которой можно завывать.

Кавадзи сжал кулак, коротко дернулась его рука, он резко встал.

– Опять нет избавления от этого корабля! – вырвалось у Саэмона но джо.

Он не смог сдержаться. Идет Новый год, надо ехать в Эдо, к семьям, заканчивать дела. А мы опять и опять будем возиться с ними! И так все время. Когда же конец?!

– Русским очень не везет! – тихо сказал Накамура Тамея, сидя перед столиком с чернильницей, и закрыл лицо ладонями.

– Да, им не везет! – как бы приходя в себя и вздохнув, ответил Кавадзи. Он сел по другую сторону письменного стола. – Потому мы и занимаемся ими больше, чем собой и всеми другими делами... Все это очень опасно!

Одумавшись, Кавадзи продиктовал ответное письмо Эгава Тародзаймону. Деничиро, самый разбитной из чиновников, находившихся в распоряжении делегации, уже послан в помощь Эгава и приносит там большую пользу.

– Теперь письмо обязательно придется отвезти, – сказал Кавадзи, закончив диктовку.

Накамура Тамея готов. Он втайне обрадовался. Как и Кавадзи, он понимал, какие опасности и у каких даймио могут возникнуть. Народ темен и суеверен. И непокорен. Надо немедленно ехать и выручать и разобраться в положении на месте. Там могли произойти неожиданные неприятности. Накамура знал, что никто другой, как он, не умеет переговорить с ро-эбису, заняться с ними, догадаться о их нуждах. После того как их корабль погиб, они так ослабли и находились в такой беде, что Накамура относился к ним почти как к своим маленьким детям. Он хотел их скорей видеть. И никто не посмеет противоречить. Накамура Тамея – секретарь посольства бакуфу.

Обменялись мнениями. Пригласили всех других членов делегации и снова все обсудили. На лодке пришел из Миасима гонец.

Кавадзи вскрыл пакет и переменялся в лице.

– Произошло ужасное и непоправимое... – Кавадзи не на шутку перепугался. – Эгава Тародзаймон срочно сообщает, что при высадке... при высадке с погибшего корабля на берег... посол Путятин упал в воду...

– Посол упал в воду! – как громом пораженный, пролепетал Тсутсуй.

– Это безобразие! – вскричал Кога Кинидзиро. – Это невежливо. Лучше бы любой из нас упал в воду. Но гость не должен упасть в воду. Тем более вверх ногами! Надо немедленно командировать делегацию и извиниться перед послом.

Эгава писал, что, обвязавшись веревками, русские по одному прыгали в воду, привязанные к толстому канату, и так все спаслись.

– Это невежливо, недопустимо, – твердил Кога. – Они нас спасают, а мы их не могли спасти!

Все согласились, что надо послать делегацию с извинениями. Кавадзи сказал, что во главе поедет Накамура Тамея и отправляться надо сегодня же на лодке.

– Не только извинения надо послать, – сказал Кавадзи, – у них нет одежды... Надо немедленно послать письмо в Эдо, чтобы оттуда выслали для русских шестьсот ватных халатов и столько же кимоно.

«Но в столице не будет никакого шума из-за этого, – подумал он. – Там заняты собой и своими делами...»

Кавадзи чувствовал, что в стране назревают события, поэтому в Эдо все так заняты. Может начаться гражданская война. Южные княжества давно вооружаются сами. Они преданы тенно³⁵ по-своему, не так, как он и чиновники бакуфу. Не зря Путятин ходил в Осака!

Дела закончились. Накамура уехал, взяв все, что смогли собрать наскоро для русских. В море пошли волны, и, наверное, Накамура придется высадиться и переждать шторм. Саэмон но джо перечитывал вчерашние записи в дневнике:

Когда я слышу, что скоро
к нам
возвратится весна,
я думаю, – о, это дорожное ложе,
которому не видно конца...

«Нет конца, нет конца этим дорожным скитаниям и заботам. И не предвидится!»

Кавадзи взял кисть и написал:

«Очень хорошо, что с японской стороны нет никаких уступлений. Это очень отрудно». Дневник полуофициальный, и такие записи нужны... Зло разбирало его.

Как быть, этот корабль
всегда, как в безделье,
и утром и ночью
на нем
такой ужасный грохот.

За ужином все расхохотались, когда Кавадзи прочел эти стихи. «Стихи, конечно, плохие, но на злобу дня и очень подходят к случаю», – записал в дневнике Кавадзи.

Посьет прислал письмо из храма Гёкусэнди о том, что требует ускорить подготовку договора и что он иначе сам пойдет в Эдо.

– Посьет грозит: «Пойду в Эдо!» – сказал один из чиновников.

Начался общий хохот.

– Без кастрюлек! С тремя морскими солдатами. В Эдо! – хихикая и трясая головой, выдавил Тсутсуй. – О-о-о... очень сме-е-еш-но!

Кавадзи пил сакэ. Отпустив гостей, он читал книгу китайского писателя Те О Хоку. История игривая. Китайский император, когда надо было заключать договор с соседней страной, послал к ее императрице красивого мужчину. Красавец заслужил ее расположение... Вопрос о договорах он обсуждал с царицей, лежа в кровати. Так Китай получил большие выгоды... Этот посланник был приближенным императора, по имени Таку Сэки. «Вот если бы у Саэмона но джо голова не была бы седая! Таку Сэки, конечно, было хорошо! А вот в какое положение попала под ним императрица!»

Кавадзи записал:

«Хоть и стар, однако есть еще цвет лотоса!» Все лезет и лезет в голову!

Утром пришел чиновник и писатель Кикиути Дайскэ. Он исполнил поручение и передал русским, живущим в храме Гёкусэнди, сакэ и продукты.

– Меня встретил сам Посьет и стал приглашать, делая обеими руками такие движения, как будто загребал веслами. Сказал по-японски «спасибо». Увидел бочку, когда ее внесли, спросил: «Это сакэ?» Попробовал соленья большой ложкой и обрадовался.

³⁵ Императору.

«Красота качеств – твердость характера, – размышлял Кавадзи, – хорошо, когда человек рождается с достоинствами, но потом его воспитывают, чтобы развить врожденные хорошие качества. Потом он пользуется ими. Нужно быть сильным и решительным. Если воин нерешителен, то даже если он родился с достоинствами, он – как незрелый рис или белый арбуз. Я хочу служить стране, быть сильным, выбирать людей и воодушевлять, подобно тому как голодных надо кормить хорошим рисом, а в жару есть красный арбуз...»

Кавадзи записал: «Какие бы ни были достоинства человека при рождении, но если его не научить, то, даже повинаясь закону почитания родителей, он не спасет отца и мать, если не будет уметь плавать».

Весь день писались стихи.

«Не знаю, когда возвращусь домой. Очень долго еще... Вот Путятин уехал от родины на 1073 ри³⁶. Корабль его затонул, так что и корпуса теперь не видно... Путятин – настоящий герой. Он думает о долге и не падает духом... Нельзя не восхищаться. Эти варвары заслуживают сочувствия и подражания!»

А уж наступала весна. Зацвела горная слива. Скоро падет легкий теплый снег и будет лежать на ее розовых цветах и таять под жарким весенним солнцем. Ослепительно заблещет красота божественной Фудзи в чистом синем небе...

«Мы смеемся над эбису, но признаем, что Путятин – герой. В цивилизованном обществе, где смеются над сантиментами, каждое доброе дело должно быть оправдано практически. Так учит нас время! Так мы знаем сами издавна. Мы ценим Путятину и отменяем ради него закон предков, разрешаем ему жить в Японии и оправдываем это тем, что он для нас построит корабль. Но признаемся же, что это не только так. Мы привыкли к послу Путятину и к его людям, и есть что-то другое, еще лучшее в нашем гостеприимстве, чем только желание получить чертеж или корабль, хотя они нам очень нужны. Может быть, это бамбуковая завеса наших чувств? Отношения людей важнее договоров? Известие о гибели судна! О постройке нового корабля! Так хочет Путятин!»

Верхом прискакал Накахама.

– Пришел указ. Мне запрещено разговаривать с эбису и показываться им на глаза! Но я проехал мимо, отправленный дайканом сюда, к Саэмону но джо. Эбису шагают по Токайдо в обратном направлении. Впереди их моряков идут самураи. На них, как всегда случается с путниками на Токайдо, наехал пьяный самурай на коне. И его сразу так взяли воины Эгава, что он и не пикнул. И укатили его волоком неизвестно куда. Эгава не шутит. Он очень доволен, что правительство скоро разрешит строить Путятину корабль.

Вечером опять смеялись. Саэмону но джо вспомнилась история про китайца-любовника и русскую царицу Софью. «Как гениально! – подумал он. – Да, жаль, жаль, что у Саэмона но джо седая голова...»

Потом он вспомнил про детей и задумался о серьезных заботах.

Запахавшийся Накамура Тамея, высадившись на берег, догнал Путятину на пути в Миасима. Накамура дрожал от радости, шагая подле адмирала, капитана и офицеров и видя всех своих знакомых в целостности и сохранности.

– Я очень рад, – говорил он, – что все ваши матросы целы и ни один не погиб... Мне уже не надо дальше находиться в Симода, английские корабли Стирлинга прошли мимо мыса Идзу так далеко, что едва было их видно... Да, прошли мимо уже обратно, и все благополучно... А французов еще не видно.

«Что тут ему ответить! – подумал Лесовский. – Спасибо за хорошие вести! Да, уж что тут хорошего... Да и не принято у нас».

³⁶ Ри – около 4 километров.

Марш приостановлен в первой же деревне. Накамура сказал, что рис, сакэ, сласти посланы для адмирала. Еще куриные яйца, соленья, а в Миасима, где все остальные русские, отправлена Саэмоном но джо и Тсутсуем целая джонка с продовольствием.

– Нас Эгава все спрашивает, – рассказывал Путятин, сидя с Накамура Тамея: – «Почему вы так упражняете свои войска? Словно каждый день ждете начала сражения?» Я ему отвечаю: «Потому, что английский адмирал Стирлинг ищет нас. И французы тоже. Нападение на нас может быть совершено в любой миг. И только поэтому мы все время занимаемся военными упражнениями. А совсем не против вас».

Накамура Тамея, притихший и умиротворенный, кротко кивал своей огромной сократовской головой.

Путятин после чая ушел на берег. Накамура забрался в дом, отведенный для отдыха, разулся, достал трубку и закурил. Потом со злостью бросил трубку в чугунную чашу и велел подать верхний халат.

– Что делает посол?

– Смотрит на море в трубу... – отвечал чиновник. – Так потихоньку слезы у него появляются... Немного...

– Я пойду к послу! – сказал Накамура.

Он взял трость и своей небрежной торопливой походкой зашагал к берегу.

Глава 24. Адмирал Стирлинг

Английская морская пехота одевалась в ярко-красные мундиры и в высокие кивера. Род войск создан для войн, которые вели в колониях, выходя на берег с кораблей. Матросы не любили этих багрянопузых, которые хотя и помогали работать на корабле, переодеваясь в парусину и рабочие синие куртки во время авралов, но все же так и оставались в глазах экипажа бездельниками с франтовской одеждой в запасе, готовыми всегда к резне.

У большинства матросов, служивших на так называемой ост-индской эскадре, складывались с китайцами преотличные отношения. В Кантоне для английских моряков китайцы приготавливали шикарнейший напиток из местной просяной водки, крепкой, как спирт, с разными подмесями, от которых англичанин сразу добрел, забывал гордость и превосходство, а потом приходил в безумный восторг. Кантон особенно ценился английскими матросами и оставался мечтой каждого мореплавателя в нижнем чине. Там можно было спустить весь свой бесполезный на корабле заработок. Не у каждого была своя милая Дженни в Гонконге. Китаец всегда знал, чем угодить и как выкачать у матроса все до последнего пенни. Английские образованные купцы были рады, что так хорошо их командам в китайских портах. Сами купцы считали себя глубоко обиженными и обманутыми маньчжурскими властями, а также своими китайскими посредниками в торговле опиумом и считали, что самые большие выгоды от этой торговли извлекаются китайскими компрадорами и что китайцы жестоко эксплуатируют англичан. Английские коммерсанты, интересы которых парламент требовал отстаивать во всем мире, не могли тягаться на деле с китайскими торговцами.

Бриджерсу мало дела до всего этого. Но морскую пехоту он терпеть не мог. Эти красные мундиры все же недостойно действовали в Кантоне, оскорбляли знакомых.

У матросов и с китайками вообще отношения прекрасные. Как каждый белокурый северянин, матрос падок на смуглую красоту, и тот, кто давно служил в этих морях, как Джон Бриджерс, ни за что не сменял бы свою тоненькую, изящную китайку Дженни из глубины пропахнувших чесноком трущоб Гонконга на англичанку или немку с большими ногами и с еще большими, непосильными для матроса видами и претензиями на благосостояние.

Английский флот в этих морях нов и хорошо вооружен. Во всех портах, открытых по мирному договору с китайцами после опиумной войны, стояли винтовые суда с дальнобойной артиллерией, и, когда надо, на берег высаживалась морская пехота. Известие о том, что красные мундиры самые храбрые и смелые, широко распространилось повсюду. Любопытно, достигло ли оно Японии?

Вот теперь отряды красных мундиров идут туда. Джон Бриджерс их терпеть не мог еще из ревности. Кто сказал, что они самые храбрые?! В этом можно верить разномастных новичков на эскадре – часть из них католики-ласкары³⁷, – но не такого смельчака, как Бриджерс.

На зимнюю охоту? На Камчатке, говорят, мороз даже сейчас, летом. Если Джона Бриджерса спросят, чем он доказал свою храбрость, то он не станет отвечать. На ост-индской и на китайской эскадрах это и так известно. На парад он надевает медали. Но дело не в этом.

Он служил у Чарльза Эллиота, стоял с ним рядом, видел сам, как этот великий моряк, разговаривая со шкипером китайского корабля, вынул из-за пояса пистолет и спокойно прострелил пирату голову.

Доблесть невелика! Так вы скажете? Но надо было видеть, как это спокойно сделано. Чарльз Эллиот натерпелся от китайцев и пробовал их уговаривать, всегда полагая, что англичане и китайцы лучшие друзья. А кончил тем, что основал Гонконг. Джон под его командова-

³⁷ Ласкары – матросы – уроженцы Индии.

нием стал смельчаком. Особенно когда охотились за китайскими значками; это что-то вроде выпелов на их джонках правительственного флота.

«Ребята, добудем еще одну...» – так, бывало, говорили товарищи. И добывали. На каждом судне была своя коллекция таких трофеев. Это на реке Жемчужной.

В виду ее низких заиленных берегов, между мелей, лоцманам известны глубины. На островах китайские идеалисты захватили однажды громадный склад опиума и сожгли. Зрелище было эффектное. Джон сам видел. После этого наш Чарльз перестал посылать унижающие достоинство британца письма к китайскому уполномоченному, и началась стрельба. А потом явились красные мундиры, не понимающие еще ни красоты плоских пейзажей на Янцзы и Жемчужной, ни прелести китайских кварталов, ни всей высоты наслаждения смесью ханьшина черт знает с чем, доставку которой хорошие китайцы – друзья моряков, бомбардировавших их город, – не прекращали во время войны.

Джону никогда и в голову не приходило, есть ли у Дженни какое-либо собственное отношение к войне. Она китаянка, но она, конечно, на моей стороне. Она женщина!

Такова была печалившая Джона история красных мундиров, которую он вспоминал, стоя с ружьем на вахте, когда по трапам, на корабли, стоящие на рейде напротив Шанхая на реке, подымалась морская пехота.

Шанхай кое-чем похож на Гонконг. Улица богатых домов с колоннадами и с тяжелыми каменными оградами подошла, как кажется с рейда, к самой реке.

Тут, в Шанхае, не бывало таких побоищ, как в Кантоне, но морскую пехоту привозили сюда, в опасных случаях она высаживалась и, поддерживая порядок, стояла лагерем в городе, а в последнее время селилась в особо отстроенных, укрепленных казармах. Это с тех пор, как у китайцев идет гражданская война и они между собой дерутся под самым городом Шанхаем.

Джон прохаживается с ружьем и зорко оглядывает проходящие лодки китайцев, чтобы какая не подошла к борту и не взорвалась вместе с пароходом. «Но зачем нас гонят на север? После Японии мы должны, говорят, идти к берегам Сибири. Япония, конечно, очень интересна. Но к тому времени, когда адмирал припугнет японцев, уже все будет уничтожено у берегов Сибири другой английской эскадрой, которой командует Прайс. Зачем же нам туда? Уничтожать то, что уже уничтожено? И что в Японии? Как там почувствует себя морская пехота?» В Гонконге, когда уходили оттуда, провожая Джона, милая Дженни дала понять, что она будет очень плакать, потому что ведь это очень страшно. Японцы не китайцы. Китай – великая держава, и китайцы – очень большой народ, и они ничего не боятся. Они мирны. А японцы живут среди моря, и каждый японец, как она слыхала от американских моряков, ходит с двумя саблями и может очень остро обрезать и не побояться красномундирников в прибрежной войне. «Вы объясните им, что красные мундиры всех побеждают, – просила Дженни, – а то они могут не понять!»

«Сволочи эти американцы!» – думает Джон.

Дело в том, что трудно вести войну с Россией из Гонконга. Нужны другие порты. Где? Адмиралтейство требует от нервного и властного адмирала сэра Джеймса Стирлинга занятия порта в Японии на ее северном острове, куда открыт доступ кораблям всех морских держав, если точно следовать духу договора Перри. Но пока еще нет доступа английским кораблям.

Говорят, что можно занять удобную бухту на Татарском побережье. Для этого послать суда адмирала Стирлинга на поиски бухты. Повод для похода туда – война с Россией. Но Стирлинг полагает, что на суше подле русских поселений занятие бухты принесет больше хлопот, чем пользы. Бухту на материке между Россией и Кореей можно занять, но лишь впоследствии. А начинать дело надо оттуда, где продовольствие и топливо в изобилии, есть услужливые рабочие руки и где база будет отделена морем от России, не имеющей сильного флота.

Эскадра адмирала Стирлинга шла в Японию, чтобы заключить договор с японцами о вечной дружбе и торговле.

Хотя сэр Джеймс брал с собой морскую пехоту, но миссия была очень дружеская, а хорошее вооружение и боевая готовность эскадры оправдывались вполне военным временем.

Нервное лицо адмирала подергивал тик. Надо занять базы для поддержания флота Прайса и потом присоединиться к нему и наносить удар за ударом, по очереди посылая многочисленные суда на отдых и для освежения в Северную Японию.

Загружены бочки с солониной, живые быки, свиньи, бараны и куры. Грузили еще до прибытия морской пехоты. Для животных, чтобы не теряли в весе, взят корм в отличной упаковке. Доставили компрадоры прямо в контору купца из деревень.

Не только быки и бараны. Но даже индейки. Адмирал любит индейку в праздничный день, когда, переодевшись в штатское платье, в белоснежной крахмальной рубашке с большим стоячим воротничком и с пышным бантом, с салфеткой нахось через широкую осанистую грудь, он сядет за стол и возьмет серебряные нож и вилку. Начинается священнодействие. Тогда он позволяет своему сыну, лейтенанту Артуру Стирлингу, командиру колесного парохода «Барракута», явиться в свой салон не как к адмиралу, а как к отцу.

Продовольствие взято в избытке, самое лучшее. В Европе даже не знают всех тонкостей, изобретенных китайцами. Их птица и скот особенно хороши, мясу придан какой-то особенный чудесный вкус и аромат. Конечно, если от парней в жилой палубе индейки не наберутся запаха дезинфицирующих лекарств, табака и гнилого пота. Так эскадра готова к длительному плаванью. В тропиках в августе и сентябре англичане запаслись всем для Рождества и зимних праздников. Конечно, от благородных коммерсантов были присланы перед самым отходом подарки, в том числе довольно дорогие. Очень тронуло Джеймса Стирлинга, что, как всегда, от китайских богачей подарки были дороже и замечательней, чем от подданных королевы. Уполномоченный и компаньон лондонской фирмы, богатый еврей, прислал вдобавок к купленным еще сотню лучших рождественских индеек, корм, клетки, поилки. А китаец-миллионер с поклоном поднес лично адмиралу запонки червонного ажурного золота и такую же булавку, обе вещи с бриллиантами, и еще зеркала и коллекцию фарфоровых чайников к сервизу.

Для офицеров парохода, которым командовал сын адмирала, и для его матросов доставлены бочата с ромом и конверты с рождественской картинкой и с надписью: «Веселого Рождества и счастливого Нового года!», «От фирмы...»

«Прощайте мухи и москиты! Прощай черный дождь кусающихся насекомых», – думал молодой офицер Тронсон, обязавшийся быть летописцем первой английской экспедиции в Японию. О неуспехе и речи быть не могло теперь, после Перри.

Седьмого сентября 1854 года, на рассвете, более чем за четыре недели до того, как Путятин перед отплытием пил чай в холодной избе на мысу Лазарева у Невельского, эскадра Стирлинга вышла из вод реки Янцзы, которые продолжают свое мутноглинистое течение далеко в океане, даже когда не видно берегов Китая.

В составе эскадры парусный корабль флота Ее Величества «Винчестер», вооруженный пятьюдесятью пушками, винтовой пароход «Энкоунтер» и колесные пароходы «Стикс» и «Барракута». На винтовом пароходе четырнадцать, а на колесных по шесть усовершенствованных дальнобойных орудий.

Адмирал Джеймс Стирлинг держит свой флаг на парусном Корабле «Винчестер». Гордый своим прогрессивным консерватизмом, адмирал отлично ведет современный паровой флот, следующий в кильватерной колонне за парусным старомодным красавцем.

Лучшим из колесных пароходов, «Барракутой», командует родной сын, Артур Стирлинг, молодой человек, увлеченный машинами и античной мифологией, образованный моряк, коллекционер антиков и библиофил, прощающий отцу его консервативные чудачества. Отец счи-

тает, что Артур немного испорчен современным воспитанием. В случае безветрия и штиля он возьмет пятидесятипушечный корабль Джеймса Стирлинга на буксир. Впрочем – нет! Паруса уже заполаскивает.

– Пусть на буксир нас возьмет «Энкоунтер»! – приказывает адмирал с великолепными бакенбардами, с высокомерным, но несколько нервным взглядом из-под густых черных бровей.

Флаг-капитан обращается к флаг-лейтенанту, и офицер спускается с мостика, чтобы передать распоряжение.

Мутные воды Янцзы – Сына океана – голубеют. Пятьдесят миль прошли от берегов Китая. Солнце всходит. В море полная тишина. Кажется, что четыре корабля идут по гладкому, как зеркало, небольшому озеру. Поразительная чистота воздуха. Кое-где стоят рыбацкие лодки со сложенными соломенными парусами, похожими на оранжевых гусениц, забравшихся на голубые мачты. Другие лодки, как красные веера, воткнуты в океан там, где дует ветер.

На «Барракуте», которая, несмотря на свои колеса, была быстрее винтового «Энкоунтера», главный инженер Боултон, перепачканный, как кочегар, не вылезал из машинного отделения, готовя своих любимцев к великим испытаниям. Машины надежно укрыты, и пробить защищающие их щиты японцы не смогут ни в коем случае, а русские должны оказаться неимоверными артистами, чтобы ухитриться и попасть в сердце «Барракуты». Сознавая безопасность машин, чувствуешь всю прелесть и превосходство своего уютного положения и хочется отдать этим машинам всю энергию, которая теперь, с выходом в море, может быть направлена целиком на дело. Вечером на корабле никуда не пойдешь! Это не Шанхай!

Лейтенант Тронсон записывает впечатления или читает книги о Японии.

Адмирал в Шанхае жил в доме английского консула, знаменитого Алькока. Однажды он не пришел ночевать. Утром с парохода съехал Артур и нашел отца. Сэр Джеймс оказался в ресторане китайского квартала. Гроза Китая сидел, переодетый в китайское платье, со своим другом, китайским богачом-компрадором, свободно говорившим на пиджин-инглиш (голубином английском), как называется кантонско-гонконгский жаргон. Они рисовали на тонкой бумаге иероглифы. Никто, конечно, не спросил адмирала, где он провел ночь под воскресенье. Коричневые мешки с прочернью под глазами Джеймса Стирлинга провисли и одрябли за эти сутки и спустились на щеки еще ниже.

Артур Стирлинг предпочитает Гонконг. На острове Виктория лейтенант бывает в гонконгском обществе, в доме высокопоставленного английского чиновника, играет в крикет, ездит на пик Виктория, где летом прохладно, и весь небольшой остров виден оттуда как на ладони, вместе с коричневыми выемками, которые пробиваются и вырезаются в скалистых сопках китайскими рабочими, снимающими слой земли с кустарниками и желтой травой. На людях и на быках везут выпиленные из скал кубы камня для постройки прочных домов. С пика виден океан, множество рифов, каменистых островов и островов-холмов, теперь принадлежащих Великобритании. Как молодой человек, Артур отдавал дань модным увлечениям. Гонконг предпочтен всем другим городам Дальнего Востока. О вкусах не спорят. Теперь он сам видел, как отец сидел с китайцем и ел трепангов, макая пампушку в коричневый соус.

– Что хорошего в Гонконге? – говорил отец за обедом.

Артур знает, что у отца большие нелады с губернатором Гонконга сэром Джоном Боурингом, они неприязненны друг к другу, как два провинциала. Вообще, как замечал Джеймс Стирлинг, английская жизнь в Гонконге довольно провинциальна, как и в Шанхае. Но в Шанхае стоит переступить границу китайского города – и сразу попадешь в мир страстей и столкновений политических, одновременно и в мир тайн. Словом, у китайцев есть интересы, надо только привыкнуть к запахам, и тогда жизнь в колонии не угнетает. Даже в Шанхае живешь почти как в столице.

– Что такое Гонконг? – повторяет отец. – Жалкое гнездо коммерсантов, обезумевших от сыплющегося на них золотого дождя! Притон для спекуляции! Гнусная провинция, подражание худшим образцам. Жалкие отребья! Гонконг – это дорогостоящее предприятие дурного тона, господ!

Капитаны кораблей, приглашенные на обед, слушали все это после серьезного и делового разговора, когда адмирал с замечательной осведомленностью объяснял суть дипломатической миссии в Японию. По части дипломатической он собаку съел. Не впервой замечено, что адмирал становится сумасшедшим, едва при нем упоминают о Гонконге. Но это касалось только Гонконга. Адмирал тогда употреблял крайние резкости и ругался, как английская газета. Еще он сказал, что эскадра идет с небывалой скоростью.

С рассветом выйдя из вод Янцзы, после полудня уже заметили первые рифы в пальмах, а потом и маленькие японские острова. Появились рыбаки с четырехугольными парусами, которые так малы, что кажутся зарифленными. Не с китайскими, похожими на красные веера.

Офицеры, конечно, озабочены походом к берегам Сибири для уничтожения русских селтльментов и новых постов на Амуре, на реке, которую русские себе приобрели и которая тянется не меньше, чем на две тысячи миль по Азии.

Амур, как слышал Стирлинг от китобоев, по цвету воды похож на Янцзы, и тоже далеко эту воду видно в океане.

Получить у Китая по договору право плавания по рекам Китая. И если Амур является пограничной рекой между Китаем и Россией, то надо получить право на плавание по этой реке! Право плавания по Амуру! В Амур явятся английские суда. А для этого нужна новая война, но не с Россией, а с Китаем. Она назревает. А дипломаты, прибывшие в Китай, прежде всего советуются обо всем в Гонконге с губернатором Боурингом и с коммерсантами. Там шотландцы, ирландцы, американцы, евреи, голландцы, им дела нет до замыслов Стирлинга. Им надо кусок материка напротив Гонконга, чтобы оттуда не могли выстрелить по городу на близком острове. У них прицел точен. Ввозить в реку Жемчужную как можно больше опиума. Качать оттуда серебро. И превращать все в золото. Отправлять в Сити. И не только в Сити. А сын Артур видит в Гонконге романтическую сторону, которой там нет.

Война с Китаем все же будет обязательно. Одними литературными сочинениями против России не обойдешься. Но трудно, воюя против Китая, внушать Китаю, что его главный враг Россия, а не Англия.

Какая чушь, скажут капитаны, если им изложить, что для решения всего этого идешь в Японию.

Эскадра Прайса уничтожает Камчатку и занимает ее. Суда идут для освежения в Японию. На будущий год, опираясь на базы в портах Японии, оба флота – Прайса и Стирлинга – закончат полное уничтожение русских селтльментов, отутюжат их берега. Но делать это надо, на что-то опираясь, – там, у русских, голодно. Такой сытой, еще не тронутой опорой должна стать Япония с ее птицей, скотом и рисом. Флоты будут зимовать и снова воевать вдали от китайских компрадоров и английских фирм, которые поставляют солонину и живых быков. Все это придется получать в Японии. Но просить надо так, чтобы сами предлагали.

Перри оговорил в трактате, что Америке предоставлены будут Японией права: заход судов в порты, снабжение судов водой, топливом и продовольствием. Назначение консулов. Что же еще надо английскому флоту для ведения войны? Мясо будет, овощи, фрукты тоже. Мука и рис. Но важнее всего право захода судов для ремонта.

Поврежденным в боях кораблям очень близко и удобно отходить от русских гаваней, починяться в Японии и опять идти на войну.

Но ужасна участь Перри.

Коммодор торжествовал победу по заслугам. Но на пути в Штаты его ожидали неприятности. Зибольд, оказывается, не плывал с Путятиным.

Зибольд напечатал статью в известнейшем немецком журнале о том, что хотя договор с японцами подписан коммодором Перри, но подлинным открывателем Японии являются не американцы, а русский адмирал Путятин. Знаменитый ученый это доказывал.

Одновременно одна из английских газет Путятину приписала всю честь открытия Японии, несмотря на то что Англия уже вступала в войну. Раздались отклики в Швеции, нашлись сторонники Путятина. И только русские газеты и русское общество отдавали дань успеху американцев, умалчивая о Путятине, как о ком-то, кажется, неизвестном. В царской столице, видимо, судили как всегда: «Куда уж нам-то лезть!»

...Перри испытал сильнейший сердечный приступ, видя эту низкую зависть тех, кого считал своими союзниками. Образованная Европа предавала свободную Америку, становясь на сторону хитрых казаков.

В скором времени после этого Перри, возвратясь домой, заболел.

В Японию шли не одни. На реке Вусунг у Шанхая долго ждали прибытия французского адмирала на корабле «Жанна д'Арк». Француз пришел и сел на мель. У французов нет опыта, нет достаточного умения входить в китайские реки. Английские пароходы тянули корабль с мели, и когда наконец после долгих стараний он всплыл, то оказалось, что потребуется длительный ремонт, который займет более месяца. А стоял август.

– Какой же смысл ждать? – сказал Джеймс Стирлинг. – Потеряем месяц и не успеем из-за нашего галантного союзника начать в этом году военные действия.

Французов ждали, из-за них упущено время, а если еще ждать, то впереди катастрофа, которую не простит адмиралу его враг, гонконгский губернатор. Боуринг открывает школы, газеты, строит церкви, он популярен. Ему, а не Эллиоту, старому морскому волку, приписывается вся честь воссоединения Гонконга, и он чуть ли не основателем города себя считает.

План Стирлинга ясен. Поход в Японию для заключения договора. В октябре эскадрой посещаются русские заселения на Охотском побережье и на устье Амура, в то время как мощная эскадра Прайса в сентябре уничтожает порт и крепость Петропавловск-на-Камчатке и все русские заселения на Курильских островах. С наступлением холодов эскадра Стирлинга возвращается в Японию, в ее открытые по договору порты, для ремонта, пополнения запасов продовольствия, зимует в Японии. Проходят Рождество и Новый год. Есть ли там елки? Индейки с собой, но елки не возьмешь; их и нет ни в Гонконге, ни в Шанхае.

Стирлинг, войдя в Нагасаки с такой мощной эскадрой, сошлется на договор с Америкой и потребует все права. А потом – погоня за эскадрой Путятина, ушедшей к русским берегам. Где же сам Путятин? Один из американских китобоев доставил в Шанхай сведения, что Путятин на единственном корабле собирается в Хакодате. Жаль, что не в Нагасаки. Бойтся идти на юг. Пароходы с машинами известных фирм прошли за один день от Шанхая до Нагасаки. Так, 8 сентября по западному календарю Стирлинг с эскадрой был в виду Нагасаки. Как человек пожилой, он готов к походу на север, и к зимовке в Японии, и к новому походу еще. Он не скучает о семье и доме. Сын с собой, а все остальное тревожит мало.

Хотя «галантный союзник» отстал и затянулся в шанхайский док, но эскадра носит союзный характер, дух сотрудничества подкрепляет благородство британцев, и требования к японским бюрократам будут категорические. Без союзников все же лучше. Это закон флота. Драться надо так, чтобы можно было прежде всего наказывать своих, а не разводиться с «галантным союзником» японские церемонии. Хорошо! Пусть стоит в шанхайском доке!

Четыре корабля, вытянувшись в линию, заняли боевую позицию. Артиллерия приготовлена к бою. Красные мундиры убраны в глубь корабля. Морская пехота – это заключительный аккорд.

Нагасакский губернатор князь Чикугу но ками давно уж стал прогрессивным человеком. Иначе лишится выгод и служебного положения. А известно, что самая выгодная служба в Япо-

нии – быть нагасакским губернатором. Почему? Это опять пришлось бы долго рассказывать князю, если бы даже спросил родной сын. Тут ведь фактории голландцев и китайцев. Тут множество японских купцов. Остальное ясно.

Не прошло еще двух лет с тех пор, как нагасакские губернаторы хотели подвести к борту «Паллады» джонку с порохом, чтобы взорвать невежественных эбису. Но времена переменялись, бешеный прогресс захлестнул и старых князей юга.

На эскадру посланы чиновники. Эскадре сразу разрешено войти в бухту, послано что-то вроде приглашения. Не какие действительно энергичные математики и ученые пришли на этих кораблях! Войдя в бухту, они бросили якорь и сразу заметили и сосчитали наведенные с берега и с острова тройные ряды жерл артиллерийских орудий. Какая перемена с тех пор, как тут были русские! И все шутили, и все издевались над японской береговой артиллерией! А теперь тут поставлены новые пушки, отлитые Эгава Тародзаймоном, и пушки, купленные через голландцев. В прошлом году сюда в качестве посла на переговоры с Путятиным приезжал бывший начальник береговой охраны страны Кавадзи. Сравнив корабельную артиллерию эбису с нагасакской, он приказал перевооружаться. Он также посетил голландскую и китайскую фактории и вел там тайные переговоры от имени правительства. В Нагасаки на островке стоит маленькая голландская фактория, такая же маленькая, как сама Голландия на карте мира. В свое время, когда шла наполеоновская война, англичане постарались, чтобы в закрытой стране узнали, что Голландия, с которой Япония торгует, и единственная из европейских стран, которой дозволено иметь факторию в Японии, уже не существует. Она завоевана Наполеоном.

Еще тогда Запад начал задавать головоломки японскому правительству. Но потом, как объяснили японцам пленные англичане, сидевшие в клетках после кораблекрушений, Англия победила Францию и дала свободу Голландии, и с тех пор весь мир свободен. Путятин потом все это объяснял по-другому. Еще Гончаров рассказал про все события того времени, не выпячивая ничего геройства, но получалось правдоподобно вполне. Гончарову можно верить.

Вот и результат. Английская эскадра окружена наведенной на нее японской артиллерией. Англичане срочно подсчитывают число пушек, все рисуют, изучают. Лейтенант Тронсон все это описывает вечером.

Красный шар на белых флагах, обступивших со всех сторон полосатого джека, который в красном жакете явился в Японию. На море – отличных форм белые лодки с голыми гребцами и воинами в голубых шелках, с ослепительно сверкающим оружием.

Стирлинг в таком положении сразу решил переменить тон и тактику. Главный инженер Боултон пригласил японских чиновников и рисовальщиков в машинное отделение «Барракуты» и разрешил срисовать детали машин и цилиндров. Офицеры объявили японцам, что хотят изучать этнографию и антропологию, поэтому приглашают на суда людей разных сословий.

Первая официальная встреча с губернатором происходила в Управлении Западных Приемов в замке на холме. Этой встречи ждали долго, терпеливо, и план посещения русских селтментов в эту осень на Амуре летел в трубу, так как уйти из Нагасаки без договора нельзя, а ответ на предложение Джеймса Стерлинга губернатор дать не мог, не запросив Эдо. Грозить пушками стране, которая подписала договор о дружбе с Америкой, тоже нельзя. Губернатор ведет переговоры в замке, окруженном войсками. Драку тут не с кем затевать, даже нет на улицах толпы, как бывает в китайских городках, а всюду ошетинившиеся оружием отряды вежливых войск.

Но были сделаны антропологические выводы. Изучена архитектура. Добыты сведения по этнографии и сделано множество рисунков японских батарей.

Артур понимал, что отец опять поступил очень легкомысленно и что планы его невыполнимы. Молодой офицер догадывался, что и товарищи его такого же мнения. Что на эскадре осуждают отца. Далеко не все, конечно. Многие заняты своими личными делами и втайне рады,

что не надо идти к берегам Сибири. Стоянка в Японии в эту пору – прелесть и наслаждение. Открытие происходит за открытием. Переводчики рассказывают про удивительные изобретения японцев, до которых не додумались ни в Вавилоне, ни в семейных банях Древнего Рима! Могут иметь значение для Европы не меньшее, чем изобретение паровой машины.

Но отец все же ошибся. Губернатор Гонконга Боуринг теперь обвинит его в упущении времени. А там – скандал в парламенте. Как деловой человек, Артур хотел бы выручить отца.

Замок Западных Приемов великолепен. Здание на горе, и к нему ведет широчайшая лестница прямо вверх от самой бухты. По этой лестнице пропущены в качестве почетного караула моряки, а за ними – в виде устрашающего эксперимента – красные мундиры.

На плоской горе – плоский замок, низкий, но с огромной крышей над балкой белой стены, похожий на буддийский монастырь в Тибете. Старинное здание, построенное в эпоху, когда даже послы западных народов ходили в длинных камзолах и кафтанах. Все служебные помещения, будки над морем, дома частных лиц затянуты полосатыми материалами... Что это значит и зачем так сделано – все знали: от молодого лейтенанта Тронсона до адмирала.

Снова ожидалась инструкция из Эдо и ответы на вопросы губернаторов.

Вывод, сделанный Тронсоном, он изложил в беседах с товарищами:

– Низший класс монголоидный, типы с приплюснутыми черепами, скуластые. Крепкого телосложения. Высший класс – аристократы, видимо, потомки пришельцев из других стран, может быть, из Нормандии. У высшего класса глаза со складкой над верхним веком, дынеобразная форма головы, почти то же, что длинноголовые арийцы. Это поразительно, как выводы науки о современных господствующих расах удастся подтвердить повсюду.

«Дынеобразные потомки завоевателей будут командовать, а монголоидные богатыри пойдут под ядра?» – подумал Артур. Все это вернуло его к мысли о древних греках. Почему-то так получилось! Белокурый народ стал походить на турок или на арабов больше, чем на своих предков!

Начались наконец беседы отца с губернаторами о заключении договора о дружбе.

– Правда ли, что у Англии сейчас война? – спросил губернатор.

– Да, война с Россией.

– Но почему бывают войны в Европе?

– «Когда какое-либо из государств усиливается, – объяснял в свое время Гончаров, – то тогда другие страны дружно объединяются, чтобы этого не было».

– Это очень хорошо. Борьба против русского насилия, – соглашался губернатор, выслушав объяснение.

– Да, русские хотели поработить турок. А мы и французы встали на защиту угнетенных.

– Значит, страна Россия очень усилилась и сильнее каждой из сторон противника в отдельности?

– Нет-нет! Англия всегда сильнее России. Но мы за справедливость.

– А-а! Это очень хорошо. Очень приятно. Да-да... Ясно, ясно!

– Но только это очень нехорошо, если три сильных страны, и каждая сильнее России, и втроем напали на одного... У нас, например, это не разрешается, – заявил за обедом О'Каллогану его сосед, японский чиновник.

В другой раз бугё спросил:

– Вот у вас война... А почему вы не идете на войну? У вас четыре хороших корабля, а вы пришли в Японию вместо того, чтобы идти на Камчатку и воевать там с Россией. Мы бы могли договариваться с вами без такой большой эскадры.

– На Камчатку ушла другая эскадра. Она еще сильнее нашей и в нашей помощи не нуждается.

– Это хорошо. Тогда русским придется плохо, и они, наверно, будут побеждены, если... если английская эскадра сильная.

– Да, у Англии лучший флот в мире. У нашей страны есть триста тысяч судов, торговых и военных. На каждое торговое судно можно поставить пушки и вооружить экипаж.

– Да, Россия на Камчатке, наверно, уже побеждена, если так?

– Да, мы тоже в этом уверены!

– А когда будет точно известно?

– Со дня на день...

Известие, казалось бы, устрашающее. Но за последние годы ко всему привыкли, и устрашить такого чиновника, как Чикугу но ками, уже невозможно. Чем только не пугали его западные люди! Одни голландцы порассказали столько страхов!

– Скажите, а самые храбрые войска, которые сражались в Китае, которые в красных мундирах, они тоже на Камчатку отправлены?

«Ах, вот как! И здесь слышали! Дошло и сюда известие про нашу морскую пехоту! Боятся и они. Вот мы вам и привезли красные мундиры».

– Морская пехота в красных мундирах тоже отправлена на Камчатку в составе эскадры Прайса.

– А-а! Тогда Камчатке будет плохо. Нам очень приятно видеть такие красные мундиры. Мы знаем, что их носят самые храбрые морские солдаты в мире. Они взяты для заключения договора или для военных действий против России?

– Для войны против России, – сказал английский адмирал. Он гордо и самодовольно улыбнулся, но глаза его нырнули под острым и тяжким взглядом японцев.

– Откуда японцы знают о храбрых красных мундирах? – спросил Тронсон.

– О них известно нам по китайской войне.

Эту приятную новость офицеры, сопровождавшие адмирала на переговоры, передали своим товарищам, возвратившись на эскадру.

– Это секретарь или писатель? – спросил на другой день за обедом на «Барракуте» один из чиновников у Артура. – Он так хорошо и приятно выслушивает объяснения.

– Мистер Тронсон пишет книгу о путешествии³⁸.

– Хорошо, что на каждом европейском корабле имеется писатель... У русских тоже был писатель. Но он, знаете, так много не узнавал и не записывал... Не спрашивал названий трав, деревьев.

– Русские известны как люди настроения.

– Ценятся ли русские писатели?

– Да, конечно. Книгу лейтенанта Тронсона о Японии прочтут в Европе.

– Очень благодарю вас.

– А в Японии есть ли писатели, участвующие в наших переговорах?

– Нет, таких писателей нет. Но у нас каждый чиновник ведет дневник... В художественной форме. И с детства всю жизнь у нас люди изучают стихосложение. Поэтому пишутся стихи.

– Про злободневные события тоже?

– Да, конечно, если удастся, то так разрешается законами о красоте высказать свои чувства.

Артур думал о том, что он готов на что угодно, лишь бы помочь отцу. Но как? Отец слушать не хочет, он любит Артура горячо, но именно потому, чтобы скрыть чувства, предан субординации и частных бесед с сыном не позволит себе до самого Рождества.

– Нам кажется, что во время войны с таким жестоким противником, вооружившим против себя три сильнейших государства, адмирал напрасно теряет время в Нагасаки, – говорил настойчивый японец с косичкой, зачесанной не назад, как у китайцев, а вперед. Встреть Артур

³⁸ В 1859 году Д.М. Тронсон опубликовал в Лондоне интересную книгу о плавании в Японию, на Камчатку и у берегов Сахалина (авт.).

этого чиновника в городе, он не отличил бы его от множества других. Сейчас на приеме они гладко выбриты, все скуласты и кажутся Артуру все на одно лицо. Только по ярким, неповторимо прекрасным и роскошным душистым одеждам он различает их сегодня. Японец знал, что говорит с сыном адмирала.

– Вряд ли договор с Англией может быть заключен до окончания войны. Нам кажется, что эскадре лучше скорей идти на Камчатку.

– Почему? – насторожился Артур.

Разговор шел не через голландского переводчика. Рядом с Артуром сидел японец Отто, долго живший в Гонконге и служивший теперь у адмирала.

Чиновник заметил тревогу молодого Стирлинга.

– У вас какие-нибудь есть известия с Камчатки?

– Нет, наша страна не получает сведений из-за границы. Мы подготовим вам описание деревьев и трав в благодарность за такую же подаренную нам книгу о растительности и животном мире в Европе.

– Они изучают антропологию, этнографию, артиллерию и архитектуру, – докладывал своему губернатору японский переводчик, возвратясь с эскадры. – Я думаю, что они очень пролазливые! Они высокие, но ходят быстро-быстро. И все быстро понимают. Все хотят узнать, зависать. Пьют крепкое сакэ.

– Правда, что у них сакэ крепче, чем у всех народов?

– Да, это правда!

– Это вы записали?

– Да-да...

Переговоры с губернатором в замке Нагасаки становились все значительней и сердечней. Японцы вдумывались в суть событий и начинали постигать все секреты плана Стирлинга. Они становились тверже, хотя говорили все любезней и спокойней. Стирлинг еще и еще менял тактику, он передал меморандум о том, что всенижайше просит открыть порты. Разрешить заход судов и пополнение запасов продуктов.

Губернатор Чикугу но ками. В связи с войной открыть порт довольно затруднительно. Является ли причиной для открытия порта необходимость восполнения запасов дров, воды и продовольствия?

Адмирал Стирлинг. Но ведь, в соответствии с недавними документами, вы дали согласие на швартовку судов в двух портах – Нагасаки и Хакодате?

Чикугу но ками. Эти два порта придется исключить, это связано не с дровами, водой и овощами, а с необходимостью ремонта судов.

Стирлинг. Вы решили исключить эти порты в связи с войной?

Чикугу но ками. Как мы уже говорили, мы стремимся избежать этого в связи с войной. Мы не можем этого сделать, иначе все страны станут нашими противниками. Что же касается Нагасаки, то с завтрашнего дня это уже можно сделать, но губернатор Хакодате еще не дал своего согласия, и в Хакодате вас могут не принять. Но после получения его согласия вы можете заводить туда свои корабли. И в случае повреждения судна, недостатка продовольствия, при необходимости ремонта. Но война или сильный ветер причинами для входа в порт не признаются. После прибытия в Японию никаких препятствий в восполнении запасов дров, воды и продовольствия, а также в ремонтных работах вам чиниться не будет. Но это не распространяется на обстоятельства, связанные с войной.

Стирлинг. Я полностью согласен и понимаю ваше желание исключить все, что связано с войной. Просим извинения, но не пожалуете ли вы нам обо всем этом документы?

Чикугу но ками. Разумеется. Чтобы потом не возникало разногласий, мы, наверно, обменяемся документами.

Стирлинг. Мы не собираемся посылать военные корабли, но не будут ли чиниться препятствия торговым судам, пришвартованным в Нагасаки и Хакодате?..

Чикугу но ками. Вам необходимо обратиться к губернатору Хакодате. Пока вы этого не сделаете, решать вопрос нельзя. Однако корабли ваши не имеют никаких знаков, а для нас доказательством может служить лишь какой-то определенный знак на судне.

Стирлинг. Английские суда имеют печать английского правительства на бумагах, но они без герба на самом судне.

Чикугу но ками. Без знака не можем распознать корабль, просим предложить какой-либо.

Стирлинг. Английский торговый флот насчитывает примерно триста тысяч судов, и мы не можем решить, откуда корабль придет в Японию. Кроме того, в море ходят пираты, и по этому знаку они могут опознать нас. Мы никак не можем ничего сделать.

Чикугу но ками. Но вот японские суда носят знак администрации своей местности. И не боятся пиратов...

– Нам желательно условиться, что суда получают право ремонта, если только они не получили повреждений на войне.

– Да вы напрасно беспокоитесь, – сказал флаг-капитан. – Таких случаев не предвидится.

Японцы сделали вид, что они смутились, совершив такую ужасную оплошность в разговоре.

На следующем заседании губернатор сказал, что можно заключить с Англией договор только после окончания войны Англии с Россией.

– Но нам нужны заходы в порты с самыми мирными целями! – сказал Стирлинг.

– Если надо заходить вам в порты с мирными целями, то мы согласны. Для вас открыты два порта – Хакодате и Нагасаки, и об этом можно предварительно договориться и это все записать.

Японцы все отлично понимали. Стирлинг желал поставить ресурсы Японии на службу союзникам, изолировать Японию сильным флотом от России и надеялся, что все остальное тогда получится само собой. Спротивление англичанам невозможно. Но и русских выдать невозможно, а англичане уже требуют ответа, почему не разрешен заход в порт Симода, когда по договору порт Симода открыт для американцев.

– Порт Симода вблизи столицы Эдо. Порт Симода может быть открыт только после окончания войны, и ни одной из воюющих сторон вход в порт Симода не разрешен.

Японцы полагали, что надо уступить англичанам, но под предлогом, что в их мирные действия и намерения верят. Но любой ценой в Симода нельзя допустить англичан. Русских надо уберечь. Но что будет, если в Симода придут американцы? Американского языка не существует, и они все разболтают англичанам, с которыми постоянно встречаются. Это беспокоит очень бакуфу. Кавадзи и Тсутсуй также пишут об этом и требуют в каждом письме от правительства осторожности в переговорах с англичанами.

– В Симода нас не пускают! Что там за тайна? – нервно говорит Стирлинг. – Я не изменю данному слову и не пойду в Симода. Но надо разведать, что там... Там – тайна, а скорей всего – Путятин. Надо дать знать об этом нашему «галантному союзнику». Пусть наш «галантный союзник» для разведки пошлет в Симода судно под благовидным предлогом. Хотя бы китобойное судно...

Стирлинг попробовал еще раз заговорить о заключении договора.

Японцы стояли на своем.

– С достопочтенным послом Англии пока еще не можем договориться о предоставлении всех прав английским кораблям в портах Японии. Если вы ссылаетесь на американский договор, то обстоятельства переменились. У американцев, когда они подписывали договор, ни с кем не было войны. Поэтому мы могли заключить договор с Америкой. Япония хочет остаться

нейтральной страной и не вмешиваться в конфликт европейских государств. Если же мы будем принимать в своих портах и дадим английскому флоту права во время войны, то этим оскорбим другие государства. Поэтому мы не можем заключить договор до окончания войны.

– Если английский корабль потерпит бедствие из-за бури и войдет в какой-нибудь японский порт, то примет ли японское правительство меры для спасения его?

– Да, как мы уже сказали, это будет сделано. Только команды будут переведены в порты Нагасаки или Хакодате.

– Чтобы знать, пригодны ли порты для торговли и ремонта, мы должны их увидеть.

– Порт Нагасаки все страны считают пригодным для приема судов и торговли. В порт Хакодате вы можете прийти для осмотра и после этого будете знать, удобно ли вам подписать договор после окончания войны.

– Почему же с Россией вы подписываете договор, несмотря на то что Россия воюет? Вы оскорбляете этим державы, с которыми Россия в состоянии войны.

– Мне ничего не известно о том, что подписывается договор с Россией. Сейчас русских не может быть в Японии по случаю войны. Переговоры шли еще до открытия военных действий, и мы обещали русским подписать договор.

– Если нельзя заключить договор с Англией, – сказал Стирлинг, – то, значит, и губернатор Хакодате может заявить, что нельзя в портах Японии получить продовольствие и воду? Давая воду, дрова и продовольствие другим нациям и отказывая в этом Англии под тем предлогом, что идет война и вы хотите остаться нейтральными, вы создаете затруднения для английской торговли и морских промыслов и этим наносите ущерб благосостоянию королевства. Вы можете узнать, что Англия имеет триста тысяч кораблей и народ ее живет торговлей во всем мире. Япония находится на важных морских путях, и английские корабли часто гибнут в этих морях, не имея права спастись в гаванях Японии.

– Мы договорились о заходе ваших китобойных и торговых кораблей в два порта для пополнения продовольствия.

– Но наши враги постараются уничтожить наш торговый флот, если он не будет охраняться военными кораблями.

Еще длительное, тоскливое ожидание на рейде Нагасаки. Давно описаны, изучены все батареи японцев, сосчитаны все пушки.

– Американцы объяснили нам, – рассказывал на досуге один из японских чиновников, приехавших на корабле, – что они самая миролюбивая нация и поэтому заключить с ними договор неопасно. Они очень богаты и любят торговать. Захватов не производят никогда. Они еще не всю свою собственную землю заняли, еще даже не вся Мексика ими занята...

– А что такое слово «барракута», которым назван ваш корабль? – спрашивали младшего Стирлинга. – Греческая богиня?

– Нет, это рыба.

– Ах, рыба... Нет ли атласа рыб, где можно посмотреть? Нам хотелось бы видеть такую рыбу.

– Да, это хищная рыба. Очень сильная!

– А-а! Ясно! Все ясно! Это очень приятно! Хищная рыба! Да, да!

Губернатор Нагасаки Чикугу но ками – особенная личность. Даже он стал теперь прогрессивным сторонником открытия страны, и если изумлялся каким-либо рассказам гостей про изобретения и достижения в Европе, то делал это более из вежливости, чтобы гостям было приятней.

– Порты Японии закрыты для английских кораблей, пострадавших от войны, – заявил он, получив новую инструкцию из Эдо. – Для остальных кораблей открывается два порта, как говорилось прежде. Военные корабли, конечно, тоже могут входить для мирных целей. Очень жаль, что вами так много потеряно времени в ожидании. Но все ваши корабли, ушедшие на

Камчатку, хорошо снабжены продовольствием и всем необходимым и непобедимы, поэтому вам совсем не надо туда спешить.

А частные разговоры шли в кают-компаниях своим чередом.

– В предоставленной возможности изучения природы Японии, антропологии, географии и... артиллерии... Ах нет, я ошибся... Ах, я забыл это слово... – говорил переводчик. – Я хотел сказать, что нам бы также хотелось изучать... морское дело европейцев...

– Мистер Боулер разрешил вам все срисовывать в машинном отделении. Он объясняет вашим офицерам взаимодействие частей паровой машины.

– Эти рисунки мало нам помогают. Мы бы хотели получить чертежи и научные труды... объяснения в учебниках...

– Об этом мы сможем подробно говорить только после заключения договора о дружбе...

– ответил Артур Стирлинг. – Мы очень рады, что наша дружба завязывается. Теперь в Нагасаки чувствуем себя хорошо. Русский флот больше сюда не придет.

Грозная артиллерия Нагасаки! Бешеное перевооружение Японии! Но от красных мундиров никуда невозможно убежать!

В Замке Приемов адмирал уже объяснял, что он желает Японии оставаться в этой войне нейтральной и что Великобритания уважает ее нейтралитет.

Чикугу но kami все более убеждался, что англичане не зря так долго стоят в Нагасаки с кораблями, бездействуя во время войны. Желая, чтобы Япония осталась нейтральной, они, по сути дела, требуют, чтобы она превратилась в английские тылы, снабжающие всем необходимым воюющий флот. На словах они уважали даже русских... Но все очевидней становилось, что противиться долго и еще затягивать дело Япония не сможет. Уже давно дано обещание, что англичанам разрешат идти в Хакодате. Из Эдо опять пришли инструкции. Губернатор заявил Стирлингу, что с Англией разрешено заключить временное соглашение о навигации и заходе в японские порты.

Если Перри говорил, что Америка может послать в залив Эдо флот из ста и даже из тысячи пароходов, то Стирлинг не раз вполне серьезно повторял, что у Англии триста тысяч торговых и военных судов!

Губернатор предлагал прислать на эскадру Стирлинга мясо, рис, живую птицу. Ответ был неизменным: «Эскадра снабжена всем в достаточном количестве». Только фрукты, зелень и овощи брали охотно, покупая их через голландцев.

Однажды решили купить живых баранов и кур. Голландцы, которым давно не нравились претензии англичан, их грядущее соперничество, прислали тощих баранов, жалких полудохлых кур, объяснив, что лучше не бывает продуктов в Японии и вообще торговля с этой страной не обещает настоящих выгод.

Тронсон занес в дневник, что императорским знаком в Японии служит круглый веер.

Про переводчика Отто, который старался показать себя перед японцами цивилизованным европейцем, О'Каллоган, командир корабля «Энкоунтер», после встреч с чиновниками сказал, что, усвоив несколько идей о независимости, этот японец чувствует себя типичным англичанином.

На судах двадцать восемь больных, гораздо меньше, чем было в Шанхае. Климат в Нагасаки целителен. В России уже зима. Идти туда поздно. На кораблях глухой ропот против адмирала. Стирлинг твердит, что навигационная конвенция будет подписана на днях и что в Хакодате надо обязательно сходить.

Японцы уверяют, что русских нет и не может быть в эту пору в Японии.

Чикугу но kami сказал при встрече:

– «Нужды кораблей», как вы пишете в договоре, – это очень широкое понятие. Сюда могут войти предметы излишние...

– Мы точно оговорили, какие это нужды, – отвечал Стирлинг.

– Вслед за адмиралом флота придут другие эскадры, нас это заботит. Это будет нарушение нейтралитета.

Губернатор уверял, что смысл голландского текста проекта навигационной конвенции ему не ясен.

– По конвенции, о заключении которой мы все нижеяше просим, – сказал Стирлинг, – отношения между Британской империей и Японией будут на основе согласия и дружбы.

– Мы согласны и придерживаемся того же мнения. Смысл нынешнего договора не изменится вечно...

Начинать военные действия уже поздно. Все бухты России сковал лед. Прайс получит теперь базу для отдыха и снабжения в Хакодате. Туда идет сам адмирал для того, чтобы объяснить губернатору, как через пятьдесят дней Хакодате превратится в базу снабжения флота Прайса, не изменяя своей политики нейтралитета. Одно судно пойдет на связь с эскадрой Прайса, доставит радостную весть, что в Японии ждет победителей отдых и все, что надо для восстановления сил.

Некоторые, конечно, обвинят и осудят Стирлинга, что настоящий договор не заключен, что так долго провозился, что десятки раз повторялось одно и то же. Но будущее покажет, кто и чего добился. Цыплят по осени считают... «Не забывайте, господа, что Перри еще тоже ничего не добился!»

Заканчивалось последнее заседание.

– Теперь разрешите откланяться, – говорил Стирлинг. – Господин бугё и его сотрудники затратили много времени, и мы особо покорнейше благодарим.

– Мы также хотим выразить вам многое. А после того, как сегодня заканчиваются все дела с соглашением, вы уже скоро подымете паруса, как нам известно. Нам хотелось бы узнать, когда это будет? – спросил губернатор.

– Мы уйдем через четыре дня... А как же будет с дровами и с водой, когда придут другие английские суда?

– Как мы решили, постараемся сделать так, чтобы не было никаких затруднений! Но некоторая задержка в открытии портов еще может быть связана с нехваткой дров и продовольствия...

Стирлинг в салоне перечитывал с голландским переводчиком заключенную конвенцию.

– «Пункт первый. Порты Нагасаки и Хакодате будут открыты для британских судов для эффективных исправлений и получения воды. Также для других видов снабжения, абсолютно необходимых для употребления.

Пункт второй... Нагасаки открывается с этого дня... Хакодате через пятьдесят дней после отбытия адмирала из этого порта».

И еще пять пунктов...

Через пятьдесят дней начнется новая навигация. Готовиться к выходу для нападения на русские селтльменты можно будет в портах Северной Японии. На тысячи миль базы снабжения английского флота передвинуты на север. От Хакодате до русских селтльментов – рукой подать. Японцы не могли не понимать, зачем они открывают порт Хакодате. Вот это уже настоящая дружба начинается. Мы приучаем японцев к британским понятиям о джентльменских соглашениях.

«Барракута» отправляется в Гонконг. Сын все-таки доказал, что колесному пароходу надо идти туда, что еще не все пираты уничтожены им в многочисленных проливах, бухточках и лагунах среди каменных голых скал под Гонконгом. С пиратами не церемонятся. Матросы стреляют из орудий прямо по джонкам. Топят их, не спасая команды, стреляют самих пиратов и стараются захватить вымпелы – значки – в свою судовую коллекцию трофеев. Такая охота становится прекрасной практикой для матросов. Военный моряк годен к серьезному бою после того, как сшиб или заколол хотя бы одного пирата. Гораздо лучше, чем колоть чучела или

стрелять по неподвижным целям. Артиллеристы без промаха бьют по движущимся кораблям. И чем меньше джонки, тем охотней соревнуются в меткости. Эти пираты гнездятся в островах, нападают на китайские торговые джонки, везущие товары из Гонконга, облагают налогом перекупщиков опиума. Вместо бесцельных учений такая практика подготовит команду «Барракуты» к кампании будущего года против русских сэттльментов. Сейчас время уже упущено, в Сибири крепкая зима, и мы не «галантный союзник», чтобы сражаться с генерал-морозом.

У отца нервно подергивалось веко, когда он слушал доводы Артура. Сын очень убедительно доказывал. Его главный инженер Боултон подтвердил, что машины потребуют ремонта перед большой кампанией 1855 года и что пароход должен идти в Гонконг, где для этого все есть. В то же время ремонт не так серьезен, чтобы загнать судно в шанхайский док. Но Стирлинг знает, что у Артура есть иные цели, не только охота за пиратами.

Отец желал послать «Барракуту» в Гонконг из иных соображений. Артуру поручено дело высокого значения и чести. Он доставит доклад Стирлинга о плавание в Японию с подлинниками выгодного соглашения, заключенного адмиралом с губернатором Нагасаки об открытии двух портов Японии, и все другие документы и карты. Все это для отправки в Лондон. Боевой адмирал полагал, что лично для него сибирско-русская кампания на этом может и закончиться. Надо лишь сходить в Хакодате, посмотреть там порт, снести с губернатором города и порта и довести дело до конца. Адмирал Стирлинг за свои годы не раз участвовал в сражениях. Как умный человек, он не предвидит больших побед над сибирскими сэттльментами. Там некого побеждать, и кампания будет нетрудной. Гораздо важнее победа в Японии, право пользоваться портами. Все это важно, конечно, и для этой войны, но еще важнее для будущего. Все, что сделано, так значительно, что, собственно, к войне и военным действиям против сэттльментов у адмирала интерес несколько ослаб. Занятие портов Японии преграждает раз и навсегда выходы России на Тихий океан. За последнее время стало очевидным, что русские моряки мечтают плавать по Восточному океану, как у себя дома. Стирлинг понимал Перри. Порты, открытые для американцев, как сами офицеры Перри говорят, неудобны для торговли и для стоянки судов. Но важно зацепиться за что-то. А дальше действовать по пословице китайских дельцов: «Если прицепится, то будет раздувать».

О будущем на океане мечтают славянские фантазеры, от молодых капитанов, начитавшихся немецких философов, до иркутских купцов и юного великого князя. Сведения о состоянии славянских тенденций в России, о практическом осуществлении продвижения на Тихий океан, об отношении в петербургском обществе к этому – все есть у адмирала. Собрано еще перед плаванием. Джеймс Стирлинг знаком с Хиллем, который был в Иркутске, Охотске и Аяне. Он знает все доклады Остена о поездке по Забайкалью. Посол Англии в России сблизился с космополитическим обществом Нессельроде и знал от его гостей, друзей и от него самого, кажется, все, что интересовало Англию.

Английские шпионы были и оставались лучшими в мире. Все проливы, ведущие в океан из русских морей от гаваней на побережье Сибири, будут закрыты портами, в которых разрешена стоянка английских судов. Самый северный из проливов – между Сахалином и островом Хокайдо – замерзает зимой. Американцы уже сделали нужные шаги. Они объяснили японцам все значение гавани Анива на Сахалине. Получив стоянку на Матсмае или Хоккайдо, английский флот получит со временем, по пословице «если прицепится...», стоянку в заливе Анива. Тогда русский флот никуда не выйдет. Пожалуйста, господа медведи, для вас существует ваш родной ледяной погреб – Охотское море и два-три месяца в году для вас открыт в океан свободный доступ. Япония многолюдна? Но доступ японцам в теплые моря будет прегражден, строжайше будет запрещено пускать их в огромную пустынную Австралию. Так пусть они повертываются на север лицом, разъярятся на русских и будут оскорблены за каждый клоч болотистого севера, когда мы им докажем все и откроем им глаза на вредное для Азии славянофильство.

Нервный тик не оттого, что адмирал с трудом и затруднениями осуществляет этот план. Виноваты его охотники за пиратами и за дамами. Не могут понять всей значительности плана, который выполняется ими же с таким усердием. Станут постарше, страсти, которым они дают выход в Гонконге и в Шанхае, утихнут, и, став почтенными отцами семейств и отцами своих экипажей, они, еще не состарившись, поймут все это глубже, а не так поверхностно, как сейчас, когда им представляется, что главное – разгромить русских. Конечно, честь велика, хоть и малы, верно, их сеттльменты. Но молодость хочет жить сегодня.

Так посылается доклад о том, что в будущем году необходимо совершить атаку на русские укрепления в принадлежащем России заливе Анива и подготовиться к занятию южной части Сахалина, где есть русский сеттльмент. Все это сэр Джеймс выяснит.

А Тронсон изучал криптомерии, камелии, а также прически и костюмы японцев и японков, их чайные домики, их красочность и своеобразие, желая распространить потом в англосаксонском мире сведения о соблазнительности природы Японии, о прелести ее ландшафтов и загадочности ее красавиц и дать понять, какие награды и наслаждения ждут молодых героев флота Ее Величества, если они взглянут на Японию как на страну, которая ждет дружеского покровительства, и какие выгоды намечаются для лондонских торговцев.

В докладе адмирала излагается весь ход переговоров о заключении очень выгодного соглашения о навигации, по которому для снабжения флота, участвующего в военных операциях, можно получить в Хакодате и Нагасаки продовольствие и воду, а также с оговорками, которые не стоят пени, производить ремонт. Так еще нет договора о дружбе, но уже самый северный и самый южный порты готовятся к открытию. Япония любезно схвачена за зад и затылок. Японцы согласились на все это нехотя, делая вид, что это не для войны, а просто для приходов кораблей, выражающих чувство дружбы, они действовали при заключении соглашения, «закрывшись веером», то есть глядя сквозь пальцы на его цели. Но они торжественно объявили о своем желании сохранить нейтралитет. Их припугнули морской пехотой, участью Кантона, близостью Шанхая и Гонконга и тем, что у Великобритании во всех морях имеется тысяча кораблей.

Японская береговая охрана, зорко следившая за уходящей эскадрой со всех холмов и гор, окружавших Нагасаки, заметила, что, выйдя в открытое море вместе, потом все четыре английских корабля разошлись в разные стороны так решительно, словно их важные капитаны рассорились между собой. Губернатор и его чиновники обсудили эти сведения и написали об этом в Эдо. Очевидно, что это расхождение эскадры признак того, что у англичан много дел в океане и что, может быть, неподалеку в разных сторонах от Нагасаки у них имеются владения, или идут войны и сражения, или стоят флоты...

После этого доклады от нагасакского губернатора стали реже приходиться в Эдо и содержание их уже не было столь интересным и важным. Зато Абэ Исе но ками получил очень важное сообщение из Хакодате от губернатора города и главы Управления Западных Приемов. О его содержании немедленно было сообщено Тсутсую и Кавадзи в Симода для того, чтобы они очень осторожно предупредили Путятину. Хакодатский губернатор сообщал, что два английских корабля, как и был он предупрежден, пришли в Хакодате. Губернатор был вполне готов. Чиновниками не сделано никаких упущений.

Путятин узнал тогда немного, но самое главное, что он должен знать. А Кавадзи все время получал интереснейшие известия от Абэ Исе но ками о действиях англичан. Кроме того, по указанию Абэ Исе но ками, Кавадзи получил письма непосредственно от губернатора Хакодате.

Пришло известие из столицы и из Хакодате. Хакодатский бугё сообщал, что с Курильских островов пришел английский фрегат. Его командир – капитан Никольсон. Его судно разгромило и уничтожило русские торговые фактории на Курилах. Дотла сожгли самую южную из них на Урупе.

Кавадзи стал получать сообщения из столицы о том, что делает английский адмирал в Хакодате. Он прошел, идя в Хакодате, мимо полуострова Идзу и пройдет там же на обратном пути. Разрешалось опять предупреждать об этом Путятину. Береговая охрана должна быть начеку и оказать англичанам полное сопротивление в случае нападения на русских.

По распоряжению Абэ Исе но ками вход в Симода английским судам запрещен, и если Стирлинг или кто-либо из его капитанов там появится, то следует сначала попросить их немедленно удалиться. Известно стало от мистера Отзо – японца, когда-то унесенного морем и ныне служившего переводчиком на английском корабле, – что англичане хотят послать на разведку в разные гавани близ Симода французские торговые корабли под видом китобоев под американскими флагами. Это после того, как англичане вернутся в Шанхай и Гонконг. В этом же письме канцлера еще одно ошеломляющее Кавадзи известие.

По донесениям Хакодате-бугё, с приходом фрегата, совершившего победные действия на Курилах, все англичане переменялись и стали печальные. Все повесили носы. Японцы это сразу заметили и немедленно стали изучать всеми возможными средствами, в чем причина.

«С приходом судна, прибывшего с Курил, а значит, и побывавшего на Камчатке, состояние и настроение английского адмирала очень переменялось к худшему», – писал еще в одном из своих докладов Хакодате-бугё. На это обратили внимание в столице и дисциплинированно ждали разгадки. Оба Хакодате-бугё поручили Кичибе узнать на английском корабле, что случилось. И, как всегда, Кичибе все узнал.

Так и есть. Фрегат до прибытия на Курилы был на Камчатке. Там произошло сильное сражение английского флота с русской береговой крепостью. После сражения, которое шло много дней и несколько раз возобновлялось, англичане ушли. Их адмирал Прайс застрелился от неудачи. Это благородно, так должен поступать военачальник в неудаче!

«Погиб эбису!» – подумал Кавадзи.

Говорят, что русские переломали все корабли Прайса.

Пароход чуть не лежит на боку. Так сообщал Кичибе. Отто сказал, что у англичан много убитых матросов и есть убитые офицеры.

– Кто же победил? – настойчиво спрашивал Кичибе.

– Конечно, англичане! – отвечал Отто.

Хакодате-бугё, получив эти сведения, испугался. Он не любил русских, но уже привык к ним, как к соседям.

– Но если англичане победили, – спросил он, – то Камчатка теперь английская и там высажена морская пехота?

Кичибе спросил об этом Отто.

– Нет. Камчатка русская. Там есть батареи. Русский адмирал не отступает! – сообщил Отто, наведя справки.

– А где же тогда английский флот Прайса? Адмирал застрелился, а где флот? – спросил Кичибе.

– Ушел... идет...

– Куда? К нам?

– Нет... В Америку...

– А-а! Да-да! Ясно-ясно! – сказал Кичибе.

– Так этот полный разгром англичан русские устроили, – сказал губернатор Хакодате, получив все эти сведения.

Его разобрало злорадство. Он сделал вывод: надо учиться европейским наукам. И еще: если Отто согласится, ему дать возможность возвратиться на родину.

«Эскадра могла пойти в Японию для ремонта. Там знали о договоре с Перри и об уходе Стирлинга в Нагасаки, – полагал Кавадзи. – Но они пошли в Америку, а не в Японию. Но не из

вежливости! И не ради соблюдения договора! А потому, что эскадра так разбита, что стыдно самому сильному флоту в мире являться в Хакодате, показываться в Японию в таком виде...»

– Это у англичан называется победа! – сказал Кога.

– Хотя у них и триста тысяч судов! – подхватил Деничири, еще не уезжавший тогда помогать Эгава.

– Кто разбил? Как его имя? – попросил прочесть еще раз Тсутсуй.

– За-во-и-ко! – прочел Накамура Тамея.

– Кто такой – не знаем! Это стыдно! Мы никогда не знаем своих соседей! – возмутился Кога. – А вот какой, оказывается, герой живет рядом с Японией, а мы думаем только про Перри и Петербург.

– Мурагаки был на Сахалине и знает адмирала Невельского! – возразил Тсутсуй.

– Хорошо, что русский канцлер вместо Путятин не послал его... – ответил Кавадзи. –

А то русским бы ничего не удалось.

– Теперь будем знать! – сказал Тсутсуй. – Будем знать еще одного: За-во-и-ко!

У Чуробэ сегодня плохое настроение, словно это он потерял свой флот.

– Но русским рано торжествовать победу, – сказал Кога. – Как известно по научным сведениям, англичане никогда не терпят поражений и жестоко отомстят ро-эбису. Нам надо быть осторожными. Это коснется нас.

– Они отомстят, – согласился Кавадзи; хотя он не терпел Кога, но часто думал одинаково с ним. – Но уж поздно, – добавил Кавадзи, – англичанам надеяться на победу. Надо ждать подробностей. И если все окажется верным, то, даже если англичане добьются превосходства, все равно их победа после такого сильного поражения не будет полной... Судя по всему, русские твердо сопротивляются им везде, несмотря на то что воюют с тремя самыми сильными государствами в одиночестве. Уже поздно англичанам надеяться на победу! – повторил он.

– А русским еще слишком... да... слишком рано... – сказал Тсутсуй, вкладывая в эти слова какой-то особый смысл.

– Пусть два сильных варвара дерутся и рвут друг друга, – сказал на другой день на общем совещании в храме Кога, – у них одинаковый вид, одинаковые глаза, волосы и носы. Так пусть они грызут, рвут, бьют друг друга и налетают друг на друга грудью, как два орла... И пусть сдохнут! Сдохнут от последнего удара, изнемогая от ненависти друг к другу, хотя они оба – варвары и нам не братья. Тогда мы, вооружившись до зубов, сошьем себе мирное гнездо из перьев этих погибших героев-глупцов.

– Как бы то ни было и как бы ни судила Философская академия, может быть, еще найдется много народов, которые хотели бы, чтобы два гиганта убили друг друга, но Путятин – герой! – сказал Кавадзи. – Он наш гость, и волос не должен упасть с его головы.

– Хотя он уже упал в воду! – сказал Тсутсуй.

– Но так не должно больше повториться! – согласился Кога.

Абэ Исе но ками прислал распоряжение, чтобы русским не сообщать о победе на Камчатке над англичанами, а то это известие укрепит позицию Путятин на переговорах.

А из Хакодате писали, что перед уходом Стирлинга стало известно, что на Камчатке не только убиты матросы и офицеры. Перебиты самые храбрые, в красных мундирах. Трупы остались на берегу и похоронены русскими.

– Вот так непобедимые! – сказал Кавадзи.

– Самые храбрые! – печально молвил Кога. После ужина и сакэ Кавадзи вспомнил, как Гончаров уверял его, что непобедимых не бывает. А Стирлинг был в ярости и требовал от бугё узнать и сообщить, где «Диана» и Путятин.

«Мы бы их охотно оставили у себя до конца войны, – думал Кавадзи, – пусть бы жили и строили бы для нас европейские суда. А мы предоставили бы им все, все, все, что только они захотят!»

– Не все русские похожи на англичан, – сказал главный шпион государства Матсумота Чуробэ. – У них немало людей с такими же, как у нас, глазами и лицами. Я не говорю про японца, которого они скрывают, а про самих русских.

– Да-да! Это очень опасно! – согласился Тсутсуй.

– В победе на Камчатке, если она действительно произошла, – сказал Кавадзи, – русские имели союзников! Поэтому они победили! Им помогли...

– Кто же? – спросил Чуробэ.

Кавадзи так быстро и широко открыл свои ресницы, словно дал залп из обоих глаз.

– Япония! Япония задержала в Нагасаки эскадру Стирлинга, требуя исполнения традиционного этикета. А Стирлинг хотел идти на уничтожение Камчатки. А все удивлялись – зачем, когда красные мундиры там и так победят. А он все хотел спешить... Мы не допустили нашей политикой, чтобы, опираясь на наши порты, английский флот действовал бы еще оперативней. В будущем, однако, нам, кажется, не удастся этого. Нам не избежать англичан, и они, как богатая страна с тремястами тысячами кораблей, принудят нас к уступкам, и мы вынуждены будем согласиться.

– А что же с Путятиным будет? – спросил Тсутсуй.

– Мы известим его о том, о чем можно. Накамура сообщает, что уже сказал... Но дальше... Дальше – не наша вина...

– Не попадет ли он в плен к англичанам? – с дрожащей головой спросил Тсутсуй.

Пришел пакет из бакуфу. Сообщалось, что нагасакский губернатор Мидзу Чикугу но ками назначался в Симода в помощь Тсутсую и Кавадзи, так как он удачно провел переговоры с англичанами и теперь может быть полезен при переговорах с Россией.

Кавадзи ободрился. Эта бумага дорого стоит. Саэмон почувствовал, что жар охватил его голову, и он стал обмахиваться веером, словно наступили душные летние дни перед сезоном дождей, а не прозрачная, красочная осень.

Правительство посылало Чикугу но ками сюда, к русским. Конечно, это знак дружеского внимания к Путятину. Это делается, чтобы доказать русскому послу, что за его спиной не происходило никакого сговора с его врагами-англичанами, что он сам может узнать все, что ему потребуется, у князя Чикугу про переговоры с англичанами и про их намерения. Это поддержка для Кавадзи. Значит, путь дружбы не закрыт. Правительство подтверждает свое стремление сохранять с Россией наилучшие отношения и дружеские связи. Значит, в Эдо понимают, что Кавадзи прав. Значит, Кавадзи может ослабить свою жестокую требовательность при переговорах с Путятиным.

На душе дипломата не легче. Забота стала сложней, и дела нелегки, как всегда.

А другой князь, Мидзуно, из соседнего городка Нумадзу, писал в своей башне, в кабинете с бойницами, что, собрав сто лодок, он спас команду ро-эбису без упущений и ошибок и все время смотрел сам в трубу, пока черный корабль не перевернулся и не утонул.

Это происходило очень интересно. Черный корабль встал сначала на нос и поднялся кормой вверх так высоко, что двуглавый орел императора на каюте Путятина показался рыбакам летящим в небе. Это рассказывали рыбаки подданным князя. Случай совершенно небывалый.

Глава 25. Первый чертеж

Утром Александр Колокольцов велел денщикам поставить вверх дном кадку. На нее положили сорванную дверь от японского сарая.

При тишине и мягком утреннем солнце Путятин присел к новому столу.

– Пишите! – велел он Можайскому. – Длина судна семьдесят семь футов.

Сколько было на «Диане» чертежей разных судов, больших и малых, расчетов теоретических, и все погибло! Приходится все здесь делать самим!

Адмирал диктовал измерения на память. Он задал длину, ширину и углубления и просил сделать чертежи и расчеты, определить центр тяжести. В не просохшей еще книге лейтенант стал листать страницы, разыскивая справки.

Лесовский стоял подле адмирала и ждал, когда тот оторвется от дела, что-то желая объяснить. По его знаку, штурман Елкин развернул лист александрийской бумаги. Адмирал увидел перенесенный карандашом на бумагу чертеж шхуны «Опыт». Капитан, объясняя, согнулся и опустил локтем на стол. Путятин выпил чашку горячего зеленого чая и взялся обеими руками за знакомый чертеж из журнала «Морской сборник».

– Проект хорош, но эта шхуна гоночная, а нам надо брать команду и груз, вооружаться орудиями. Это яхта прогулочная для легких и приятных путешествий.

– Вот и хорошо, что она быстроходная, – сказал Елкин. – Наша цель – построить ходкое судно, которое могло бы пройти, прорвав блокаду, и достичь устья Амура. А что же нам, по вашему, строить линейный корабль?

Путятин терпеливо выслушал.

– Размеры шхуны против проекта мы изменим, чтобы взять артиллерию... – заговорил адмирал. – Восемь орудий... Продовольствия на три месяца... Ширину придется довести до... Как, господа? Чтобы судно было ходким... Высота мачт?

Путятин всегда советовался, казалось, часто колебался, всех выслушивал, но решал по своему.

Ударил барабан, и мимо адмиральского «палаццо» по лугу промаршировала стройная шеренга матросов. Как всегда, утренние занятия начали с маршировки. Алексей Сибирцев покрикивал, отдавая команды. Сибирцев в форме, с кортиком и палашом наголо. Потом он выстроил колонну и стал прогонять ее быстрым шагом, бегом, парадным шагом и походным шагом. Рассыпал ее цепь.

Рота разбилась на взводы и отделения. Унтер-офицеры закричали по всему лугу. Началось повторение ружейных приемов.

Алексей Николаевич назначен был с другими офицерами готовить вооруженные колонны к пешему переходу с полной выкладкой в Хэда. Вид отрядов должен производить впечатление полного порядка и воинственности. Офицерам велено сосчитать уцелевшее оружие, патроны, просмотреть одежду, обувь. Безоружным дать палаша и пики.

Сейчас на отмелях и на дорогах, на небольшом лугу и на улице деревни – всюду видны отряды матросов. Трудно поверить, что такая масса людей могла уместиться на сравнительно небольшом судне. Никогда не думал Алексей Николаевич, что экипаж «Дианы» на суше выглядит так внушительно.

Сибирцев не знал, как докладывать о неприятном происшествии, когда рота моряков начала маршировку и едва поднялась с отмели на берег, как один из матросов упал. Отряд прошел дальше, а матрос лежал, тужась и пытаясь подняться.

Японцы вышли из дома и смотрели с любопытством, видимо, полагая, что так по какой-то причине приказано этому эбису.

– Тюхин пьян, Алексей Николаевич, – осмотрев матроса, сказал фельдшер и, наклонясь к матросу, спросил: – Ты где ночью был?

– В казарме, – едва плетя языком, отвечал матрос.

Сибирцев велел унтер-офицеру и двум матросам взять мертвецки пьяного моряка.

– А ну встать! – приказал Сибирцев.

Матрос поднялся, качаясь между товарищей.

– Куда его теперь, ваше благородие? – спросил унтер-офицер. – Окатить водой?

– Водой окатить и пороть! – ответил Сибирцев. – С кем же ты пил? – спросил он матроса.

Тюхин молчал.

– Наверное, с японцем, ваше благородие, – сказал Маслов.

– Люди хлеба не дадут, а вино найдется... – подтвердил Соловьев.

– А ну поставьте мне его на ноги как следует!

– Можно отвести его? – спросил Маслов, стараясь поставить пьяного поудобней.

– Выкупайте его! И к боцману, к Иван Терентьевичу.

– Что за безобразия! Что за безобразия! Господа, господа! – удивлялся адмирал, получив донесение, и заходил по своему «палаццо». – Мы же в чужой стране!

– Пороть его не надо, – сказал Лесовский. – Вытрезвеет, скажите унтер-офицеру, пусть объявит, что я буду наказывать сам. Он три дня подождет и подумает, подлец...

Путятин полагал, что лучше сразу выпороть, но спорить не стал с капитаном. Нельзя со всеми и бесконечно спорить, смягчать все эти страсти: надо и уступать и отстраняться. Тем более что Степан Степанович дока по этой части.

Нет, решительно нет, нельзя жить моряку на суше! Чего только не пришлось выслушать вчера адмиралу по возвращении из своего неудачного плавания! Хотя все живы, здоровы, горевали, что погибла «Диана», некоторые строили планы и предавались недисциплинированным фантазиям, и тут же сыпались жалобы, упреки и претензии. Какую чушь пришлось разбирать!

Старый крестьянин принес в первый день небольшую бочку из железа, сделанную очень аккуратно и чисто вымытую.

– Это суп варить! – решил тогда кок и показал знаками, что из этой бочки будут кушать.

Старик кивал головой утвердительно. Пришедшие с ним японцы закивали головами.

– Все ясно теперь! Спасибо! – сказал матрос Сизов.

Японцы поклонились и ушли. На другой день Эгава прислал в подарок живого петуха. Повар его зарезал, ошипал и выпотрошил. Налил в бочонок воды и поставил на костер. Прибежали японцы. Старик, принесший бочку, стал с жаром объяснять что-то повару, но тот не понимал. Японец тогда выплеснул из бочки воду вместе с петухом и оттолкнул матроса в грудь.

– Да ты что? – рассердился повар. – Я тебе за это... – Он схватил старика за ворот, но тот отбился.

– Постой, постой, ребята, – кинулся разнимать их адмиральский денщик Витул.

Японец растянул штаны и при всех помочился в бочку. Поднялась ругань, дело дошло до драки. Прибежал вахтенный офицер.

«Так и тащишь, и тащишь на себе всю жизнь тяжелый груз с нашими людьми!» – сетовал подавленный всей этой бестолочью адмирал.

– Японцы так ясно вам объяснили, что бочка не для варки пищи, а для испражнений, – говорил Евфимий Васильевич денщикам, – да как же вы не поняли?

– Я понял! – отвечал повар. – Я еще тебя спрашивал, – обратился он к приглашенному на разбор дела японцу, – мол, варить и кушать из нее? Еще показал тебе, что будем хлебать из нее, а ты кивал головой и соглашался.

– Они всегда кивают головой, что бы им ни говорили, – заметил фельдшер.

– Нет, брат, это тебе даром не пройдет! Издеваться не смей! Что себе он позволил, Евфимий Васильевич, какие шутки!

Отец Хэйбэя при этом разговоре вежливо кивал головой, как бы со всем соглашаясь, и улыбался.

– Вот улыбается, а вон какой фонарь мне под глаз вчера подвесил! – жаловался повар.

Старик показал и себе под глаз и опять поклонился, улыбаясь. Он желал прежде всего вежливости и уважения даже при разборе этого дела, где он был совершенно прав и напрасно обижен эбису. А ударил невольно, по горячности, и к разбору дела это не должно относиться.

Старик уверял, что принес солдатам Путятину бочку, чтобы опорожнялись в нее, а не ходили по окрестностям.

– А зачем же вы головами кивали? – спрашивал Букреев. – Я видел тоже, он спросил: мол, для варки это?..

– Ваше высокоблагородие, Степан Степанович! Помойная бочка для гаженья, а они дали петуха варить!

– Это же грех!

– За это их избить, – говорили матросы.

– Они кивают головой утвердительно, даже когда не согласны, – вмешался Можайский.

– За это надо старику всыпать!

– А у нас поля маленькие, и наши крестьяне хотели содержимое бочки отвезти на огород. Может быть хорошее удобрение. Знаете, ваши солдаты флота очень большие ростом, – объяснял Татноскэ, – и они много едят. Наши японцы едят мало. Мы удивляемся.

Елкин покраснел до ушей. Японец показывал на него, объясняя, какой вот он, к примеру, большой и толстый и как, конечно, много надо ему кушать и ему нужна посуда большая.

– Японцы, как вы видите, говорят об этом вполне серьезно, – сказал Лесовский. – Это для них такой же предмет разговора, как и любой другой. Они очень сожалеют, что так случилось... Расходитесь, братцы, и больше ко мне с этим не подходите.

– Завтра мы выступаем...

– Как мы уже говорили, это невозможно, – отвечал Татноскэ.

– Зовите дайкана Эгава.

Дайкан, после гибели «Дианы» возвратившийся в Миасима вместе с Путятиним и Накамура Тамея, побеседовал с отцом Хэйбэя. Старик не только хороший рыбак, но и плотник, и лодочный мастер. Дайкан велел его сыну собраться в дорогу, сказал, что все плотники из всех деревень будут собраны и посланы на работу в Хэда.

Дайкан прошел в «палаццо». Он предлагал перевезти весь экипаж «Дианы» в джонках, уверяя, что это быстрее к прощю и что все труды и заботы по переходу морем японцы берут на себя.

Лесовский отвечал, что джонки никуда не годятся, это дрянь, а не суда.

– Вы нас уже один раз выручили со своими джонками, и с нас хватит! Тяжести, мешки с грузами, фальконет, – пожалуйста, доставляйте в Хэда на джонках. Мы дадим своих надежных людей сопровождать грузы. Это наши плотники и мастера. А мы пойдем пешком. У нас все готово. Сто сапожников перечинили всю обувь... А ваши моряки до тех пор не будут настоящими, пока вы не откажетесь от старого устройства судов. Пока у вас суеверия решают все, а не астрономия и навигация! А вы повезете нас на корытах из предрассудка, опасаясь, что мы оскверним вашу Токайдо... Да ведь уж шли же по ней, что же вам еще? Прецедент имеется, и все!

Эгава ответил, что в старину и у японцев киль делали, называл его продольной костью дракона, но правительство запретило строить килевые суда, чтобы не было измены, когда моряки уплывут в другое государство.

Карандашов стал объяснять Эгава, что нужен лес для постройки стапеля, лес для распиливания на доски и обшивки, брусья для бимсов, кривые крупные сосновые штуки для шпангоутов... Потребуется собрать плотников и кузнецов.

– Наши плотники, которые придут в Хэда на джонке, пусть со всем там ознакомятся. Покажите им места, где будем строить судно.

– Фудзи-сан не отпускает их... – говорила Фуми. – «Пусть живут у нас!» – так сказала Фудзи-сан... Фудзи-сан рассердилась, правда? – спрашивала Фуми у Петрухи.

– Да, Фудзи, Фудзи... Вот чуть не потонули, – отвечал Петруха. – А утром, знаешь, ведь мы уйдем...

Утром на одной из джонок в Хэду отправился с грузом унтер-офицер Аввакумов. С ним пятеро матросов: Янка Берзинь, Василий Букреев, японец Киселев, Маточкин и младший плотник Анисим Дементьев.

Черная лента из шестисот человек, построенных по три в ряд, заняла огромное пространство от берега до главной дороги. Ждали адмирала из штаба. Уже вынесли знамя.

Вышли Путятин и Накамура Тамея со свитами. Послышалась протяжная и торжественная команда, и в воздухе сверкнул обнаженный палаш капитана.

Его команда прокатилась по рядам, как эхо в лесу, повторялась молодыми офицерами.

Раздалась новая короткая и резкая команда. Все шестьсот эбису, словно один человек, четко звякнув, повернулись. Ударил барабан, заиграла труба, и вся эта узкая, по три в ряд, масса людей зашагала...

Черные колонны матросов, с оружием, и ранцами, и скатками шинелей или мешками, выходили на Токайдо. Несмотря на множество полицейских, отгонявших посторонних, проводить эбису на выходе из Миасима и на перекрестке у выхода на дорогу Токайдо собрались толпы народа из всех деревень. Заметно было, что японцы жалели уходящих. За недолгие дни, что прожили тут матросы, люди привыкли к ним, втянулись в новую, многостороннюю жизнь, хотя, бывало, и ссорились с пришельцами. Но, несмотря на поборы, конфискации продовольствия, порки, все строгости и требования чиновников, таинственные ночные события, о которых и упоминать боялись, жаль было, что уходят эбису, мелькнуло что-то иное, показалось, что людям можно жить не только так, как жили всегда.

Сизов увидел Фуми, и словно его толкнуло в грудь. Он не знал, как смотреть на нее, и ослаб, теряя осанку. Гордо взглянуть, как и следовало матросу в таких случаях, и закрутить ус, пройти козырем?..

Она коротенькая и некрасивая сейчас, полусогнутая в своем бедном халате, с подушечкой на спине, которая – хитро придумано! – скрывала всю ее гибкость. Черноватое лицо с широкими крепкими скулами. Сама как бы каменная, сейчас бессердечная, замкнутая и далекая, почтительно кланявшаяся всем, поклонившаяся и ему, Петрухе. Мол, до свидания, спасибо!

Петруха почувствовал, что ему жалко эту японку. Ему, лихому матросу, всегда охотно кидавшемуся туда, где опасность или противник, не были знакомы боль и сочувствие к кому-либо из женщин, с которыми приходилось встречаться.

«Спасибо вам!» – так понял он ее покорный взгляд и поклон без тени насмешки, упрёка и гордости, с какой проводила бы его своя питерская, рижская или ревельская.

Хэйбэй долго смотрел на эбису и потом пошел за ними. «Попадут ли они в плен к англичанам? Попадет в плен или нет этот высокий Петруха к англичанам, когда отправятся на корабле обратно?» – подумал Хэйбэй.

Синяя колонна меж ровных гладких полей, уже на Токайдо. И чертежи унесли! Песни больше никто не запоеет, никто не замарширует под барабанный бой.

Село Миасима, казалось, опустело... Скоро и Хэйбэй уедет на работу в Хэда строить там корабль вместе с эбису.

Хэйбэй забрался на холм и пошел обратно.

О мае орося-но
Пу-тя-тин... —

громко запел он.

О мае орося-но
Пу-тя-тин
Ено-кадзе ни
Давдзина такара-о
Норисутета...
Па-па-пап-па-па-а...³⁹

³⁹ Эй ты, Пуятин, русский, из-за ветра морского потерял и покидал свое важное сокровище. Па-па-пап-па-а (*привет*).

Глава 26. Тени в старом замке

Абэ Исе но ками получил письмо от Эгава Тародзаймона и схватился за голову.

– Врача! – закричал его секретарь.

Было тихо, и во всех комнатах резиденции слышался лишь шелест шелков, похожий на шелест листьев тунга при ветре с моря. Чиновники бегали согнувшись с таким видом, словно собирались нырять в холодную воду.

День ото дня становится все тяжелее управлять. Абэ Исе но ками еще удерживает в своих мягких руках государственные поводы, но рывки их становятся все сильнее. В обществе невероятная путаница.

Идут споры, как быть с иностранцами, допускать ли их в страну. Глупо сомневаться! Но интриги так многочисленны и многообразны, как будто в самом деле можно думать, что удастся остаться в изоляции.

Эта песня японских рыбаков, спасавших Путятину, услышана автором в 1969 году в городе Фудзи, под горой Фудзияма, на месте бывшей деревни Сангенья.

Но дело, как всегда, не в этом. Прогресс неизбежен, и тот, кто протестует против прогресса и уничтожает или отравляет его сторонников, сам потом неизбежно должен стать двигателем прогресса, придя к власти. Борьба за власть и влияние! Из-за этого чуть не был отравлен старый больной сиогун. Но он не отравлен! Чаша с ядом поднесена к его губам. Старый сиогун догадывается и плещет яд в лицо подавшего придворного. Офицер удаляется и вспарывает себе живот. Весь громадный муравейник столичного города приходит в движение. Все даймио проникаются вдруг государственными интересами. А у ворот города стоит беспощадная американская эскадра.

Мито Нариаки непричастен к заговору. После смерти Верхнего Господина старый Мито желал, чтобы сиогуном стал его сын, отданный на воспитание в другую семью, умнейший и благородный рыцарь, полная противоположность родному отцу, это все знают. Но никто не хотел бы подчиняться Мито Нариаки. Он слишком стар, умен и властен. И вот сиогуном становится молодой человек, добрый, приятный и порядочный, но совсем не способный быть главнокомандующим. Он – ценитель подвигов своих подчиненных, но сам не человек подвига. Он изыскивает наслаждения, а государственные дела радуют его в перерывах, пока он набирается новых сил. Иногда он бывает очень неглуп, впрочем...

Совершены преступления и сплетены интриги, и во главе должен стать, прикрывая весь разлад и развал общества, кто-то сильный и честный. Таким был князь Абэ.

Он у власти. У него надежные помощники. Мито был удален от двора еще при старом сиогуна. Абэ Исе но ками снова пригласил его в замок. Забот множество. Надо перевооружаться. Требуется обрести силу, заимствуя способы воспитания ее у европейцев, но не вступая с ними в общение.

А вот в довершение ко всему сегодня ночью воры обокрали сокровищницу во дворе сиогуна, в центре крепости крепостей. Драгоценности пронесены сквозь цепи часовых, мимо множества тайных охранителей и полицейских!

С Путятиним хоть было все благополучно, его команду накормили и отправили морем в Хэда. И вдруг Эгава извещает, что русский корабль погиб! Не смог войти в Хэда! Это последняя капля, переполнившая чашу забот и страданий великого государственного деятеля. Едва отошла боль, как доложено, что прискакал конный самурай из Симода с донесением от Кавадзи. Самые честные, благородные и преданные шлют донесение, а голове все больней.

Кавадзи извещал о том же событии и высказывал предположение, что, в связи с выходом нового закона о разрешении строить большие суда, теперь, когда погиб корабль Путятина

и посол хочет построить совершенно новый корабль, представляется возможным воспользоваться созданным положением, чтобы изучить более подробно и основательно, чем предполагалось до сих пор, все тайны европейского судостроения и что инженер Эгава Тародзаймон может оказаться еще более полезным, чем предполагали до сих пор.

Саэмон но джо гениален! Не зря русские зовут его Саэмон но ками. Он выше и умней всякого ками! Это не просто лесть русских. Гениальная мысль, зерно которой впервые угадано и найдено самим Кавадзи, дойдя до Абэ Исе но ками, была тут развита, ее зерно как бы проращено. Был составлен план изучения постройки корабля при ремонте для создания школы судостроения и перевооружения. И теперь эту же мысль так широко, смело, со всей силой и властью, на которую способен ум государственного канцлера, разработанную Абэ Исе но ками и спущенную «вниз» из замка, Кавадзи, еще более расширив и дополнив, возвращает канцлеру обратно. Да, Саэмон но ками гениален!

Эта мысль, как мяч, летала между замками Эдо, Симода и резиденцией Эгава. В этой мысли было все, что надо для будущей Японии. Русские, потерявшие корабль, могут оказаться полезными для государства. Это ясно!

Но и на этот раз, когда голова отошла от боли и потучневший от забот Абэ отдохнул, он взглянул на дело шире Эгава и Саэмона но джо. Надо ломать препятствия к перевооружению. Воспользоваться, что перевооружение страны только начиналось. Тот, кто умеет владеть собой, кто дисциплинирован и мужествен, должен прежде всего нанести удар мнимым противникам перевооружения еще до того, как перевооруженная Япония станет отражать нападения врагов. Случай удобный... И заманчивая ловушка с приманкой из шестисот безоружных эбису! Столько мяса! Для хищника!

Посоветовавшись с членами государственного совета и вельможами, Абэ Исе но ками решил, что этого недостаточно. Нужно согласие Верхнего Хозяина. Слаб и неопытен, в сила не в нем! Абэ Исе но ками пригласил прибыть в замок и явиться на заседание правительства мудрейшего князя Мито Нариаки. Умный чедовек, как говорят, противен для окружающих. Посмотрим и послушаем умного.

А письма от Эгава приходили. И из Симода от Тсутсуя и Кавадзи. Чуробэ выехал срочно в Эдо. Все сохраняющие безопасность страны обеспокоены исчезновением мешков с деньгами из замка!

Воры у государственной власти разнесли дух воровства и вселили его во весь великий народ!

А сведения от Эгава: шпионы и бродячие рыцари князя Мито снуют по Токайдо, но не могут прорваться к русским. Один вор и преступник случайно изрублен в куски зоркой стражей из императорских воинов, подчиняющихся сиогуно.

Коренастый, с крепкой тяжелой головой, как бы вросшей в могучие плечи, князь Мито считался умнейшим и образованнейшим из всех рыцарей трех семей правящей династии. Он враждовал с покойным сиогуном, поэтому при нем был отстранен. Абэ вернул его. Старый князь Мито был главным советником высшего государственного совета, олицетворением мнения трех семей правящей династии, мнения которого не мог, не умел высказать тот, кто возшел на престол и правил. Верхний Господин молод, он любит наряжаться, пьет легкое вкусное сакэ и часто хохочет, как женщина.

Князь Мито немедленно представил доклад. Он стоял крепко на своем... Он прям и честен старинной, повелительной честью, основой которой была приверженность порядку и знание обычаев страны. Мужественный Мито знал и сознавал всю выгоду своего положения, как самого верного из хранителей традиций. Абэ был очень рад, получив на руки его мнение. За спиной Мито Нариаки стояли, как считалось, многочисленные родственники, показательные вздыхатели и сторонники старого порядка, не пожелавшие в свое время решительно, чтобы сын Мито Нариаки стал сиогуном.

Эгава Тародзаймон прислал новый доклад. Князь Мито считает себя его покровителем и другом. Эгава соглашался со всеми предположениями Кавадзи. Путятин и его офицеры решили построить совершенно новый корабль. Они уже вычертили его план, находясь в деревне Миасима. Они просят предоставить им берег Хэда у моря Идзу для постройки дока.

«„Док“! Слово, неслыханное в Японии, – подумал Абэ. – У нас будет свой док, построенный варварами для... цивилизованной страны!» Они просят позволить им рубить лес для дока и для постройки корабля! Но для этого они хотят перейти пешком по Токайдо, сушей от Миасима до Хэда.

Дайкан, конечно, не совсем своеволен. Он еще прежде получил распоряжение правительства о том, что при ремонте «Дианы» следует полностью ознакомиться с ее устройством и во время исправления корабля русскими плотниками надо перенять от них все способы работы и обучить западному мастерству японских кораблестроителей, живущих в Хэда.

– Но пустоту нельзя ремонтировать! И от пустоты нельзя ничему научиться! – так говорил Абэ Исе но kami вельможам, знакомя их с сутью дела. Одним он рассказывал больше, другим меньше, не все, что докладывал дайкан. Но суть дела известна всем.

На свою ответственность Эгава дал согласие Путятину. Он обещал содействовать во всем.

Так они хотят строить совершенно новое судно. Тогда можно копировать всю работу с самого начала. Эгава – настоящий гений, инженер и отличный организатор. Он действует, застегнувшись смертно. Он взял на себя ответственность и все обещал Путятину. Это согласно с большим планом Абэ Исе но kami. И с философией Кавадзи Саэмона но джо. Вот присланы списки и просьбы Путятин. Вот списки: медь, мастера-медники. Железо, кузнецы. Дерево, плотники. Присланы замысловатые, очень интересные рисунки всех вещей, из которых строится корабль. Присланы вытесанные из дерева формы будущих частей корабля. Выкованные ро-эбису в Миасима, в кузнице, болты, скобы, скрепы. Образцы медного листа. Откуда они медь взяли? Все вельможи приезжали и смотрели, как в сокровищницу. Носили показывать Верхнему Господину, и он хохотал, брал на руки и бегал показывать придворной даме. Вельможи осматривали все эти части будущего корабля очень серьезно. И удивлялись, как все аккуратно и быстро сделано.

Эгава сообщил, что Путятин и русские после постройки отдадут все чертежи. Покажут, как строить док и закладывать судно. Абэ целыми часами смотрел на длинные листы бумаги, изрисованные карандашами, исписанные тушью.

Такого еще никогда не бывало! Но, как писал Эгава, русские отказываются идти на рыбацких лодках и вообще отказываются от перехода морем на японских судах в Хэда, считают их неудобными и неустойчивыми, негодными для дела. И чтобы ускорить дело, Эгава взял на себя ответственность за их переход по Токайдо в пределах своего округа и через горы по тропам в Хэда, когда они свернут с Токайдо. Он готов отвечать смертью! Да, это верный чиновник!

Кавадзи, например, всегда говорит, что он с детства решил добиться высокого положения, сражаясь за императора, сиогуна и казенное имущество, и, не жалея себя, приучил себя к мысли, что обязательно должен умереть от самоубийства, так как в великих делах всякая ошибка на службе государства непрослительна.

Пройти им по дороге? Значит, открыть для всех эбису императорскую дорогу? Страна еще не совсем открыта. Закон издан уклончивый – «отменить закон о постройке кораблей для дальнего плавания». Но если будет возмущение? Как быть? Дело совсем не в том, что на Токайдо при станциях публичные дома, что по Токайдо едут рыцари, напиваясь с утра и до вечера и грозя изрубить саблями любого, кто не окажет им низжайшего почтения.

Как быть? Эбису нужны Эгава! Абэ Исе но kami размышлял, рисуя в уме все происходящие события столбцами иероглифов, как на бумаге. Как пропустить их по дороге?

Дайкан прав: надо обучить наших людей. Научить, как чертится чертеж судна. Как строится корабль. И как закладывается другой, третий, четвертый корабль. А дальше? Винт. Ору-

дия. Еще корабль, огромный, с рельсами на палубе для гигантского орудия. И орудие наводится прямо на китайцев! На корейцев... А там... Нет, сначала опыты надо произвести. Иначе не научишься, как стать японским Иерри.

До сих пор разве не заботились об этом же? Строился такой корабль в Урага, он закончен. Корабль «Хоо-мару» европейского типа, но получился неудачный. Чиновники облазили с полицией все корабли Перри и все точно скопировали.

Строительство было начато по самым чистым образцам, добытым Эгавой и тайной полицией. И как это обидно, что тайная полиция не смогла построить корабль лучше, чем инженеры, хотя и старалась! Это парадоксы судьбы! Корабль небольшой, похож он не на корабль эбису, а на вынырнувшую палату из подводного царства, которую оснастили не по велению ками⁴⁰, а, по варварским законам эбису, всеми веревками и деревьями.

Теперь же все работы можно будет наблюдать с самого начала, как пишет Эгава. Первый европейский корабль сможет быть построен в стране в эту же зиму. Но, конечно, считается будет, что первый корабль построен еще до Путятиня, и, обучая высокой национальной гордости маленьких ребятишек, в школах детям будут об этом твердо говорить и при этом прямо смотреть в глаза. А про путятинский корабль, конечно, всегда можно умолчать. Важно, чтобы знала полиция и инженеры да работали рабочие.

Кроме того, посол Путятин гарантирует, что будет оплачено русским правительством питание его моряков и все работы японских рабочих, а также материалы, из которых будет построено судно.

Князя Мито считали непогрешимым и чистым в его приверженности стране. Многие, как знал Абэ Исе но ками, почти все, говорят, что возмущены заключением договора с американцами, переговорами с русскими и с англичанами. Тайно и явно возмущались. Князь Абэ сам дал им главу и объединил их вокруг князя Мито. Он как бы сказал: действуйте – и предоставил им свободу...

Для обсуждения мнения князя Мито собрался Горо-чью – государственный совет. Явился Нариаки в четырехугольных крахмальных штанах из льняной материи.

Письменное мнение князя Мито: воспользовавшись, что ро-эбису потеряли корабль, напасть на них и уничтожить всех до одного. Старые, крепкие мозги князя Мито Нариаки! Он сказал, что даст для уничтожения эбису войска и готов все осуществить сам. Сто тысяч войска у него готово!

За все эти дни Абэ получал донесения Кавадзи и Тсутсуя, что русские готовятся к переходу в Хэда.

Они следят за порядком, ходят стройно, не совершают дурных поступков. «Это просто чудесно!» – писал Кавадзи. Саэмон но джо, конечно, знал, что канцлер обратился к князю Мито. Старый князь напал на Кавадзи и Тсутсуя за их нагасакские переговоры с Путятиним.

Абэ Исе но ками нужно было, очень нужно мнение князя Мито. Он предполагал, что мнение это будет сдержанней. Но старый князь дал волю перу.

Абэ Исе но ками приказал немедленно занять императорскими войсками все дороги, ведущие в города и деревни на Токайдо, и обложить саму дорогу со всех сторон, выставить гарнизоны на станциях Токайдо и караулы на горных перевалах. Всюду расставить шпионов. Конечно, все носильщики, сельские хозяева и хозяева гостиниц будут помогать тайной полиции.

Старый князь Мито торжественно прибыл на новое заседание в замок Эдо.

Члены совета стали высказываться. Общее мнение:

– Доклад почтенного князя Мито очень хорош. Он прав, как всегда. В мире произошли изменения, о которых в нашей стране ничего не известно. Американцы показали нам корабли,

⁴⁰ Высший дух (в этом случае).

движение которых постоянно и не зависит от ветра. Эти суда ходят вперед и назад без ветра. В Европе излечивают тех, кто неизлечим. Пакахама Мандзиро, приехав из Америки, сообщил о постройке тоннелей. Всюду носится не такая обувь, как у нас, и вельможи ездят в каретах и паровозах.

В этом положении Япония является отсталой страной и не в силах будет сопротивляться, если на нее нападут. Поэтому главным противником нашей страны является наша отсталость.

Надо воспользоваться каждым случаем, чтобы изучать европейские науки. Если посол Путятин оплачивает все заказанные им материалы золотом или серебром, то это дает повод согласиться. Япония в современном положении нуждается в средствах для перевооружения. Только надо оговорить, что все другие, еще не предвиденные услуги, какие предоставит японское правительство, тоже должны быть оплачены золотом или серебром.

Русские хотят построить корабль, и надо воспользоваться этим – учиться и у них кораблестроению, как и у всех других западных народов. Нападение на русских, уничтожение посла и его охраны ввергнет Японию в войну со всеми государствами. Первой выступит Америка. Мы обязаны дать все права, предоставленные американцам, также России. Кроме того, мы обязались спасти потерпевших кораблекрушение и снабжать их всем необходимым. Если мы нападём на морское войско Путятинина, то нарушим данное ему обещание, а также договор.

Князь Мито вскидывал свои огненные глаза на каждого, кто начинал высказывать свое мнение. Все начинали с того, что хвалили его и восторгались его умом. Он так долго не мог оставаться бешеным. Мито Нариаки невольно стал улыбаться.

Продолжались высказывания.

Убийство шестисот эбису, конечно, было бы хорошо осуществить, это сделает честь нашему патриотизму. Мы преклоняемся. Конечно, это опозорит нас в глазах всего мира. Все отвернутся от нас, и никто не согласится обучать в будущем нашу страну совершенным европейским наукам. Пока мы еще очень слабы.

Князь Мито Нариаки наконец совсем сконфузился. Посоветовались и посадили в лужу! А он-то желал выехать во главе грозного войска и поразить врага. Раскрошить столько мяса! Раскромсать! Испытать столько сабель!

Его особенно сконфузили тем, что сказали про эбису, что они безоружны.

В честность и храбрость эбису Мито Нариаки никогда не верил. Но теперь как-то получилось, что старому Мито становилось стыдно за свое мужество и за свою честность, за которую все его с таким почтением похвалили.

Старый Мито наконец засмеялся, и все члены совета ласково улыбнулись ему и вежливо поклонились. Он сказал перед окончанием длительного заседания, что, конечно, согласен со всеми членами правительства, что действительно убивать эбису нельзя, надо улучшить положение страны и переоборудовать все, и что он это просто так написал, чтобы вызвать смелые суждения, теперь он понял, что обстоятельства переменялись, написанному не надо больше придавать значения. Он всегда верил, что Эгава гениален.

Абэ Исе но ками сказал, что принимает совет Мито Нариаки...

Первый и решительный удар по старой партии был сделан. Именно удар. Он подготовлялся давно. Да, еще когда старый князь Мито был приглашен для участия в решении государственных дел как дядя, наставник и вдохновитель всех князей, принадлежащих к тем семьям сиогунского рода Токугава. Князь Мито потребовал скрыть от русских договор с Америкой, обязывал лгать русским. Сколько глупостей мы из-за него наделали! Но и не советоваться с ним нельзя. Он – душа Японии. Хранитель ее традиций, верный идеалам во всей их чистоте.

Абэ Исе но ками просил князя Мито быть завтра в замке. Без его совета никогда не будет решено ни одно важное дело.

Глубокими поклонами Абэ Исе но ками провожал Мито Нариаки. С поклонами ушел старый сконфуженный князь Мито.

Гонцы были посланы к Саэмону но джо и к дайкану Эгава с одобрением их действий. Приказано: оповестить медников и кузнецов. Собирать плотников. Смотреть сквозь пальцы, когда это необходимо для нужд государства.

Мито Нариаки все же не ожидал, что так получится. Князя на совете сначала так же думали и говорили, как и он. А все получилось наоборот. Вот как! Да, это хорошо, хотя и обидно. Как будто старому Мито не хочется перевооружиться! Всюду льют пушки, учат строю солдат.

Старый Мито Нариаки хотя и сам смеялся над своим докладом, но злобы своей ко всем этим эбису он укротить не мог. Кроме того, он полон энергии. Он хочет вытягивать и выпутывать из этой путаницы крепостей и лабиринтов улиц, из дворцов, из храмов тех, кто вреден. Интриги! Тому, чье положение непоколебимо в государстве, они не опасны!

Почтительность совета? Внимание? Они не осмеливались принимать решения без старого князя Мито Нариаки! «Не так уж я и слаб». Мито мог выставить сто тысяч войска. У него союз золота, оружия и риса с бродячими тенями.

«Все же сконфузили меня! Даже я согласился! Но кто же будет отстаивать старину?» Ронины – бродячие рыцари – должны напасть на адмирала и потом покорно и молча вспороть себе животы.

Каго пронесли через ров по деревянному мосту в ворота. Пруд среди ирисов, берег в камнях, тропинки для прогулок... Камни лежат на берегу, как огромные неровные монеты, и блестят при свете каменных фонарей, стоящих основаниями в воде... Мелькают тени. Усадьба Мито Нариаки – мир теней с фонарями и фонарей в воде. Отсюда выскальзывают тени и днем и ночью и исчезают в огромном городе, проникают в дальние города и селения. А на юге есть могущественные князья со своими тенями, враждебные сиогуну и князю Мито и всем Токугава. Они верны лишь тенно – императору, их идеал – император в Киото... Тени столкнутся с тенями. Страшны не только эбису!

Выйдя из паланкина, старый князь поднялся по лестнице и ушел в самую тихую комнату, где в углу стояли его мечи.

Тени разосланы из замка Мито.

Распространяются слухи, какие роковые беды несут с собой ро-эбису. Пошли по дорогам бродячие монахи, гадалышки. Бродячие рыцари должны действовать и впредь. Чем больше тревог, тем лучше. Но разве ронины не напали на адмирала? Нет ответа. Тишина. Нет никаких известий. Ни о них, ни от них...

Глава 27. Через горы к морю

Матросы, по три в ряд, шагали длинными колоннами по левой стороне утрамбованной дороги, оставляя правую для встречного движения. Впереди самураи, расчищающие путь и как бы ведущие за собой морские войска эбису. Матросы звали их «впередсмотрящие». За соснами видна равнина с разлинованными листьями полей.

Алексей Николаевич с бароном и юнкерами во главе первой колонны, впереди знамени, сразу за самураями. Из-за поворота, из-за сосен опять идут... Старик с четырехугольной корзиной за спиной, за ним молодой с грузом в узле, женщина с ребенком, подвязанным к спине платком и как бы оседлавшим свою мамашу. Простые люди.

Матросы с ружьями и скатками шинелей и курток шли так мягко, дружно и тихо, что идущие навстречу сначала ничего не увидели и не поняли. Самураи прикрикнули. Старик привычно опустился на колени и стал кланяться, но, смекнув, что происходит, замер с поднятой головой.

За поворотом дороги встретился пьяный самурай на маленькой лошади, со слугами. Двое носильщиков с голыми гноящимися плечами.

Завидя такую массу эбису, самурай издал какой-то хриплый гортанный звук и оскалился, выставляя большие белые зубы, сначала раскинул руки, а потом схватился за саблю. Еще миг, и он, кажется, поскакал бы рубиться. Самураи Эгава завернули его лошадь с дороги и бесцеремонно стащили пьяного рыцаря с седла, так что через мгновение он уже покорно кланялся, а его слуг и воинов вытолкали на обочину.

В воздухе тепло, сухо, тихо. Экипаж шагает – картинка.

«Видно ли, что мы пережили? Что все измучены? Да нет, как отдыхают!» – думает Алексей Николаевич. Подгонять не приходится. Всем интересно, все чувствуют, что на них смотрят. Происходит небывалый еще в этой стране марш. «Как-то наши больные?» Матросы несли их на носилках, менялись часто, чтобы не сбавлять общего быстрого шага.

Сибирцев, на ходу оборачиваясь и переходя на обочину, осмотрел, как шагает строй. Все хорошо. Идут слитно, держат равнение, интервалы, все в легком свежем загаре, вид молодеватый и даже величественный. Лица разгорелись, воодушевлены.

Начались сплошные деревни, вытянувшиеся в непрерывную улицу с садами, и домики под соломенными крышами по обе стороны Токайдо. В садах масса цветов. Всюду крестьяне, японки в тяжелых платках, старые и молодые, много детей.

– Какая теплынь! – говорит барон.

– Как самая прекрасная весна! – отвечает Сибирцев.

– А ведь это, кажется, здесь осень! – замечает юнкер Корнилов.

– Вот это осень! – отзывается юнкер Лазарев.

Колонна начинает сбиваться, люди теряют шаг.

Раздается команда капитана. Офицеры повторяют ее. Шестьсот пар ног начинают звонко печатать императорскую дорогу, все враз, четко, как одно существо, как машина. И все рады, ободрены и счастливы. И, кажется, еще больше рады японцы. А идти приходится среди сплошных рядов людей. Все кланяются. Женщины выносят корзины с яблоками, лепешками, апельсинами, со всякими печеньями, рыбой и фруктами, которым названия нет, кажется, у нас. Толпа становится густой, стискивает моряков, команда Лесовского не помогает, ему самому подносят угощения. Японцы смешиваются с моряками, дети и женщины суют в руки адмирала какие-то пакеты, он благодарит, у него слезы на глазах, никто не ждал такого. Татноскэ и чиновники просят его о чем-то. Зовут Шиллинга.

– Барон, идите переводить...

– Пожалуйста, здесь для всех приготовлен обед, – говорит Татноскэ.

– Спасибо... – отвечает адмирал.

– Мы очень благодарны вам, – кланяется Татноскэ.

– А вот вы говорили, что японцы негостеприимны! – замечает Мусин-Пушкин, усаживаясь в круг офицеров в просторном доме на чистейших циновках.

Стены тут брусчатые, похожие на русскую избу, а совсем не на бумажный чайный домик, как малюют голландцы. Перед дверьми – маленький садик, и в нем крошечный пруд, камни во вьюнах, цветы.

Подан горячий рис, суп, креветки.

Хозяйка открывает двери, встает на колени, держа в руках блюдо...

– Зима, брат, наступает! – говорит матрос Маслов хозяину дома, у которого на обеде впятером, с Терентьевым, базовым и латышом Мартыньшем. Тут еще Глухарев. – Зима скоро, – матрос показывает на чистое небо и сжимается, как бы от мороза.

– Да, весна идет! – отвечает японец по-своему, понимая, что его спрашивают о погоде.

Середина января. Японская весна в самом начале.

Зашел Можайский.

– Как, братцы?

– Да вот, говорим, погодка! – отвечает Терентьев.

Матросы сыты до отвала, и ели они у вежливых людей. Им подавали. Не надо было стоять с мутовкой в очереди за порцией. Захочешь, и японка тебе нальет еще и подаст всякой еды.

– Когда же у них зима? – допытывается Маслов.

– Нашей зимы у них не будет. Это начало весны...

– Неужто?

– Право...

Старик японец понял все, о чем говорили. Он ушел за дом и принес оттуда ветку зацветшей горной вишни.

– И у нас эту пору художники называют весной света, – говорит Можайский.

– Это правда, что прибыль солнца. Да ведь у нас говорят – солнце на прибыль, а зима на мороз.

– У них этого нет.

– Конечно, я и прежде думал, еще мальчишкой: как же так, солнце начинает греть, а зима студеней. Это, мол, неправильно.

Матросы засмеялись. Только Сизов слабо улыбнулся.

– А вот у них тут правильно. Солнце прибыло, значит, началась весна.

– С Рождества! – насмешливо сказал Терентьев.

– Стро-ойсь!.. – раздалась команда на улице.

Проиграл горнист, и все стали выходить из домов. Высыпала масса японцев и японок, от стара до мала.

Быстро вставали черные ряды матросов. Образовались прямоугольники. Сверкнула медь труб. Вынесено знамя. Около него караул. Впереди офицеры. Вышел адмирал. Снова раздалась грубая команда, и при общих поклонах, мягких и добрых возгласах и улыбках строй за строем проходили по три в ряд матросы, ища глазами своих хозяев, с которыми расставались.

«А я ее обидел!» – думал Сизов. Он видел в толпе таких же коротеньких ростом и широкоскулых, как она, в бедных опрятных халатах. Были и с совсем другими лицами, а попадались и такие же. С ним еще не бывало подобного.

Он помнил все, от первого мига, как выскочил из воды, радуясь, что леер завезли, и она прямо к нему подбежала с халатом, словно ждала его. Так взглянула в глаза, словно знакома с ним давно. Рыбаки! Они знают море!

Адмирал шел легко, как молодой матрос, получивший увольнительную в иностранном порту и спешащий в таверну. Но глаза его опять мутны, и зоркий прицел обращен внутрь своей

души. Как в ней разобраться? «Кто я? Неужели долг мой не только в данных мне инструкциях? Неужели я вижу сегодня будущее?» Адмиралу очень легко и тепло на душе и от весны и от того, какими человечными оказываются все эти люди. А душа радуется против его воли, словно и он простой матрос. Словно он не сознает, что Стирлинг с эскадрой, Прайс с эскадрой, Де Пуант с эскадрой, Брюс с эскадрой ходят по морям вокруг Японии. Словно он сейчас не адмирал, а только русский среди японцев, у которых не видно признака вражды.

Бревна, солома, всюду дерево, все деревянное...

Товарищам Сизов не хотел говорить ничего и не мог, и они не трогали его. Может быть, знали? Скорей всего! Может, думали: что-то ждет их на этой теплой, прекрасной земле.

«Иван», – показывая на товарища, говорил он ей как-то. «И-ван», – повторила она. «Ван-ван-ван...» – так лает собака, по-японски так считается. Она изменилась, ее маленькие глазки без морщинок под веками стали шире, выглядывая как из разрезанных плодов белой сливы.

– «Е-ру-ха!» – назвала она Сизова и дала лепешку.

– Дай мне! Дай мне! – обступили ее мокрые, голодные матросы.

У нее под тряпкой еще лепешки, может быть, и всем хватит. Руки тянулись к ней. Она первую лепешку дала Петру, и он ел, стоя рядом и как бы охраняя ее. Она дала всем по лепешке.

– Больше нету, – сказал Петр.

– Есть. У нее под тряпкой, – сказал Соловьев. – Дай мне!

Терентьев сунул руку под тряпку. Японка взвизгнула и убрала руку матроса. Выпучила глаза, терпеливо ждала, пока Сизов все сглотнул, и тогда откинула тряпку, под ней была спрятана еще одна лепешка. Сизов взял, разломил и отдал половину Соловьеву.

– Ну как, Эгава-сан, вам нравится наш марш по Токайдо? – спросил Лесовский, когда Эгава подъехал на коне. Приближались к городку, где предстоял ночлег.

– Это очень торжественно, стройно и впечатляет!

– Это божественно! – сказал Накамура Тамея, шедший с адмиралом.

Он уже написал Кавадзи на пешем ходу и отослал донесение с конным самураем в Симода о том, как русские идут, как соблюдают дисциплину, бьют своих морских солдат, если те позволяют маленькие, незначительные оплошности.

– Но зачем же вы так вооружились? – спросил дайкан Эгава.

– Мы не против вас вооружились, – ответил Путятин. – А чтобы помочь вам! Мы видели, что вы всюду поставили войска, чтобы охранять нас от разбойников. И мы тоже решили собраться с силой и помочь вам, если начнется битва. Это из чувства дружбы и глубокого уважения и нашего преклонения.

Дайкан Эгава слегка смешался.

– А ты что, Сизов, такой притихший? – спрашивал Мусин-Пушкин, подстраиваясь в ногу с матросским рядом. – Такая уж наша морская жизнь!

«Навсегда! – думает Сизов. – Все кончилось». Он совершенно не ждал того, что все время получалось тут. Да и со всеми так! Могло что-то происходить неожиданно плохое и тут же неожиданно хорошее. С усами и ружьем, лихой марсовый, ходил в сражения, а тут не знаешь, как быть, что-то неожиданное сотворила с ним эта маленькая барышня-японочка.

– Да, конечно, служба тяжелая, Александр Сергеевич! – отвечает матрос.

На коне скакал навстречу всадник в мексиканской шляпе, в рубахе нараспашку и с пистолетами за поясом.

– Что это за чудо, господа?

Сибирцев выкрикнул приветствие. Всадник в ответ снял шляпу и с сомкнутыми устами тут же дал шпоры коню.

Накахама в последний раз сегодня в мексиканской шляпе. Возвращенным на родину японцам, из тех, кто унесен был ветром и волнами, правительство приказало подтвердить старое правило. Запрещается носить чужеземную одежду и делать варварские прически. Велено Накахама переодеться в японское платье целиком. Запрещено шить одежду и седла американского образца. Но унесенным морем теперь разрешается возвращаться и снова считаться японцами.

...Пришло распоряжение, по которому запрещается Накахама Мандзио разговаривать с иностранцами. Иное дело – проскакать мимо случайно, возвращаясь после деловой поездки, конечно. Нельзя запретить! Времена меняются! И донести не так просто на того, кто через бамбуки видел сиогуна. Да и бамбуков мало висело, хорошо все виделось. Да и выехал Накахама, пропустив самураев сначала мимо, и только потом перед эбису появился! А пока нет еще цивилизации, и нет среди эбису шпионов японского правительства. Пока только среди японцев, может быть, есть подкупленные американцами и ро-эбису? А в Нагасаки, может быть, и игрису-эбису⁴¹ купили себе умных людей? Когда Япония станет богатой, она заведет себе шпионов-эбису!

– Кто этот американец?

– Откуда вы его знаете? – спрашивали Сибирцева юнкера.

Ночевали в городке Нумадзу, и утром черные ленты отрядов свернули с императорской дороги и сразу стали подыматься по крутой, узкой дороге в скалы, между лесов на горе.

– Среди роскошной растительности Алексей Николаевич шагал в могучей колонне красавцев матросов. Как все-таки их подобрал Путятин! Ни один художник не создаст подобной картины, какую адмирал составил из живых людей!

Алексей Николаевич подумал, что сам он без чувства и вдохновения никогда ничего не совершит. В наш век легкого практицизма? Сибирцев шел в гору легко, в ногу, слитно с колонной.

Где-то за горами лежала бухта Хэда, круглая, как всякий кратер. Затопленный кратер вулкана, опустившегося на дно моря. Коса отделяет ее от океана. Идем туда трудиться. И – на войну! Все остальное выбросить из головы.

Миновали маленькую деревеньку, с террасами для риса, которые, как ступеньки лестницы, уходили в гору.

Дальше начались сплошные горы. Подъем крутой. Теперь тяжелый путь. Да где-то за этими горами бухта Хэда.

Эгава раздумывал о событиях, происходящих в мире. Стерлинг ходит около Японии. Почему английский флот может прийти в Нагасаки и требовать выгод? Почему же японский флот не сможет прийти в Лондон и попросить себе побольше хорошего места в красивой Англии для японцев, жить на берегу Темзы? Англичане, как и американцы, все советуют, чтобы мы скорей занимали Сахалин, где похолодней и пострашней живется, хотя, чтобы мы с русскими подрались, а жили с айнами и чтобы нам нашлось военное занятие. А почему же японцам не желать жизни в теплых и красивых странах у берегов теплых морей? И вместо айнок разве не захотят японские богатыри посмотреть тех красавиц, которых показывают на картинках американцы?

Только потому все это, что у японцев пока нет флота и нет широких континентальных мыслей, свойственных людям континентов.

Нет особого труда уничтожить морских воинов Путятина, а раненых посадить в клетки и морить. Так хочет князь Мито. Если эбису станут храбро сопротивляться и убьют тысячу вои-

⁴¹ Англичане-варвары.

нов, то вторая или третья тысяча осилит их. Сажали раньше в клетки тех, кто смел спастись! Но это прошлое, отсталое и отжившее. Если уничтожат прошлое, то Эгава будет инженер.

Капитан отдал команду. Пошли тише. Сам капитан вспотел. Светлые брови с желтизной проступали четче на красном лице. У него крепкие нервы, но горячий нрав. Он видит все недостатки, но всегда сдерживается, поэтому свирепое выражение не сходит с его лица даже в горах Идзу.

– Для нас сложность не в Японии, а в том, что у берегов англичане, – говорит он адмиралу. – Они хотят уничтожить нас!

– Любой ценой, – подтверждает Мусин-Пушкин.

Накамура кивает головой.

– И вдоль берега уже идут английские корабли... – говорит капитан. – При этом японцы за нас. Но надолго ли? Настанет время, когда мы построим корабль, что будет тогда? Мы помогаем создать здесь новую, другую азиатскую Англию?

– Война англичан – это не война народа, – говорит Путятин. – И они это понимают.

Адмирал в эти дни загорел. Глаза потухшие, он трогает раскрытыми пальцами лоб, словно хочет снять с него маску.

– Вы идете в Хэда в хорошее время, – говорит ему, шагая рядом, вспотевший Накамура, – сейчас там тепло, скоро будете встречать весну. Скоро и здесь, в горах, зацветут горные сливы...

Шли в неизвестность. Еще нет договора, ничего не подписано, никакие обязательства уважать международные законы никем на себя не взяты. Только матросы, именно они, были странно уверены. Они шли, как по стране друзей, словно любовью и уважением был усыпан их путь, а не строевщиной и битьем их по морде, как ни усердствовали офицеры.

Черная лента моряков подымалась в таинственные лесистые горы полуострова Идзу. Между вершин в желтых зимних деревьях мелькнула синяя стена моря Идзу.